

ШИЛЛЕР

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

**ФРИДРИХ
ШИЛЛЕР**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В СЕМИ ТОМАХ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКВА 1956

**ФРИДРИХ
ШИЛЛЕР**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

**ДРАМЫ
ПРОЗА**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1956**

*Издание осуществляется
под общей редакцией*

Н. Н. ВИЛЬМОНТА и Р. М. САМАРИНА

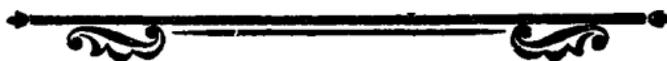
Переводы с немецкого

Переводы под редакцией
Н. Н. ВИЛЬМОНТА и В. В. ЛЕВИКА

ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Карл седьмой, король французский.
Королева Изабелла, или Изабо, его мать.
Агнеса Сорель.
Филипп 'Добрый, герцог Бургундский.
Граф Дюнуа.
Ла Гир.
Дю Шатель.
Архиепископ Реймский.
Шатильон, бургундский рыцарь.
Рауль, лотарингский рыцарь.
Тальбот, главный вождь англичан.
Лионель } английские вожди.
Фастольф }
Монгомери, валлиец.
Французские, бургундские, англий-
ские рыцари.
Чиновники орлеанские.
Английский герольд.
Тибо д'Арк, земледелец.
Алина } его дочери.
Луиза }
Иоанна }
Этьен } их женихи.
Арман }
Раймонд }
Бертранд, поселянин.
Черный рыцарь.
Угольщик.
Его жена.
Пажи. — Солдаты. — Народ. — Придвор-
ные. — Епископы. — Маршалы. — Чинов-
ники. — Дамы, дети и пр.

Действие происходит в 1430 году,

ПРОЛОГ

Сельское место; впереди, на правой стороне, часовня и в ней образ богородицы; на левой стороне высокий ветвистый дуб.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тибо д'Арк, Этьен, Арман, Раймонд, Алина,
Луиза, Иоанна.

Т и б о

Так, добрые соседи, нынче мы
Еще французы, граждане, свободно
Святой землей отцов своих владеем;
А завтра... как узнать? чьи мы? что наше?
Во всех местах пришелец торжествует;
Везде врагов знамена; их конями
Истоптаны отеческие нивы;
Париж врата их войскам отворил,
И древняя корона Дагоберта
Досталась в добычу иноземцу;
Внук королей без трона, без приюта,
Скитается в своей земле, как странник; -
Знатнейший пэр, ближайший из родных.
Против него с врагами в заговоре;
Родная мать ему готовит гибель;
Деревни, города пылают; тихо
Еще у нас в долинах... но дойдет,
Дойдет и к нам гроза опустошенья.
Итак, друзья, пока еще есть воля,

Я дочерей хочу пристроить с богом:
Для женщины против времен опасных
Необходим заботливый защитник;
А с кем любовь, тому в бедах легко.
Этьен, тебе понравилась Алина;
У нас поля соседственно граничат,
Сердца же заодно... такой союз
Угоден богу... Ты, Арман, ни слова;
А ты глаза, Луиза, опустила...
Друзья, друзья, вы встретились сердцами —
Не мне вас разлучать. К чему богатство?
Кто в наши дни богат? Теперь все наше
До первого врага или пожара;
Теперь один спасительный приют:
Грудь верная испытанного мужа.

Луиза

Арман!

Арман

(подавая ей руку)

Твой навсегда.

Луиза

А ты, сестра?

Тибо

На каждую дам тридцать десятин,
И огород, и двор, и стадо — бог
Благословил меня, благословит
И вас.

Алина

Утешь отца, сестра Иоанна,
Пусть в этот день устроится три счастья.

Тибо

Подите; завтра мы сыграем свадьбу
И пир на всю деревню; приготовьте,
Что надобно.

Алина, Луиза, Арман и Этьен уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
Тибо, Раймонд, Иоанна.

Т и б о

Твои, Жанета, сестры
Выходят замуж; их судьба счастлива;
При старости они мое веселье;
Одна лишь ты мне горе и печаль.

Р а й м о н д

Сосед, на что Жанету огорчать?

Т и б о

(указывая на Раймонда)

Вот юноша прекрасный, честный; с ним
Никто у нас в деревне не сравнится;
Тебе он отдал душу; три весны,
Как он, задумчивый, с желаньем тихим,
С безропотным, покорным постоянством
Вздыхает по тебе; а ты молчишь,
Ты холодно сама в себе таишься;
И ни один из наших поселян
Улыбкою твоею не утешен.
Смотрю: ты в полноте прекрасной жизни;
Пора надежд, весна твоя пришла;
Цветешь... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь в душе твоей созрела;
Прискорбно это мне. Боюсь, но вижу,
Что над тобой ошиблася природа;
Я не люблю души холодной, черствой,
Бесчувственной в поре прекрасной чувства.

Р а й м о н д

Не принуждай ее, мой честный Арк.
Любовь моей Иоанны есть прекрасный
Небесный плод; прекрасное свободно,
Оно медлительно и тайно зреет.
Теперь ее веселье жить в горах;
К нам в хижины, жилища суеты,
С вершины их она сходить боится.
Нередко я с благоговеньем тихим
Из дола вслед за ней смотрю, когда

Она одна в величии над стадом
Стоит и взор склоняет в размышленья
На мелкие обитатели земные.
Я вижу в ней тогда знаменованье
Чего-то высшего, и часто мнится,
Что из других времен пришла она.

Т и б о

А это мне противно! Для чего
Чуждаться ей своих сестер веселых?
Всегда встает до ранних петухов,
Чтобы бродить по высотам пустынным;
И в страшный час, в который человек
Доверчивей теснится к человеку, —
Украдкою, как птица, друг развалин,
В туманное жилище привидений,
В ночную тьму бежит, чтоб горный ветер
Подслушивать на темном перекрестке.
Зачем она всегда на *этом* месте?
Зачем *сюда* гонять ей стадо? Часто
Видал я, как она час целый в думе
Под этим деревом друидов, где
Боишься быть счастливое созданье,
Сидит недвижима... а здесь не пусто:
Здесь водится недобрый с давних лет;
У стариков ужасные преданья
Сохранены об этом старом дубе;
И часто шум каких-то голосов
Нам слышится в его печальных ветвях.
Однажды мне случилось запоздать;
Меня вела дорога мимо дуба;
И вдруг мне видится: под ним сидит
Туманное, — а что?.. не знаю! Тихо
Иссохшею рукой приподняло
Широкою одежду и меня
Как будто бы манило... Сотворив
Молитву, я бежал скорее прочь.

Р а й м о н д

(указывая на образ в часовне)

Не верю я; не козни сатаны,

А чудотворный лик пречистой девы
Ее всегда приводит в это место.

Т и б о

Нет, нет! и сны и страшные виденья
Меня, мой друг, тревожат не напрасно:
Три ночи я все вижу, будто в Реймсе
Она сидит на королевском троне;
Семь ярких звезд венцом на голове,
В ее руке какой-то чудный скипетр,
И из него три белые лилеи;
И я — ее отец, и обе сестры,
И герцоги, и графы, и прелаты,
И сам король пред нею на коленях...
Моей ли хижине такая слава?
Нет, это не к добру; то знак паденья;
Иносказательно мне этот сон
Ее души изобразил надменность;
Убожества она стыдится; бог
Ей даровал богатство красоты,
Ее щедрей всех наших поселянок
Благословил чудесными дарами...
И гордость грешная зашла к ней в душу;
А гордостью и ангелы погибли,
И ею враг в свои нас ловит сети.

Р а й м о н д

Но кто ж скромней, кто непорочней в нравах
Твоей смиренной Иоанны? Старшим
Сестрам она с веселым сердцем служит;
В селе у нас она всех выше... правда,
Но где найдешь работницу прилежней?
Бывал ли ей и низкий труд противен?
Ты видишь, под ее рукой чудесно
Твой стада и жатвы процветают;
На все, к чему она коснется, сходит
Непостижимое благословенье.

Т и б о

Непостижимое... так, правда! ужас
Объемлет при таком благословенье.

Ни слова; я молчу; молчать мне должно...
Мне ль вызывать на суд свое дитя?
Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь мой долг... Оставь сей дуб;
Не будь одна; не рой корней в полночь;
Не составляй из сока их питья
И не черти в песке волшебных знаков.
Нам в области духов легко проникнуть;
Нас ждут они и молча стерегут
И, тихо внемля, в бурях вылетают.
Не будь одна: в пустыне искустель
Перед самым создателем явился.

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

Б е р т р а н д входит с шлемом в руках.

Р а й м о н д

Молчи, идет Берtrand; он возвратился
Из города. Но что несет он?

Б е р т р а н д

В ы

Дивитесь, что с таким добром я к вам
Являюсь?

Т и б о

Подлинно; откуда взял
Ты этот шлем? На что знак бед и смерти
Принес ты к нам в жилище тишины?

И о а н н а, которая до сих пор не принимала никакого участия
в том, что вокруг нее происходило, становится внимательнее
и подходит ближе.

Б е р т р а н д

И сам едва могу я объяснить,
Как мне достался он. Я покупал
Железные изделия в Вокулёре;
На площади толпилась тьма народа
Вкруг беглецов, лишь только прибежавших
С недоброю из Орлеана вестью;
Весь город был в волнение; сквозь толпу

С усилием я продирался... вдруг
Цыганка смуглая со мной столкнулась;
В руках у ней был этот шлем; она,
Пронзительно в глаза мне посмотрев,
Сказала: «Ты, я знаю, ищешь шлема;
Вот шлем, не дорог он, возьми». — «На что? —
Я отвечал ей. — К латникам пойдя;
Я земледелец, мне нет нужды в шлеме».
Но я никак не мог отговориться.
«Возьми, возьми! — она одно твердила, —
Теперь для головы стальная кровля
Приютнее всех каменных палат».
И так из улицы одной в другую
Она за мной гналася с этим шлемом.
Я посмотрел: он был красив и светел;
Был рыцарской достоин головы;
Я взял его, чтоб ближе разглядеть;
Но между тем, как я стоял в сомненье,
Она из глаз моих, как сон, пропала:
Ее толпой народа унесло...
И этот шлем в моих руках остался.

И о а н н а

(ухватясь за него поспешно)

Отдай мне шлем.

Б е р т р а н д

На что? Такой наряд
Не девичьей назначен голове.

И о а н н а

(вырывая шлем)

Отдай, он мой и мне принадлежит.

Т и б о

Иоанна, что с тобой?

Р а й м о н д

Оставь ее;
В ней мужеством наполнена душа,

И ей убор воинственный приличен.
Ты помнишь сам, как прошлою весной
Она в горах здесь волка одолела,
Ужасного для стад и пастухов.
Одна, одна, душою львица, дева
Чудовище сразила и ягненка
Исторгнула из челюстей кровавых.
Чью б голову сей шлем ни украшал,
Но ей приличней он.

Т и б о

Бертранд, какая
Беда еще случилась? Что сказали
Бежавшие из Орлеана?

Б е р т р а н д

Боже,
Помилуй короля и наш народ!
Мы в двух больших сражениях разбиты;
Враги в середине Франции; все взято
До самых берегов Луары; войска
Со всех сторон сошлись под Орлеан,
И страшная осада началась.

Т и б о

Как! север весь уже опустошен,
А хищникам все мало; к югу мчатся
С войной...

Б е р т р а н д

Бесчисленный снаряд осадный
Со всех сторон придвинут к Орлеану.
Как летом пчел волнующийся рой,
Слетаяся, жужжит кругом улья,
Как саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипит необозримо,
Так Орлеан бесчисленно народы
Осыпали, в одно столпившись войско;
От множества племен разноязычных
Наполнен стан глухим, невнятным шумом;
И всех своих землевластитель герцог -

Бургундский в строй с пришельцами

поставил:

Из Литтиха, из Генега, из Гента,
Богатого и бархатом и шелком,
Из мирного Брабанта, из Намура,
Из городов Зеландии приморских,
Блистающих опрятностью веселой,
От пажитей голландских, от Утрехта,
От северных Фризландии пределов
Под знамена могущего Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеан.

Т и б о

О горестный, погибельный раздор;
На Францию оружие французов!

Б е р т р а н д

И, броней покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварских племя,
Примчалась в стан врагов и разжигает
Их хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь приял у ней под сердцем.

Т и б о

Срази ее проклятием господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Как некогда Иезавель погибла.

Б е р т р а н д

Заботливо осадой управляет
Рушитель стен, ужасный Салисбури;
С ним Лионель, боец с душой звериной;
И вождь Тальбот, один судьбу сражений
Свершающий убийственным мечом;
Они клялись, в отваге дерзновенной,
Всех наших дев предать на посрамленье,
Сразить мечом, кто встретится с мечом.
Придвинуты к стенам четыре башни,
И, городом владычествуя грозно,
С их высоты убийства жадным оком,

Невидимый, считает Салисбури
На улицах поспешных пешеходов.
Уж много бомб упало в город; церкви
В развалинах, и сам великолепный
Храм богоматери грозит паденьем.
Бесчисленны подкопы под стенами;
Весь Орлеан стоит теперь над бездной
И робко ждет, что вдруг под ним она,
Гремящая, разверзится и вспыхнет.

Иоанна слушает с великим, беспрестанно усиливающимся
вниманием и, наконец, надевает на голову шлем.

Т и б о

Но где Сантраль? Что сделалось с Ла Гиrom?
Где Дюнуа, отечества надежда?
С победою вперед стремится враг —
А мы об них не знаем и не слышим.
И что король? Ужель он равнодушен
К потере городов, к бедам народа?

Б е р т р а н д

Король теперь с двором своим в Шиноне;
Людей взять негде, все полки разбиты.
Что смелый вождь? Что рыцарей отважность,
Когда нет сил, когда все войско в страхе?
Нас бог казнит; ниспосланный им ужас
К бесстрашнейшим запал глубоко в душу;
Все скрылося; все вызовы напрасны;
Как робкие бегут к загодам овцы,
Послышавши ужасный волчий вой,
Так, древней чести изменив, французы
Спешат искать защиты в крепких замках.
Едва один нашелся храбрый рыцарь:
Он слабый полк собрал и к королю
С шестнадцатью знаменами идет.

И о а н н а
(поспешно)

Кто этот рыцарь?

Б е р т р а н д

Бодрикур; но трудно
От поисков врага ему укрыться:
Две армии преследуют его.

И о а н н а

Но где же он? Скажи скорей, что слышно?

Б е р т р а н д

На переход один от Вокулёра
Стоит он лагерем.

Т и б о
(Иоанне)

Молчи, Иоанна,
Ты говоришь о том, чего не смыслишь.

Б е р т р а н д

Уверившись, что враг неодолим,
И помощи от короля не чая,—
Чтобы спастись от ига иноземцев
И сохранить себя законной власти,—
Решились граждане Вокулёра
Могущему Бургунду покориться,
Но с тем, чтоб он их принял договор:
Чтоб возвратил нас древнему престолу,
Как скоро мир опять меж ними будет.

И о а н н а
(вдохновенно)

С кем договор? Ни слова о покорстве!
Спаситель жив; грядет, грядет он в силе!..
Могущий враг падёт под Орлеаном:
Исполнилось! для жатвы он созрел!..
Своим серпом вооружилась дева;
Пожнет она кичливые надежды;
Сорвет с небес продерзостную славу,
Взнесенную безумцами к звездам...
Не трепетать! вперед! не пожелтеет
Еще на ниве клас и круг луны

На небесах еще не совершится —
А ни один уже британский конь
Не будет пить из чистых вод Луары.

Б е р т р а н д

Ах! в наши дни чудес уж не бывает.

И о а н н а

Есть чудеса!.. Взовьется голубица
И налетит с отважностью орла
На ястребов, терзающих отчизну;
И низразит она сего Бургунда,
Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукого громителя небес,
С ругателем святыни Салисбури;
И побегут толпы островитян,
Затрепетав, как агнцы, перед нею...
Господь с ней будет! Бог всемогущий брани
Пошлет свое дрожащее создание;
Творец земли себя в смиренной деве
Явит земле... *зана он всемогущий!*

Т и б о

Какой в ней дух пророчит?

Р а й м о н д

Этот шлем
Воинственно воспламенил в ней душу;
Взгляните на нее: глаза как звезды,
И все лицо ее преобразилось.

И о а н н а

Как! древнему престолу пасть? Стране,
Избранной славою, под вечным солнцем
Прекраснейшей, счастливому Эдему,
Стране, творцу любезной, как зеница
Его очей, рабою быть пришельца?..
Здесь рухнула неверных сила; здесь
Был первый крест, спасенья знак, воздвигнут;
Здесь прах лежит святого Людовика;
Ерусалим отсюда завоеван...

Б е р т р а н д
(удивленно)

Вы слышите?.. Откуда вдруг открылся
Такой ей свет?.. О! дочью чудесной,
Сосед, тебя господь благословил.

И о а н н а

Нам не иметь властителей законных,
Воспитанных единым с нами небом?
Для нас король наш должен умереть,
Неумирающий, защитник плуга,
Хранитель стад, плодотворитель нив,
Невольникам дарующий свободу,
Скликающий пред трон свой наши грады,
Покров бессилия, гроза злодейства,
Без зависти возвышенный над миром,
И человек и ангел утешенья
На вражеской земле?.. Престол законных
Властителей и в пышности своей
Для слабого приют; при нем на страже
И власть и милость; стать пред ним боится
Виновный; пред него с надеждой правый
Идет в лицо судьи смотреть без страха...
Но царь-пришлец, чужой страны питомец,
Пред кем отцов священный прах не скрыт
У нас в земле, земли невзлюбит нашей.
Кто нашим юношам товарищ не был,
Кому язык наш в душу не бежит,
Тот будет ли для нас отец в короне?

Т и б о

Да защитит всевышний короля
И Францию! Нам, мирным поселянам,
Меч незнаком; нам бранного коня
Не укротить; мы будем ждать смиренно,
Кого нам даст владыкою победа!
Сражения успех есть божий суд.
Король наш тот, кто был миропомазан
В священном Реймсе, кто приял державу
Над древними гробами Сен-Дени...
Друзья, пора к работе; помни каждый

Ближайший долг свой; пусть князья земные
Земную власть по жеребью берут!
А нам смотреть в тиши на разрушенье:
Покорной нам земли оно не тронет;
Пушай пожжет селенья наши пламень,
Пушай кони притопчут наши нивы —
С молодой весной взойдет младая жатва,
А низкие легко восстанут кровли.

Все, кроме Иоанны, уходят.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

И о а н н а

(долго стоит в задумчивости)

Простите вы, холмы, поля родные;
Приютно-мирный, ясный дол, прости;
С Иоанной вам уж боле не видаться,
Навек она вам говорит: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вам без меня и цвеств и доцветать;
Ты, сладостный долины голос, эхо,
Так часто здесь игравшее со мной,
Прохладный грот, поток мой быстротечный,
Иду от вас и не приду к вам вечно.

Места, где все бывало мне усладой,
Отныне вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вам оградой...
Без пастыря бродить вы суждены;
Досталось мне пасти иное стадо
На пажитях кровавая войны.
Так вышнее назначило избранье;
Меня стремится не суетных желанье.

Кто некогда, гремя и пламенея,
В горящий куст к пророку нисходил,
Кто на царя воздвигнул Моисея,
Кто отрока Давида укрепил —
И с сильным в бой стал пастырь, не бледнея, —
Кто пастырям всегда благоволил,
Тот здесь вещал ко мне из сени древа:

«Иди о мне свидетельствовать, дева!
Надеть должна ты латы боевые,
В железо грудь младую заковать;
Страшись надежд, не знай любви земных:
Венчальных свеч тебе не зажигать;
Не быть тебе душой семьи родных;
Цветущего младенца не ласкать...
Но в битвах я главу твою прославлю;
Всех выше дев земных тебя поставлю.

Когда начнет бледнеть и смелый в брани
И роковой пробьет отчизне час —
Возьмешь мою ты орифламму в длани
И мощь врагов сорвешь, как жница клас;
Поставишь их надменной власти грани,
Преобратишь во плач победный глас,
Дашь ратным честь, дашь блеск и силу трону,
И Карла в Реймс введешь принять корону».

Мне обещал небесный извещение;
Исполнилось... и шлем сей послан *им*.
Как бранный огонь — его прикосновенье,
С ним мужество, как божий херувим...
В кипящий бой несет души стремленье;
Как буря, пыл ее неукротим...
Се битвы клич! полки с полками стали!
Взвились кони, и трубы зазвучали!
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ставка короля Карла в Шиноне.
Дюнуа. Дю Шатель.

Дюнуа

Нет! доле не стерплю; пора покинуть
Нам короля, который сам бесславно
Себя покинул. Кровь бунтует в жилах,
И душу всю я выплакать готов,

Смотря на бедную отчизну... Боже!
Разбойники мечами города,
Старинные жилища чести, делят
И выдают их ржавые ключи
С покорностью врагу... а мы, мы здесь
В бездействии покоя расточаем
Священные спасения часы.
Лишь весть пришла, что Орлеан в осаде,
Спешу свою Нормандию покинуть,
Лечу сюда в надежде, что король,
Готовый в бой, полки уж вывел в поле...
Но что ж? Он окружен толпой шутов;
В кругу своих беспечных трубадуров
Заботится разгадывать загадки
И лишь пиры дает своей Агнесе.
Как будто все спокойно!.. Коннетабль,
Терпенье потеряв, уже решился
Расстаться с ним... и я, и я расстанусь;
Пора судьбе на власть его предать.

Д ю Ш а т е л ь

Но вот и он.

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

Т е ж е и к о р о л ь К а р л .

К о р о л ь

Друзья, скажу вам новость:
Наш коннетабль прислал мне меч свой; он...
Он просится в отставку... в добрый час!
Брюзгливец мне уж сделался несносен;
Все не по нем; лишь он один все знает.

Д ю н у а

Ах! твердый муж бесценен в наше время!
Расстаться с ним мне было б тяжело.

К о р о л ь

Друг Дюнуа привык противоречить...
Но сам же ты всегда с ним был в раздоре.

Д ю н у а

Я признаюсь: он горд, досаден, скучен;
Век ничего он кончить не умел...
Но в пору он узнал сие искусство:
Он прочь идет, когда остаться — стыд.

К о р о л ь

Я вижу, ты в своем веселом нраве;
Смущать его не стану... Дю Шатель,
Король Рене прислал ко мне послов;
Они певцы, их имя знаменито;
Их угостить хочу великолепно,
И каждому по цепи золотой...

(К Дюнуа.)

К чему твой смех?

Д ю н у а

Ты цепи золотые
Куешь словами.

Д ю Ш а т е л ь

Государь, твоя
Казна уж вся давно истощена,
И денег нет...

К о р о л ь

Найди; певец высокий
Без почести отселе не пойдет;
Для нас при нем наш мертвый жезл цветет;
Он жизни ветвь бессмертно-молодую
Вплетает в наш безжизненный венец;
Властителю совластвует певец:
Переселясь в обитель неземную,
Из легких снов себе он зиждет трон;
Пусть об руку идет с монархом он:
Они живут на высотах созданья.

Д ю Ш а т е л ь

О государь, до сих пор я щадил
Твой слух: для нас была еще надежда;
Но все сказать велит необходимость:

Не о дарах нам думать, нет! о том,
Где завтра хлеб найти себе насущный.
Растрчено все золото твое,
И наши все сокровищницы пусты;
С роптаньем ждет условной платы войско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не в силах я твой королевский дом
И скудную рукою содержать.

К о р о л ь

Но разве нам уж средства не осталось?
Отдай в залог, что можно заложить.

Д ю Ш а т е л ь

Все, государь, напрасно: на три года
Доходы все вперед заложены.

Д ю н у а

А срок придет... ни денег, ни залогов!

К о р о л ь

Еще у нас земель богатых много.

Д ю н у а

Пока щадит их бог и меч Гальбота;
Но Орлеан в осаде; сдайся он —
Тогда паси овец с своим Рене.

К о р о л ь

Насчет Рене ты любишь ум острить;
Но этот твой безобластный король
Мне в дар прислал сокровище бесценно.

Д ю н у а

Избави бог! не право ль на Неаполь?
Несчастный дар! оно в цене упало
С тех пор, как он пасет своих овец.

К о р о л ь

То ясная забава, шутка, праздник,
Который он душе своей готовит:

Средь ужасов существенности мрачной
Он сотворил невинный, чистый мир;
Он царское, великое замыслил:
Призвать назад то время старины,
Те дни любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великим и прекрасным,
Когда в суде присутствовали жены,
Суровое смягчая нежным чувством.
В сих временах живет незлобный старец;
И в той красе, какой они пленяют
Нас в дедовских преданьях, в древних

песнях —

Как божий град на светлых облаках,
Он мыслит их переселить на землю.
Он учредил верховный *Суд любви*,
Где рыцарей дела судимы будут,
Где чистых жен святое будет царство,
Где чистая любовь для нас воскреснет, —
И он меня избрал *Царем любви*.

Д ю н у а

Не столько я еще забыт природой,
Чтоб отвергать владычество любви;
Я сын ее, она дала мне имя,
И в областях любви мое наследство;
Моим отцом был Орлеанский принц, —
Он не встречал красавиц непреклонных,
Зато не знал и крепких вражьих замков.
Ты хочешь быть царем любви по праву?
Храбрейшим будь из храбрых. В старых

книгах

Случалось мне читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слышал я, а герои
За круглый стол садились в древни годы.
Лишь тот, чья грудь защитой красоте,
Берет ее награду... Место боя
Перед тобой — сразись за трон наследный;
Опасность ждет — стань с рыцарским мечом
За честь венца, за славу жен прекрасных.
Когда ж, сломив врагов, из их когтей

Кровавую корону смело вырвешь —
Тогда твой час, тогда царю прилично
Венцом любви чело свое украсить.

К о р о л ь
(вошедшему пажу)

Что скажешь?

П а ж

Ждут гонцы из Орлеана.

К о р о л ь

Впусти.

Паж уходит.

Они пришли просить защиты...
Что отвечать? И сам я беззащитен.

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

Те же. Орлеанские чиновники.

К о р о л ь

Какую весть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный город?
Все так же ли с отважным постоянством
Упорную осаду отражает?

Ч и н о в н и к

Ах! государь, мы в крайности; погибель
Час от часу неизбежимей; сбиты
Все внешние твердыни; каждый приступ
Лишает нас и войска и земли;
Уж на стенах защитники редеют;
Всечасно в бой выходит рать; но с боя
Немногие приходят в город; скоро
Постигнет нас беда ужасней — голод.
В такой беде высокий Рошепьер,
Наместник твой, обычаем старинным
С врагом вступил в последний договор:
Чтоб город сдать через двенадцать дней,

Когда к нему не подоспеет войска,
Могущего осаду отразить.

Дюнуа показывает досаду.

К о р о л ь

Двенадцать дней! как мало!

Ч и н о в н и к

Неприятель

Нас пропустил, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.
Будь жалостлив, не медли, государь,
Иль Орлеан для Франции погибнет.

Д ю н у а

Возможно ль?.. Как Сантраль мог

согласиться

На гнусный этот договор?

Ч и н о в н и к

О нет!

Никто не смел о сдаче и помыслить,
Пока был жив Сантраль великодушный.

Д ю н у а

Его уж нет?

Ч и н о в н и к

Сражаясь на стене,
За короля он с честью погиб.

К о р о л ь

Сантраль погиб! Ах! в нем одном погибло
Мне войско храбрых.

Входит рыцарь и говорит тихо с Дюнуа, который показывает изумление и негодование.

Что еще случилось?

Д ю н у а

К тебе прислал Дуглас: его шотландцы
Волнуются, грозятся отступить,
Когда не дашь задержанной им платы

К о р о л ь
(к Дю Шателю)

Ты слышишь?

Д ю Ш а т е л ь
(пожимая плечами)

Что могу я?

К о р о л ь

Обещай
Продать, что́ есть; в залог полкоролевства.

Д ю Ш а т е л ь
Напрасно все: они словам не верят.

К о р о л ь
Они мое надежнейшее войско;
Ужель теперь, теперь меня покинут?

Ч и н о в н и к
(на коленях)
О государь, спаси твой Орлеан!

К о р о л ь
(в отчаянии)
Могу ль родить вам войско из земли?
В моей руке созреет ли вам жатва?
Вот грудь моя; мое пусть вырвут сердце;
Пусть выбьют из него монету; жизнью
Готов купить вам золото и войско.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Агнеса с ларчиком в руках.

К о р о л ь
(бежит к ней навстречу)
Агнеса, ты ль? Приди, мой утешитель;
Дай руку мне в ужасный час беды;

Отчаянье в мою теснится душу;
Но ты моя... не все еще погибло.

А г н е с а

О государь!

(Смотря на предстоящих в смятении.)

Что слышу?.. Дюнуа,

Ужели?

Д ю н у а

Правда.

А г н е с а

Как! такая крайность?

Солдатам платы нет, бунтует войско?

Д ю Ш а т е л ь

Все правда.

А г н е с а

(отдавая ему ларчик)

Вот вам деньги; здесь мои
Алмазы; серебро мое расплавьте
В монету; замки все мои в залог;
В залог мои прованские поместья;
Все в золото, чтоб войско успокоить!
Скорей! беги, не медли, Дю Шатель.

(Велит ему уйти.)

К о р о л ь

Что, Дюнуа? Что, Дю Шатель? Еще ли
Я беден? Нет... Взгляните на нее;
Она со мной породю равна;
Кровь Валуа не благородней крови
Ее отцов; престола украшеньем
Была б она... но ей престол не лестен.
Моею быть — одно ее желанье.
Дарами ль я ее осыпал?.. Нет!
Весенний первый цвет иль редкий плод —
Вот все мои дары... Все в жертву мне,
И ничего на жертву от меня.
И что ж теперь?.. Последнее вверяет
Она моей обманчивой судьбе.

Д ю н у а

Она тебе в безумстве не уступит;
Она свое в горящий дом бросает
И бочку Данаид наполнить мыслит.
Тебя ей не спасти, себя лишь вместе
С тобою погубить.

А г и е с а

Не верь ему;
Он жертвовал тебе стократно жизнью...
Ему ль дрожать за золото мое?
И не давно ль тебе с веселым сердцем
Я отдала все то, что драгоценней
И золота и пёрлов? Мне ли ныне
Лишь для себя спасать земное счастье?
Пойдем, все лишние убранства жизни
Отбросим прочь... О друг! дай мне примером
Высокого пожертвованья быть;
Преобрати свой двор в военный стан
И золото — в железо; брось отважно
Все, все за твой обиженный венец,
Пойдем! беды и бедность пополам;
Пора нам сесть на бранного коня;
Пусть солнце льет свой жар на нашу грудь;
Пусть кровлею нам будут облака;
Пусть будет нам подушкой острый камень.
Безропотно снесет суровый ратник
Свою беду, когда король — пример
И твердости и самоотверженья.

К о р о л ь (усмехаясь)

Итак, должно обещанное сбыться:
Давно, давно монахиня в Клермоне
В пророческом жару мне предсказала,
Что женщина сразит моих врагов
И мой престол наследный завоюет.
Я мнил ее найти в британском стане,
Ее искал я в материнском сердце...
Но здесь она, спасительница славы;

В священный Реймс за нею мы пойдем;
Победу даст любовь моей Агнесы.

А г н е с а

Ты победишь мечом своих друзей.

К о р о л ь

Раздор врагов — другая нам надежда,
Уже молва мне верная сказала,
Что охладел к союзу англичан
Мой родственник, бургундский герцог; скоро
Узнаю все; к Филиппу я Ла Гира
Послал, чтоб он озлобленного пэра
Склонил на мир и дружбе возвратил.
Всечасно жду ответа.

Д ю н у а

(смотря в окно)

Рыцарь здесь;
Сейчас сошел с коня он у крыльца.

К о р о л ь

Желанный гость!.. Друзья, теперь решится:
К победе ль нам идти, иль уступить?

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Т е ж е. Л а Г и р.

К о р о л ь

(идет ему навстречу)

Скажи, Ла Гир, надежда или смерть?
Чего нам ждать? Скорей, двумя словами!

Л а Г и р

Твой меч — вот вся теперь для нас надежда.

К о р о л ь

Итак, непримирим надменный герцог:
Но что же он тебе сказал в ответ?

Л а Г и р

Еще не дав произнести мне слова,
Потребовал он с гордостью, чтоб выдан
Был Дю Шатель: он мыслит и поныне,
Что Дю Шатель убил его отца.

К о р о л ь

Когда ж такой постыдный договор
Отвергнем мы...

Л а Г и р

Тогда и мир отвергнут.

К о р о л ь

И ты мое исполнил повеленье?
Сказал, что я готов с ним на мосту
У Монтеро, где пал его отец,
Сразиться?..

Л а Г и р

Я твою перчатку бросил;
Я объявил, что ты, забыв свой сан,
Идешь с ним в бой на жизнь и смерть, как
рыцарь.

Но гордо он ответствовал: нет нужды
Сражаться мне за то, что уж мое.
Когда же Карл столь жадничает боя,
То пусть найдет меня под Орлеаном:
У стен его я завтра с войском буду.
Так отвечал с презрительным он смехом.

К о р о л ь

Но что ж? Ужель в парламенте моем
Совсем умолк священный голос правды?

Л а Г и р

Немеет он пред дерзким буйством партий;
Парламентом и ты и весь твой род
Отрешены навеки от престола.

Д ю н у а

Безумное властительство толпы!

К о р о л ь

Но виделся ль ты с матерью моею?

Л а Г и р

С твоею матерью?..

К о р о л ь

Что королева?

Л а Г и р

(после краткого раздумья)

Скажу ли все?.. Был день коронаванья,
Когда вошел я в Сен-Дени; граждане,
Как на триумф, разубраны все были;
Я видел ряд торжественных ворот —
И в них вступал с надменностью британец;
Усыпан был цветами путь; и, словно
Спасение отчизны торжествуя,
Рукоплескал народ за колесницей.

А г н е с а

Рукоплескал... предавши короля
И растерзав отеческое сердце!

Л а Г и р

Таясь в толпе, я видел, как Ланкастер,
Дитя, сидел на королевском троне
Святого Людвига, как близ него
Стояли гордые Бедфорд и Глостер,
Как наш Филипп, бургундский герцог, брат
твой,
Произносил пред ним обет подданства.

К о р о л ь

Неверный брат! предатель нашей чести!

Л а Г и р

Ребенок оробел и спотыкнулся,
Всходя на трон по ступеням высоким.
«Недобрый знак!» — слышалось в народе,
И поднялся отвсюду громкий хохот.
Но что же?.. Вдруг твоя родная мать...
О вечный стыд!.. приблизилась... скажу ли?

К о р о л ь

Скажи.

Л а Г и р

И, на руки схватив младенца,
Его сама на трон твой посадила.

К о р о л ь

О сердце матери!

Л а Г и р

Бургундцы сами,
Грабители, привыкшие к убийству,
При виде сем зарделись от стыда.
Но что ж она?.. Взглянувши на толпу,
Сказала вслух: французы, я для вас
Большую ветвь здорово сменила;
Для вас навек отвергнула я сына,
Исчадие безумного отца.

Король закрывает лицо руками, Агнеса устремляется к нему и заключает его в объятия; все предстоящие выказывают негодование.

Д ю н у а

Чудовище!

К о р о л ь

(после паузы, обращаясь к чиновникам)

Вы слышали, друзья?
Чего ж вам ждать? Спешите возвратиться
В свой Орлеан и гражданам скажите,
Что сам король их клятвы разрешает.
Не у меня спасенья им искать.
Пускай идут с покорностью к Бургундцу;
Он милостив; его прозвание: *Добрый*.

Д ю н у а

Возможно ли?.. Покинуть Орлеан?

Ч и н о в н и к

(падая на колена)

О государь, не отнимай от нас
Твоей руки; не отдавай на жертву
Грабительству британцев Орлеана;

В твоём венце он самый лучший перл;
Он верностью к законным королям
Всегда был знаменит.

Д ю н у а

Но разве мы
Разбиты?.. Мы ль покинем поле чести,
За Орлеан меча не обнажив?
Как? Не пролив ни капли крови, ты
Осмелишься ничтожным словом вырвать
Из сердца Франции твой лучший город?

К о р о л ь

Довольно кровь лилась; напрасно все;
Рука небес на мне отяготела;
Везде мои разбиты войска; я
Парламентом отвергнут; мой Париж
И весь народ врагу рукоплескают;
И кровные преследуют меня;
И все мой враг — сама родная мать...
Мы перейдем, не медля, за Луару;
Не устоять против руки небес:
Она теперь на нас за иноземца.

А г н е с а

Что слышу?.. Мы ль, в самих себе отчаясь,
Отечества постыдно отречемся?
Достойно ли тебя такое слово?
Нет, матери чудовищное дело
Минутно твой геройский дух смутило,
Войди в себя; будь снова твердый муж —
С величием беде противостань —
И победишь...

К о р о л ь

(в горестной задумчивости)

Усилия напрасны;
Ужасная свершается судьба
Над родом Валуа; его сам бог
Отринул; мать злодействами погибель
Накликала на мой несчастный дом;
Отец мой был безумцем двадцать лет;

Безвременно моих трех старших братьев
Сразила смерть... то божий приговор:
Погибнет все Шестого Карла племя.

А г н е с а

В тебе оно воскреснет обновленным.
О, верь в себя! Судьбою не напрасно
Ты, младший брат, твоих погибших братьев
Был пережить назначен; не напрасно
Ты на престол нежданный возведен;
Твоя, твоя прекрасная душа
Есть избранный целитель тяжких ран,
Отечеству раздором нанесенных;
Пожар войны гражданской ты потушишь;
Мне сердце говорит: ты дашь нам мир
И Франции создатель новый будешь.

К о р о л ь

Не я... крутым и бурным временам
В правители сильнейший кормщик нужен.
Счастливить мог бы я народ спокойный —
Но с дикостью бунтующей не слажу;
Не мне мечом кровавым разверзать
Себе сердца, запершиеся в злобе.

А г н е с а

Народ твой слеп; он призраком обманут;
Сей тяжкий сон не может продолжиться;
День недалек: пробудится любовь
К законным королям — в груди французов
Она всегда жива и неизменна, —
Пробудятся и ненависть и ревность,
Врожденные двум нациям противным,
И гордый враг своим погибнет счастьем...
Не отходи ж от поприща побед,
Воюй, борись за каждый шаг земли;
Обороняй, как собственную грудь,
Твой Орлеан — скорей все переправы
Разрушь, скорее все сожги мосты,
Ведущие за грань твоей державы,
Туда, где нет уж чести, за Луару.

К о р о л ь

Что мог, то все я сделал; сам, как рыцарь,
Я был готов на смертный поединок
За мой венец... но вызов мой отвергнут.
Я тщетно жизнь моих народов трачу;
Все города мои валятся в прах.
Иль, матери свирепой уподобясь,
Своих детей на жертву сам я брошу?
Нет, лучше сам погибну, их спасая!

Д ю н у а

О боже! то ль язык монарха? Так ли
Венец свой должно уступать?.. Последний
Твой подданный отважно отдает
И кровь и жизнь за мнение, за любовь
И ненависть свою; все жертва партий
Во времена войны междоусобной!
Тогда свой плуг бросает земледелец;
Старик, дитя — кидаются к мечу;
И гражданин свой город, пахарь ниву
Своей рукою жгут; и каждый рвется
Тебе служить иль вред тебе нанести,
Чтоб отстоять души своей желанье.
Никто не даст пощады и не примет,
Как скоро честь зовет и биться должно
За идола иль бога своего.
Итак, отбрось изнеженную жалость —
Она душе монарха неприлична;
Пускай война сама свой огонь потушит;
Не ты ее безумно воспалил.
Народ за трон себя щадить не должен —
Таков закон и вечный жребий света;
Иного мы, французы, не признаем;
И стыд той нации, которой жаль
Все положить за честь свою святую.

К о р о л ь

(к чиновникам)

Подите! вам защитой небеса;
А я для вас ничто.

Д ю н у а

Да отвратится ж
Навеки бог победы от тебя,
Как ты от Франции! Когда ты сам
Себя оставил — мы должны расстаться.
Не Англия с бунтующим Бургундцем —
Твой робкий дух тебя сгоняет с трона.
Природный дар французских королей
Геройство — ты ж не мужем быть рожден.

(К чиновникам.)

Монарха нет у вас; но я за вами!
Я затворюсь в родимый Орлеан
И с ним в его развалинах погибну.

(Хочет идти.)

А г н е с а
(удерживает его)

О государь! останови его;
Он на словах жесток, но сердцем верен,
Как золото; он твой; тебя он любит;
Он за тебя лил кровь... прольет и ныне...
Признайся, Дюнуа, ты далеко
Был заведен досадой благородной...
А ты прости его суровой дружбе...
Ах! дайте мне, пока не разгорелся
В сердцах огонь вражды непримиримой,
Завременно быть вашим миротворцем.

Дюнуа смотрит на короля и ждет ответа.

К о р о л ь
(к Дю Шателю)

Мы перейдем Луару; на суда
Вели скорей все нагружать...

Д ю н у а
(поспешно Агнесе)

Прости!

(Уходит с чиновниками.)

Агнеса

(в отчаянии ломает руки)

Стой, Дюнуа!.. Теперь мы беззащитны!..
Беги за ним, Ла Гир, смягчи его.

Ла Гир уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Король. Агнеса. Дю Шатель.

Король

Ужели трон единственное благо?
Ужель расстаться с ним так тяжело?..
О нет! я зло несноснейшее знаю:
Игрушкой быть сих дерзких, гордых душ;
Покорствовать, жить милостью вассалов,
От грубой их надменности зависеть —
Вот бедствие, вот жребий нестерпимый.
Не легче ли судьбе своей поддаться?

(К Дю Шателю.)

Исполни мой приказ.

Дю Шатель
(на коленях)

О государь!

Король

Ни слова! решено, поди.

Дю Шатель

Нет! нет!

Склонись на мир с Филиппом, государь;
Другого нет спасенья для тебя.

Король

Какой совет!.. Но разве ты забыл,
Что жизнь твоя ценою примиренья?

Дю Шатель

Вот голова моя; я за тебя
Не раз ее носил в сраженье... ныне
Я за тебя ж несу ее на плаху.
Иного средства нет; предай меня

На произвол неумолимой злобы;
Пускай вражда в моей крови потухнет.

К о р о л ь
(с горестью)

Как! до того ль дошло?.. Мои друзья,
Которым вся моя душа открыта,
Мне путь стыда к спасенью выбирают!
Теперь свою всю бедность узнаю:
На честь мою доверенность погибла.

Д ю Ш а т е л ь

О нет!..

К о р о л ь

Молчи! не раздражай меня!
Хотя бы сто престолов мне терять —
Я не спасусь погибелию друга...
Исполни то, что я велел, иди;
Чтоб на суда немедленно грузились.

Д ю Ш а т е л ь

Иду.

(Уходит.)

Агнеса раздражается слезами.

я в л е н и е с е д ь м о е

К о р о л ь. А г н е с а.

К о р о л ь
(берет ее руку)

Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франция для нас и за Луарой.
В благословенный край с тобой мы едем.
Смеется там безоблачное небо,
И воздух легче там, и мягче нравы
С тобою я найду; звучат там песни,
Прекраснее цветут жизнь и любовь.

А г н е с а

Какой должна я страшный встретить день!
Король идти в изгнанье осужден;
Семейный дом покинуть должен сын

И с милою расстаться колыбелью...
О родина, прекрасная земля,
Прости, тебя мы вечно не увидим!

Я В Л Е Н И Е В О С Ъ М О Е

Т е ж е. Л а Г и р.

А г н е с а

Ла Гир, ты здесь? А Дюнуа?

(Смотрит на него пристально.)

Но что?

Сверкает взор твой... говори, Ла Гир,
Иль новая беда?

Л а Г и р

Беды прошли:

Нам небеса опять благоприятны.

А г н е с а

Возможно ль! Как?

Л а Г и р

(королю)

Скорее орлеанских

Чиновников вели позвать.

К о р о л ь

Зачем?

Л а Г и р

Судьба войны на нашей стороне:
Дано сражение; мы победили.

А г н е с а

Победа! О божественное слово!

К о р о л ь

Ла Гир, меня ты льстишь молвой напрасной.
Мы победили? Нет, то слух неверный.

Л а Г и р

Поверишь ты чудеснейшему скоро.
Но вот идет архиепископ; с ним
И Дюнуа.

А г н е с а

О сладкий цвет победы!
Как скоро плод небесный он приносит:
Согласие и мир!

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

Т е ж е, архиепископ, Дюнуа, Рауль.

А р х и е п и с к о п

(подводит Дюнуа к королю и соединяет их руки)

Граф, государь,
Забудьте гнев, друг другу дайте руку;
Раздору места нет; за нас всевышний.

Король и Дюнуа обнимаются.

К о р о л ь

Друзья, мое сомненье разрешите;
Я верю вам и верить вам страшусь;
Когда и как столь быстро перемена
Чудесная свершилась?

А р х и е п и с к о п

(Раулю)

Говори.

Р а у л ь

Шестнадцать было нас знамен; мы шли
Примкнуть к тебе; наш храбрый предводитель
Был рыцарь Бодрикур из Вокулёра.
Но только мы достигли Фермантонских
Высот и в дол, Ионной орошенный,
Спустились... вдруг явился нам вдали
Равнину всю занявший неприятель.
Хотим назад... возвратный путь захвачен;
Спасенья нет; победа невозможна;
Храбрейшие упали духом; ратник
Оружие готов был кинуть; тщетно,
Советуясь, вожди искали средства
К отпору — средства нет... Но в этот миг
Свершается неслыханное чудо:
Из глубины густой дубовой рощи

Выходит к нам девица: яркий шлем
На голове; идет, как божество,
Прекрасная и страшная на взгляд,
И темными кудрями по плечам
Летают волосы... и вдруг чело
Сиянием небесным обвилось,
Когда она, приблизившись, сказала:
«Что медлите, французы? На врага!
Будь он морских песков неисчислимой...
За вас господь и дева пресвятая!»
И вмиг она из рук знаменосца
Исторгла знамя, с ним вперед — и в страшном
Величии пошла перед рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслед...
И на врага ударили, как буря.
Оторопев, ударом оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотрит
Очами он на гибельное чудо...
И вдруг — как будто стал господний ужас
Ему в лицо — он дрогнул и бежит,
Бросая щит и меч; и по равнине
В единый миг все войско разметалось;
Забыто все; невнятен клик вождей;
Преследуем, разимый без отпора,
Бежит он, глаз не смея обратить;
В реку стремглав и конь и всадник мчатся...
И то была не битва, но убийство;
На месте их две тысячи легло,
Но более в волнах реки погибло...
А наши все остались невредимы.

К о р о л ь

Неслыханно! чудесно! Непонятно!

А г н е с а

Девица совершила это чудо?

Но кто она? Откуда?

Р а у л ь

Кто она,

Один король сию узнает тайну.

Пророчицей, посланницею бога
Она себя зовет и обещает
До совершения луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей веруя, народ сраженья жаждет;
И скоро здесь она сама явится.

Звон колоколов и шум за сценою.

Вы слышите... шумит народ... Она!

К о р о л ь
(к Дю Шателю)

Введи ее сюда.

(Архиепископу.)

Но что мне думать?
Победа нам от девы... и когда же?
Когда лишь бог один спасти нас может.
Естественно ль? И где закон природы?
Скажи, отец, поверить ли мне чуду?

Г о л о с а з а с ц е н о ю

Да здравствует спасительница-дева!

К о р о л ь

Идет.

(К Дюнуа.)

Займи мое на время место;
Пророчицу мы опыту подвергнем:
Когда с небес ей послано всезнание —
Она сама откроет короля.

Дюнуа садится на трон. Король становится по правую руку, с ним рядом Агнеса; епископ и прочие занимают места на противоположной стороне, так что середина сцены остается пустой.

Я В Л Е Н И Е Д Е С Я Т О Е

Прежние. Иоанна, за нею чиновники орлеанские и множество рыцарей, которые занимают всю глубину сцены. С величием выступает она вперед и осматривает предстоящих одного за другим.

Д ю н у а
(с важностию)

Ты ль, дивная...

И о а н н а

(прерывает его, величественно)

Ты бога испытуешь;
Не на своем ты месте, Дюнуа;
Вот тот, к кому меня послало небо.

*(Решительно приближается к королю,
преклоняет пред ним колени, потом встает и на
несколько шагов отступает.)*

Дюнуа сходит с места. Король остается один посреди сцены.

К о р о л ь

Мое лицо ты видишь в первый раз;
Кто дал тебе такое откровенье?

И о а н н а

Я видела тебя... но только там,
Где ты никем незрим был, кроме бога.
(Приближается и говорит таинственно.)
Ты помнишь ли, что было в эту ночь?
Тогда, как все кругом тебя заснуло
Глубоким сном, — не ты ль, покинув ложе,
С молитвою пред господом простерся?
Вели им выйти... я твою молитву
Тебе скажу.

К о р о л ь

Что богу я поверил,
Не потаю того и от людей.
Открой при них моей молитвы тайну —
Тогда твое признаю назначенье.

И о а н н а

Ты произнес пред богом три молитвы;
И первую молил ты, чтоб всевышний —
Когда твой трон стяжанием неправым
Иль незаглаженной из древних лет
Виной обременен и тем на нас
Навлечена губящая война —
Тебя избрал мирительною жертвой
И на твою покорную главу
Излил за нас всю чашу наказания.

К о р о л ь
(отступая с трепетом)

Но кто же ты, чудесная?.. Откуда?..

Все в изумлении.

И о а н н а

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено всевышним
Тебя лишит родительского трона
И все отнять, чем праотцы твои
Венчанные владели в сей земле,—
Чтоб сохранить тебе три лучших блага:
Спокойствие души самодовольной,
Твоих друзей и верную Агнесу.

Король закрывает лицо и плачет. Движение изумления в толпе.

(Иоанна, помолчав, продолжает.)

Скажу ль твою последнюю молитву?

К о р о л ь

Довольно; верую; сего не может
Единый человек; с тобой всевышний!

А р х и е п и с к о п

Откройся ж нам, всезнающая, кто ты?
В каком краю родилась? Кто и где
Счастливые родители твои?

И о а н н а

Святой отец, меня зовут Иоанна;
Я дочь простого пастуха; родилась
В местечке Дом-Реми, в приходе Тула;
Там стадо моего отца пасла
Я с детских лет; и я слыхала часто,
Как набежал на нас островитянин
Неистовый, чтоб сделать нас рабами,
Чтоб посадить на трон наш иноземца,
Немилрого народу, как столицей
И Францией властительствовал он...

И я в слезах молила богоматерь:
Нас от цепей пришельца защитить,
Нам короля законного сберечь.
И близ села, в котором я родилась,
Есть чудотворный лик пречистой девы —
К нему толпой приходят богомольцы, —
И близ него стоит священный дуб,
Прославленный издревле чудесами;
И я в тени его сидеть любила,
Пася овец, — меня стремило сердце, —
И всякий раз, когда в горах пустынных
Случалось ягненку затеряться,
Пропадного являл мне дивный соп,
Когда под тем я дубом засыпала.
И раз — всю ночь с усердною молитвой,
Забыв о сне, сидела я под дубом —
Пречистая предстала мне; в руках
Ее был меч и знамя, но одета
Она была, как я, пастушкой и сказала:
«Узнай меня, восстань; иди от стада;
Господь тебя к иному призывает.
Возьми мое святое знамя, меч
Мой опояшь и им неустрашимо
Рази врагов народа моего,
И проведи помазанника в Реймс,
И увенчай его венцом наследным».
Но я сказала: «Мне ль, смиренной деве,
Неопытной в ужасном деле брани,
На подвиг гибельный такой дерзать?» —
«Дерзай, — она рекла мне, — чистой деве
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знает».
Тогда моих очей она коснулась...
Подъемлю взор: исполнено все небо
Сияющих крылатых серафимов;
И в их руках прекрасные лилеи;
И в воздухе провеял сладкий голос...
И так пречистая три ночи сряду
Являлась мне и говорила: «Встань,
Господь тебя к иному призывает».
Но в третью ночь она, явясь во гневе,

Мне строгое сие вещала слово:
«Удел жены — тяжелое терпенье;
Возьми твой крест, покорствуй небесам;
В страдании земное очищенье;
Смиранный здесь — возвышен будет там».
И с словом сим она с себя одежду
Пастушки сбросила, и в дивном блеске
Явилась мне царицею небес,
И на меня с утехой поглядела,
И медленно на светлых облаках
К обители блаженства полетела.

Все тронуты. Агнеса в слезах закрывает лицо руками.

А р х и е п и с к о п
(по долгом молчании)

Должно молчать перед глаголом неба
Сомнение премудрости земной:
Здесь истине событие свидетель;
Единый бог подобное творит.

Д ю н у а

Нет, не словам — ее глазам я верю
И чистоте девической ее.

К о р о л ь

Достоин ли я милости такой?..
Всевидающий, необольстимый, ты,
Свидетель душ, в моей душе читаешь.

И о а н н а

Покорности всегда господь доступен;
Смирился ты — тебя он возвеличил.

К о р о л ь

Итак, с врагом могу еще бороться?

И о а н н а

Я Францию во власть твою предам.

К о р о л ь

И Орлеан не будет завоеван?

И о а н н а

Скорей назад Луара потечет.

К о р о л ь

И Реймса я с победою достигну?

И о а н н а

По трупам их тебя в него введу.

Все предстоящие рыцари, показывая мужество, гремят копьями
и щитами.

Д ю н у а

Вели ей стать пред нашим войском; слепо
За дивною мы бросимся вослед.
Нам вождь — ее пророческое око;
А верный ей защитник — этот меч.

Л а Г и р

Будь мир на нас, будь враг в союзе с адом —
Не дрогнем, стой она лишь впереди;
Мы рады в бой. Чудесная, веди!
Сам бог побед пойдет с тобою рядом.
Рыцари бряцают оружием и выступают вперед.

К о р о л ь

Так, я тебе свое вверяю войско;
Его вожди твою признают власть.
Прими сей меч, сей знак верховной силы,
Покинутый строптивым полководцем,—
Его кладу в достойнейшую руку;
И будь отныне ты...

И о а н н а

Постой, дофин,
Орудие могущества земного
Не совершит победы. Меч другой,
Предъизбранный сразить врага, я знаю.
Чудесным сном мне этот меч указан:
Мне ведомо то место, где он скрыт.

К о р о л ь

Где?

И о а н н а

В городе старинном Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнем том кладбище есть палата,
Где множество набросано оружий —
Военная добыча древних лет,—
Меж ними скрыт мой меч обетованный.
Примета ж: три лилеи золотые
Иссечены на лезвии булатном.
Найди сей меч — в нем сила и победа.

К о р о л ь

Немедленно исполнить, Дю Шатель.

И о а н н а

И белое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на нем святую деву
С спасителем-младенцем на руках
И под ее стопами шар земной:
В ее руке такое было знамя.

К о р о л ь

Исполню все.

И о а н н а

(к архиепископу)

Святой архиепископ,
Моей главы коснись твоей рукою
И дочь свою, отец, благослови.

(Становится на колени.)

А р х и е п и с к о п

Не нам тебя благословлять; тобою
Сошло на нас благословенье... С богом
Гряди; а мы и в мудрости своей
Слепцы.

Иоанна подымается с колен.

П а ж

Герольд от графа Салисбури.

И о а н н а

Введи; господь приводит к нам его.

Король делает знак пажу, тот удаляется.

Я В Л Е Н И Е О Д И Н Н А Д Ц А Т О Е

Т е ж е. Герольд.

К о р о л ь

Кем послан ты, герольд? С какою вестью?

Г е р о л ь д

Найду ли здесь я Карла Валуа?

Д ю н у а

Презрительный ругатель, как дерзаешь
Ты короля законного французов
Здесь, на его земле, не признавать?
Твой сан тебе защита; без того...

Г е р о л ь д

Один король законный у французов;
Но он теперь живет в британском стане.

К о р о л ь

(к Дюнуа)

Спокойся, друг... доканчивай, герольд!

Г е р о л ь д

Военачальник мой, жалая крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный меч в ножнах остановил;
И, гибнущий спасая Орлеан,
С тобой вступить желает в договор.

К о р о л ь

В какой?

И о а н н а
(выступает вперед)

Позволь мне именем твоим
Сказать ответ герольду.

К о р о л ь
Говори,
Тебе решить судьбу войны иль мира.

И о а н н а
Кто говорит, герольд, в твоём лице?

Г е р о л ь д
Граф Салисбури, вождь британцев.

И о а н н а
Лжешь,
Герольд; одни живые говорят;
И так, твой вождь здесь говорить не может.

Г е р о л ь д
Но вождь мой жив — и здравием и силой
Исполнен он врагам на истребленье.

И о а н н а
Вчера был жив — а нынче на заре
Убит он выстрелом из Орлеана,
Когда стоял на башне Латурнель.
Смеешься ты моей чудесной вести;
Но верь не мне — своим глазам, герольд.
Ты, в лагерь свой вступая, будешь встречеп
Печальными его похоронами.
Теперь скажи: в чем ваше предложенье?

Г е р о л ь д
Когда тебе все тайное открыто —
Его сама ты знаешь без меня.

И о а н н а
Но знать его не нужно мне теперь.
Внимай, герольд, внимай и повтори
Мои слова британским полководцам:

Ты, английский король, ты, гордый Глостер,
И ты, Бедфорд, бичи моей страны,
Готовьтесь дать всевышнему отчет
За кровь пролитую; готовьтесь выдать
Ключи градов, отъятых вопреки
Святейшего божественного права.
От господа предъизбранная дева
Несет вам мир иль гибель — выбирайте!
Вещаю здесь, и ведомо да будет:
Не вам, не вам всевышний завещал
Святую Францию — но моему
Владыке, Карлу; он от бога избран;
И вступит он в столицу с торжеством,
Любовию народа окруженный...
Теперь, герольд, спеши к твоим вождям;
Но знай, когда с сей вестию до стана
Достигнешь ты — уж дева будет там,
С кровавою свободой Орлеана.

(Уходит; все за нею.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Место, окруженное утесами. Ночь.

Тальбот, Лионель, герцог Бургундский,
Фастольф, Шатильон. Солдаты.

Т а л ь б о т

Здесь можем мы, под этими скалами,
Разбить шатры; здесь место безопасно;
Сюда сберем скорее беглецов,
Расстроенных внезапною и страхом.
По высотам расставить стражу; правда,
Преследовать не будут ночью нас;
Хотя б они имели крылья — нам
Нельзя теперь бояться нападения;
Но все нужна предосторожность; враг
Успехом ободрен, а мы разбиты.

Фастольф уходит с солдатами.

Л и о н е л ь

Разбиты! мы! неверная судьба!
Возможно ли постигнуть, чтоб француз
Торжествовал и нас бегущих видел...
О Орлеан! могила нашей славы,
Честь Англии погибла пред тобой!
Постыдное, презрительное бегство!
Поверят ли грядущие лета,
Чтоб женщиной был прогнан победитель
При Пуатье, Креки и Азинкуре?

Г е р ц о г

Утешимся, не силой человека
Разбиты мы, но силой чародейства.

Т а л ь б о т

Нет, силой нашего безумства... Герцог,
Ужель и ты испуган привиденьем?
Но суеверие не оправданье
Для робких; первый ты бежал с твоими.

Г е р ц о г

Но кто же устоял? Все побежало.

Т а л ь б о т

Нет, прежде всех твое крыло смешалось.
Не вы ли в лагерь к нам вломились с воплем:
«Пропали! ад за Францию воюет!»
И не тогда ль смятенье стало общим?

Л и о н е л ь

Вы первые бежали, это правда.

Г е р ц о г

На первых нас ударил неприятель.

Т а л ь б о т

Он угадал, что вы не устоите,
Что робкие и храбрых увлекут.

Герцог

Как?.. Я ль один виною поражения?

Лионель

Свидетель бог, без вас бы Орлеана
Не потерять нам...

Герцог

Так! но потому,
Что вы без нас его б и не видали.
Кто вам открыл во Францию дорогу?
Кто руку вам защитную простер
При выходе на брег враждебно-чуждый?
Кем Генрих ваш в Париже коронован?
Кто покорил ему сердца французов?..
Не будь моя могущая рука
Вожатый ваш — вы дыма б не видали,
Встающего вдаль с французской кровли.

Лионель

Так, будь в словах напыщенных победа —
Ты был бы здесь один завоеватель.

Герцог

Раздражены утратой Орлеана,
Хотите вы всю желчь напрасной злобы
На верного союзника пролить.
Но кто ж у вас похитил Орлеан?
Не вы ли? Он готов был покориться —
Кто помешал?.. Корусть и зависть ваша.

Тальбот

Не для тебя его мы осаждали.

Герцог

Уйди я с войском... что б тогда вы были?

Лионель

Все то ж, что в день победы Азинкурской,
Когда с тобой и с Францией одни
Мы сладили.

Герцог

Но цену дороую
За мой союз регент ваш заплатил.

Тальбот

Он стоит нам теперь еще дороже:
Он чести нас лишил пред Орлеаном.

Герцог

Молчи, Тальбот, иль будешь сожалеть!
Затем ли я отечества отрекся
И на себя навлек позор измены,
Чтобы сносить ругательства прищельцев?
Зачем я здесь? За что сражаюсь с Карлом?
Когда служить неблагодарным должно —
Верней служить родному королю.

Тальбот

Мы знаем: ты в переговоры с Карлом
Уже вступил... но верь, что от измены
Себя мы защитим.

Герцог

Великий боже,
Что слышать мне досталось?.. Шатильон,
Собрать полки! сей час отступим!..

Шатильон уходит.

Лионель

С богом.

Британия всегда торжествовала,
Когда ее надежный меч один
Разил, не ждав союзников неверных.
Всяк за себя сражайся; кровь француза
С британскою не породнится кровью.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Королева Изабелла.

Королева

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный дух вас обуял?

Вы на себя раздором безрассудным
Постыдную накличете погибель.
В согласии теперь спасенье наше...
Останови полки свои, Филипп;
А ты, Тальбот достойнославный, руку
В знак мира дай обиженному другу...
Тебя зову на помощь, Лионель,
Скажи вождям мирительное слово.

Л и о н е л ь

Нет! я молчу; мне все равно; и лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вместе.

К о р о л е в а

Ужель и здесь владычествует ад,
Столь гибельно смутивший нас в сраженье?
Скажите, кто зачинщик был? Тальбот,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидел?
Но что начнешь, союз его отринув?
Не им ли ваш король на троне нашем?
Кого венчал, того и развенчать
Ему легко. Пускай нахлынет вся
Британия на наши берега...
Не победит, когда согласны будем:
Лишь Франция для Франции опасна.

Т а л ь б о т

Союзника надежного я чту,
Но долг вождя предателей беречься.

Г е р ц о г

Кто пренебрег коварно благодарность,
Тому знаком и лжи язык бесстыдный.

К о р о л е в а

Как, герцог, ты ль забудешь честь и руку
Подашь руке, еще облитой кровью
Предательски убитого отца?
Безумие поверить, чтоб дофин,
К погибели тобою приведенный,

Тебе твой стыд простить от сердца мог.
Над бездной он и пасть в нее готов..
Ты ль сам свое творенье уничтожишь?
Здесь, здесь твои друзья; в союзе тесном
С Британией спасение твое.

Герцог

О мире я с дофином и не мыслил;
Но как молчать?.. Могу ль снести презренье
И дерзкую хвастливость пришлецов?

Королева

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбен вождь: победой он обманут;
В несчастии мы все несправедливы;
Спешите же с ним обняться; примиритесь,
Пока раздор еще не разгорелся.

Тальбот

Что скажешь, герцог? Кто душою прав,
Тому легко покорствоваться рассудку;
Я убежден советом королевы.
Забудь мои поспешные слова
И руку мне залогом дружбы дай.

Герцог

Согласен, вот рука; необходимость
Велит мне гнев правдивый укротить.

Королева

И хорошо; скорей запечатлейте
Союз ваш крепким братским поцелуем —
И на ветер все гневные слова

Герцог и Тальбот обнимаются.

Лионель

(смотря на них, про себя)

Надежен мир, подписанный мегерой.

Королева

В сраженьи мы разбиты, полководцы,
И счастье не за нас; но бодрость нашу
Сразит ли неуспех? Пускай дофин,
Отчаясь в защите неба, ад
В сообщники зовет: напрасно губит
Он душу,— ад его не защитит.
Будь дева их вождем победоносным —
За вас его разгневанная мать.

Лионель

Нет, королева, мой совет: в Париж
Вам возвратиться; нам не нужно женщин.

Тальбот

Так, признаюсь, с тех пор как в стане вы,
Нам ни на что благословенья нет.

Герцог

Подите; вам при войске быть не должно;
На вас глядит неблагоклонно ратник.

Королева

(смотря на каждого с изумлением)

И ты за них! и ты к неблагодарным,
Филипп, пристал, ругаться надо мной!

Герцог

Нет, королева, рать теряет бодрость;
Противно ей за вас идти в сраженьи.

Королева

Возможно ль? Вас едва я примирила —
И вы меня согласны уж отречься.

Тальбот

Мадам, уйдите! Мы не побоимся
И черта, если только вас не будет.

Королева

Но знать хочу, в союзе мы иль нет?
Не за одно ль сражаемся мы дело?

Тальбот

Не за одно; мы рыцарски стоим
За честь отечества, за наше право.

Герцог

Я за отца убийцам отомщаю;
Сыновний долг вложил мне в руку меч.

Тальбот

Но, признаюсь, поступки ваши с сыном
И человечеству и божеству
Противны.

Королева

Проклят будь он в чадах чад;
Над матерью своею он ругался.

Герцог

Он мстил за честь супруга и отца.

Королева

Он быть дерзнул судьей моих деяний;
Он мать свою на ссылку осудил.
Мне, мне его простить? Скорей погибну!
Скорей, чем дать ему престол наследный...

Тальбот

Вы честь свою готовы посрамить.

Королева

Не знаете вы, слабые сердца,
Что чувствует обиженная мать.
Без меры я люблю и ненавижу;
Чем ближе к сердцу враг — и будь он сын, —
Тем ненависть моя непримиримей.
Когда он грудь, питавшую его,

Дерзнул пронзить в богоотступной злобе:
Сама своей рукою истреблю
Я бытие, дарованное мною.
Но вы за что ведете с ним войну?
На трон его какое ваше право?
Обидой ли, нарушенным ли долгом
Он на себя навлек гоненье ваше?
О нет! корысть и зависть — ваш закон.
Но мне он сын — властна я ненавиждеть.

Г а л ь б о т

Так, мать свою по мщенью знает он.

К о р о л е в а

Ругатели презренные, не вам
Правдивый свет коварством обмануть.
На Францию разбойнически руку
Простерли вы, британцы, — но по праву
Здесь шагу нет земли, подвластной вам;
Вы хищники. А ты, бургундский герцог,
Ты, обесславленный прозваньем *Добрый*,
Не ты ль врагам свою отчизну продал?
Не ты ль отцов наследие пришельцу,
Грабителю отдал на разграбленье?
А все твердит язык ваш: справедливость.
О лицемеры, вас я презираю.
На мне личины нет; с лицом открытым
Иду на суд; пусть судит свет... Простите!

Г е р ц о г

То правда!

Вы мненье света подтвердить сумели.

К о р о л е в а

Во мне есть страсти, кровь во мне кипит,
Как и у всех; сюда как королева
Явилась я, чтоб жить, а не сиять!
Должна ль от радостей я отказаться
Из-за того, что отдала судьба
Безумцу мужу молодость мою?
Свобода мне дороже самой жизни,

И кто меня поносит... Но к чему
Мне с вами спорить о своих правах?
У вас густая кровь коснеет в жилах,
Не наслажденье, ярость вам знакома.
А этот герцог вечно меж добром
И злом колеблется и не умеет
Любить и ненавидеть всей душой.
В Мелун я еду. Дайте мне его

(указывая на Лионеля)

Как провожатого, для развлечения.
Решайте, как хотите! Мне нет дела
Ни до бургундцев, ни до англичан.

(Кивает своему пажу и хочет уйти.)

Л и о н е л ь

Не беспокойтесь! Юношей отборных
Из пленников мы к вам пошлем в Мелун.

К о р о л е в а
(остаиваясь)

Вы годны лишь владеть мечом; французы
Одни умеют говорить галантно.

(Уходит.)

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

Т а л ь б о т . Г е р ц о г . Л и о н е л ь .

Т а л ь б о т

Вот женщина!..

Л и о н е л ь

Что делать, полководцы?
Все ль отступить, иль, быстро обратившись,
Решительным ударом истребить
Бесславию последнего сраженья?

Г е р ц о г

Мы слабы; все расстроены полки;
И ратником владычествует ужас.

Т а л ь б о т

Нас победил слепой минутный страх —
Незапное могущество мгновенья;
Но робкого воображенья призрак
Исчезнет сам, увиденный вблизи;
И мой совет: с рассветом переправить
Через реку все воинство и стать
В лицо врагу.

Г е р ц о г

Подумайте.

Л и о н е л ь

Но, герцог,
Что думать здесь? Минута драгоценна;
Теперь для нас один удар отважный
Решит навек: бесчестье или честь.

Т а л ь б о т

Так, решено, и завтра мы сразимся,
Чтоб истребить мечту, перед которой
Все наше войско в страхе цепенеет.
Увидим мы: Тальботова меча
Осмелится ль отведать чародейка?
Когда она со мною выйдет в бой —
Тогда одним все кончено ударом;
Когда же нет (и, верьте, не посмеет),
Тогда и страх волшебный истреблен.

Л и о н е л ь

Дай мне, Тальбот, с ней выйти в поединок.
Не обнажив меча, ее живую
В виду всего их войска принесу
В британский стан.

Г е р ц о г

Не слишком на себя
Надейся, Лионель.

Т а л ь б о т

Сведи нас бог —

Ее ласкать рука моя не станет.
Теперь пойдем; истраченные силы
Возобновим минутою покоя;
Но только день займется — на сраженье.

Уходят.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Темная ночь. Вдали показывается Иоанна в шлеме, в панцире; остальная одежда женская; в руках ее знамя. За нею Дюнуа, Ла Гир, множество рыцарей и солдат. Они сперва являются на высотах, осторожно пробираются между утесами, потом сходят на сцену.

И о а н н а

(окружающим ее рыцарям)

Между тем беспрестанно подходит войско; оно занимает, наконец, всю глубину театра.

Мы стражу обошли — и вот их лагерь;
Нам мрак не изменил; теперь пора
С себя сложить покров безмолвной ночи;
Пусть в ужасе погибельную близость
Узнает нашу враг... Ударьте разом,
Воскликнув: бог и дева!

С о л д а т ы

(гремя оружием)

Бог и дева!

Слышен гром барабанов и звук трубы.

С т р а ж и

(за сценою)

К оружию!

И о а н н а

Огня! зажечь шатры!

Пускай пожар удвоит их тревогу!
Извлекь мечи! рубить и истреблять!

Все солдаты обнажают мечи и бегут за сцену; Иоанна хочет за ними следовать.

Д ю н у а
(удерживая ее)

Иоанна, стой; свое ты совершила;
Мы введены тобой в средину стана,
И в руки нам врага ты предала —
Довольна будь, от боя удались
И нам оставь кровавую расправу.

Л а Г и р

Так, пролагай для войска путь победы;
Неси пред ним святую орифламму;
Но до меча сама не прикасайся,
Чтоб о тебе не ведал бог сражений,
Обманчив он, и слеп, и беспощаден.

И о а н н а

Кто путь мне заградит? Кто остановит
Мной властвующий дух?.. Лети стрела,
Куда ее стрелок послал могучий,
Где гибель, там *должна* Иоанна быть;
Не в *этот час*, не *здесь* она падет;
Ей короля в короне видеть должно;
Доколь она *всего* не совершила —
Ее главы не тронет вражья сила.

(Уходит.)

Л а Г и р

Друг Дюнуа, пойдем за ней; пусть будет
Ей наша грудь защитой.

Уходят.

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Английские солдаты бегут через сцену, потом
Тальбот.

Один солдат.

Дева! Дева!

Другой

Кто?

Первый

Дева в лагере!

Другой

Не может быть!
Как в лагерь ей зайти?

Третий

На облаках
Примчалась, с ней все бесы заодно!

Множество бежит через сцену.

Спасайтесь!.. бегите!.. все пропало!

Гальбот

(за ними)

Куда вы?.. Стой! Не видят и не слышат.
Разрушена покорность, страх бунтует;
Как будто ад все ужасы свои
Наслал на нас, и вдруг одно безумство
Постигло всех; и робкий и бесстрашный
Бегут; врагу отпора нет; весь лагерь
Внезапная погибель обхватила.
Ужель во мне одном осталась память,
А всё вокруг меня в чаду безумства?
Итак, опять бежать от малодушных,
Во всех боях бежавших перед нами!..
Но кто ж сия владычица судьбы,
Ужасная решительница битвы,
Дающая и львиную отважность,
И ратный дух, и силу малодушным?
Обманщица ль под маскою геройства
В презренный страх бесстрашных приведет?
И женщина ль — о вечный стыд! — исторгнет
Из рук моих награду славы?

Солдат

(бежит через сцену)

Дева!

Беги! беги! спасайся, полководец!

Т а л ь б о т

(гонится за ним с мечом и убивает его)

Безумец! вот тебе мое спасенье!

Никто не смей о бегстве поминать!

(Уходит.)

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

Сцена открывается. На высотах виден пылающий английский лагерь. Бегство и преследование; стук оружия и гром барабанов. Через несколько времени является М о н г о м е р и.

М о н г о м е р и

Куда бежать?.. Кругом враги, везде погибель!
Там вождь разгневанный, карающим мечом
Дорогу заслонив, навстречу смерти гонит;
А здесь ужасная... повсюду, как пожар
Губительный, она свирепствует... И нет
Защитного куста, пещеры темной нет.
Зачем переплывал я море?.. Бедный! бедный!
Обманутый любимую мечтой, я здесь
Искал в бою прекрасной славы... что ж нашел?
Моей судьбы неодолимая рука
Меня в сей бой на гибель привела... Почто
Не на берегу моей Саверны я теперь,
В доме родительском, где мать я покинул
В печали, где моя цветущая невеста?

И о а н н а является вдали на утесе, освещенная пламенем
пожара.

О страх!.. Что вижу я?.. Ужасная идет;
Из пламени, сияя грозно, поднялась
Она, как мрачное страшилище из ада...
Куда спасусь?.. За мною огненные очи
Уж погнались; уже бросает на меня
Издали неизбежных взоров сеть;
Я чувствую, уже волшебный узел мне
Опутал ноги; я прикован к месту, силы
Для бегства нет; я принужден —
хоть вся душа

Противится — смотреть на смертоносный
образ.

Иоанна делает несколько шагов и опять останавливается.

Подходит... Буду ль ждать, чтоб грозная
ко мне

Приблизилась?.. Моля о жизни, обниму
Ее колена; может быть, ее смягчу;
В ней сердце женщины; слезам она доступна.

*(Хочет идти к ней навстречу; Иоанна быстрыми шагами
к нему подступает.)*

Я В Л Е Н И Е С Е Д Ь М О Е

Монгомери. Иоанна.

И о а н н а

Стой! ты погиб; британка жизнь тебе дала.

М о н г о м е р и

(падает пред нею на колени)

Помедли, грозная; не опускай руки
На беззащитного; я бросил меч и щит;
Я пред тобой обезоруженный, в слезах;
Оставь мне свет прекрасной жизни; мой отец
Богат поместьями в цветущей стороне
Валлийской, где Саверна по густым лугам
Катит веселый свой поток; там много нив
Обильных у него; и золото и серебро
Он даст, чтоб выкупить единственного сына,
Когда к нему дойдет молва его неволи.

И о а н н а

Обманутый, погибший, в руку девы ты
В неумолимую достался; из нее
Ни избавления, ни выкупа уж нет;
Когда б у крокодила ты во власти был,
Когда бы трепетал под тяжелой лапой тигра
Или детей младых у львицы истребил —
Тебе осталась бы надежда на пощаду.
Но встреча с девою смертельна... Я вступила

Монгомери

Увы! смягчись моих родителей судьбою;
Они ждут сына... о своих ты вспомни, верно
И день и ночь они тоскуют по тебе.

Иоанна

Несчастный! ты ж родителей напомнил мне.
Но сколько здесь от вас бесчадных матерей!
И сколько чад осиротелых и невест,
Безбрачно овдовевших!.. Пусть теперь узнают
И матери британские, как тяжело тратить
Надежду жизни, милых чад! пусть ваши вдовы
Поймут, что значит скорбь по милых
невозвратных!

Монгомери

Увы! Погибну ли на чуже, не оплакан?

Иоанна

Но кто вас звал в чужую землю — истреблять
Цветущее богатство нив, нас из домов
Семейных выгонять и пламенник войны
Вносить в спокойное святилище градов?..
Мечтали вы, в надменности души своей,
Свободно дышащим французам дать неволю
И Францию великую, как челн покорный,
Пустить вослед за вашим гордым кораблем...
О вы, безумцы! наш державный герб прибит
К престолу бога; легче вам сорвать звезду
С небес, чем хижину единую похитить
У Франции неразделимо-вечной... Час
Возмездия ударил; ни один живой
Не проплывет в обратный путь святого моря,
Сей грани, божеством уставленной меж нами,
Которую безумно вы переступили.

Монгомери

(опускает ее руку)

И так погибнуть, смерть ужасную увидеть?..

И о а н н а

Умри, друг... и зачем так робко трепетать
Пред смертью, пред неизбежною?.. Смотри,
Кто я? Простая дева; бедною пастушкой
Родилась я; и меч был чужд моей руке,
Привыкнувшей носить невинно-легкий посох...
Но вдруг, отъятая от пажитей домашних,
От груди милого отца, от милых сестр,
Я здесь должна... *должна* — не выбор сердца,

ГОЛОС

Небес меня влечет — на гибель вам, себе
Не в радость, призраком карающим бродить,
Носить повсюду смерть, потом... быть жертвой
смерти.

И не взойдет мне день свидания с семьею;
Еще для многих вас погибельна я буду
И много сотворю вдовиц; но, наконец,
Сама погибну... и свершу свою судьбу.
Сверши ж свою и ты... берись за бодрый меч,
И бой начнем за милую добычу жизни.

М о н г о м е р и (встает)

Итак, когда ты смертная, когда мечу
Подвластна, как и мы, — сразимся; мне, быть
может,
За Англию назначено тебе отмстить.
Я жребий свой кладу в святую руку бога;
А ты, призвав на помощь весь твой
страшный ад,
Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.

(Схватывает меч и щит и нападает на нее.)

Вдали раздается военная музыка. Через несколько минут
Монгомери падает.

И о а н н а

Твой рок привел тебя ко мне... прости,
несчастный!

(Отходит от него и останавливается в размышлении.)

О благодатная! что ты творишь со мною?
Ты невоинственной руке даруешь силу;
Неумолимостью вооружаешь сердце;
Теснится жалость в душу мне; рука, готовясь
Сразить живущее создание, трепещет,
Как будто храм божественный ниспровергая;
Один уж блеск изъятого меча мне страшен...
Но только повелит мой долг — готова сила;
И неизбежный меч, как некий дух живой,
Владычествует сам трепещущей рукой.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Иоанна. Рыцарь с опущенным забралом.

Рыцарь

Ты здесь, отступница?.. Твой час ударил;
Тебя давно ищут на поле ратном;
Страшилище, созданье сатаны,
Исчезни; в ад сокройся, призрак адский.

Иоанна

Кто ты?.. Тебя послал не добрый ангел
Навстречу мне... по виду не простой
Ты ратник; мнится мне, ты не британец;
Бургундский герб ты носишь на щите,
И меч мой сам склонился пред тобою.

Рыцарь

Проклятая! не княжеской руке
Тебя бы поразить; под топором
Презренным палача должна бы ты
На плахе умереть — не с честью пасть
Под герцогским Бургундии мечом.

Иоанна

Итак, ты сам державный этот герцог?

Рыцарь

(поднимая забрало)

Я!.. Трепещи, конец твой наступил;

Теперь тебе не в помощь чародейство;
Лишь робких ты досель одолевала —
Муж твердый ждет тебя...

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

Т е ж е. Д ю н у а. Л а Г и р.

Д ю н у а

Постой, Филипп;

Не с девами, но с рыцарями бейся;
Мы защищать пророчицу клялися;
Нам прежде грудь пронзить твой должен меч.

Г е р ц о г

Я не страшусь ни хитрой чародейки,
Ни вас, рабов презренных чародейства.
Стыдися, Дюнуа; красней, Ла Гир;
Унизили вы рыцарскую храбрость;
Вы сан вождей на сан оруженосцев
Отступницы коварной променяли...
Я жду вас; бьемся... Тот в защите бога
Отчаялся, кто ад зовет на помощь.

Обважают мечи.

И о а н н а

(становится между ними)

Стой!

Г е р ц о г

Прочь!

(Нападает на Дюнуа.)

И о а н н а

Ла Гир, останови их. Нет!

Не должно здесь французской литься крови;
И не мечом решить сей спор; иное
На небесах назначено; я говорю,
Остановитесь; мне внимлите; духу
Покорствуйте, гласящему во мне.

Д ю н у а

Зачем ты мой удерживаешь меч?
Он дать готов кровавое решенье;

Готов упасть карательный удар,
Отмщающий отечества обиду.

И о а н н а

*(становится между ними и разъединяет их;
обращаясь к Дюнуа)*

Ни слова, Дюнуа... Ла Гир, умолкни.
Я с герцогом Бургундским говорю.

Все молчат.

Что делаешь, Филипп? И на кого
Ты обнажил убийства жадный меч?
Сей Дюнуа — сын Франции, как ты;
Сей храбрый — твой земляк и сослуживец;
И я сама — твоей отчизны дочь;
Все мы, которых ты обрек на гибель,
Принадлежим тебе, тебя готовы
Принять в объятия, склонить колена
Перед тобой почтительно желаем,
И для тебя наш меч без острия.
В твоем лице, под самым вражьим шлемом,
Мы зрим черты любимого монарха.

Г е р ц о г

Волшебница, ты жертву обольстить
Приманкою сладкоречивой мыслишь;
Но не меня тебе поймать; мой слух
Оборонен от сети слов коварных;
Твоих очей пылающие стрелы
От твердых лат души моей отпрянут...
Что медлишь, Дюнуа?.. Сразимся; биться
Оружием должны мы, не словами.

Д ю н у а

Сперва слова, потом удары; стыдно
Бояться слов; не та же ль это робость,
Свидетельство неправды?

И о а н н а

Нас не крайность
Влечет к твоим стопам, и не пощады
С покорностью мы просим... оглянись!

Британский стан лежит в кровавом пепле,
И поле все покрыли ваши трупы;
Ты всюду гром трубы французской внемлешь...
Всевышний произнес: победа наша!
Но лаврами прекрасного венца
С тобою мы готовы поделиться...
О! возвратись; враг милый, перейди
Туда, где честь, где правда и победа.
Небес посланница, сама я руку
Тебе даю; спасительно хочу я
Тебя увлечь в святое наше братство;
Господь за нас! все ангелы его —
Ты их не зришь — за Францию воюют;
Лилями увенчаны они;
И белизне сей чистой орифламы
Подобится святое наше дело;
Его символ: божественная дева.

Герцог

Прельстительны слова коварной лжи,
Ее ж язык — простой язык младенца;
И адский дух, вселившийся в нее,
Невинности небесной подражает.
Нет! страшно ей внимать... К мечу! мой слух,
Я чувствую, слабей моей руки.

Иоанна

Ты мнишь, что я волшебница, что ад
Союзник мой... но разве миротворство,
Прощение обид есть дело ада?
Согласие ль из тьмы его исходит?
Что ж человечески-прекрасней, чище
Святой борьбы за родину? Давно ли
Сама с собой природа в споре, небо
С неправой стороны и ад за правду?
Когда же то, что я сказала, *свято* —
Кто мог внушить его мне, кроме неба?
Кто мог сойти ко мне, в мою долину,
Чтобы душе неопытной открыть
Великую властителей науку?
Я пред лицом монархов не бывала,

Язык мой чужд искусству слов... но что же?
Теперь тебя должна я убедить —
И ум мой светел, зрю дела земные;
Судьба держав, народов и царей
Ясна душе младенческой моей;
Мои слова как стрелы громовые.

Герцог

(смотрит на нее с изумлением)

Что я? и что со мной?.. Какая сила
Мой смутный дух незапно усмирила?..
Обманчив ли сей трогательный вид?
Нет! чувствую, не адский обольститель
Меня влечет; мне сердце говорит:
С ней бог, она небес благовеститель.

Иоанна

Он тронут... так, он тронут; не напрасно
Молила я... лицо его безгневно!
Его глаза миролюбиво-ясны...
Скорей... покинуть меч... и сердце к сердцу!
Он плачет... он смиряется... он наш!

(И меч и знамя выпадают из рук ее; она бежит к герцогу, обнимает его в сильном движении.)

Ла Гир и Дюнуа бросают мечи и стремятся в объятия герцога.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дворец короля Карла в Шалоне на Марне.
Дюнуа. Ла Гир.

Дюнуа

Мы верные друзья и сослуживцы,
Мы за одно вооружились дело,
Беды и смерть делили дружно мы.
Ужель теперь любовь нас разлучит,
Превратною судьбой не разлученных?

Л а Г и р

Принц, выслушай.

Д ю н у а

Ла Гир, ты любишь деву;
И тайный твой мне замысел известен.
Я знаю, ты пришел сюда просить
У короля Иоанниной руки.
Не может быть, чтоб храбрости твоей
Он отказал в награде заслуженной;
Но знай, Ла Гир, чтоб ею обладать,
Сперва со мной...

Л а Г и р

Спокойся, Дюнуа.

Д ю н у а

Не блеском я минутной красоты,
Как юноша кипящий, очарован;
Любви моя упорная душа
До встречи с сей чудесною не знала;
Но здесь она, предъизбранная богом
Избавить Францию, моя невеста;
И ей моя душа при первой встрече
Любовию и клятвой отдалася.
Могучий муж могучую подругу
Сопутником житейским избирает;
Я сильную, пылающую грудь
Хочу прижать ко груди равносильной.

Л а Г и р

Не мне с тобой достоинством равняться,
Не мне с твоей великой славой спорить;
С кем Дюнуа идет в единоборство,
Покорно тот без боя отступи.
Но вспомни, кто она; дочь земледельца.
Приличен ли тебе такой союз?
Кто твой отец? и с кровью королей
Смешается ль простая кровь пастушки?

Д ю н у а

Она небесное дитя святой
Природы, как и я; равны мы саном.
И принцу ли бесславно руку дать
Ей, ангелов невесте непорочной?
Блистательней земных корон сияют
Лучи небес кругом ее главы;
Невидимы, ничтожны и презренны
Пред нею всё величия земли;
Поставьте трон на трон, до самых звезд
Воздвигнитесь... но все вам не достигнуть
Той высоты, на коей предстоит
Нам в ангельском величестве она.

Л а Г и р

Пускай решит король.

Д ю н у а

Нет! ей одной
Решить. Она свободу нам спасла —
Пускай сама останется свободна.

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

Те же. Король. Дю Шатель. Шатильон. Агнеса.

Л а Г и р

Вот и король.

К о р о л ь
(к Шатильону)

Он будет? Он готов
Меня признать и дать обет подданства?

Ш а т и л ь о н

Так, государь; в Шалоне всенародно
Желаю пасть Филиппу, бургундский герцог,
К твоим стопам; и мне он повелел
Приветствовать тебя как короля,
Законного владыку своего;
За мною вслед он скоро сам здесь будет.

А г н е с а

Он близко, день стократ благословенный!
Желанный день согласия и мира!

Ш а т и л ь о н

С ним двести рыцарей; перед тобой
Готов склонить свои колена герцог;
Но мыслит он, что ты того не стерпишь
И родственно прострешь ко брату руки.

К о р о л ь

Моя душа летит к нему навстречу.

Ш а т и л ь о н

Желает он, чтоб о вражде минувшей
Не поминать при первой вашей встрече.

К о р о л ь

Минувшее навеки позабыто;
Лишь ясные дни в будущем я вижу.

Ш а т и л ь о н

За всех своих ходатайствует герцог:
Прощение без исключения всем.

К о р о л ь

Всем! всем! они опять мое семейство!

Ш а т и л ь о н

Не исключать и королевы, если
На мир с тобой она согласна будет.

К о р о л ь

Не я воюю с ней, она со мною;
Конец вражде, когда ей мир угоден.

Ш а т и л ь о н

Двенадцать рыцарей залогом мира.

К о р о л ь

Мне слово свято.

Ш а т и л ь о н

Пусть архиепископ
Пред алтарем присягой обоюдной
Спасительный союз сей утвердит.

К о р о л ь

Не будь мне счастья в царствии небесном,
Когда моя рука и сердце врозь.
Какой еще залог желает герцог?

Ш а т и л ь о н

(посмотрев на Дю Шателя)

Здесь ёсть один... присутствием своим
Он возмутит свиданья сладость.

Дю Шатель удаляется молча.

К о р о л ь

Друг,

Поди; пускай смирит Филиппа время;
Дотоль его присутствия чуждайся.

*(Смотрит за ним вослед, потом бежит к нему
и обнимает его.)*

О верный друг, ты более хотел
За мой покой на жертву принести.

Ш а т и л ь о н

(подавая свиток)

Здесь прочие означены статьи.

К о р о л ь

Все наперед бесспорно утверждаю.
Что дорого за друга? — Дюнуа,
Возьми с собой сто рыцарей избранных
И к герцогу с приветствием спеши.
Должны надеть зеленые венки
Солдаты все для встречи братьев; город
Торжественно убрать, и звон
Колоколов пускай провозгласит,

Что Франция с Бургундией мирится.
Но что?.. Трубят!

Звук трубы.

П а ж

(вбегая поспешно)

Бургундский герцог в город
Вступает.

Д ю н у а

Рыцари, к нему навстречу!

(Уходит с Ла Гиром и Шатильоном.)

К о р о л ь

Агнеса, плачешь?.. Ах! и у меня
Нет сил для этой радостной минуты;
Сколь много жертв досталось смерти прежде,
Чем мирно мы увидеться могли.
Но стихнула свирепость бури; день
Сменил ночную тьму; настанет время,
И нам плоды прекрасные созреют.

А р х и е п и с к о п

(смотря в окно)

Народ со всех сторон; и нет ему
Дороги; на руках его несут,
Сорвав с коня; целуют платье, шпоры...

К о р о л ь

О добрый мой народ! огонь во мщенье!
Огонь в любви!.. Как скоро, примиренный,
Он позабыл, что этот самый герцог
Его отцов и чад убийцей был.
Всю жизнь одна минута поглощает.
Агнеса, укрепись; восторг твой сильный
Его душе быть может укоризной;
Чтоб здесь ничто его не оскорбляло.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Герцог Бургундский, Дюнуа, Ла Гир, Шатильон, два рыцаря из свиты герцога и прежние. Герцог останавливается в дверях; король делает движение, чтобы к нему подойти, но герцог его предупреждает; он хочет преклонить колена, но король принимает его в объятия.

К о р о л ь

Ты нас предупредил; тебе навстречу
Хотели мы; твои коны крылаты.

Г е р ц о г

Они к стопам монарха моего
Несли меня...

(Увидя Агнесу.)

Прекрасная Агнеса,
Вы здесь?.. Позвольте мне обычай наш
Аррасский сохранить; в моем краю
Прекрасный пол ему не прекословит.

(Целует ее в лоб.)

К о р о л ь

Молва идет, что твой блестящий двор
Учтивостью обычаев отличен,
Что он любви и красоты столица.

Г е р ц о г

Вас, государь, молва не обманула:
Моя земля отечество красавиц.

К о р о л ь

Но про тебя молва гласит иное:
Что будто ты в любви непостоянен
И верности не веришь.

Г е р ц о г

Государь,
Неверием неверный и наказан;
Заране вы постигли сердцем то,
Что поздно мне открыто бурной жизнью.
(Увидя архиепископа, подает ему руку.)

Вы здесь, отец; вы вечно там, где честь.
Благословите; кто вас хочет встретить,
Тот праведной стези не покидай.

А р х и е п и с к о п

Благодарю всевышнего! я радость
Вкусил вполне и свет готов покинуть:
Мои глаза прекрасный день сей зрели.

Г е р ц о г (Агнесе)

До нас дошло, что все свои алмазы
Вы отдали, дабы сковать из них
Оружие против меня... ужели
Вам так была нужна моя гибель?
Но спор наш кончен; все должно найтись,
Что в нем утрачено; алмазы ваши
Нашлись; войне вы жертвовали ими —
Их от меня примите знаком мира.

*(Берет у одного из пришедших с ним ларчик и
подает его Агнесе; она смотрит в недоумении
на короля.)*

К о р о л ь

Возьми; то мне залог вдвойне священный
Прекрасныя любви и примиренья.

Г е р ц о г (вплетая ей в волосы алмазную розу)

Жаль, что теперь в руках моих цветочек,
А не венец французской королевы:
Как возложил бы я его любовно
На эту несравненную головку...

(Значительно пожимает руку Агнесы.)

И ежели понадобится друг,
Вы на меня рассчитывайте смело.

Агнеса плачет; король тронут; все смотрят на них с чувством.

Герцог

(посмотря на всех, бросается в объятия к королю)

О государь!

В эту минуту три бургундских рыцаря бегут к Дюнуа, Ла Гиру и архиепископу и обнимают их. Герцог несколько минут держит короля в объятиях.

И вас я мог отречься?

И вам я недруг был?

Король

Молчи! ни слова!

Герцог

Я мог врага венчать короной вашей,
Пришельцу дать обет подданства, гибель
Законному монарху приготовить?

Король

Спокойся; все забыто; этот миг
Всему, всему замена; то была
Судьба или враждебная звезда.

Герцог

(взяв его руку)

Заглажу все; поверьте, все заглажу;
И вам за все страдания воздам;
Вся Франция во власти вашей будет;
Ни одного села им не похитить.

Король

В союзе мы — какой же враг опасен?

Герцог

О верьте, я спокоен сердцем не был,
Воюя против вас. Когда б вы знали...

(Указывая на Агнесу.)

Но для чёго ж ее вам не прислать?
Ее слезам кто б мог не покориться?
Теперь всему конец; сам ад не властен

Нас разлучить, прижавших сердце к сердцу;
Узнал свое теперь я место; здесь,
При вас, свое я странничество кончил.

А р х и е п и с к о п

В союзе вы — и Франция, как феникс,
Подымется из пепла своего;
Загладится войны кровавый след;
Сожженные селенья, города
Блистательней восстанут из развалин,
И жатвою поля зазеленеют.
Но падшие раздора жертвой — их
Уже не воскресить! и слезы, в вашей
Вражде пролитые, пролиты *были*
И *будут*; расцветет *другое* племя,
Но *прежнее* все жертвой бед увяло...
Пробудятся ль отцы для счастья внуков?
Таков раздора плод: для вас, монархи,
Урок сей; божество меча ужасно;
Его могущества не испытайте; раз
Исторгнувшись с войной, оно уже —
Как сокол, с вышины на крик знакомый
Слетающий к стрелку, — не покорится
Напрасному призыванью человека;
И не всегда к нам во-время, как ныне,
Спасение небесное нисходит.

Г е р ц о г

О государь! при вас небесный ангел.
Но где ж она? Что медлит?..

К о р о л ь

Где Иоанна?

Почто в торжественно-счастливый миг
Не видим мы создательницы счастья?

А р х и е п и с к о п

Ее душе противен, государь,
Веселый блеск роскошного двора.
Когда ее глас божий не стремится
В среду людей, застенчиво она
Скрывается от взоров любопытных;

Как скоро нет заботы ей о благе
Отечества — она в беседе с богом;
И всюду с ней его благословенье.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Прежние. Иоанна, в панцире, но без шлема; на голове
ее венки из белых роз.

К о р о л ь

Иоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союз.

Г е р ц о г

Ужасна ты была в сраженьи;
Но сколь мила в спокойной красоте!
Иоанна, я исполнил свой обет;
Довольна ль мною ты?

И о а н н а

Себя, Филипп,
Возвысил ты смирением своим.
Доселе нам в пожарном блеске брани
Являлся ты кометою бедоносною;
И благостью теперь ты нам сияешь.

(Осматриваясь.)

Все рыцари в торжественном собраньи;
И светлая горит в очах их радость;
Лишь *одного* несчастного я зрела...
Тоскует он при общем торжестве.

Г е р ц о г

Кто он? Каким тяжелым преступленьем
Обременен, чтоб милости не верить?

И о а н н а

Дерзнет ли он приблизиться? Скажи...
И он у ног твоих. О! доверши
Прекрасный подвиг твой; нет примиренья,
Когда душа не вся еще свободна!
Отравой нам целебное питье,
Когда в святом мирительном сосуде

Хотя одна есть ненависти капля.
Не может быть обиды столь кровавой,
Чтоб ты ее в сей день не позабыл.

Герцог

Я понимаю.

Иоанна

Так! и ты простишь;

Не правда ль, друг?.. Войди же, Дю Шатель;
*(Она открывает дверь и вводит Дю Шателя, кото-
рый становится поодаль.)*

Своих врагов всех милует Филипп;
И ты прощен.

Дю Шатель приближается.

Герцог

Что делаешь со мною,
Иоанна?.. Знаешь ли, чего ты просишь?

Иоанна

Приветливо, без исключения, всех
Зовет в свой дом гостейпримец добрый;
Как небеса вселенную свободно,
Так друга и врага объемлет милость;
Без выбора, повсюду блеском равным
В неизмеримости сияет солнце;
Всем жаждущим растениям равно
Дает свою живую росу небо;
На всех, для всех добро нисходит свыше.

Герцог

Не властен я упорствовать пред нею;
Моя душа в руках ее как воск..
Приблизься, Дю Шатель... Не оскорбись;
О тень отца, что руку я свою
В сразившую тебя влагаю руку;
Не оскорбитесь вы, боги смерти,
Что изменил я страшной клятве мщенья;
У вас, во тьме подземного покоя,
Не бьется сердце; там все вечно, все
Неизменяемо... но все иное
Здесь, на земле, под ясным блеском солнца;

Здесь человек, живым влекомый чувством,
Игралице всесильного мгновенья.

К о р о л ь
(Иоанне)

О! как тебя благодарить, Иоанна?
Прекрасно ты свершила свой обет;
Ты вею мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прах,
У хищника мои отняты земли,
И всё тобой... Что дам тебе в награду?

И о а н н а

Будь в счастье человек, как был в несчастье;
На высоте величия земного
Не позабудь, что значит друг в беде:
То испытал ты в горьком униженье;
К беднейшему в народе правосудным
И милостивым будь: из бедной кущи
Тебе извел спасительницу бог...
Вся Франция твою признает власть;
Ты праорцом владык великих будешь;
Потомки от тебя своею славой
Затмят твоих предшественников славу;
И род твой будет цвести, доколь любовь
Он сохранит к себе в душе народа;
Лишь гордостью погибнуть может он;
И в низкой хижине, откуда ныне
Спаситель вышел твой, таится грозно
Для правнуков виновных истребленье.

Г е р ц о г

Пророчица, наставленная небом,
Когда тебе в грядущем тайны нет,
Скажи и мне о племени моем:
Продлится ли величие его?

И о а н н а

Филипп, я зрю тебя во блеске, в силе;
Близ трона ты, и выше гордый дух

Стремится взлететь; под облака
Он смелое свое возносит зданье;
И сильная рука из высоты
Строение гордыни остановит...
Но не страшись, не рухнет твой дом;
Он девою для славы сохранится,
И скиптроносные монархи, сильных
Народов пастыри, от ней родятся;
Могущие, они с двух славных тронов
Дадут закон и знаемому свету
И новому, сокрытому всевышним
Еще за мглой морей непереплывтых.

К о р о л ь

О! если дух открыл тебе, поведай:
Сей дружеский, спасительный союз —
Продлится ль он, чтобы и внукам нашим,
Как нам, благотворить?

И о а н н а
(помолчав)

Владыки мира,
Страшитесь раздора, не будите
Вражды в ее ужасном логовище;
Рассвирепев, не стихнет; от нее
Ужасное родится поколение;
Она пожар пожаром зажигает...
Но я молчу... Спокойно в настоящем
Ловите счастье, а мне оставьте
Грядущее безмолвием закрыть.

А г н е с а

Иоанна, ты в душе моей читаешь;
Ты ведаешь, хочу ль мирских величий...
Скажи и мне пророческое слово.

И о а н н а

Небесный дух являет мне одну
Великую всемирную судьбину...
Твоя ж судьба в твоей душе таится.

Д ю н у а

Но что ж тебе самой назначил бог?
Откройся нам, небесная. О! верно,
Тебя ждет лучшее земное счастье
В награду за твое смиренье.

И о а н н а

(задумчиво и смиренно показав на небо)

Счастье

На небесах у вечного отца.

К о р о л ь

Поверь его монарху твоему;
И почтено твое да будет имя
Во Франции; пускай тебе дивятся
Позднейшие потомки... да свершится
Теперь же долг мой; на колена!

Иоанна становится на колена; король вынимает меч и прикасается им к ней.

С и м

Прикосновением меча, Иоанна,
Король тебе дарует благородство;
Восстань; твоя возвышена порода,
И самый прах отцов твоих прославлен;
Лилея Франции твой герб; знатнейшим
Отныне будь равна высоким саном;
Твоя рука будь первому из первых
Великою наградой; мне ж оставь
Тебе найти достойного супруга.

Д ю н у а

Моя она; ее и в низкой доле
Я выбрал сердцем — честь не возвышает
Моей любви, ни доблести ее;
Перед лицом монарха моего я,
В присутствии святого мужа церкви,
Готов ее наречь моей супругой,
Готов подать ей княжескую руку,
Когда мой дар принять благоволит.

К о р о л ь

Неизъяснимая, за чудом чудо
Творишь ты... Так, я верю, для тебя
Возможно все; ты в этом гордом сердце,
Любовию досель не побежденном,
Любовь произвела.

Л а Г и р

Краса Иоанны

Есть кроткое души ее смиренье;
Она всего великого достойна —
Но чужды ей и гордые желанья
И почестей блестящая ничтожность;
Простой удел, любовь простого сердца
С моей рукой я предлагаю ей...

К о р о л ь

И ты, Ла Гир? Два равных пред тобою
Соперника по мужеству и сану,
Иоанна... ты врагов со мной сдружила,
Мой трон возвысила; ужель теперь
Меня лишишь друзей моих вернейших?
Для одного награда; но достойны
Равно награды оба; отвечай.

А г н е с а

Ее душа внезапною смутилась,
И девственным стыдом она краснеет.
О! дайте ей спроситься с сердцем, тайну
С подругой верной разделить и душу
Передо мной открыть непринужденно;
Теперь мой час; как нежная сестра
Приблизиться могу я к строгой деве,
Чтоб женское с заботливостью женской
Размыслить вместе с ней. Оставьте нас
Решить наедине.

К о р о л ь

Пойдем.

И о а н н а

Постойте;

Нет, государь, мои нылают щеки
Не пламенем смятенного стыда;
И то, что я могу сказать ей втайне,
То я скажу и пред лицом мужей...
О рыцари! своим избраньем вы
Великую мне делаете честь;
Но разве я для суетных величий
Покинула отеческую паству?
Для брачного ль венца я грудь младую
Одела в сталь и панцырь боевой?
Нет, призвана я к подвигу иному;
Лишь чистою свершится девой он;
Я на земле воительница бога;
Я на земле супруга не найду.

А р х и е п и с к о п

Быть на земле сопутницей супруга
Есть жребий женщины; храня закон
Природы, божеству она угодна;
И, совершив указанное небом,
Тебя пославшим в бой, ты броню скинешь,
Ты перейдешь к судьбе своей смиренной,
Покинутой для бранного меча;
Не девственной руке им управлять.

И о а н н а

Святой отец, еще не знаю я,
Куда меня пошлет могущий дух;
Придет пора, и он не промолчит,
И покорюсь тогда его веленью;
Теперь же он велит начатый подвиг
Свершить: еще монарх мой не увенчан;
Еще елей главы его избранной
Не освятил; еще он не король.

К о р о л ь

Но мы идем стезей прямою к Реймсу.

И о а н н а

И медлить нам не должно; враг повсюду;
Дорогу нам он мыслит заградить;
Но сквозь него промчу к победе вас.

Д ю н у а

Когда же все, Иоанна, совершится,
Когда войдем с тобою в стены Реймса,
Склонишь ли ты внимание тогда...

И о а н н а

Когда господь велит, чтоб я с победой
Из грозных борьбы со смертью вышла,
Тогда всему конец; тогда пастушке
Уж места нет в обители монарха.

К о р о л ь

(взяв ее за руку)

Теперь тебе лишь гоним духа внятен;
Любовь молчит в груди, горящей богом;
Но верь, она молчать не вечно будет;
Утихнет брань; победа приведет
К нам ясный мир; в сердца волеется

радость,

Нежнейшие пробудятся в них чувства...
Тогда об них проведает и ты;
Тогда впервой печали сладкой слезы
Прольют твои глаза, и будешь сердцем,
Исполненным донныне только неба,
С любовью искать земного друга;
Всех ныне ты для счастья спасла —
И одному тогда ты будешь счастьем.

И о а н н а

(посмотрев на него с унылым негодованием)

Иль, утомясь божественным явленьем,
Уж хочешь ты разбить его сосуд
И благовестницу верховной воли
Низвести во прах ничтожности земной?
О маловерные! сердца слепые!

Величие небес кругом вас блещет;
Их чудеса пред вами без покрова;
А я для вас лишь женщина... безумцы!
Но женщине ль под бронею железной
Мешаться в бой, водить мужей к победе?
Погибель мне, когда, господне мщенье
Нося в руке, я суетную душу
Отдам любви, от бога запрещенной;
О нет! тогда мне лучше б не родиться;
Ни слова более; не раздражайте
Моей душой владеющего духа;
Один уж взор желающего мужа
Есть для меня и страх и оскверненье.

К о р о л ь

Умолкните; ее не преклонить.

И о а н н а

Вели, вели греметь трубе военной;
Спокойствие меня теснит и мучит;
Стремительно зовет моя судьба
Меня от сей бездейственности хладной;
И строгий глас твердит мне: довершай.

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Те же. Рыцарь вбегает поспешно.

К о р о л ь

Что сделалось?

Р ы ц а р ь

Близ Марны неприятель;
Он строится в сраженье.

И о а н н а

(вдохновенно)

Бой и брань!

Теперь душа от уз своих свободна...
Друзья, к мечам; а я устрою войско.

(Уходит поспешно.)

К о р о л ь
(*Ла Гиру*)

Поди за ней. Перед стенами Реймса
Они хотят сорвать с меня корону.

Д ю н у а

Их мчит не мужество, но безнадежной
Свирепости отчаянный порыв.

К о р о л ь
(*герцогу*)

Филипп, тебя я не зову; но час
Настал минувшее загладить.

Г е р ц о г

Будешь

Доволен мной.

К о р о л ь

Я сам дорóгой чести
Хочу идти пред войсками моими,
Хочу в виду венчательного Реймса
Венец мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говорит тебе: *прости!*

А г н е с а
(*подает ему руку*)

Не плачу я; моя душа спокойна;
На небесах живет моя надежда;
На то ль даны столь явные залого
Спасенья их, чтоб после нам погибнуть?..
Ты победишь; то сердца предвещанье;
И в Реймсе нам назначено свиданье.

Все уходят. Сцена перемещается; видно открытое поле, на нем рассыпаны группы деревьев; за сценою слышны военные инструменты, выстрелы, стук оружия; сражающиеся пробегают через сцену; наконец, все тихо; сцена пуста.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тальбот выходит раненый, опираясь на Фастольфа, за ним солдаты, скоро потом Лионель.

Т а л ь б о т

Под этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами в бой подите;
Чтоб умереть, помощник мне не нужен.

Ф а с т о л ь ф

Несчастный день! враждебная судьба!
(К Лионелю.)

Зачем пришел ты, Лионель? Смотри,
Наш храбрый вождь от раны умирает.

Л и о н е л ь

Да сохранит нас небо! Встань, Тальбот,
Не время нам о ранах помышлять;
Вели ожить природе; одолей
Бунтующую смерть.

Т а л ь б о т

Напрасно все;
Судьба произнесла: должна погибнуть
Во Франции британская держава;
Последнее отчаянною битвой
Я истощил, чтоб рок сей отвратить;
И здесь лежу, разбит стрелой громовой,
Чтоб более не встать. Потерян Реймс —
Париж спасайте.

Л и о н е л ь

Нет для нас Парижа:
Он договор с дофином заключил.

Т а л ь б о т

(срывая с себя повязку)

Бегите ж вы, кровавые потоки;
Противно мне смотреть на это солнце.

Лионель

Мне ждать нельзя; Фастольф, на этом месте
Вождю опасно быть; нам отстоять
Его не можно: нас теснят ужасно;
Ряды расстроены; за девой вслед
Они бегут — и всё, как буря, ломают.

Тальбот

Безумство, ты превозмогло; а я
Погибнуть осужден. И сами боги
Против тебя не в силах устоять.
О гордый ум, ты, светлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Создания, правитель мира, что ты?
Тебя несет, как бурный конь, безумство;
Вотще твоя узда; ты бездну видишь,
И сам в нее с ним падаешь невольню;
Будь проклят тот, кто в замыслах великих
Теряет жизнь, кто мудро выбирает
Себе стезю вернейшую. Безумству
Принадлежит земля.

Лионель

Тальбот, тебе

Не много здесь минут осталось; вспомни
О боге...

Тальбот

Если б мы разбиты были,
Как храбрые от храбрых,— нам отрадой
Была бы мысль, что мы в руке судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкой мечты...
Иль наша жизнь, вся отданная бурям,
Не стоила славнейшего конца?

Лионель

(подает ему руку)

Тальбот, прости; дань слез моих тебе
Я принесу, как друг твой, после битвы,
Когда останусь цел... теперь иду;
Еще судьба на поле боевом

Свой держит суд и жребии бросает;
Простимся до другого света; краток
Разлуки миг за долгую любовь!

(Уходит.)

Т а л ь б о т

Минута кончит все; отдам земле
И солнцу все, что здесь во мне сливалось
В страдание и в радость так напрасно;
И от могучего Тальбота, славой
Наполнившего свет, на свете будет
Одна лишь горсть летучей пыли. Так
Весь гибнет человек — и вся нам прибыль
От тягостной борьбы с суровой жизнью
Есть убеждение в небытии
И хладное презренье ко всему,
Что мнилось нам великим и желанным.

Я В Л Е Н И Е С Е Д ь М О Е

Король, герцог, Дюнуа, Дю Шатель и солдаты
входят.

Г е р ц о г

Сраженье решено.

Д ю н у а

Победа наша.

К о р о л ь

(заметив Тальбота)

Но кто же там, покинутый, лежит
В борении с последнею минутой?
По броне он не ратник рядовой.
Скорей! помочь, когда еще не поздно!

К Тальботу приближаются солдаты.

Ф а с т о л ь ф

Не приближайтесь, прочь! почтенье к
Того, кто был так страшен вам живой! смерти

Герцог

Что вижу я? Тальбот лежит в крови.

(Приближается к нему.)

Тальбот, взглянув на него быстро, умирает.

Фастольф

Не подходи, предатель ненавистный!
Твой вид смутит последний взор героя.

Дюна

Тальбот, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство для тебя,
Которого желаньям исполинским
Всей Франции обширной было мало!

(Преклоняет меч перед королем.)

Теперь приветствую вас королем;
Дрожал венец на вашей голове,
Пока душа жила еще в сем теле.

Король

(посмотрев молча на мертвого)

Не мы его сразили — некто высший!
На землю Франции он лег, как бодрый
Боец на щит, которого не выдал.

(К воинам.)

Возьмите!

Труп Тальботов выносят.

Мир его великой тени;
Здесь памятник ему достойный будет;
В середине Франции, где он геройски
Свой кончил путь, покойся прах его;
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробие ему
То место, где его найдут во гробе.

Фастольф

(подавая меч королю)

Я пленник ваш.

К о р о л ь
(возвращая ему меч)

Нет, рыцарь; и война
Священный долг умеет чтить: свободно
Ты своего проводишь полководца...
Но, Дю Шатель... моя Агнеса в страхе;
Спеши ее обрадовать победой;
Скажи, что я и жив и невредим,
Что в Реймсе жду ее к коронованью.

Дю Шатель уходит.

Я В Л Е Н И Е В О С Ъ М О Е

Т е ж е. Л а Г и р.

Д ю н у а

Ты здесь, Ла Гир? Но где Иоанна?

Л а Г и р

Как?

Она не с вами? Я ее покинул
В сраженье близ тебя.

Д ю н у а

Я побежал

На помощь к королю; я был в надежде,
Что ты останешься при ней...

Г е р ц о г

Недавно

Я видел сам в густой толпе врагов
Ее распущенное знамя...

Д ю н у а

Боже!

Страшусь я; где она? Скорее к ней
На помощь. Может быть, ее далеко
Замчало мужество. Одна, быть может,
Она, толпой стесняемая, бьется
И тщетно ждет защиты от друзей.

К о р о л ь

Спешите.

Д ю н у а
Я бегу.

Л а Г и р

И я.

Г е р ц о г

Мы все.

Все уходят поспешно.

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

Другое место на поле сражения: утесы, деревья; вдали башни Реймса, освещенные заходящим солнцем. Рыцарь в черном панцире с опущенным забралом. Иоанна преследует его; он остававлывается.

И о а н н а

Коварный, я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворным бегством ты
Меня сюда увлек из жаркой битвы,
Чтобы своих снасти от грозной встречи
С моим мечом; но сам теперь погибнешь.

Ч е р н ы й р ы ц а р ь

Почто за мной ты гонишься? Почто
Так бешено к моим стопам пристала?
Не суждено мне пасть твоей рукой.

И о а н н а

Противен ты душе моей, как ночь,
Которой цвет ты носишь; истребить
Тебя с лица земли неодолимо.
Влечет меня могущее желанье.
Скажись, кто ты? Открой забрало. Если б
Передо мной Тальбот не нал в сраженье,
Тогда бы я сказала: ты Тальбот.

Ч е р н ы й р ы ц а р ь

Иль смолкнул глас пророческого духа?

И о а н н а

Нет, громко он вещает мне, что здесь.
Моя беда стоит с тобою рядом.

Ч е р н ы й р ы ц а р ь

Иоанна д'Арк, с победою до Реймса
Дошла ты — стой! не дале! будь довольна
Своим венцом и счастье отпусти,
Служившее тебе рабом покорным;
Не жди, чтобы оно забунтовало;
Ласкает нас, но верность ненавидит
И никому не служит до конца.

И о а н н а

Почто ты мне велишь с моей дороги
Сойти, забыв начатый мною подвиг?
Свершу его, исполню свой обет.

Ч е р н ы й р ы ц а р ь

Могучая, ты все ниспровергаешь;
Покорен бой тебе — но удержишь
От боя; мне поверь, пока не поздно.

И о а н н а

Не выпущу меча я из руки,
Доколь враги не втоптаны во прах.

Ч е р н ы й р ы ц а р ь

Смотри же, там сияют башни Реймса;
Туда твой путь; ты видишь, блещет купол
Соборная величественной церкви —
В нее вступить ты можешь с торжеством,
В ней увенчать монарха, свой обет
Исполнить, но... Иоанна, не входи
В ту церковь; мне поверь — и возвратись.

И о а н н а

Но кто же ты, прельститель двуязычный?
Ты мнишь меня смутить и ужаснуть

Обманчивым пророчеством...

Черный рыцарь хочет уйти; она заступает ему дорогу.

Постой;

Ответствуй мне иль гибни...

(Хочет ударить в него мечом.)

Черный рыцарь

(прикасается к ней рукой, и она остается неподвижна)

Умерщвляй

Одно лишь смертное.

Гром и молния; рыцарь исчезает.

Иоанна

(долго молчит в изумлении, потом, опомнившись, говорит)

То был не здешний

И не живой... то было привиденье,

Враждебный дух, изникнувший из ада,

Чтобы смутить во мне святую веру.

Но мне с мечом владыки моего

Кто страшен? Нет, иду; зовет победа;

Пусть на меня весь ад вооружится;

Жив бог — моя надежда не смутится.

(Хочет идти; ей навстречу Лионель.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Иоанна. Лионель.

Лионель

Отступница, готовься в бой; погибнуть

Один из нас на этом месте должен;

Храбрейшие тобой умерщвлены;

Герой Тальбот в объятиях моих

С великою душой своей расстался;

Отмщу за храброго — иль будь одна

Для нас судьба; но пасть ли мне, иль нет,

Ты прежде знать должна, кого твой рок

С тобою свел,— я Лионель, последний
Британский вождь, еще непобежденный.
(Нападает на нее; через минуту она вышибает
из руки его меч.)

О счастье!

(Борется с нею.)

Иоанна во время борьбы срывает с него шлем, и он остается
с непокрытою головою; поднявши меч, чтобы его поразить,
она говорит:

И о а н н а

Умри! святая дева
Моей рукой тебя приносит в жертву.

(В эту минуту ее глаза встречаются с глазами
Лионеля; пораженная видом его, она стоит не-
подвижна, и рука ее опускается.)

Л и о н е л ь

Что медлишь? Что удар твой задержало?
Взяв честь, возьми и жизнь; я не хочу
Пощады; я в твоих руках.

Она подает ему знак рукою, чтобы он бежал.

Б е ж а т ь

Мне должно? Быть обязанным тебе
Презренной жизнью? Скорей погибнуть!

И о а н н а

(отвернув глаза)

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была в моих руках...

Л и о н е л ь

Я ненавижу
Тебя и дар твой; не хочу пощады;
Не медли, поражай того, кто сам
Сразить тебя хотел.

И о а н н а

Убей меня

И удались.

Л и о н е л ь

Что слышу?

И о а н н а

(закрыв лицо руками)

Горе мне!

Л и о н е л ь

(приближаясь к ней)

Молва идет, что ни один британец
Тобой не пощажен; за что же мне
Пощада одному?

И о а н н а

*(собравшись с духом, поднимает меч, чтобы его
поразить; но, опять взглянув на него, опускает
руку)*

Святая дева!

Л и о н е л ь

Почто зовешь святую? О тебе
Не ведает она; ты небесами
Отвержена.

И о а н н а

(в сильнейшем отчаянии)

О горе! горе! что
Я сделала? Нарушен мой обет.

(Ломает в горести руки.)

Л и о н е л ь

(смотрит на нее с участием и подходит ближе)

Несчастливая, жалею о тебе;
Ты трогаешь меня; со мной одним
Великодушною была ты; сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
С участием оно к тебе стремится.
Скажи, кто ты? откуда?

И о а н н а

Прочь! беги!

Л и о н е л ь

Мне жаль твоей цветущей красоты,
Жаль младости твоей; твой милый образ
Теснится в душу мне, и я хотел бы
Тебя спасти, но как и чем спасу?
Поди за мной; оставь союз свой страшный;
Оставь погибельный свой меч.

И о а н н а

Увы!

Носить его я недостойна.

Л и о н е л ь

Брось

Его; иди со мной!

И о а н н а

(в ужасе)

С тобой? О небо!

Л и о н е л ь

Пойдем; еще тебя спасти возможно,
И я тебя спасу... но поспеши.
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебе... невыразимым
Желанием спасти тебя полна.

(Берет ее за руку.)

Вдали показываются Дюнуа и Ла Гир.

И о а н н а

О боже! Дюнуа... они уж близко;
Беги, тебя найдут.

Л и о н е л ь

Я твой защитник.

И о а н н а

О нет! Беги! Умру, когда погибнешь.

Л и о н е л ь

Иль дорог я тебе?

И о а н н а

О пресвятая!

Л и о н е л ь

Увидимся ль? Услышу ль о тебе?

И о а н н а

Нет, никогда.

Л и о н е л ь

Сей меч в залог, что я
Тебя найду.

(Вырывает из рук ее меч.)

И о а н н а

Ты смеешь, безрассудный!

Л и о н е л ь

Теперь я уступаю силе; мы
Увидимся.

(Уходит поспешно.)

я в л е н и е о д и н н а д ц а т о е

Д ю н у а . Л а Г и р . И о а н н а .

Л а Г и р

Она! она!

Д ю н у а

Иоанна,
Спокойна будь: друзья твои с тобою.

Л а Г и р

Не Лионель ли там бежит?

Д ю н у а

Оставь
Его; Иоанна, битва решена;
Реймс отворил ворота; весь народ
Бежит толпой навстречу королю.

Ла Гир

Но что она?.. Шатается, бледнеет.

Дюнуа

Ты ранена?

Иоанна падает к ним на руки.

Снять панцырь! рана
В плече, и легкая.

Ла Гир

Но льется крови!

Иоанна

Пускай она с моею льется жизнью.
(Лишается памяти.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Богато убранная зала; колонны обвиты гирляндами из цветов; вдали слышны флейты и гобои; они играют во все продолжение первой сцены.

Иоанна

(стоит в задумчивости и слушает, потом говорит)

Молчит гроза военной непогоды;
Спокойствие на поле боевом;
Везде шумят по стогнам хороводы;
Алтарь и храм блистают торжеством.
И зиждутся из ветвей пышны входы,
И гордый столб обвит живым венцом,
И гости ждут венчательного пира;
Готовы трон, корона и порфира.

И все горит единым вдохновеньем,
И груди всем подьемлет мысль одна,
И счастье волшебным упоеньем

Сдружило все, что рознила война;
Гордится франк своим происхождением,
Как будто всем отчизна вновь дана;
И с честью примирена корона;
Вся Франция в собрании у трона.

Лишь я одна, великого свершитель,
Ему чужда бесчувственной душой;
Их счастья, их славы хладный зритель,
Я прочь от них лечу моей мечтой;
Британский стан — любви моей обитель,
Ищу врагов желаньем и тоской;
Такошь друзей, бегу в уединенье
Сокрыть души преступное волнение.

Как! мне любовьию пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обещанную душу?
Мне, усладительнице бед,
Вождю спасенья и побед,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укорины?
Скажу ль о том сиянью дня?
И стыд не истребит меня!

Звуки инструментов за сценою сливаются в тихую, нежную мелодию.

Горе мне! какие звуки!
Пламень душу всю проник,
Милый слышится мне голос,
Милый видится мне лик.

Возвратися буря брани!
Загрямите, стрелы, копыя!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душе покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!

Непонятым упоеньем
Вы ее очаровали;
Слезы льются от печали.

(Помолчав, с бѣльшею живостию.)

Могла ли я его сразить? О, как
Сразить, узрев его прекрасный образ?
Нет, нет, себя скорей бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грех ли жалость?.. Как?.. Скажи ж,
Иоанна,
Была ль к другим ты жалостлива в битве?
И жалости ль покорен был твой меч,
Когда молодой валлиец пред тобою
Лежал в слезах, вотще моля о жизни?
О сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящие заманишь в ослепленье?
Нет, нет, тебя влекло не сожаленье.
Увы! почто дерзнула я приметить
Его лица младую красоту!
Несчастливая, сей взор — твоя погибель;
Орудия слепого хочет бог.
Идти за ним должна была ты слепо;
Но волю ты дала очам узреть —
И от тебя щит божий отклонился,
И адская тебя схватила сеть.

*(Задумывается, вслушивается в музыку,
потом говорит.)*

Ах! почто за меч воинственный
Я мой посох отдала
И тобою, дуб таинственный,
Очарована была?
Мне, владычица, являла ты
Свет небесного лица;
И венец мне обещала ты...
Недостойна я венца.

Зрела я небес сияние,
Зрела ангелов в лучах...
Но души моей желание
Не живет на небесах.

Грозной силы повеление
Мне ль, бессильной, совершить?
Мне ли дать ожесточение
Сердцу, жадному любить?

Нет, из чистых небожителей
Избирай твоих свершителей;
С неприступных облаков
Призови твоих духов,
Безмятежных, не желающих,
Не скорбящих, не теряющих...
Деву с нежною душой
Да минует выбор твой.

Мне ль свирепствовать в сражении?
Мне ль решить судьбу царей?..
Я пасла в уединении
Стадо родины моей...
Бурный путь мне указала ты,
В дом царей меня ввела;
Но... лишь гибель мне послала ты...
Я ль сама то избрала?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Агнеса. Иоанна.

Агнеса

(идет в сильном волнении чувства к Иоанне, хочет броситься к ней на шею, но, одумавшись, падает перед ней на колёна)

Нет! нет! во прах перед тобою...

Иоанна

(стараясь ее поднять)

Встань,

Агнеса, ты свой сан позабываешь.

Агнеса

Оставь меня; томительная радость
Меня к твоим ногам бросает — сердце
Пред божеством излить себя стремится;

Незримого в тебе боготворю.
Наш ангел ты; тобою мой властитель
Сюда введен; готов обряд венчанья;
Стоит король в торжественной одежде;
Собираются кругом монарха пэры,
Чтобы нести регалии во храм;
Народ толпой бежит к соборной церкви;
Повсюду клик и звон колоколов...
Кто даст мне сил снести такое счастье?

Иоанна поднимает ее. Агнеса смотрит на нее пристально.

Лишь ты одна сурово равнодушна;
Ты благ, тобой даруемых, не делишь;
Ты холодно глядишь на нашу радость;
Ты видела величие небес
И счастье земному неприступна.

Иоанна в сильном движении схватывает ее за руку, потом задумчиво опять ее опускает.

О! если б ты узнала сладость чувства;
Войны уж нет; сложи твой бранный
панцырь
И грудь открой чувствительности женской...
Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

И о а н н а

Чего ты требуешь?

А г н е с а

Обезоружь

Себя, покинь твой меч; любовь страшится
Окованной железом тяжким груди;
Будь женщина, и ты любовь узнаешь.

И о а н н а

Мне, мне себя обезоружить? Нет,
Я побегу с открытой грудью в бой...
Навстречу смерти... нет, тройной булат
Пусть будет мне защитой от ваших
Пиров и от меня самой.

А г н е с а

Иоанна,

Граф Дюнуа, великодушный, славный,
К тебе горит святым, великим чувством;
О! верь мне, быть любовью героя
Удел прекрасный... но любить героя
Еще прекраснее...

Иоанна отвращается в сильном волнении.

Ты ненавидишь

Его?.. Нет, нет, его не любишь ты;
Но ненависть... лишь тот нам ненавистен,
Кто милого из наших рук исторгнул;
Но для тебя нет милого; ты сердцем
Спокойна... Ах! когда б оно смягчилось!

И о а н н а

Жалей меня, оплачь мою судьбу.

А г н е с а

Чего ж тебе недостает для счастья?
Все решено: отчизна спасена;
С победою, торжественно в свой Реймс
Вступил король, и слава твой удел;
Тебя народ честит и обожает;
Во всех устах твоя хвала; ты гений,
Ты божество сих праздников веселых,
И сам король не столь в своей короне
Величествен, как ты.

И о а н н а

О! если б скрыться
Могла во тьме подземной я от вас!

А г н е с а

Что слышу? Как понять тебя, Иоанна?
И ныне кто ж взглянуть дерзнет на свет,
Когда тебе глаза потупить должно?..
Мне, мне краснеть, мне, низкой пред тобою,
Не смеющей и мыслию постигнуть

Величия души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?
Не славное спасение отчизны,
Не торжество побед, не обновленный
Престола блеск, не шумный пир народа
Мне радости причина; нет, *один*
Живет в моей душе — иному чувству
В ней места нет, — *он*, сей боготворимый;
Его народ приветствует; *его*
Бегут встречать; пред *ним* цветы бросают —
И он, для всех *единственный*, — он *мой*.

И о а н н а

Счастливица, завидую тебе;
Ты любишь там, где любит всё; ты смеешь
Свободно, вслух изречь свое блаженство;
Перед людьми его ты не таишь;
Их общий пир есть пир твоей любви;
И этот весь бесчисленный народ,
Ликующий с тобой в одних стенах, —
Прекрасное твое он чувство делит,
Тебя приветствует, тебя венчает;
Ты с радостью всеобщей заодно;
Твоей душе небесный день сияет,
Любовью все твоей озарено.

А г н е с а

(*падая в ее объятия*)

О радость! мой язык тебе понятен!
Иоанна, ты... любви ты не чужда;
Что чувствую — ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Доверчиво тебе передается...

И о а н н а

(*вырываясь из ее объятий*)

Прочь, прочь! беги меня, не заражайся
Губительным сообществом моим;
Поди, будь счастлива, а мне дай скрыть
Во мрак мой стыд, мой страх, мое страданье.

А г н е с а

Я трепещу; ты мне непостижима;
Но кто ж тебя постигнул? Кто проник
Во глубину твоей великой тайны?
Кто может ведать, что святому сердцу,
Что чистоте души твоей понятно?

И о а н н а

Нет, нет, ты чистая, святая ты;
Когда б в мою ты внутренность проникла,
Ты б от меня, как от врага, бежала.

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

Иоанна. Агнеса. Дюнуа и Ла Гир со знаменем
Иоанны.

Д ю н у а

Мы за тобой, Иоанна; все готово;
Король тебя зовет: в ряду вельмож,
Ближайшая к монарху, ты должна
Пред ним нести святую орифламму.
Он признает и хочет всенародно
Перед лицом всей Франции признать,
Что лишь тебе одной принадлежит
Вся честь сего торжественного дня.

И о а н н а

О боже! мне предшествовать ему?
Мне перед ним нести святое знамя?

Д ю н у а

Кому ж, Иоанна! Чья рука посмеет
Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты в сраженье; им должна ты
И торжество победное украсить.

Л а Г и р

Вот знамя; поспешим; король, вожди
И весь народ зовут тебя, Иоанна.
(Хочет подать ей знамя, она отступает
с ужасом.)

И о а н н а

Прочь, прочь!

Л а Г и р

Иоанна, что с тобой? Трепещешь
Пред собственным ты знаменем своим!
Узнай его, оно твое; ты им
Победу нам дала; взгляни, на нем
Сияет лик владычицы небесной.

(Развертывает знамя.)

И о а н н а

(в ужасе смотря на знамя)

Она, она!.. в таком являлась блеске
Она передо мной... Смотрите, гневом
Омрачено ее чело, и грозно
Сверкает взор, к преступнице склоненный.

А г н е с а

Ты вне себя; опомнись, ты виденьем
Обманчивым испугана; тот образ...
Он слабыя земной руки созданье;
Сама ж она небес не покидала.

И о а н н а

О грозная! карать ли ты пришла?
Где молнии твои? Пускай сразят
Они мою преступную главу.
Разрушен наш союз; я посрамила,
Унизила твое святое имя.

Д ю н у а

Что слышу я! какой язык ужасный!

Л а Г и р

(к Дю Шателю)

Как изъяснить ее волнение, рыцарь?

Д ю Ш а т е л ь

Я вижу то, чего давно боялся.

Д ю н у а

Как? Что ты говоришь?

Д ю Ш а т е л ь

Того открыть,

Что думаю, не смею я; но дай бог,
Чтоб было все уж кончено и наш
Король уж коронован был.

Л а Г и р

Иоанна,

Иль ужас тот, который разливала
Ты знаменем своим, оборотился
Против тебя? Узнай его, Иоанна;
Одним врагам погибельно оно;
Для Франции оно символ спасенья.

И о а н н а

Так, так, оно спасительно для верных;
Лишь на врагов оно наводит ужас.

Слышен марш.

Д ю н у а

Возьми его, возьми; ты слышишь, ход
Торжественный уж начался; пойдем.

Принуждают ее взять знамя; она берет его с видимым отвращением и уходит; все прочие за нею.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Площадь перед кафедральной церковью.

Вдали множество народа. Берtrand, Арман, Этьен выходят из толпы; за ними вскоре Алина и Луиза. Вдали слышен марш.

Б е р т р а н д

Уж музыка играет; идут; скоро
Увидим их; но где бы лучше нам
Остановиться? Там, на площади,
Иль здесь, на улице, чтоб посмотреть
На ход вблизи?

Э т ь е н

Нет, сквозь толпу народа
Нам не пройти: от конных и от пеших
Простора нет; все улицы набиты;
У тех домов есть место; там увидеть
Нам можно все.

А р м а н

Какая бездна! Скажешь,
Что здесь вся Франция; и так велико
Народное стремленье, что и мы
Из Лотарингии своей далекой
Сюда с толпой пришли.

Б е р т р а н д

Да кто же будет
Один дремать в своем углу, когда
Великое свершается в отчизне?
Истратили довольно крови мы,
Чтоб голове законной дать корону;
А наш король, наш истинный король,
Которого мы в Реймсе коронуем,
Ужель он здесь быть должен встречен хуже
Парижского, который в Сен-Дени
По милости пришельца коронован?
Тот не француз, кто в этот славный день
Не будет здесь с другими и от сердца
Не закричит: да здравствует король!

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Прежние. Луиза. Алина.

Л у и з а

Сестрица, мы увидим здесь Иоанну;
Как бьется сердце!

А л и н а

Мы ее увидим
В величестве и в почести и скажем:
То наша милая сестра Иоанна. .

Луиза

Пока меня глаза не убедили,
До тех пор все не буду верить я,
Чтоб та, которую все называют
Здесь Орлеанской девою, была
Сестра Иоанна, без вести от нас
Пропавшая.

Музыка доносится все громче.

Алина

Увидишь и поверишь.

Бертранд

Молчите, идут.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Впереди идут музыканты; за ними дети в белых платьях с венками в руках; потом два герольда; отряд воинов с алебардами; чиновники в парадных платьях; два маршала с жезлами; бургундский герцог с мечом; Дюнуа с скипетром; другие вельможи с короною, державою, королевским жезлом; за ними рыцари в орденских одеждах; певчие с кадильницами; два епископа со святою ампулою; архиепископ с крестом; за ним Иоанна с знаменем; она идет медленными, веровными шагами, наклонив голову; ее сестры, увидя ее, знаками показывают радость и удивление; за Иоанною следует король под балдахинном, который несут бароны; за королем придворные чиновники; потом опять отряд воинов. Когда все входят в церковь, марш умолкает.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Луиза. Алина. Арман. Этьен. Бертранд.

Алина

Видел ли сестру?

Арман

Что шла пред королем в богатых латах,
Со знаменем в руках?

Алина

Да; то Иоанна,

Сестра.

Луиза

На нас она не поглядела:
Она не думала, что сестры близко;
Была бледна, смотрела вниз, дрожала
Под знаменем своим... мне стало грустно;
Я не могла обрадоваться ей.

Алина

Теперь мы видели Иоанну в славе
И в почести; но кто б мог то подумать
В то время, как она у нас в горах
Пасла овец?

Луиза

Отцу недаром снилось,
Что в Реймсе он и мы перед Иоанной
Стоять с почтеньем будем; вот та церковь,
Которая привиделась ему.
И все сбылось. Но знаешь ли? Отцу
С тех пор и страшные виденья были...
Ах! мне она жалка, мне тяжело видеть
Ее в таком величии.

Бертранд

Пойдем.

Что здесь стоять? Не лучше ль протесниться
Нам в церковь? Там увидим весь обряд.

Алина

Пойдем; быть может, там с сестрой Иоанной
Мы встретимся.

Луиза

Мы видели ее,
Довольно с нас; воротимся в село.

Алина

Как, не сказав ни одного ей слова?

Луиза

Она теперь не нам принадлежит;
Лишь общество князей и полководцев
Прилично ей; на что же нам тесниться
К блестящему величеству ее?
И с нами быв, она была не наша...

Алина

Иль думаешь, что ей нас будет стыдно,
Что нас она теперь пренебрежет?

Бертранд

И сам король нас не стыдится; он
Здесь ласково всем кланялся; хотя
Она теперь стоит и высоко,
Но наш король все выше.

Трубы и литавры в церкви.

Арман

В церковь! в церковь!

Идут и пропадают в толпе народа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тибо в черном платье; за ним Раймонд, который старается его удержать.

Раймонд

Воротимся, мой добрый Арк, уйдем
Отсюда; здесь все празднует; твое
Уныние обидно для веселых...
Чего нам ждать? Зачем здесь оставаться?

Тибо

Ты видел ли несчастное мое
Дитя? Всмотрелся ли в ее лицо?

Раймонд

Ах! поскорей... прошу тебя, уйдем.

Т и б о

Приметил ли, как робко шла она,
С каким лицом расстроенным и бледным?
Несчастливая, она свой жребий знает...
Но час настал ее спасти, я им
Воспользуюсь.

(Хочет идти.)

Р а й м о н д

Куда? Чего ты хочешь?

Т и б о

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее с ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею богу.

Р а й м о н д

Ах!

Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты сам свое дитя погубишь.

Т и б о

Так!

Жила б душа — пускай погибнет тело.

И о а н н а выбегает из церкви, без знамени; народ окружает ее,
теснится к ней, целует ее платье и препятствует ей прибли-
зиться.

Смотри, идет; на ней лица нет, ужас
Ее из церкви гонит; божий суд
Преследует ее...

Р а й м о н д

Прости, отец;

С надеждой я пришел и без надежды
Уйду; я видел дочь твою и знаю,
Что для меня навек она пропала.

(Уходит.)

Тибо удаляется на противоположную сторону.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Иоанна, народ, потом ее сестры.

Иоанна
(приближаясь)

Я не могу там оставаться — духи
Преследуют меня; органа звук,
Как гром, мой слух терзает; своды храма
Дрожат и пасть готовы на меня;
Хочу вздохнуть под вольным небом; там
В святилище оставила я знамя
И никогда к нему не прикоснусь...
Казалось мне, что видела я милых
Моих сестер, Луизу и Алину.
Они, как сон, мелькнули предо мной...
Ах! то была мечта; они далеко,
Далеко; мне уж их не возвратить,
Как детского потерянного счастья.

Алина
(выходя из толпы)

Жанета!

Луиза
(подбегая к ней)

Милая сестра!

Иоанна

О боже!

Итак, я видела не сон; вы здесь,
Со мной; опять знакомый слышу голос,
Опять могу в степи сей многолюдной
Родную грудь прижать к печальной груди.

Алина

Она узнала нас; она все та же
Добросердечная сестра Жанета.

Иоанна

О милые! вы из такой далекой,
Далекой стороны пришли сюда,

Чтоб свидеться со мной; вы мне простили,
Что из села я, не сказавшись вам,
Ушла и вас как будто отреклась.

Луиза

То воля божия была.

Алина

Молва

О чудесах твоих дошла и к нам;
Мы не могли противиться стремленью
И, родину спокойную покинув,
Пришли сюда взглянуть на славный
праздник,
Пришли твое величие увидеть.
Мы не одни...

Иоанна

Как? и отец? он здесь...
Он здесь... но где же он? Зачем он скрылся?

Алина

Отца здесь нет.

Иоанна

О боже! нет!.. ужели
Свое дитя он видеть не хотел?
Но с вами он хотя благословенье
Свое прислал мне...

Луиза

Он не знал, что мы
Сюда пошли...

Иоанна

Не знал? Но для чего ж
Не знал он?.. Вы молчите, вы глаза
Потушили?.. Скажите, где отец?

Алина

С тех пор, как ты ушла...

Луиза
(делая ей знаки)

Алина!

Алина

Он

Задумчив стал.

Иоанна

Задумчив?

Луиза

Будь спокойна;

Ты лучше нас отца, Жанета, знаешь;
Его всегда предчувствие тревожит;
Но он утешится, когда мы скажем,
Что видели тебя, что ты жива
И счастлива.

Алина

Не правда ли, Жанета,
Ты счастлива? Чему ж и быть иному
В такой чести, в такой великой славе?

Иоанна

Ах! счастлива; я с вами, я ваш голос
Опять услышала; он мне напомнил
Отечество, домашние луга;
Там я пасла стада свои беспечно;
Там счастлива была я, как в раю...
И не видать уж мне такого счастья!

(Скрывает лицо на груди Луизы.)

Арман, Этьен и Берtrand показываются в отдалении
и не смеют подойти.

Алина

Арман, Этьен, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала нас; она все так же
Смиренна и тиха и к нам теперь
Гораздо ласковей, чем прежде.

Они приближаются и хотят подать ей руку; Иоанна смотрит на
них неподвижными глазами и впадает в задумчивость; потом
говорит в изумлении.

И о а н н а

Где я?

Мои друзья, не правда ль? Все то было
Один лишь долгий сон? Я в Дом-Реми;
Под деревом друидов я заснула;
Теперь проснулася, и вокруг меня
Знакомые, приветливые лица
Моих родных? Об этих королях,
Сраженьях, подвигах мне только снилось;
То были тени; вокруг меня они
Носились под тем волшебным дубом;
Иначе как зайти вам в Реймсе? Как мне
Самой быть в Реймсе? Нет, не покидала
Я Дом-Реми; признайтесь, друзья,
Обрадуйте мне сердце.

Л у и з а

Нет, мы в Реймсе,
Иоанна, и тебе не снилось; ты
Великое свершила наяву;
Опомнись, погляди вокруг себя,
Дотронься до своих блестящих лат.

Иоанна кладет руку на грудь, приходит в себя и вздрагивает.

Б е р т р а н д

Тебе твой шлем из рук моих достался.

А р м а н

Не диво, что тебе все это мнится
Чудесным сном; какой быть может сон
Чудеснее того, что ты свершила?

И о а н н а

Ах! убежим; я с вами возвращусь
К отцу, в село.

Л у и з а

Так, милая, пойдем.

И о а н н а

Они меня здесь славят без заслуги;
Но с вами я, друзья, была младенцем;
Вы слабою меня знавали, вы
Не мыслите меня боготворить —
Вы любите меня.

А л и н а

Ты хочешь бросить
Свое величие?

И о а н н а

Хочу, друзья,
С себя сорвать убор тот ненавистный,
Который нас сердцаami разлучил;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною рабою вам служить
И горестным загладить покаяньем
Безумное величие мое.

Трубы.

Я В Л Е Н И Е Д Е С Я Т О Е

Король выходит из церкви в короне и порфире, Агнеса, архиепископ, герцог Бургундский, Дюнуа, Ла Гир, Дю Шатель, рыцари, придворные, народ.

Н а р о д

(кричит во время шествия короля)

Да здравствует король!

Гремят трубы; по мановению короля герольды подают знак, и все умолкают.

К о р о л ь

Народ мой добрый,
Благодарю за верность и любовь.
Мне отдал бог отцов моих корону;
Народа меч ее завоевал;
Еще на ней кровь подданных видна,
Но мир ее оливою украсит.
Благодарим защитников престола,
А нашим всем врагам даем прощенье;

К нам милостив господь всевышний был —
И первое будь наше слово: милость.

Н а р о д

Да здравствует король!

К о р о л ь

Досель незримо
Сам бог венчал французских королей,
Но видимо из рук его прияли
Мы свой венец.

(Указывая на Иоанну.)

Народ, перед тобою
Чудесная посланница небес;
Она престол законный защитила,
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признает,
Да будет ей воздвигнут здесь алтарь.

Н а р о д

Да здравствует спасительница-дева!

Трубы.

К о р о л ь
(к Иоанне)

Скажи, когда ты нам равна породой,
Какое здесь тебе угодно счастье?
Но если ты ешла на время с неба,
Чтоб нас спасти под видом смертной девы,
То просвети земные наши очи;
Преобразись, дай видеть нам твой светлый,
Бессмертный лик, в каком тебя лишь небо
Видало, чтоб тебя могли мы в прахе
Боготворить.

Всеобщее молчание; все глядят на Иоанну.

И о а н н а
(вдруг восклицает)

О боже! мой отец!

Т и б о выходит из толпы и становится прямо против Иоанны.

Множество голосов
Ее отец!

Т и б о

Так, горестный, несчастный
Ее отец, пришедший сам предать
На суд свое дитя.

Г е р ц о г

Что это значит?

Д ю Ш а т е л ь

Ужасный свет увидим мы теперь.

Т и б о

(к королю)

Ты думаешь: могущество небес
Тебя спасло,— ты, государь, обманут;
Народ, ты ослеплен; вы спасены
Искусством адовым.

Все отступают в ужасе.

Д ю н у а

Безумство!

Т и б о

Нет!

Безумец ты и все вы! Как поверить,
Чтобы господь, создатель, вседержитель,
Себя явил в такой ничтожной твари?
Увидим мы: перед лицом отца
Отважится ль она обман свой хитрый,
Которым вас прельстила, подтвердить?
Ответствуй мне во имя трисвятого:
Принадлежишь ли ты к святым и чистым?

Всеобщее молчание; все глаза устремлены на Иоанну; она
стоит неподвижно.

А г н е с а

Она молчит!

Т и б о

Она должна молчать
Пред именем, пред коим ад и небо
Безмолвствуют. Она святая, небом
Нам посланная? Нет, на месте страшном,
Под деревом волшебным, где издревле
Нечистый дух гнездится, было все
Придуманно; там вечность продала
Она врагу, чтоб славою минутной
Здесь, на земле, ее он возвеличил.

Г е р ц о г

Ужасно!.. Но отцу поверить должно;
Отцу ли дочь свою оклеветать!

Д ю н у а

Безумец, кто жестокому безумцу,
Губящему детей своих, поверит?

А г н е с а (к Иоанне)

Ах! отвечай; молю тебя, прерви
Ужасное твое молчанье; мы
Не усомнимся; нас единым словом
Из уст твоих ты можешь убедить;
Но отвечай, отвергни клевету;
Скажи, что ты невинна, и поверим.

Иоанна молчит; Агнеса отступает от нее с ужасом.

Л а Г и р

Она испугана; внезапный ужас
Сковал язык ее; сам божий ангел
От клеветы такой оцепенеет...
Приди в себя, очувствуйся; невинность
Имеет взгляд непобедимо-сильный;
Как молния, сразит он клевету;
Иоанна, подыми свой чистый взор,
Воздвигнися во гневе благородном,

Чтоб пристыдить, чтоб наказать сомненье,
Срамящее святую добродетель.

Иоанна молчит; Ла Гир, ужаснувшись, отступает; движение
в народе увеличивается.

Д ю н у а

Почто дрожит народ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна.
Я княжеским моим ручаюсь словом;
И здесь бросаю я перчатку; кто
Отважится ее назвать виновной?

Сильный удар грома; все трепещут.

Т и б о

От имени гремящего там бога
Я говорю: Иоанна, отвечай,
Скажи, что ты невинна, что врага
Нет в сердце у тебя, и в клевете
Изобличи отца.

Другой сильнейший удар; народ разбегается во все стороны.

Г е р ц о г

О! защити,
Создатель, нас! какие страшны знаки!

Д ю Ш а т е л ь
(*королю*)

Уйдите, государь.

А р х и е п и с к о п

Я вопрошаю
Во имя бога: что велит тебе
Молчать — твоя невинность иль вина?
Ты слышала гремящий божий голос?
Возьми сей крест — когда он за тебя.

Иоанна стоит неподвижно; новые сильные удары грома; король,
Агнеса, архиепископ, герцог, Ла Гир и Дю Шатель уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Дюнуа. Иоанна.

Дюнуа

Иоанна, я назвал тебя невестой;
Я с первого тебе поверил взгляда;
Так думаю я и теперь; я верю
Иоанне более, чем этим знакам,
Чем говорящему на небе грому.
Понятно мне молчание твое:
То благородный гнев; себя закрыв
Святой невинностью, ты подозренью
Презренному не хочешь дать ответа;
Пренебреги его, но мне откройся:
Я в чистоте твоей не усомнился;
Не говори ни слова; дай лишь руку
В залог, что ты себя моей руке
И делу правому вверяешь смело.

*(Он подает ей руку; она отворачивается
с трепетом; Дюнуа смотрит на нее в
изумлении и ужасе.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Иоанна, Дю Шатель, Дюнуа, потом Раймонд.

Дю Шатель

Иоанна д'Арк, король тебе позволил
Покинуть Реймс; тебе отворены
Ворота; не страшись — никто тебя
Не оскорбит; король твоя защита...
Граф Дюнуа, вам быть здесь неприлично;
Какой конец!..

(Он уходит.)

Дюнуа несколько времени молчит, потом бросает взгляд на Иоанну и медленно удаляется; Иоанна остается одна; наконец, является Раймонд; он останавливается в отдалении, смотрит на нее в горестном молчании, потом подходит к ней и берет ее за руку.

Р а й м о н д

Воспользуйся минутой;
На улицах все пусто; дай мне руку;
Иди за мной; я буду твой защитник.

При взгляде на него, она подает первый знак чувства; смотрит быстро ему в лицо, потом на небо, потом с живостью берет его за руку, и они уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Густой дикий лес; вдали хижина угольщика; темно; ужасная гроза; слышны выстрелы.

Угольщик и его жена.

Угольщик

Какая сильная гроза! все небо
В огне; среди бела дня — ночь, и страшно
Бушует ветер. Видишь ли, как гнутся
Деревья, как бунтуют их вершины?
И эта на небе война — пред нею
И дикий зверь смиряется и робко
В свой темный лог уходит, — лишь одних
Людей она не может усмирить;
Сквозь шум грозы, сквозь гром и вихорь

СЛЫШНЫ

Мне выстрелы; и оба войска так
Одно к другому близко, что теперь
Лишь только этот лес их разделяет;
Того и жди, что битва загорится.

Жена

Помилуй нас, господь; враги разбиты
Уж наголову были; отчего ж
Они опять так сделались отважны?

Угольщик

Уж им теперь к̄роль наш не опасен;
С тех пор, как дева стала в Реймсе ведьмой,

Нечистый дух нам боле не помощник,
И все пошло вверх дном.

Ж е н а

Смотри, смотри,

Кто там идет?

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

Т е ж е. И о а н н а. Р а й м о н д.

Р а й м о н д

Здесь хижина, Иоанна;
Иди за мной, мы здесь найдем приют;
Ты выбилась из сил; уж третий день,
Как по лесу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаешься.

Гроза мало-помалу утихает; становится ясно.

Здесь угольщик живет; поди сюда,
Иоанна.

У г о л ь щ и к

Вы устали; отдохните
У нас; чем бог послал, мы тем охотно
Вас угостим.

Ж е н а

На ней военный панцырь;
К чему это?.. Но, правда, в наше время
И женщине всего приличней латы;
Я слышала, что королева-мать
Явилась опять у англичан.
Надела шлем и панцырь и живет
В их лагере как ратник; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простого,
За короля сражалась?..

У г о л ь щ и к

Замолчи.

Поди из хижины ей принеси
Напиться.

Она уходит в хижину.

Р а й м о н д

Видишь ли, Иоанна? Люди
Не все безжалостны, и в диком лесе
Есть добрые сердца; развеселись;
Гроза прошла, на небе ясно, солнце
В безоблачном сиянии заходит.

У г о л ь щ и к

Конечно, вы идете к нашим войскам.
Остерегитесь: здесь недалеко
Поставили свой лагерь англичане,
И по лесу ежеминутно бродят
Отряды их.

Р а й м о н д

Беда нам! Как от них
Спастись?

У г о л ь щ и к

Останьтесь здесь; мой мальчик скоро
Воротится из города, он вас
Оврагами лесными проведет
В французский лагерь; нам тропинки все
Знакомы здесь.

Р а й м о н д

(Иоанне)

Сними свой шлем и панцырь;
Они тебя не защитят, лишь только
Врагам откроют.

Иоанна трясет головою.

У г о л ь щ и к

Отчего она
Такая грустная?.. Но тише, кто там?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Угольщикова жена выходит из хижины с стаканом воды.

Сын их и прежние.

Жена

Наш мальчик; он из Реймса воротился.
Пей с богом.

(Подает Иоанне стакан.)

Угольщик

Что ты скажешь? Что там слышно?

Сын

(увидя, что мать его подает стакан Иоанне, и узнав ее, бросается к ней и вырывает из рук ее стакан)

Прочь! что ты делаешь? Кому напиток
Ты принесла?.. Ведь это чародейка.

Угольщик и жена его

(вместе)

Помилуй нас небесный царь!

(Крестятся и убегают.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Раймонд. Иоанна.

Иоанна

(с кротостью)

Ты видишь!

Проклятие за мною по следам;
Все от меня бежит; беги и ты;
Спасайся, друг; покинь меня.

Раймонд

Тебя

Покинуть! мне! теперь!.. но кто же будет
Твоим проводником?

И о а н н а

Я не одна;
Есть проводник; ты слышал гром небесный?
Моя судьба ведет меня; я к цели
Моей, и не искав ее, дойду.

Р а й м о н д

Но этот лес опасен: англичане
Толпятся здесь; они клялись тебе
Отмстить. А там французы; и они
Против тебя... Куда же ты пойдешь?

И о а н н а

Чему не должно быть, того со мной
Не будет.

Р а й м о н д

Кто ж тебе здесь пищи станет
Искать? Кто здесь тебя оборонит
От зверя дикого, от злых людей?
Кто будет за тобой ходить в болезни
И нищете?

И о а н н а

Я знаю все корни
И травы — от овец я научилась
Целебные от вредных отличать;
Я знаю ход светил и облаков;
Мне вятен шум потоков сокровенных.
Для человека здесь не много нужно,
Природа жизни богата.

Р а й м о н д

(берет ее за руку)

Правда.

Но должно бы тебе войти в себя,
Покаяться и примириться с богом
И возвратиться в недра церкви...

И о а н н а

Друг,

И ты меня винишь?

Р а й м о н д

Я принужден;
Твое безмолвное признание...

И о а н н а

Как?

Ты, не покинувший меня в беде,
Единое мне верное творенье,
Ты, мне отдавшийся, когда весь свет
Отрекся от меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей бога!..

Раймонд молчит.

Ах! это тяжело!..

Р а й м о н д

Как, в самом деле
Ты не волшебница, Иоанна?

И о а н н а

Я

Волшебница?

Р а й м о н д

А эти чудеса,
Ты с помощью небесной их свершила?

И о а н н а

С какою же иной?

Р а й м о н д

Но для чего же
Молчала ты пред страшным обвинением?
Теперь ты говоришь; а при народе,
При короле, где ты должна была
Ответствовать, была ты как немая.

И о а н н а

Я той судьбе в молчанье покорилась,
Которую мой бог, мой повелитель,
Назначил мне.

Р а й м о н д

Но разве дать ответа
Ты не могла отцу?

И о а н н а

От бога было,
Что было от отца; и испытанье
Отеческое будет.

Р а й м о н д

Голос неба
Твою вину свидетельствовал им.

И о а н н а

И потому, что небо говорило,
Молчала я.

Р а й м о н д

Как? Ты единым словом
Могла очиститься — и ты решилась
Оставить свет в погибельном обмане?

И о а н н а

То не обман; то было испытанье...

Р а й м о н д

И этот стыд стерпела ты безвинно,
С покорностью, без ропотного слова?
О! я тебе дивлюсь, мой ум мутится;
В моей груди поворотилось сердце;
Я сам твоей вины не постигал,
И сладко мне словам твоим поверить...
Но кто б вообразил, что сердце в силах
Безмолвствовать пред ужасом таким?

И о а н н а

Была ли б я посланницею бога,
Когда б его не чтила слепо власти?
И я не так несчастна, как ты мыслишь;
Я в нищете, — но в низкой нашей доле

Несчастье ль нищета? Меня изгнали,
Нет места, где мне голову склонить,—
Но знать себя в степи я научилась;
Лишь там была борьба в моей душе,
Где вокруг меня сияла честь; весь свет
Моей судьбе завидовал, а я
Была несчастней всех... Но все прошло,
И я исцелена; и эта буря,
Грозившая природе разрушеньем,
Была мне друг: с землею и меня
Она очистила; во мне спокойно;
Пусть будет то, чему быть должно,— я
Уж слабости не ведаю в себе.

Р а й м о н д

Пойдем, пойдем, изобличим неправду;
Пускай твою невинность свет узнает.

И о а н н а

Кто ослепил их очи, тот один
И просветит их; не дозревши, плод
Судьбы не упадет; наступит день —
И буду я оправдана пред ними;
И кто теперь меня клянет и гонит,
Тот свой обман признает, и в слезах
Моей судьбе отказано не будет.

Р а й м о н д

Как, буду ль ждать в молчании, чтоб
случай...

И о а н н а

(с кротостью взял его за руку)

Друг, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачает
Твой взор,— но я бессмертное глазами
Здесь видела... Без бога не падет
И волос с нашей головы. Взгляни
На заходящее там солнце — завтра
Оно опять взойдет среди сиянья;
Так верно день наступит оправданья.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Королева Изабелла с солдатами и прежние.

Королева
(еще за сценою)

Здесь в лагерь английский дорога.

Раймонд

Боже!

Погибли! неприятель!

Солдаты выходят на сцену; увидя Иоанну, они отступают в ужасе.

Королева

Что случилось?

Что испугало вас? Куда бежите?

(Увидя Иоанну, невольно содрогается.)

Что вижу я?

(Одумавшись, быстро к ней подходит.)

Остановися, сдайся;

Ты пленница моя.

Иоанна

Сдаюсь.

Раймонд убегает в отчаянии.

Королева

В оковы!

Солдаты робко подходят к Иоанне; она протягивает руку, на нее налагают цепи.

Вот та ужасная, перед которой
В сраженье вы, как овцы, разбегались;
Она себя не в силах защитить;
Чудесная для тех, кто верил чуду,—
Лишь женщина при встрече с твердым
мужем.

(К Иоанне.)

Зачем покинула ты войско? Где
Граф Дюнуа, твой рыцарь и защитник?

И о а н н а

Меня изгнали.

К о р о л е в а
(в изумлении)

Как, тебя изгнали?
Мой сын тебя изгнал?

И о а н н а

К чему вопросы?
Я пленница твоя; реши мой жребий.

К о р о л е в а

Изгнал; за то, что был тобой спасен
От гибели, и в Реймсе коронован,
И королем французским сделан; в этом
Я сына узнаю... Вы! отведите
Ее в наш лагерь; пусть увидит войско
Страшилище, пугавшее его.
Она волшебница? В безумстве вашем
И в вашей робости — ее волшебство;
Она сама безумная: она
За короля пожертвовала жизнью —
И королевскую теперь награду
Пускай узнает. Прямо к Лионелю
Ее ведите; я ему с ней вместе
Передаю окованное счастье
Французов... Я сама за вами скоро
Последую; идите.

И о а н н а

К Лионелю?
Нет, лучше умертви меня.

К о р о л е в а

Идите.

(Уходит с частью солдат.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Иоанна. Солдаты.

Иоанна

(к солдатам)

Британцы, вы ль потерпите, чтоб я
Из ваших рук живая вышла? Выньте
Мечи, вонзите их мне в сердце, бросьте
К ногам вождя мой труп окровавленный;
О! вспомните, что я храбрейших ваших
Товарищей сразила беспощадно,
Что я лила ручьями кровь британцев,
Что от меня столь многие из вас
С отчизною свиданья лишены;
Отмстите мне; убийцу умертвите;
Она у вас в руках; вы не всегда
Столь слабою увидите ее.

Н а ч а л ь н и к

Исполните, что велено.

Иоанна

О боже!

Ужель мне быть несчастною вполне?..
Владычица, иль ты непримирима?
Иль я совсем отвержена тобою?
Не внемлет бог, не сходит божий ангел;
Спят чудеса; и небо затворилось.

(Следует за солдатами.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Французский лагерь.

Дюнуа. Архиепископ. Дю Шатель.

А р х и е п и с к о п

Спокой твое негодование, принц;
Король нас ждет; ужель теперь покинешь
Ты дело общее, когда все гибнет,
Когда рука могущая в защиту
Отечеству нужна?

Д ю н у а

Но что причиной

Нам новых бед? Что подняло врага?
Все было решено: победа наша;
Враг истреблен; окончена война...
Спасительницу вы изгнали — сами
Теперь спасайтесь; а мне противем
Тот лагерь, где ее уж боле нет.

Д ю Ш а т е л ь

Не отпускай нас, принц, с таким ответом.
Подумай...

Д ю н у а

Дю Шатель, молни! тебя
Я ненавижу, ты мой первый враг,
В ее душе ты первый усомнился.

А р х и е п и с к о п

Но кто ж из нас мог веру сохранить
В тот страшный день, когда сам божий гром
Против нее свидетельствовал с неба?
Мы были все поражены; кто мог
При ужасе таком не обезуметь?..
Но заблуждение прошло; мы видим
Ее опять в той прелести, в какой
Она являлась нам, и в страхе мыслим,
Что тяжкая неправда совершилась;
Король раскаялся, бургундский герцог
Себя винит; в отчаянье Ла Гир,
И мрачная унылость в каждом сердце.

Д ю н у а

Она обманщица? О! если б с неба
Святая истина сойти хотела —
Ее черты она бы приняла;
И если где живут здесь на земле
Невинность, верность, правда, чистота —
То на ее устах, то в светлом взоре
Ее жить должно им.

А р х и е п и с к о п

Лишь чуду свыше
Рассеять мрак ужасной этой тайны,
Для ока смертного непостижимой;
Но что ни совершись — все мы виновны
В одном: иль мы в союзе были с адом,
Иль божию посланницу изгнали;
И вышний гнев за наше преступленье
Несчастное отечество казнит.

я в л е н и е в о с ь м о е

П а ж, прежние, потом Р а й м о н д.

П а ж

Граф, молодой пастух пришел к вам; он
Усиленно просит, чтобы ему вам лично
Сказать два слова дали; он о деве
Известие принес.

Д ю н у а

Скорей введи
Его сюда!.. известие о ней!
(Бежит навстречу к Раймонду.)
Где, где она?

Р а й м о н д

Благодаренье богу,
Что с вами здесь святой наш архипастырь,
Несчастных друг, подпора притесненных;
Он будет мой заступник.

Д ю н у а

Где Иоанна?

А р х и е п и с к о п

Ответствуй нам, мой сын.

Р а й м о н д

Ах! верьте мне,
Не хитрая волшебница она.

Свидетель бог и все его святые:
Вы и народ обмануты, невинность
Изгнали вы, посланницу господню
Отвергнули.

Д ю н у а

Но где она? Скажи.

Р а й м о н д

Я был ее проводником; в Арденском
Лесу скитались мы, и там она
Все исповедала передо мною;
Я в муках умереть готов и царства
Небесного пускай мне не видать,
Когда она, как ангел, не безгрешна.

Д ю н у а

Сам божий день души ее не чище;
Но где она?

Р а й м о н д

О! если вам господь
К ней душу обратил — то поспешите
Ее спасти; она у англичан
В плену.

Д ю н у а

В плену!

А р х и е п и с к о п

Несчастливая!

Р а й м о н д

В Арденах,

Где вместе мы пристанища искали,
Попалась нам навстречу королева;
Она ее велела оковать
И в неприятельский послала лагерь...
Погибнуть в муках ей; о! поспешите
С защитою к защитнице своей.

Д ю н у а

К оружию! бей сбор! все войско в строй!
Вся Франция беги за нами в бой;

В залоге честь; обругана корона;
Разрушена престола оборона;
В руках врага палладиум святой;
Все за нее; всей крови нашей мало.

(Обнажает меч.)

Спасти ее во что бы то ни стало!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Башня; на верху ее отверстие.

Иоанна, Лионель, Фастольф, потом королева.

Ф а с т о л ь ф

(входя)

Не укротить бунтующий народ;
Как бешеный, он требует, чтоб выдал
Ты пленницу ему на жертву; силой
Его не одолеть; убей ее
И выбрось к ним ее кровавый труп;
Другим ничем не усмирится войско.

К о р о л е в а

(входит)

Уж лестницы приставлены к стене;
Хотят взять приступом наш замок...

Слышишь

Их крик?.. Дождешься ли, чтоб силой
Они сюда вломились? Мы погибнем;
Ее не защитить; отдай ее.

Л и о н е л ь

Пускай бунтуют, мне не страшен приступ,
Мой замок крепок; я скорей в его
Обломках погребусь, чем дерзкой воле
Бунтовщиков поддамся... Отвечай,
Иоанна, мне; решился быть моею —
И за тебя я драться с целым светом
Готов.

К о р о л е в а

Стыдись, британский вождь!

Отвергнули тебя; неблагодарной
 Отчизне ты ничем уж не должна;
 Предатели, спасенные тобою,
 Тебя покинули — они не смели
 За честь твою сразиться; я ж осмелюсь
 С моим, с твоим народом за тебя
 Сразиться... Мне казалось прежде,
 Что жизнь мою ты дорожила;
 Тогда врагом стоял я пред тобою —
 А ныне я единственный твой друг.

И о а н н а

Из всех врагов народа моего
 Ты ненавистнейший мне враг; меж нами
 Быть общего не может; не могу
 Тебя любить... Но если ты склонен
 Ко мне душой, то пусть во благо будет
 Твоя любовь для наших двух народов;
 Вели твоим полкам мою отчизну
 Немедленно покинуть; возврати
 Мне все ключи французских городов,
 Похищенных войной; отдай всех пленных
 Без выкупа; вознагради за все,
 Что здесь разорено, и дай залого
 Священной верности — тогда тебе
 От имени монарха моего
 Я предлагаю мир.

К о р о л е в а

Ты смеешь нам,
 Безумная, в цепях давать законы?

И о а н н а

Решись завременно; ты *должен* будешь
 Решиться; Франции не одолеть;
 Нет, нет, тому не быть! скорей она
 Для ваших войск обширным гробом будет.
 Храбрейшие из вас погибли; вспомни
 О родине; подумай о возврате;

Уже давно пропала ваша слава;
И вашего могущества уж нет.

К о р о л е в а

С безумною речей не стоит тратить!

Я В Л Е Н И Е Д Е С Я Т О Е

Один из военачальников входит поспешно.

В о е н а ч а л ь н и к

Скорее, вождь, устрой полки в сраженье;
Французское поколебалось войско,
Они идут, знамена распустив,
Долина вся оружием сверкает.

И о а н н а

(с воодушевлением)

Идут, идут! теперь вооружись,
Британия! теперь отведай силы!
Ударил час; увидим, чья победа!

Ф а с т о л ь ф

Безумная, твоя напрасна радость;
Из этих стен живая ты не выйдешь!

И о а н н а

Пускай умру — народ мой победит;
Для храбрых я уж боле не нужна.

Л и о н е л ь

Я презираю их; во всех сраженьях
Мы с ними ладили, доколе эта
Рука за них не поднялась. Меж ними
Одна была достойна уваженья;
И ту они изгнали... Друг, пойдем;
Теперь наш час: пришла пора напомнить
Им страшный день Креки и Пуатье.
Вы, королева, здесь останьтесь; вам
Вверяю пленницу.

Ф а с т о л ь ф

Как? Нам ее
Покинуть за собой?

И о а н н а

Стыдися, воин,
Ты женщины окованной робеешь.

Л и о н е л ь

(Иоанне)

Дай слово мне, что ты искать свободы
Не станешь.

И о а н н а

Нет, свободу возвратить
Живейшее желание мое.

К о р о л е в а

В тройную цепь ее закуйте; жизнью
Клянусь вам, что она не убежит.

На Иоанну налагают цепи, которые окружают и руки ее
и все тело.

Л и о н е л ь

Иоанна, ты сама того хотела;
Еще не поздно; будь за нас и знамя
Британское возьми, и ты свободна;
И те враги, которые так крови
Твоей хотят, твою признают волю.

Ф а с т о л ь ф

(настойчиво)

Пойдем, пойдем.

И о а н н а

Не трать напрасно слов;
Они идут, спешి обороняться.

Трубы. Лионель уходит.

Ф а с т о л ь ф

Вы знаете, что делать, королева,
Когда не к нам наклонится фортуна,
Когда не мы победу...

К о р о л е в а

(вынимая кинжал)

Будь спокоен;
Я ей не дам торжествовать.

Ф а с т о л ь ф

(Иоанне)

Теперь
Ты знаешь жребий свой; молися ж небу,
Чтоб твой народ оно благословило.

(Уходит.)

Я В Л Е Н И Е О Д И Н Н А Д Ц А Т О Е

И о а н н а . К о р о л е в а . С о л д а т ы .

И о а н н а

Я буду за него молиться; кто
Язык мой окует?.. Но что я слышу?
Военный марш народа моего;
Как мужественно он гремит мне в душу!
Победа Франции! Британцам гибель!
Вперед, мои бесстрашные, вперед!
Иоанна близко; знамя перед вами
Она нести не может, как бывало;
Она в цепях — но дух ее свободно
Стремится в бой за вашей бранной песнью.

К о р о л е в а

(одному из солдат)

Взойди на башню; с ней все поле видно;
Рассказывай, что там случится...

Солдат всходит на башню.

И о а н н а

Дружно!

Мужайся, мой народ! то бой последний;
Еще победа — и врага не стало!

К о р о л е в а

Что видишь там?

С о л д а т

Сошлись... Вот кто-то скачет,
Как бешеный, на вороном коне,
Покрытый тигром; вслед за ним жандармы.

И о а н н а

Граф Дюнуа! вперед, мой бодрый витязь!
Победа там, где ты.

С о л д а т

Бургундский герцог

Ударил на мост.

К о р о л е в а

Смерть тебе, предатель!

С о л д а т

Ему Фастольф дорогу заступил;
Сошли с коней — дерутся, грудь на грудь —
Бургундцы с нашими перемешались.

К о р о л е в а

Узнал ли ты дофина? Не видать ли
Там королевских знаков?

С о л д а т

Все в пыли

Смешалось; ничего не различишь.

И о а н н а

Когда б мой взор имел он иль на башне
Стояла я — ничто б не ускользнуло
От зоркости моей; и вдалеке
От ворона орла б я отличила.

С о л д а т

Теперь во рву ужасная тревога...
Тут все вожди...

К о р о л е в а

А наше знамя?

С о л д а т

Веет.

И о а н н а

О! если б я хотя в пролом стены
Смотреть на них могла; тогда б и взор мой
Сражением повелевал.

С о л д а т

О горе!

Что вижу я! Наш вождь стеснен отвсюду.

К о р о л е в а

(замахивается кинжалом на Иоанну)

Умри, несчастная!

С о л д а т

(торопливо)

Освободили!..

Фастольф на них с затылка налетел:
Он мнет врагов, он врзался в их гущу.

К о р о л е в а

(прячет кинжал)

Есть ангелы-хранители!

С о л д а т

Бегут!

Бегут! Победа!

К о р о л е в а

Кто бежит?

С о л д а т

Французы!

Бургундцы; поле все покрылось ими.

И о а н н а

О боже! до того ль меня покинешь?

С о л д а т

Какой-то раненый упал... на помощь
Бегут толпы... то, верно, вождь...

К о р о л е в а

Француз

Иль наш?

С о л д а т

Снимают шлем; граф Дюнуа.

И о а н н а

(в отчаянии порывается из цепей)

А я в цепях!

С о л д а т

Вот кто-то в голубой
Богатой мантии с шитьем и с белым
Пером на шлеме... он несется прямо
На наших.

И о а н н а

(с живостью)

То король, мой государь!

С о л д а т

Конь испугался — прынул — и упал —
Он бьется под конем — он в стременах
Запутался — к нему помчались наши —
Уж близко — вот они — он окружен.

Иоанна сопровождает каждое слово его отчаянным движением.

И о а н н а

Иль ангелов на небесах не стало?

К о р о л е в а

(с ругательным смехом)

Теперь пора... Защитница, спасай!

И о а н н а

(бросившись на колена)

Господь, господь! в беде моей жестокой,
На небеса твои, с надеждой, с верой,
В тоске, в слезах я душу посылаю;
Всесилен ты — тончайшей паутине
Тебе легко дать крепость твердой стали;
Всесилен ты — тройным железным узам
Тебе легко дать брэнность паутины;
Ты повелишь, и цепь сия падет
И сей тюрьмы расступится стена;
Ты дивный бóg, с тобой слепец Самсон
И в слабости могущество низринул;
Тебя призвав, он столб переломил —
И на врага упали своды храма.

С о л д а т

Победа!

К о р о л е в а

Что?

С о л д а т

Король взят в плен.

И о а н н а
(вскочив)

Нет! с нами

Бог!

(Она схватила обеими руками свои цепи и разом перервала их; потом бросилась на близ стоявшего воина, вырвала из рук его меч и убежала.)

Все остались неподвижны от изумления и ужаса.

Я В Л Е Н И Е Д В Е Н А Д Ц А Т О Е

Прежние, кроме Иоанны.

К о р о л е в а
(после долгого молчания)

Что это? Во сне ль я? Где она?
И эту цепь она перервала!
Своим глазам поверить я не смею.

С о л д а т
(с башни)

Она на крыльях; вихрем мчится.

К о р о л е в а

Где

Она?

С о л д а т

Ударила в средину битвы;
Мой взор за ней не поспевает — вдруг
И там, и тут, и в тысяче местах
Является она — там раздвоит
Толпу — там сломит строй — все перед ней
Бежит и падает — французы стали,
Опять построились — о горе! наши
Рассыпались — оружие бросают —
Знамена пали...

К о р о л е в а

Как? Ужель она
Отымет верную у нас победу?

С о л д а т

Она пробилась к королю — и сильной
Рукою вырвала его из битвы;
К ней бросился Фастольф — он опрокинут —
Вождь окружен — его схватили...

К о р о л е в а

Стой;

Ни слова более, сойди!

С о л д а т

Бегите!

Спасайтесь! они хотят ударить
На замок наш.

(Сходит с башни.)

К о р о л е в а

(вынимая меч)

Обороняйтесь! Стойте!

Я В Л Е Н И Е Т Р И Н А Д Ц А Т О Е

Ла Гир вбегает с солдатами; солдаты королевы
бросают оружие.

Л а Г и р

(почтительно подходя к ней)

Поддайтесь победе, королева,
Все ваши рыцари в плену; без нужды
Не должно крови лить; мои услуги
Я предлагаю вам... Куда велите
Вас проводить?

К о р о л е в а .

Туда, где нет дофина;
Мне все равно, лишь бы его не встретить.
(Отдает меч и следует за Ла Гиром.)

Псле сражения; назади сцены солдаты с распущенными знаменами; впереди король и герцог Бургундский; на руках у них лежит Иоанна, смертельно раненная и неподвижная; они тихо подвигаются вперед; Агнеса вбегает.

Агнеса

(бросаясь к королю)

Ты жив, освобожден, ты снова мой!

Король

Освобожден... но вот цена свободы,
Смотри!

(Указывает на Иоанну.)

Агнеса

Иоанна! Боже! умирает.

Герцог

Скончалась; улетел наш ангел; тихо,
Безгорестно, как спящее дитя,
Она лежит, и райский мир сияет
В чертах ее лица; уже дыханье
Не подымает груди ей; но жизнь
Чувствительна еще в руке горячей.

Король

Ее уж нет; она уж не проснется;
Ее глаза померкли для земного;
И с высоты преображенный ангел
Не зрит ни слез, ни угрызений наших.

Агнеса

Она жива; она глаза открыла.

Герцог

Иль хочешь к нам из гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?.. Она встает.

И о а н н а
(осматриваясь)

Где я?

Г е р ц о г

С своим народом, посреди
Твоих, Иоанна.

К о р о л ь

Здесь твои друзья;
Здесь твой король.

И о а н н а
(долго смотрев неподвижными глазами)

Ах нет! вы в заблужденье;
Я не волшебница.

К о р о л ь

Ты ангел чистый;
Мы были слепы; наш был ум в затменье.

И о а н н а

(осматриваясь с веселой улыбкою)

Итак, опять с народом я моим;
И не отвержена; и не в презренье;
И не клянут меня; и я любима...
Так! все теперь опять я узнаю:
Вот мой король... вот Франции знамена...
Но моего не вижу... Где оно?
Без знамени явиться не могу;
Его мой бог, владыка мой, мне вверил;
Его должна перед господний трон
Я положить; теперь с ним показаться
Я смею: я ему не изменила.

К о р о л ь

(отергив глаза)

Подайте знамя... вот оно; возьми.

Она берет его, подымается и стоит, никем не будучи
поддерживаема; небо сияет ярким блеском.

И о а н н а

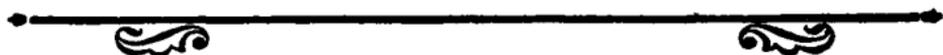
Смотрите, радуга на небесах,
Растворены врата их золотые;
Средь ангелов — на персях вечный сын —
В божественных лучах стоит *она*
И с милостью ко мне простерла руки;
О, что со мною?.. Мой тяжелый панцырь
Стал легкою крылатою одеждой...
Я в облаках... я мчуся быстротечно...
Туда... туда... Земля ушла из глаз;
Минута — скорбь, блаженство бесконечно.

Знамя выпадает из рук ее, и она, мертвая, на него опускается; все стоят в горестном молчании. Король подает знак — и тихо склоняют на нее все знамена, так что она совершенно ими закрыта.

**МЕССИНСКАЯ НЕВЕСТА,
ИЛИ
ВРАЖДУЮЩИЕ БРАТЬЯ**

ТРАГЕДИЯ С ХОРАМИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Донна Изабелла, княгиня Мессинская.

Дон Мануэль }
Дон Цезарь } ее сыновья.

Беатриче.

Диго.

Вестники.

Хор, состоит из дружин обоих братьев.

Старейшины Мессины, безмолвствуют.

Сцена представляет обширный зал с колоннами; по обе стороны — входы, в глубине — большая двустворчатая дверь, ведущая в домовую церковь.

Донна Изабелла в глубоком трауре, вокруг нее старейшины Мессины.

Изабелла

Послушна долгу, не порыву чувств,
Я вышла к вам, старейшины страны,
Покинув свой затвор в давно немых
Покоях женских, чтоб себя, как прежде,
Мужским очам явить в собрание вашем.
С кончиной мужа потеряв и славу
И жизни свет, вдовице подобает
От взоров мира прятать в терему
Свой облик, черной тканью омраченный;
Но голос повелительный мгновенья
Неумолимо требует, чтоб я
Сдружилась вновь с давно мне чуждым светом.

Не минуло двух лун со дня, когда
Супруга-князя я в последний путь,
Согбенная печалью, проводила.
Он грозно правил городом своим,
Рукою мощной вас оборонял
От мира, полного вражды и злобы.
Теперь он мертв, но дух его живет
В двух доблестных героях-сыновьях,
Которыми гордится вся страна.
Вы видели их радостный расцвет,
Но вместе с ними из глухих семян

Таинственно-злосчастного посева
Взросла их ненасытная вражда
И, братское согласие разрывая,
Дала ужасный плод, созрев с годами.
Не видела их в дружбе никогда!
Обоих я держала у груди,
Любовью наделяла и заботой,
И оба, знаю, чтут они меня,
Но только это чувство их роднит,
Во всем другом их разобщил раздор.

Пока страной отец их грозно правил,
К обоим беспощадно справедливый,
Он их держал в покорности и страхе,
Объединяя под ярмом суровым
Враждебные стремления упрямец.
Они не смели спать в одном дворце,
С оружием друг к другу приближаться,—
Так сдерживал всеильным словом он
Их буйных чувств губительный порыв,
Но в их сердцах вражды не уничтожил:
Кто в силах укротить поток ревущий,
Тот ручеек не станет преграждать.

Свершилось неизбежное. Лишь только
Глаза его сомкнулись вечным сном,
Давнишней розни укрощенный пламень
Разросся в необузданный пожар.
Я говорю, что вам известно всем:
Мессина раскололась. Братьев распря,
Священнейшие узы разрубив,
Всех вовлекла в круговорот усобиц.
Меч бьет о меч! Стал город полем битв!
И даже наш дворец забрызган кровью...

Гражданственности узы разрывались,
И надвое рвалась моя душа!
Вам дороги общественные нужды,
До матери какое дело вам!
С суровой речью вы пришли ко мне:
«Ты видишь, сыновей твоих вражда
Втянула нас в гражданскую войну,
А город наш, врагами окруженный,
Соседа устрашает лишь согласием.

Ты мать им все же! Так сумей унять
Твоих сынов разлад кровопролитный.
Что нам, живущим в мире, до борьбы
Властителей? Иль нам велишь погибнуть
Из-за вражды сынов твоих? Так знай же:
Мы сами защитит себя сумеем,—
Мы в подданство пойдем к другому князю,
Способному наш город охранять!»
Так вы, мужи суровые, заботясь
Лишь о себе да о своей Мессине,
На сердце, отягченное и горем
И страхом материнским, беспощадно
Взвалили гнет гражданского раздора.
И я взялась с кровоточащим сердцем
За непомерный, безнадежный труд.
Бесстрашно, неуклонно, неустанно
Враждующих я призывала к миру.
Своих гонцов я посылала к ним,
Покуда, наконец, их не склонила
Горячей материнскою мольбой
В родной Мессине, во дворце отцовском,
Взглянуть в лицо друг другу без вражды,
Чего с кончины князя не случилось.

И день настал! Я жду ежеминутно
Известия об их прибытье в город.
Так будьте же готовы государей,
Как подобает подданным, принять.
Я призываю вас лишь долг исполнить,
Об остальном подумаем мы сами.
Губительна вражда их для Мессины
И к пропасти толкает их самих,
Но дружбой спаянным, под силу им
Вас защитит от происков врагов
И отстоять свои права — от вас!

Старейшины молча уходят, приложив руку к сердцу.
Она подзывает старого слугу. Тот остается на сцене.

Изабелла. Диего.

Изабелла

Диего!

Д и е г о

Что велит моя княгиня?

И з а б е л л а

Слуга мой верный, подойди поближе.
Ты разделял печаль мою и боль,
Так поделись и радостью со мною.
Я доверяла сердцу твоему
Свою священно-горестную тайну.
Но час настал, когда она на свет
Должна явиться, с мраком разлучившись.
Чрезмерно долго голос естества
Я заглушала, зная над собой
Крутую волю мужа моего.
Пусть голос сердца громче раздастся!
Еще сегодня чувствам уступлю
И в этот дом — увы! давно пустой —
Все соберу, что дорого душе.

Направь же в монастырь, тебе знакомый,
Уже неспешный, старческий свой шаг —
Туда, где мой заветный клад хранится.
Ведь это ты его, мой верный друг,
Туда отнес, о лучших днях мечтая,
Печальный долг печальнейшей воздав;
Теперь ступай счастливейшей вернуть
Ее заклад желанный!

Вдали слышны трубы.

О! Скорее!

Пусть радость молодит твою походку!
Я слышу бранных труб далекий зов!
Он возвещает сыновей прибытье.

Диего уходит.

Музыка, приближаясь, все громче гремит с двух
противоположных сторон.

В волненье вся Мессина! Чу! Поток
Шумливых голосов течет сюда!
Они! Как сердце матери трепещет,

Могучую их близость ощутив!
Они! Мои возлюбленные дети!

(Спешит им навстречу.)

Выступает хор.

Он состоит из двух полухорей, которые появляются одновременно — одно в глубине, другое из-за передней кулисы — и заполняют сцену. Одно полухорие образуют старшие, другое — младшие рыцари. Они отличаются друг от друга расцветкой рядов и значками. Когда оба хора выстраиваются друг против друга, марш замолкает. Начинают говорить корифеи¹.

Первый хор (Каэтан)

Перед вами в смиренье
Склоняюсь, чертоги,
Вы, государей
Детское ложе,
Многоколонный, сияющий кров!
В ножнах укрытый,
Меч, опочий!
Пред вратами, в оковах,
Смирно лежи, несогласья ехидна!
Ибо этого дома
Величавые сени
Клятва хранит, дочь Эринний. Она
Мстительней всех обитательниц Орка.

Второй хор (Боэмунд)

Сердце враждой закипает злобной,
Гневно сжимается мой кулак:
Облик я вижу медузоподобный, —
То предо мной ненавистный враг.
Как же смирить мне крови кипенье,
Внять ли тому, что скажет мой брат?

¹ Автор при пересылке рукописи направил в Венский театр также и предложение относительно того, как следует распределять речи хора между отдельными лицами. Первый хор должен был состоять из Каэтана, Беренгара, Манфреда, Тристана и восьми рыцарей дона Мануэля; второй из Боэмунда, Рогера, Ипполита и девяти рыцарей дона Цезаря. Что каждый из них должен был сказать по замыслу автора, указано в этом издании. *(Примечание Кернера, 1814.)*

Гнева ль ожившего слушать веленье?
Но устрашают меня Эвмениды,
Грозно хранящие этот град,
Мстят тем, кто припомнит обиды.

Первый хор (Каэтан)

Более мудро
Старший поступит.
Я, рассудительный, кланяюсь вам.

(Второму хору.)

Здравствуй, пришедший
Встретиться с братом,
Сходные чувства
Братски делящий,
Трепетно чтущий
Этого дома
Строгих богов!
Коль государи встретились в мире,
Мирное слово тоже сумеем
Меж собой мы разумно сказать,
Ибо и в слове святом благодать.
Но лишь встречусь с тобою на воле,
Алой кровью умоется поле,
Будем сталью отвагу пытаться!

Весь хор

Но лишь встречусь с тобою на воле,
Алой кровью умоется поле,
Будем сталью отвагу пытаться!

Первый хор (Беренгар)

Ты не враг мне! К чему нам вражда?
Нас равно родил этот город.
А они — не пришлый ли род?
Но не избежать убийства и слугам,
Если враждуют князья друг с другом,
К этому право и долг нас зовет.

Второй хор (Боэмунд)

Сами пусть знают,
Зачем им кровавый
Надобен бой! Нам не нужен ответ.

Пусть он нас в бой самовластно направит.
Тот не отважен, в том чести нет,
Кто государя в беде оставит.

Весь хор

Пусть он нас в бой самовластно направит.
Тот не отважен, в том чести нет,
Кто государя в беде оставит.

Один из хора (Беренгар)

Слушайте! Вместе обсудим дело...

Брел я молча. Вокруг шумела

Наша нива; и, вняв ее шуму,

Все об одном я думал думу:

Мы бросились в этот лютый бой,

Не спросясь, не держа совета,—

Давней натравленные враждой.

Разве не *наша* нива эта?

Эти вязы и лозы эти —

Разве не *нашего* солнца дети?

Что ж мы не гоним легкой рукой,

Счастье сплетая, челнок бесшумный,

Жить не умеем жизнью бездумной?

И зачем, отдаваясь отваге безумной,

Бой ведем за чужой этот род?

Ничто им права царить не дает:

Из-за моря они приплыли,

От земель, где солнца закат.

Мирно встретили их не мы ли —

Наши деды, сто лет назад,—

А теперь мы с тобой в оковах,

Под пятой государей новых!

Второй хор (Манфред)

Да, мы живем в благодатной стране!

На нее, совершая кочевье,

Солнце всегда взирает с улыбкой.

И привольно в лучах его греться.

Но не замкнуться нам, не запереться!

Мы и в шуме стихии зыбкой

Слышим песни о вольном корсаре,

Что пучину дерзнул пересечь.
Благодать этих мест исстари
Осквернял чужеземный меч.
В рабство впали мы в стране родимой,
Ибо ничем мы от бед не хранимы...

Нет, не здесь, где Церера смеется нам
И задумчивый Пан, лужаек хранитель,—
Где железо дремлет в ущельях — там
Созревает земель покоритель.

Первый хор (К а э т а в)

Поровну разве делить умеет
Жизни дары человеческий род?
Но непогрешен природы расчет:
Нам дано плодоносное поле
И хлебов обновленный всход;
Их удел — независимость воли
И высоких надежд полет.
Кто подступит к их грозным доспехам?
Что ни затеют, венчают успехом,
Мир не раз под пятой их дрожал.
Но с горы неприступной, огромной
Гулко рушится тяжкий обвал.
Счастлив я своей долей скромной,
Скроюсь, слабый, в грозную пору.
Тот поток, прорывающий гору,
Темных туч непокорное чадо,
Из разверстых небес, полных шумного града,
Вдруг ударит столпом водопада.
Все, что ни встретят мосты и плотины,—
Грозно крушат водяные стремнины!
Все уступит их ярости львиной!
Но лишь мгновение их породило,
И потока ужасный след
Дно песчаное вновь поглотило,—
Он живет в пересказах бед.
Немало пришельцев царило над краем,
Мы ж, покоряясь, его не бросаем.

Двери в глубине зала отворяются, входит донна Изабелла
в сопровождении своих сыновей, дона Мануэля и дона
Цезаря.

Оба хора

Слава и почестъ
Ей, восходящей,
Как лучезарное солнце!
Чту на коленях державную мать.

Первый хор (Каэтан)

Радует месяц
Мягким сияньем
Рядом с игрою блещущих звезд,—
Так материнский
Облик чарует
Возле четы воссиявших сынов.
Кто отыскал бы
Образ, ей равный, здесь, на земле?
Дивно над миром

Вознесена,
Круг земной красоты замыкает
И цветеньем своим венчает
Чудо господня творенья она.

Церковь и та не умеет украсить
Лучшим творением божий престол,
Даже искусство божественной силой
Не создает ничего превыше,
Чем богоматерь и сын ее.

Второй хор (Боэмунд)

Видеть радостно, как из лона
Поднялось величавое древо,
Все в ростках — на усладу нам!
Родила она род могучий,
Род, кочующий вместе с солнцем,
Имена дающий летучим векам.

(Рогер)

Сходят народы,
Гаснут языки,
Крылья забвения
Все покрывают тенью великой —
Век за веком, за родом род.

Лишь государи
Гордо над миром
Главы взнесли!
Их Аврора целует
Негасимым сияньем,
Как крутые вершины земли.

И з а б е л л а

(выступает вперед со своими сыновьями)

Взгляни сюда, небесная царица,
И на сердце мне руку положи,
Дабы его гордыня не вздымала!
А как не возгордиться, в ярком блеске
Сыновней славы увидав себя?
Ведь в первый раз, с тех пор как родила их,
Все счастье, мне сужденное, — со мною.
До нынешнего дня усилюм воли
Должна была делить я жар душевный.
Позабывать про сына *одного*,
Вкушая близость милую *другого*.
Ведь материнская любовь — *едина*,
А я всегда имела *двух* сынов!
Скажите, смею ль я без содроганья
Порывам сердца сладостным отдаться?

(Дону Мануэлю.)

Когда я брату руку пожимаю,
Я не вонзаю жало в грудь твою?

(Дону Цезарю.)

Когда я умиляюсь встрече с братом,
Меня ты не ревнуешь? Как страшусь я,
Что, показав свою любовь, я только
Раздую пламя ненависти вашей.

(Поглядев на них вопрошающим взором.)

На что надеяться мне? Отвечайте!
Какое чувство вас влекло сюда?
Ужель все тот же неугасший гнев
С собою принесли вы в отчий дом?
И не стоит ли за вратами замка
Война, утихшая лишь на мгновенье,

И жесткие кусает удила,
Чтоб тут же, лишь расстанетесь со мной,
Встать на дыбы с утроенною злобой?

Х о р (Б о э м у н д)

Мир или войны? Покуда глубоко
Жребии спят в колыбели рока!
Но сегодня же весть разнесется по дому —
Мы готовы к исходу любому.

И з а б е л л а
(осматриваясь)

Какой воинственный ужасный вид!
Что это значит? Или бой кровавый
Назначен вами у меня в покоях?
При чем чужие здесь, когда желает
Мать сердце выплакать пред сыновьями?
Иль вы и в чреве матери змею
Измены заподозрили? Иль, струсив,
Прикрыть решили отступленья путь?
О, этот дикий сброд, что всюду с вами!
Поспешные наперсники вражды!
Они вам не друзья! Не верьте им!
Вам не к добру дают они советы.
Да и откуда б их приязни взяться
К вам, пришлым, к семени чужому, к вам,
Лишившим их наследственных владений,
Простершим власть свою над их страной?
Поверьте! Каждый любит жить свободно,
Блюдя обычай прадедов своих.
Чужую власть лишь с завистью выносят.
Лишь ваша мощь да их всечасный страх
Отказ в повиновенье исключают.
Их нрав лукавый разгадать спешите!
Злорадство! Только им они вольны
Мстить вашей воле и удаче вашей.
Князей паденье! Венценосцев смерть!
Они про это в песнях распевают,
Об этом сказки сказывает дед,
Зимую ночи коротая с внуком.

О мои дети! Мир исполнен зла
И помыслов лукавых. Каждый любит
Лишь самого себя. Непрочны связи,
Которые удача нам сплетает,
Единый миг — и сеть разорвалась.
Верна одна *природа*. Лишь она
Стоит на верном якорю, в то время
Как все кругом, в кипящем море жизни,
Теряет путь. Приязнь дарует друга,
Удача нам соратников приносит,
Лишь брата нам рождение дает.
Его не даст нам счастье. Вместе с счастьем
Приходит друг. И часто в мире этом,
Вражды и злобы полною, он двулик.

Хор (Каэтан)

Как величава! Без восхищенья
Можно ли слову княгипи внимать?
Наши людские дела и влеченья
Все до конца ей дано понимать.
Нас же суровые страсти жестоко
Гонят в объятья враждебные рока.

Изабелла (дону Цезарю)

Ты, меч на брата обративший свой.
Всмотрись во всех, стоящих вокруг тебя,
Скажи, чей образ благородней брата?

(Дону Мануэлю.)

Кто среди тех, кого друзьями мнишь,
Сравнится с братом доблестным твоим?
Ты среди старших, он среди младших —
лучший.

Где нет сравненья, нет и предпочтенья.
Дерзните посмотреть себе в лицо!
О ревности и зависти безумье!
Его бы должен ты среди многих тысяч
Избрать в друзья, прижать к своей груди,
Единственным назвать и самым близким.

А ты, хотя святое естество
Тебе его вручило с колыбели,
Ты, собственную кровь свою предав,
Высокий дар судьбы не принимаешь,
Предпочитаешь в слепоте своей
С врагом и чужеродцем быть в союзе?

Д о н М а н у э л ь

Послушай сына!

Д о н Ц е з а р ь

Мать, внемли и мне!

И з а б е л л а

Нет, не словами этот грустный спор
Закончить нам. «Мое» здесь и «твое»,
Отмщенье от вины неотделимы.
Кто лавы русло прежнее отыщет
Под новым огнедышащим потоком?
Везде огня подземного исчадь
Свирепствует, покрыв корой мертвящей
Здоровую еще недавно почву.
Куда ни ступишь — смерть и запустенье...
Поверьте, дети, матери своей:
То зло, что зрелый муж наносит мужу
Другому, столь же зрелому быть может,
Простить, забыть не так легко. Ведь муж
Возжаждал зла, и не изменит время
Решенья, твердо принятого им.
Но ваш раздор ушел корнями вглубь
Бессмысленной младенческой поры.
Его разоружить могли бы годы.
Спросите, что тогда вас разобщило?
Не сыщешь и причины, а найдешь —
Ребячества пустого устыдишься.
А это ведь все тот же детский спор,
Который, звенья страшные умножив,
Раздоры нынешнего дня питает.
Все то недоброе, что вы свершили,—
Лишь порожденье застарелой злобы.

И этот детский спор хотите вы
Не прекращать, уже мужами став?

(Берет обоих за руки.)

О мои дети! Я взываю к вам!
Старинный счет решитесь уничтожить!
Ведь оба вы повинны в равной мере.
Великодушны будьте. Подарите
Друг другу непомерно взросший долг!
Божественней всех подвигов — прощенье!
В могилу киньте — в ту, где спит отец,—
Старинный гнев младенческой поры!
Пусть примиренью будет жизнь отныне,
Согласью и любви посвящена.

*(Она на шаг отступает, как бы желая дать им
приблизиться друг к другу. Оба потупились и не смо-
трят друг на друга.)*

Хор (К а э т а н)

Не замыкайтесь от речи разумной,
Мудрое слово промолвила мать!
В пору смириться вражде многошумной,
Но — прикажите — начнем воевать!
Ваше решенье угодно и нам,
Вы — государи, мы — служим князьям.

И з а б е л л а

*(помолчав, в тщетной надежде обнаружить в братьях
готовность откликнуться на ее слова, продолжает
со сдержанным страданьем)*

Я все сказала! Истощила я
Колчан разумных доводов моих.
В могиле тот, кто вас смирял сурово,
И, немощна, стоит меж вами мать.
Кончайте! Вы вольны во всем! Пусть вас
Злосчастный демон гонит под обрыв!
Не чтите ларов благостный алтарь!
Пусть эти своды, где я вас рожала,
Двойную смерть сынов моих узрят!
Перед глазами матери себя
Убейте — не чужой, своей рукою!

Грудь на грудь, как фиванская чета,
Сойдитесь и друг друга, в тяжелой схватке,
Железными объятьями сожмите!

И, жизнь на жизнь меняя, в знак победы
Пусть каждый меч в противника вонзит!
Чтоб месть была и в смерти

непреклонна,

Пусть пламени багряная колонна,
Объединивши братский ваш костер,
Вновь раздвоится в небе, как исконно
Вас разобщал губительный раздор!

(Уходит.)

Братья стоят друг против друга все в той же отчужденности.

Два брата. Хор.

Хор (Каэтан)

Только слова она вам говорила,
Но безмятежную совесть мою
В твердой груди как мечом поразила.
Кровь своих родичей я не пролью,
С чистой душой совершаю молитвы.
Вы же — братья: страшны ваши битвы!

Дон Цезарь

(не глядя на дона Мануэля)

Ты — первенец, тебе и речь вести.
Пред старшим братом я склонюсь охотно.

Дон Мануэль

(в той же позе)

Молвь слово доброе. Примеру брата,
Пусть младшего, я подражать готов.

Дон Цезарь

Не потому, что большую вину
Я знаю за собою или слабость...

Дон Мануэль

Дон Цезаря опасность не страшит,
Будь он слабей, надменной говорил бы.

Д о н Ц е з а р ь

Не худшего ты мнения о брате?

Д о н М а н у э л ь

Ты не привык к смиренью, я — к неправде.

Д о н Ц е з а р ь

Моей душе презренья не снести!
Но в озлобленье распри хоть однажды
Подумал ли достойно ты о брате?

Д о н М а н у э л ь

Ты смерти не желал мне. Это знаю.
Один монах меня хотел убить
Предательски: ты покарал злодея.

Д о н Ц е з а р ь

(немного приблизившись к брату)

Когда б я знал, что брат мой справедлив,
Несовершенным многое б осталось.

Д о н М а н у э л ь

Когда б я мог прозреть желанье мира
В душе твоей, я мать не огорчал бы.

Д о н Ц е з а р ь

Тебя изображали мне надменным.

Д о н М а н у э л ь

Князей несчастье в том, что подлый льстец
Их слухом без труда овладевает...

Д о н Ц е з а р ь

(оживленно)

Да, это так! Всему виною слуги!

Д о н М а н у э л ь

Которые в нас ненависть вселяли.

Д о н Ц е з а р ь

Худое слово бойко разносили.

Д о н М а н у э л ь

Чернили помышленья и поступки.

Д о н Ц е з а р ь

Не врачевали — бередили раны.

Д о н М а н у э л ь

В нас пламя не гасили — раздували.

Д о н Ц е з а р ь

Мы — жертвы наущенья и обмана!

Д о н М а н у э л ь

Чужих страстей орудие слепое!

Д о н Ц е з а р ь

Возможно ли, что все кругом — лишь козни...

Д о н М а н у э л ь

И ложь! Так мать сказала, — ей ты верь.

Д о н Ц е з а р ь

Позволь же мне пожать десницу брата...

(Протягивает ему руку.)

Д о н М а н у э л ь

(пылко хватает ее)

Она и мне дороже всех других.

Они стоят рука в руке и молча смотрят некоторое время друг на друга.

Д о н Ц е з а р ь

Смотрю я на тебя и с удивленьем

В тебе я вижу матери черты.

Д о н М а н у э л ь

Мне ж сходство открывается в тебе,

Которое меня волнует больше...

Д о н Ц е з а р ь

Неужто это ты встречаешь брата
Так кротко, так тепло с ним говоришь?

Д о н М а н у э л ь

И этот юноша миролюбивый —
Мой брат, мне зла желавший, ненавистный?

Снова молчание, каждый стоит, погруженный в созерцание
другого.

Д о н Ц е з а р ь

Я помню, в счет отцовского наследства
Хотел ты взять коней арабской крови,
Я отказал в том рыцарям твоим.

Д о н М а н у э л ь

Ты любишь их? Что ж, я о них забыл.

Д о н Ц е з а р ь

Нет, нет, возьми коней и заодно
Их упряжь. О, возьми, прошу тебя!

Д о н М а н у э л ь

Я их возьму, когда дворец приморский —
Предмет кровавой распри — ты возьмешь.

Д о н Ц е з а р ь

Я не возьму его, но тем охотней
В нем поселюсь с тобой вдвоем, по-братски.

Д о н М а н у э л ь

Пусть так! Зачем имущество делить,
Когда сердца у нас теперь едины?

Д о н Ц е з а р ь

Зачем не жить нам под единым кровом?
Объединясь, богаче будет каждый.

Д о н М а н у э л ь

Мы больше не враждуем, мы едины.

(Устремляется в объятия брата.)

Первый хор (Каэтан)

(второму)

Что ж мы стоим как прежде, врагами?
Если владыки в любви сердечной
Мир скрепили, так мир и меж нами.
Или враждой мы отравлены вечной?
Эти — братья со дня рожденья,
Нас иные связуют звенья.

Оба хора обнимаются. Появляется вестник.

Второй хор (Боэмунд)

(дону Цезарю)

Я вижу, возвращается разведчик,
Отправленный тобою, государь.
Возрадуйся! Благою весть несет он —
Его глаза веселием горят.

Вестник

Как счастлив я! Как счастлив город наш!
Как любо мне глядеть на ваш союз!
Преемников престола, государей,
Которых я врагами здесь покинул,
Я в дружеской беседе застаю.

Дон Цезарь

Теперь любовь из пламени усобиц,
Как возрожденный феникс, вылетает.

Вестник

За вестью весть счастливая спешит.
Мой посох зеленью покрылся новой!

Дон Цезарь

(отводит его в сторону)

Скажи, что ты принес?

Вестник

Единый день

Дарует нам все радостное сердцу.
Она, давно потерянная нами,
Она недалеко, она нашлась.

Д о н Ц е з а р ь

Она нашла? Но где она? Скажи!

В е с т н и к

У нас в Мессине, князь, ее приют.

Д о н М а н у э л ь

(первому хору)

Горячей краской щеки заливает
Дон Цезарю, и взор его блестит.
Что с ним? Не знаю. Только это — краска
Веселия. С ним радуясь и я.

Д о н Ц е з а р ь

(вестнику)

Веди меня! Прощай, дон Мануэль!
Мы встретимся в объятиях материнских.
Но в этот миг меня зовут дела.

(Хочет уйти.)

Д о н М а н у э л ь

Не надо забывать их! В добрый путь.

Д о н Ц е з а р ь

(одумывается и возвращается)

Дон Мануэль! Не выразят слова,
Как рад я нашей встрече. Сердце чует,
Что горячо друг друга мы полюбим.
Любовь, почти зачахшая в оковах,
При свете солнца мощно расцветет.
Нагнать хочу упущенное время.

Д о н М а н у э л ь

И дивный плод сулят ее цветы.

Д о н Ц е з а р ь

Мне стыдно, я клянусь себя за то,
Что вырываюсь из объятий братских;
Но не считай бесчувственным меня
За то, что праздник наш я сокращаю.

Дон Мануэль

(с заметной рассеянностью)

Покорствуй же мгновению! Любви
Вся наша жизнь посвящена отныне.

Дон Цезарь

Когда бы знал ты, что меня влечет...

Дон Мануэль

Оставь лишь сердце мне! А тайны можешь...

Дон Цезарь

Нет, я с тобой и тайну разделю,
И эта складка темная исчезнет!

(Обращается к хору.)

Я с вами говорю, чтоб всем поведать:
Прекращена усобица меж мной
И милым братом, и того теперь
Я объявлю врагом, мне ненавистным,
Как темные ступени в пропасть ада,
Кто из потухшей искры вновь огонь
Вражды раздуть захочет. Не надейся
Никто мне услужить иль стать любезным,
Толкуя ложно о поступках брата,
В усердьи низком горькую стрелу
Случайных слов коварно досылая.
Не на устах пускает корни слово,
Сорвавшееся в бурный миг вражды,
Но, каверзным уловленное слухом,
Оно ползет лианой, чтобы вдруг
За сердце сотней веток уцепиться;
Так разобщаются в глухой борьбе
И лучшие из лучших в этом мире.

(Он еще раз обнимает брата и уходит, сопровождаемый вторым хором.)

Дон Мануэль и первый хор.

Хор (Каэтан)

Я изумленно на тебя гляжу
И не могу тебя узнать сегодня.

Скупою речью отвечаешь ты
На братские признанья, а не он ли
С душой открытой подошел к тебе?
В себе сосредоточен, ты стоишь,
Подобно спящему, как будто ты
Лишь телом здесь, душою же — далече.
Кто на тебя посмотрит, заподозрит
Тебя легко в надменности души.
Но я тебя не упрекну за это:
Ты взором загоревшимся глядишь
Вокруг себя, и на устах — улыбка.

Д о н М а н у э л ь

Что мне сказать? Что мне ответить? Пусть
Мой брат слова находит! На него
Низверглось чувство новое. Он чувствует,
Как старый гнев от сердца отлетел,
И счастлив превращением своим.
Я не принес сюда своей вражды,
Почти забыл, что нас на бой толкало;
Моя душа над всем земным, в эфире,
На крыльях веселья вознеслась.
В лазурном море, что слепит меня,
Все облака и сумрачные складки
Земной вражды навеки исчезают.
Смотрю на эти своды, эти залы —
И вижу пред собой испуг счастливый
Невесты нареченной, в час, когда
Княгиней-государыней ее
Введу в ворота замка родового.
Ей дорог только любящий. Пришельцу
Безвестному она любовь дарила,
Не ведая, что обруч золотой
Ей на чело прекрасное возложит
Дон Мануэль, Мессины повелитель.
Как сладостно влюбленному бывает
Следить за изумленьем милых глаз!
Давно меня счастливый брак прельщает:
Сам по себе он благо, без прикрас,
Но гордый сан и красоту венчает,
Как диадему царственный алмаз.

Хор (Каэтан)

Впервые, князь, ты снял печать молчанья
С твоих давно не говоривших уст.
Я взором пристальным с недавних пор
В тебе приметил тайную тревогу,
Но не дерзал я спрашивать тебя
О том, что ты скрываешь в глубях сердца.
Тебе претит веселый гам пиров,
Ристалища и шумные охоты,
От глаз друзей, товарищей своих,
Ты ускользаешь, только солнце сядет,
И ни один из нас, всегда с тобой
В охотах и сраженьях неразлучных,
Не смеет спутником к тебе пристать.
Зачем свою любовь от наших глаз
Ты укрывал в такой покров ревнивый?
Князьям скрываться, думаю, нет нужды,
Твоей душе высокой страхи чужды.

Дон Мануэль

Крылато счастье! Как его удержишь?
Храни его в ларце да под замком,
Молчанье служит сторожем ему,—
Оно умчится, чуть молва людская
Хотя б немного приподнимет крышку.
Но, приближаясь к цели, я дерзну
Сорвать печать молчания былого.
Ведь с первой вспышкой утренней зари
Она — моя, и зависть адских сил
Мне впредь уже бедой не угрожает.
Не буду красться я заросшим лугом
И воровать любви запретный плод,
Не буду счастье бить, как птицу в лет,
Дни будут дивно сходствовать друг с другом.
И не как молния, сквозь мрак ненастья
Блеснувшая, чтоб сгинуть в облаках,—
Рекой неспешной заструится счастье
Иль как песчинки сыплются в часах.

Х о р (К а э т а н)

Так назови нам имя той, что тайно
Тебя счастливит, чтоб и мы сквозь зависть
Могли твою невесту величать.
Скажи, где встретился ты с ней? В каком
Ее хранишь убежище незримом?
Исколесили мы во все концы
Наш остров по охотничьим тропинкам,
Но набрести на след не удалось.
Порой меня уже брало сомненье,
Не колдовство ль твою любовь хранит?

Д о н М а н у э л ь

Я колдовство рассею. Этот день
Еще увидит, что во тьме скрывалось.
Узнайте же, как это началось:
Пять лун тому назад, когда страной
Еще отец наш правил и строптивость
Сыновнюю с трудом одолевал,
Лишь в бранных играх видел я усладу,
В охоте буйной радость обретал.
По целым дням носились мы лесами
С холма на холм, и приключилось так,
Что, ринувшись за самкою оленьей,
Я далеко от вас оторвался.
Дрожа, беглянка мчалась вдоль обрывов,
Сквозь заросли и бездорожный лес,
И все не удавалось мне никак
Ее нагнать иль поразить стрелой,
Пока она за воротами сада
Не скрылась вдруг. Я спешился немедля
И вслед за ней, грозя копьем, помчался.
И вдруг, дивясь, испуганную лань
Я вижу возле девы в черной рясе,
Под нежной девичьей ее рукой.
Недвижно я стою пред этим чудом,
Еще с копьем жестоким наготове.
Монахиня ж молящими глазами
Меня смиряет. Долго ль мы стояли
Друг против друга — как сказать мне, если

Земные сроки для меня исчезли?
Под взором пристальным ее очей
Перевернулось сердце у меня.
Пусть никто не вопрошает здесь,
Что в этот час друг другу мы шептали:
То для меня — как чудный детский сон,
Всплывающий из сумеречной дали.
Уста слились, два сердца трепетали,
И лишь тогда рассудок мой воскрес,
Когда, нарушив наш восторг любовный,
В тиши раздался благовест церковный
И, вырвавшись из рук моих, в смятенье,
Растаяла она, как сновиденье.

Хор (Каэтан)

Куда завлек тебя твой бурный нрав?
Разбоем ты святыню оскорбляешь,
На божье достоянье посягаешь;
А свят и строг монастырей устав.

Дон Мануэль

С тех пор блуждал я лишь одной тропой;
Окончились бесцельные желанья,
Смысл обрело мое существованье.
Как пилигримы молятся Востоку,
Где солнце вечным светочем горит,
Так обратил я весь свой жар душевный
К тому укромному монастырю.
И день не опускался в бездну моря,
Два сердца любящих в саду не сведши.
В молчании сплетался наш союз.
Один эфир всевидящий тому
Был счастьем тайному немой свидетель;
В людском участье не нуждались мы.
То были дни блаженства, дни веселья!
Нет, против неба я не согрешил:
Она обетом сердца не связала,
Собой располагать была вольна.

Хор (Каэтан)

Так лишь убежищем был монастырь
Неопытному сердцу, не могилой?

Д о н М а н у э л ь

Ее в святой залог монастырю
Доверили, чтоб взять потом обратно.

Х о р (К а э т а н)

Но от кого ведет она свой род?
Ведь только знатность знатное рождает.

Д о н М а н у э л ь,

Она загадкой для себя самой
Росла, не зная ни родни, ни дома.

Х о р (К а э т а н)

И ни одна укромная тропа
К истоку этой тайны не приводит?

Д о н М а н у э л ь

Она высокородна. Это муж,
Хранящий тайну, все ж не утаил.

Х о р (К а э т а н)

Кто он такой? И это не скрывай:
Лишь все узнав, подать совет сумею.

Д о н М а н у э л ь

Старик слуга, к ней приходивший, был
Меж матерью и дочерью посредник.

Х о р (К а э т а н)

Ты ничего от старца не узнал?
Болтлива и немужественна старость.

Д о н М а н у э л ь

Боялся я, поддавшись любопытству,
Поставить наше счастье под удар.

Х о р (К а э т а н)

А в чем был скрытый смысл его рассказов,
Когда он эту деву навещал?

Д о н М а н у э л ь

Он, говоря, что время все раскроет, .
Отодвигал развязку с года н а́ год.

Х о р

И никогда не называл точней
Счастливого он дня, что все рассудит?

Д о н М а н у э л ь

С недавних пор старик ее судьбе
Большую переменой угрожает.

Х о р (К а э т а н)

Как? Угрожает? Так боишься ты,
Что свет, пролившись, горе принесет?

Д о н М а н у э л ь

Неведомое любящих пугает.
Где невозможна прибыль, ждешь утрат.

Х о р (К а э т а н)

Но, может быть, открытие это будет
Благоприятным для твоей любви?

Д о н М а н у э л ь

А может быть дурным. Я счел за благо
Предупредить раскрыть тайны этой.

Х о р (К а э т а н)

Как, государь? Меня объемлет страх!
Предвижу опрометчивый поступок!

Д о н М а н у э л ь

Уже немало месяцев, как ей
Старик слуга намеками внушает,
Что светлый день теперь не за горой,
Тот день, который возвратит ей близких;
Вчера же ясно ей он указал,
Что с первой вспышкой утренней зари
(А это день, который нынче светит).

Ее судьба навеки разрешится.
Тут время больше не терпело. Вмиг
Решился я предупредить события:
Минувшей ночью я ее похитил
И приютил в стенах моей Мессины.

Х о р (К а э т а н)

Что за поступок дерзкий, воровской!
Прости мне, князь, суровое сужденье!
Я говорю по праву старшинства,
Встревожен юной дерзостью твоей.

Д о н М а н у э л ь

Невдалеке от церкви Милосердья,
В тиши давно запущенного сада,
Куда зевака праздный не пойдет,
Я только что расстался с ней, сюда
На примиренье с братом поспешая.
Ее я в робости и страхе там
Оставил, ждущую чего угодно,
Но только не того, чтобы княгиней
Пред всей Мессиной ныне же предстать
На величавом пьедестале славы.
Не иначе с моей невестой встречусь,
Как окружив ее сияньем власти,
Толпою лучших рыцарей моих.
Я не стерплю, чтоб дона Мануэля
Избранница беглянкою безродной
Пред новой матерью своей предстала.
Княгинею, по-княжески ее
Введу сюда, в чертоги предков наших.

Х о р (К а э т а н)

Что ж, государь, дай знак, и мы пойдем.

Д о н М а н у э л ь

Я мог покинуть милые объятья,
Но только ею помыслы полны.
Вы на базар провóдите меня,
Где, на прилавках разложив товары,
Торгуют мавры всем, чем так богат

Восточный край: камнями и тафтой.
Сандалии найдите ей сначала,
Защиту и оправу нежных ног;
Потом для одеянья ткань достаньте
Индийскую, белей, чем снег на Этне, —
Она лучу прозрачному подобна
И обтечет, как утренний туман,
Младые члены девичьего тела.
Пусть оторочен нитью золотой
Багряный будет пояс, что скрепит
Ее наряд под девственной грудью.
Найдите плащ пурпуровый из шелка
Тяжелого с отливом золотым;
Алмазною цикадою скрепите
Его у шеи. Не забудьте также
Запястья; прилегающего нежно
К ее рукам; кораллы, жемчуга —
Дары чудесные морской царицы.
Пусть обруч ляжет на ее чело,
Подобранный из радужных каменьев,
В котором ало рдеющий рубин
Скрестит лучи с пылающим смарагдом.
А над прической пусть фату приколют,
Которая, как мягкий сноп лучей,
Овеет весь ее воздушный образ,
И нежных мирт невинное цветенье
Пусть увенчает дивное виденье.

Х о р (К а э т а н)

Все будет, князь, как ты повелеваешь,
Нетрудно на базаре отыскать
И ткани, и кораллы, и алмазы.

Д о н М а н у э л ь

И отберите иноходца ей
В моих конюшнях, чтобы масть его
Была светлей четверки Аполлона;
Седло пусть алым будет, удила
Пусть жемчугами и рубином блещут, —
Он во дворец княгиню повезет!
А вы готовы будьте, окружив

Блестящей свитой юную принцессу,
Ее доставить к нам под гром литавр!
Все это приготовить я спешу.
Двух рыцарей из вас беру с собою.
Пусть ждут меня другие. Все, что вам
Доверил я, замкните в вашу душу.
Пока я сам молчанья не нарушу.

(Уходит в сопровождении двух рыцарей из хора.)

Хор (Каэтан)

Что же нам делать отныне, други,
Если князьями окончен бой?
Чем заполнить наши досуги
И часов бесконечный рой?
Вместе с надеждой, с трудами иль верой
Легче идти повседневностью серой,
Легче нести нам житейское бремя,
Разнообразить унылое время,
Ибо ветрила жизни застойной
Двигает чувства порыв беспокойный.

Один из хора (Манфред)

Сладок мир! Он как отрок прекрасный,
Грезящий над спокойным ручьем,
Где по траве, средь волн аромата,
Прыгают в солнечном блеске ягнята.
Вот заиграл он на звонкой свирели,
Эхо в горах пробудил ее звон.
Вот ввечеру, как дитя в колыбели,
Он лепетаньем ручья усыплен.
Но и война дарит нам отраду —
Кормщик, ведущий наш жизненный челн, —
Любо мне вечное жизни движенье,
Зыбь, колебанье, блужданье, броженье
Счастьем людским именуемых волн.
Человек без борьбы хиреет,
Для отваги смертелен покой,
Ведь закон только слабого любит,
Великана под корень он рубит,
Всех дерзнувших возвыситься губит.
А для силы простор только в войнах,

Лишь борьба возвышает достойных,
Даже трусам отвагу дарит.

Второй (Беренгар)

Разве кумирни любви пустуют
И *красоте* не кадят фимиам?
Вот где робеют, где торжествуют!
Царь здесь лишь тот, кто приятен очам.
Правят судьбой и любовные ласки,
С мира смывая поблекшие краски;
Сладко лжет в наши юные лета
Дочь закипающих пеной валов,
В эти печали, в томление это
Нити вплетая пленительных снов.

Третий (Каэтан)

Дружны цветы с расцветающим маем,
Славь красоту! Наш венок мы сплетаем
Локонам юности пышно-кудрявым.
Муж умудренный служит богам
Более строгим и величавым.

Первый (Манфред)

Весело вместе с Дианою строгой
В темном бору нам преследовать дичь.
Весело мчаться лесною дорогой,
Тура копьем смертоносным настичь,
Ибо охота — грозного бога,
Бога войны, шалунья-жена.
Утренний луч нас будит от сна,
Рог заливадается, гончих скликая,
Даль уже солнцем озарена,
И напрямик, по горам и долам,
Воздух весенний всей грудью вдыхая,
Скачут охотники роем веселым.

Второй (Беренгар)

Или довериться нам отныне
Моря владычице темносиней,

Что безмятежно-прохладной влагой
Манит в бездонное лоно людей?
Будем строить, исполнясь отвагой,
Дом пловучий на зыбях морей!
Кто зеленый текучий кристалл
Килем вспахать дерзнет корабельным,
Тот — избранник судьбы, тот владыкою стал, —
Семя не сеяв, жатву сберет он.
Ибо море — обитель надежды,
Всё подвластно случайности там,
Там богатый становится нищим,
Нищий — ровней могучим князьям.
Ветер буйный летит на просторе,
Розу ветров стремглав обегая, —
Такова и судьба здесь людская,
Вот от счастья исчез и след...
На волнах все волна — не боле, —
На морях достоянья нет.

Т р е т и й (К а э т а н)

Не на одних волнах непрочных,
В дикой пляске морских зыбей,
И на земле, где судьба верней,
Здесь, на древних столпах вселенной,
Счастье лихой грозит изменой.

Плохо верю я в их примиренье
И тревогу тяжкую не скрою,
Там, где бушевало извержение,
Никогда лачуги не построю.
Слишком грозно полыхала злоба,
Слишком тяжек груз свершенных дел,
Чтобы их забыли эти оба.
Нет, конца еще никто не зрел!
Страшен рой предчувствий, сновидений —
Я пронзить не в силах этот мрак!
Но пугает тайна их влечений,
Неблагословенный этот брак,
Эти тропы темные, глухие,
Этой девы пагубный увод.
Правде любы помыслы прямые,
Злое семя злой приносит всход.

(Б е р е н г а р)

Все мы знаем: в своеволье дерзком
И покойный князь повел к венцу,
Чтобы с ней возлечь на ложе мерзком,
Обрученную отцу.

Но их пращур седовласый бросил
Гибельных проклятий страшное семя
На греховный одр хмельных утех,
Дом, хранящий это племя,
Скверну скрывает и черный грех.

Х о р (К а э т а н)

Да, худое было начало,
И не лучше будет исход!
Ибо с дней, как заря воссияла,
Каждый грех к отмщенью зовет!
Нет, не случай повинен слепой
В том, что братья исполнились гнева.
Неизбежен их спор роковой,
Ибо проклято матери чрево.
Впрочем, умолкни мое прорицанье,—
Ведь Эриннии любят молчанье!
Лишь увидев злосчастье в яви,
Мы рыдать и печалиться вправе.

Хор уходит.

Сцена превращается в сад, в глубине которого открывается
вид на море.

Из садовой беседки выходит Беатриче, беспокойно ходит
по сцене и озирается по сторонам; внезапно останавливается,
прислушивается к шороху.

Б е а т р и ч е

Опять не он! Лишь ветер прошуршал,
Верхушки пиний трепетно целуя,
Уж луч заката на землю упал,
Не торопясь, минута ждет другую,
Как вдруг меня внезапный страх объял,
В молчанье мертвом я погибель чую!
Ничто мой глаз не уследит в округе.
Ужель забыл он о своей подруге?

А за оградой, как военный стан,
Шумит столицы хор многоголосый,
И в отдаленье гулкий океан
Бурлящей пеной бьется об утесы.
Все страхи темный поднял ураган!
Как я мала пред бездной их угрозы!
Я, как один из листьев, сбитых в вихор
Жестоким ветром, брошена в просторах.

Зачем я с кельей тихой разлучилась?
Там я жила, не ведая тревог!
Без упований грешных сердце билось,
И жизнь текла, как мирный ручеек.
Но вот я в волны жизни погрузилась,
Рукой гигантской мир меня повлек...
Все узы я оборвала бывшего,
Залогу вверясь клятвенного слова.

Где разум остался?
Что сделала я?
Зажгло и сразило
Безумье меня.

Фату добронравья
С себя сорвала
И дверь проломила в молитвенной келье!
Иль ум помутило мне адское зелье?
За ним, за дерзким,
Я, грешная, стыд свой отбросив, пошла!

Приди, мой желанный,
О, где ты? Что медлишь? Кто сердцу поможет
В борьбе непосильной? Раскаянье гложет,
Терзаюсь душой!
Ты близостью, милый, меня успокой!

Могла ль ему душою не отдаться,
Когда лишь он меня утешить мог?
С чужою жизнью мне пришлось свыкаться;
С младенчества меня суровый рок
(Его завес я не должна касаться)
Из рук любимой матери извлек.

Ее видала я одно мгновенье,
Но лик поблек, как блекнет сновиденье.

Так я жила в обители священной,
Теней бесплотных спутницей живой;
Вдруг в тихий сад он входит, дерзновенный,
С богами схож и статен, как герой.
Как трепет чувств поверить речи бренной?
Из чуждых стран явился он, чужой,
Но сразу нас, нерасторжимый, вечный,
В тот миг союз объединил сердечный.

Родимая, прости, что я до срока,
Свиданья радость близкую лелея,
Нашла свой жребий. Я по воле рока
Путь избрала, другим идти не смея.
Бог видит все — и скрытое глубоко,
Он проникает и в чертог Персея.
И хоть бы жертву от людского ока
В горах укрыла хитрость чародея —
И на столпах подоблачных Атласа
Ее настигнет мощный взлет Пегаса.

Нет, я теперь о прошлом не справляюсь,
Мне родины не надо никакой!
Любя, его любви я доверяюсь,—
Счастливей жребий сыщется ль земной?
Охотно я смирюсь на малой доле,
Другого счастья и не жду я боле.

Родителей своих еще не знаю,
Но даже видеть их я не желаю,
Коль из-за них любимого теряю.
Загадкой вечной буду я себе...
Живу сознаньем: свет — *в тебе!*

(Прислушивается.)

Чу, не голос ли родной?
Нет, доносится прибой.
Это море громыкает
И волной о берег бьет.

Мой любимый не идет!
Горе! Горе! Что он медлит?
Страх холодный набегаёт,
И все ниже
Солнце никнет! Все мрачнее
Мрак вечерний! Все тяжеле
Гнет тоски — что ж медлит он?

(Беспокойно ходит по сцене.)

За садовую ограду
Выйти в город не дерзну,
Как забыть мне страх душевный —
Темный страх, когда вступила
Я под своды церкви древней.
Но из глубины души
Властно голос в эту пору
Звал меня прослушать ору,
Помолиться пред иконой
Богоматери благой.
Я не сладила с душой!

Что — коль здесь дозорный бродит?
Враг не дремлет в наши дни!
По горам и по равнинам
Всем неопытным, невинным
Злоба ставит западни.
И сама я страх познала:
Чуть покинув монастырь,
В толпы шумные попала,
В мира манящую ширь.
О, за час, когда могила
Князя приняла, за час
Я слезами б заплатила!
Только бог меня упас
От молодого незнакомца,
Подошедшего так близко
И горящими глазами
Заглянувшего мне в душу
Взором, мрак ее пронзившим.
И теперь душа хладеет,
Тайным ужасом полна,

И невольно взор робеет
С взором встретиться любимым,
Точно есть на мне вина.

(Прислушивается.)

Слышится говор!
То он, мой любимый!
Он самый! Не морок
Мой слух обманул.
Все ближе! Слышнее!
В его объятия!
К нему на грудь!

(Спешит с распростертыми объятиями вглубь сада.)

Дон Цезарь заступает ей дорогу.

Дон Цезарь, Беатриче, Хор.

Беатриче
(в ужасе отступает)

Горе! Что вижу?

В это мгновение появляется хор.

Дон Цезарь .

Светоч сердца, страх уйми!

(Хору.)

Суровый вид доспехов испугал
Красавицу. Так стойте ж от нее
На должном расстоянье!

(К Беатриче.)

Страх забудь!

Твой стыд, твой милый образ мне священный!

Хор отступает.

(Дон Цезарь приближается к ней и берет ее за руку.)

Где ты таилась? Мощь какого бога
Тебя ревниво скрыла? Я искал
Тебя повсюду. Наяву и в дреме
Душой моей владела ты одна
С тех пор, как я на отпеванье князя
Твой образ ангельский, твой легкий стан

Увидел в первый раз. Ты не могла
Победы надо мною не заметить.
Огонь во взоре, уст неясный лепет,
Руки дрожанье страстное в твоей
Сказали все. Яснее объясниться
Мне не дозволил службы чинный ход:
Благословенье принимал народ.

Но только я с колен опять поднялся
И быстрый взор к тебе хотел направить,
Как ты исчезла в толчее людской
И волшебством своим необоримым
Похитила навеки это сердце.
Я с той поры искал тебя везде —
Во всех церквах и замках родовитых,
Во всех местах, и людных и укрытых,
Где мнился мне невинный твой приют.
Я сеть дозорных плотную расставил,
Но тщетны были поиски мои,
Покуда бог сегодня не направил
Дозорного по верному пути
И он тебя не встретил здесь, у храма.

Здесь Беатриче, которая все это время стояла отвернувшись,
делает движение ужаса.

Я вновь с тобою! И расстаться телу
Легче с душою, нежели мне с любимой.
А чтобы в бой вступить с судьбою смело
И сделать ада власть над нами мнимой,
Я перед всей стоящей здесь дружиной
Тебя супругой назову и дам
В залог вот эту княжескую руку.

(Представляет ее хору.)

Не спрашиваю, кто ты. Я в тебе
Ищу тебя! Что мне до остального?
Уж первый взор сказал мне, что чисты
Твой дух, твой ум, а значит — и порода.
Но будь ты отпрыском худого рода,
Моей любимой все ж осталась ты,—
Утрачены и выбор и свобода.

А чтобы знала ты, что властен я
Во всех делах моих и что во мне
Довольно сил, чтоб избранную вровень
С собой поставить мощною рукой,
Мне стоит лишь тебе назвать себя:
Дон Цезарь я, и в княжестве у нас
Нет никого, кто б выше был меня!

Беатриче в ужасе отступает; заметив это, он продолжает речь
после небольшой паузы.

Твой стыд хвалю я и твое молчанье;
Смиренье тихое — к лицу прелестной,
Ведь красота — себе самой загадка,
Не знает силы собственной она.
Останься же наедине с собой,
Пускай твой дух избавится от страха:
Все новое страшит нас, даже радость.

(Хору.)

Воздайте ж ей — отныне это так —
Все почести как вашей госпоже
И как моей невесте. Объясните,
Что́ этот сан высокий ей приносит.
А я вернусь, чтоб в дом ввести супругу,
Как подобает это мне и ей.

(Уходит.)

Беатриче и хор.

Хор (Боэмунд)

Славься же, дева,
Наша владычица!
Ты — победила!
Будь госпожой!
Как нареченную,
Мать поколений
Славных героев,
Нежную деву прославим мы.

Нет сетей
Страшней, чем эти,
Среди всех, таимых роком.

Лишь теперь мне страх внезапный,
Тайный ужас стал понятен,
Что вставал в моей душе
Каждый раз, как имя рода
Я услышу рокового,
Что, к себе питая сам
Эту ненависть до гроба,
Рвется к пагубным боям.
Вечно бьются эти оба,
И, шипя, змеится злоба!
А теперь меня навеки,
Неповинную, бросает
Воля пагубного рока
В бездну ярой их вражды!

(Скрывается в беседку.)

Х о р (Б о э м у н д)

Я счастливого сына богов прославляю,
Обладателя власти мирской!
Всюду от лучшего он вкушает,
От всего, что чарует чувства,
Что прославлено родом смертных,
Лучший сорвет он цветок.

(Р о г е р)

Из жемчужин, собранных в море
пловцам,
Самый дивный улов — для него.
Самый царственный дар — венценосцу
Из добычи, взятой усиьем общим.
Слуг наделяет неверный жребий,
Лучшая доля — князьям.

(Б о э м у н д)

Но одна драгоценность не знает равных
(Пусть обладает он всеми другими),
Мне лишь одним внушает он зависть,—

Тем, что к ложу ведет он супругу,
Краше которой нет среди женщин,
Что владеет он ею как муж.

(Р о г е р)

Обнажив свой меч, набегают на берег
В полуночную пору лихой корсар,
Похищает мужчин и женщин,
Вдосталь тешит жестокою похоть.
Только лучшей из жен не посмеет тронуть:
Ею владеет князь.

(Б о э м у н д)

Ну, а теперь мы заставой станем
У порога священного здесь,
Чтоб никто проникнуть не смел в эту тайну,
Чтобы князь был доволен,
Нам доверивший лучший из лучших,
Посланных небом, даров.

Хор удаляется вглубь сцены.

Сцена превращается во внутренние покои дворца.
Д о н н а И з а б е л л а стоит между доном М а н у э л е м и
доном Ц е з а р е м.

И з а б е л л а

Так, наконец, желанный срок настал,
Час праздничный, день давних вождедений:
Сердца моих детей соединились
Вот так же, как свожу я руки ваши;
И я впервые в родственном кругу
Могу открыться сердцем материнским.
Удалена свидетелей толпа,
Воинственно стоявшая меж нами,
Доспехов звон мне слуха не страшит;
И точно стая сов, исчадий мрака,
С разрушенных и обгорелых стен,
В которых много лет они гнездились,
Взлетает шумно, помрачая день,
Когда в веселье, с барабанным боем
Спешат бывшие жители домой,
Чтоб из руин восстановить свой город,—

Так ненависть со всею черной свитой —
Кровавой злобой, гневом пустоглазым,
Коварным недоверьем и враждой —
От этих стен, ворча, бежала в ад;
И вместе с миром к нам беспечный смех,
Согласье и доверие вселились.

(Умолкает.)

Но, видно, мало, чтобы этот день
Вас, каждого, лишь братом одарил,—
Он и сестрою вас обогащает.
Дивитесь вы? Я изумляю вас?
Да, мои дети! Мнится, час настал
Прервать молчанье, вскрыть печать, так прочно
Хранившую мою былую тайну.
Я вашему отцу и дочь-младенца
В мученьях родила. Сестра меньшая
Для вас живет и нынче вас обнимет.

Д о н Ц е з а р ь

Как ты сказала? Нас сестра обнимет?
И ничего о ней мы не слыхали?

Д о н М а н у э л ь

Хоть слышал я давно, в молодые дни,
Что ты сестру нам родила меньшую,
Но в колыбели,— так гласит преданье,—
Ее сразила смерть.

И з а б е л л а

Преданье лжет!

Она жива.

Д о н Ц е з а р ь

Жива? И ты молчала?

И з а б е л л а

В своем молчанье отчитаюсь я.
Узнайте же, что здесь посеял рок
И что созрело для счастливой жатвы.
Еще детьми вы были, но раздор,
Который да вовеки не воскреснет,

Уже непримиримо разобшил вас
И множил скорбь в родительских сердцах;
И вот отца однажды посещает
Какой-то странный сон. Он будто видит,
Что выросли на брачном ложе два
Куста лавровых и что ветки их
Друг друга обнимают. Между ними
Возникла лилия. Но вот она
Огнем зажглась и ветки двух дерев
И полог треском огненным объяла,
И, грозно ширясь, поглотил огонь
В безудержном потоке весь чертог.
Испуганный видением таким,
Отец спросил араба-звездочета,
Который слыл оракулом его
И ближе был ему, чем мне хотелось,
Об этом сне. И разъяснил араб
Так этот сон: лишь только дочь рожу я
От князя, истребит она его
Обоих сыновей и весь наш род
Погубит. Дочерью я вскоре разрешилась.
Отец немедля страшный дал приказ:
Ее, новорожденного младенца,
В пучину бросить. Я предотвратила
Ее погибель. Я спасла малютку
Рукою молчаливого слуги.

Д о н Ц е з а р ь

Благословен, кто услужил тебе,
Кто помощь дал любви материнской!

И з а б е л л а

Не только материнская любовь
Мне повелела отстоять младенца!
И мне виденье было. В дни, когда
Я дочь свою желанную под сердцем
Носила, мне пригрезилось дитя
Прелестное у речки. Лев к ней вышел
Из роци вдруг, держа в кровавой пасти
Добычу свежую, и, лапясь, лег
С ужасной ношей возле ног младенца.

И тут с небес спускается орел
С дрожащей ланью в цепких лапах; ластясь,
И он кладет ее к ногам младенца.
И вот орел и лев, смирив свой нрав,
У ног дитяти мирно опустились.
Значенье сна мне разъяснил монах,
Угодник божий, перед кем душа
Охотно открывалась в час сомнений:
Он мне сказал, что бог пошлет мне дочь
И что она сердца обоих братьев
Соединит в огне любви горячей.
Я это слово берегла в душе
И, богу правды больше доверяя,
Чем богу лжи, избранницу спасла —
Дитя любимое, залог моих
Надежд на примиренье ваших душ,
В которых злоба долго возрастала.

Д о н М а н у э л ь
(обнимая брата).

В сестре нет нүжды, чтобы наш союз
Скрепить; но пусть она прочней нас свяжет.

И з а б е л л а

И вот в укромном месте, вдалеке
От глаз моих, ее — чужой рукою —
Я тайно воспитала. И взглянуть
На милый лик, столь горячо любимый,
Не смела я, страшась отца разгневать
И зная, что, сомненьями томимый
И беспокойной мнительности полный,
Он каждый шаг мой тайно наблюдал.

Д о н Ц е з а р ь

Три месяца отца уже хранит
Безмолвный склеп, так что ж тебе мешало
Столь прочно скрытую на свет дневной
Извлечь и осчастливить наши души?

И з а б е л л а

О, что иное, как не ваш раздор?
Едва заметно тлевший, он над прахом
Отца, от нас ушедшего, разжегся,
Для мирных чувств не сохранив и пяди.
Могла ли я опасностям усобиц
И дочь свою подвергнуть? Клики битв
Не заглушили б голос материнский?
Иль я ее, залог надежд моих,
Последний якорь мирных вожделений,
Могла до срока бросить в грохот боя?
Вам надо было научиться видеть
Друг в друге братьев, прежде чем сестра,
Как ангел мира, встанет между вами.
Сбылось! *Теперь* вы встретите ее.
Слуга за ней в далекий путь отослан,
И близок час, когда вернется он.
Из тишины безвестной возвратится
Она в объятия матери своей,
На прудь к отныне примиренным братьям.

Д о н М а н у э л ь

Сегодня не единственную ты
Ее в свои объятия заключишь.
Открыты счастьем все ворота замка!
Наполнится пустынный наш дворец,
Приютом станет прелести цветущей!
Поверю и свою тебе я тайну:
Ты мне сестру даруешь,— я тебе
За то вторую дочь обнять позволю.
Благослови же сына! Сердцем он
Решенье принял. Я нашел себе
Ту, что навеки будет мне подругой.
Еще сегодня я к твоим стопам
Припасть велю жене дон Мануэля.

И з а б е л л а

К своей груди, как дочь, ее прижму я,
Мой первенец, избранницу твою.
Пусть всюду, где пройдет она, ликуя,
Взойдут цветы, как в радостном раю.

Мой милый сын, фортунной будь увенчан,
Ты сделал мать счастливейшей из женщин.

Д о н . Ц е з а р ь

Не издержи запас благословений
На первенца, возлюбленная мать!
В любви залог блаженства! Но и я
Введу в чертог к тебе другую дочь.
Она меня наставила в любви!
Еще и солнце не взойдет, как введу
В Мессину я с супругой молодою.

Д о н М а н у э л ь

Любовь всеильная! Тебя сердец
Владычицей назвали не напрасно!
Тебе подвластны силы всех стихий,
Ты единить враждующих умеешь:
Тот мертв, кто не склонился пред тобой,
Ты даже брата дикий нрав смирила,
Считавшийся досель неукротимым.

(Обнимает дону Цезаря.)

Теперь я в сердце верую твое,
По-братски я прижму тебя к груди.
Как мне не верить: ты любить умеешь.

И з а б е л л а

Благословен стократно этот день!
С моей груди он тяжкий груз сомнений
Навеки снял. Покоится отныне
На прочных сваях наш высокий род,
И я могу в грядущее глядеть,
Не ожидая новых испытаний.
Еще вчера, как тень, в наряде вдовьем,
Я двигалась, бездетная, сквозь ряд
Пустых покоев мертвого дворца,
А ныне, в блеске юности своей,
Три милых дочери меня обступят.
Где сыщется счастливейшая мать
Из всех носивших и рожавших женщин —
Которая сравнялась бы со мной!
Но дочери каких князей могучих
В соседних странах расцвести успели?

О них я не слыхала. Но избрать
Мои сыны не могут недостойно.

Д о н М а н у э л ь

Сегодня, мать, не требуй, чтоб я скинул
Покров со счастья, суженого мне.
Ближайший день рассеет этот мрак.
Пусть дочь сама откроется свекрови,
Ей равная по сану и по крови.

И з а б е л л а

Как не узнать мне скрытый нрав отцовский
В любимом первенце? Всегда отец
Безмолвно плел таинственные думы
И хоронил от глаз людских решенье —
Как в неприступной крепости — в душе.
Короткий срок даю тебе охотно.
Но сын мой Цезарь — нет сомненья в том —
Теперь же назовет мне королеву.

Д о н Ц е з а р ь

Не в правилах моих хранить молчанье
Суровое. Я смело и открыто,
Как лик свой, людям душу открываю.
Но что сейчас узнать ты пожелала,
Признаюсь, мать, я сам себя об этом
Еще не вопрошал. Кто солнце спросит,
Откуда свет и пламень вечный в нем?
Что осветило мир, как не светило,
И чем огонь рожден, коль не огнем?
Кто заглянул хотя бы только раз
К ней в глуби сердца, в глуби ясных глаз,
В алмазе дивном тот не сомневался!
Об имени ее я не справлялся.

И з а б е л л а

Как, сын мой Цезарь? Объяснись точней!
Ужель во вспышку чувства своего
Поверил ты, как в божье повеленье?
Я молодой порыв в тебе люблю,
Но не терплю ребячества. Что выбор
Твой предрешило?

Выбор, дорогая?

Иль это выбор, если мощь созвездий
 В час роковой настигнет человека?
 Искать невесту я не замышлял.
 Мечта такая не могла ко мне
 На ум прийти под сводом дома смерти;
 А там нашел я ту, что не искал.
 Не пужен был и неприятен мне
 Крикливый род пустоболтливых баб!
 Найти не мог я равную тебе,
 Не мог почтить вторую как святыню.
 На отпеванье это все свершилось.
 В толпе несметной скрыты, мы на нем
 Присутствовали в чуждом одеянье,
 Как, в мудрости своей, ты повелела,
 Чтоб распри нашей пламя, возгорев,
 Не оскорбило чинного обряда.
 Тяжелым крепом был завешен неф
 Собора; двадцать гениев стояло
 С светильником в руках у алтаря,
 Пред коим гроб державный возвышался,
 Покрытый погребальной пеленой.
 На нем лежали княжеский венец
 И скипетр, и рядом с ним — держава,
 И золотые рыцарские шпоры,
 И на алмазной перевязи меч.
 И все вокруг молчало преклоненно,
 Когда, незримый пастве, в вышине
 Орган запел таинственно и скорбно
 И стоголосый загремел псалом.
 Хор пел еще, когда неспешно гроб
 И пол, его державший, опустились
 В подземный мир, приявший этот прах,
 И пелена тяжелого покрова
 Заволокла глубокий люк от взоров.
 А на земле земная суета
 Осталась, не спустившись вместе с прахом,
 Душа ж его к высоким небесам
 На крыльях песнопений уносилась

Сподобиться блаженства неземного.
Все это, мать, я только потому
Решил тебе так точно описать,
Чтоб убедить тебя, что помышлений
Земных я не имел в тот скорбный час.
Но этот миг печального обряда
Водитель сердца моего наметил,
Чтоб поразить меня лучом любви.
Как это было, кто б на то ответил?

И з а б е л л а

Нет, продолжай! Я все узнать хочу!

Д о н Ц е з а р ь

Как вдруг она явилась, вдруг ко мне
Приблизилась... Не спрашивай!.. Когда
Глаза я поднял, мы стояли рядом.
И темной властью, мощным волшебством
В моей душе виденье утвердилось.
Не нежный свет улыбки на устах,
Не внешний очерк кроткого лица,
Не чудный трепет на ланитах милых,
Не даже стан божественный ее —
Нет, только жизнь, что бьется в темных жилах,
Сковала чувство юное мое.
Так только страсти проявляться в силах.
Казалось, души зрячие в словах,
В посредничестве жалком не нуждались,
Когда мой вздох и вздох ее сливались;
Чужая — стала близкой мне в мечтах.
И тут же мысль в слова сложилась эти:
Или она, иль *ни одна* на свете!

Д о н М а н у э л ь

(страстно подхватывая)

Таков любви богорожденный свет!
Он метит в души, бьет и зажигает,
Когда с родным родное рок сближает.
Тут выбору, отпору места нет!
Не нам решать, что небо предрешает.

Я вторю брату. Он в неотразимых
Словах и мой тебе поведал рок,
Он с чувств моих, давно в душе хранимых,
Покров молчанья темного совлек.

Изабелла

Своей тропою хочется судьбе
Вести детей моих — мне ясно это.
С горы срываясь, яростный поток
Русло себе прокладывает сам,
Не смотрит на старинную тропу,
Что разумом проложена была.
Так подчиняюсь я — что здесь изменишь? —
Тому, что порешил всеильный рок,
Ведь им плетется жизнь детей моих.
Но их сердца — надежд моих залог,
Их дух высок, как и рожденье их.

Изабелла. Дон Мануэль. Дон Цезарь. В дверях
появляется Диего.

Изабелла

Смотри! Вот верный мой слуга идет.
Входи, входи, достойный мой Диего!
Где дочь моя? Им все известно. Здесь
Нет больше тайны. Где она? Скажи!
Теперь не прячь ее. Мы совладать
С великой радостью сумеем. К ней!

(Хочет выйти с ним из покоев.)

Что это? Как? Ты медлишь? Ты молчишь?
Нет, этот взор не радость возвещает!
Ты бледен? Что? Меня объемлет дрожь.
Что с дочерью? Что с Беатриче?

(Хочет выйти.)

Дон Мануэль
(про себя, удивленно)

С Беатриче? Как?
Диего удерживает ее.

Изабелла

Где дочь? Мне страшно. Отвечай!

Диего

Ее

Со мною нет. Нет дочери твоей!

Изабелла

Что с ней? Скажи! Я небом заклинаю!

Дон Цезарь

С сестрой что случилось? Говори, несчастный!

Диего

Похитили! Украдена корсаром!
О, никогда б не видеть этот день!

Дон Мануэль

Мать, успокойся!

Дон Цезарь

Мать, приди в себя!
Скрепись душой, пока ты все услышишь!

Диего

Как ты велела, тотчас я пошел
В последний раз знакомою дорогой
К монастырю. На легких крыльях радость
Меня несла!

Дон Цезарь

Не мямли, старый!

Дон Мануэль

К делу!

Диего

И вот, когда в знакомые ворота
Вошел я монастырские, когда
О дочери твоей спросил у стариц,

Я тайный страх увидел в каждом взоре
И, ужасаясь, страшное узнал.

Изабелла, дрожа и бледнея, падает в кресло. Около нее хлопочет
дон Мануэль.

Д о н Ц е з а р ь

Так маврами похищена она?
Кто их видал? Кто очевидцем был?

Д и е г о

Корабль корсаров близ монастыря
В заливе был замечен той же ночью.

Д о н Ц е з а р ь

Но в бухте той не раз спасался парус
От разъяренных волн. Где тот корабль?

Д и е г о

Сегодня утром видели, как он
Унесся вдаль под всеми парусами.

Д о н Ц е з а р ь

А о других слышали грабежах?
Один грабеж корсар не совершает.

Д и е г о

Угнали также пасшееся там
На взморье стадо крупного скота.

Д о н Ц е з а р ь

А как корсары за святой стеною
Надежно скрытую сумели выкрасть?

Д и е г о

Нетрудно вору в монастырский сад
По лестнице приставленной забраться.

Д о н Ц е з а р ь

А как могли они проникнуть в келью?
Монахине пристало быть лишь там.

Д и е г о

Не связана обетом монастырским,
Она привольно волей наслаждалась.

Д о н Ц е з а р ь

А часто ли свободно в том саду
Она гуляла? И о том скажи.

Д и е г о

Его тиши она не раз искала,
Но лишь сегодня не пришла назад.

Д о н Ц е з а р ь

(в раздумье)

Грабеж, сказал ты? Грабежу доступной,
Ей был доступен также и побег.

И з а б е л л а

(подымаясь)

Насилье это! Дерзостный разбой!
Нет, дочь моя, забыв свой долг, не может
С грабителем бежать по доброй воле.
Дон Мануэль! Дон Цезарь! Я хотела
Сестрой вас осчастливить, но сама
Теперь взываю к вашему героизму!
Теперь себя князьями покажите!
Не допустите, чтоб сестра родная
Добычей вора сделалась! За меч
Беритесь! Снаряжайте флот! Страну
Обшарьте! Через все моря воров
Преследуйте! Но дочь мне возвратите!

Д о н Ц е з а р ь

Прощай! Отмстить ее, сыскать спешу я!

(Уходит.)

Д о н М а н у э л ь

*(пробуждаясь от забытья, взволнованно обращается
к Диего.)*

Когда она исчезла, ты сказал?

Д и е г о

Ее не стало только нынче утром.

Д о н М а н у э л ь
(матери)

И Беатриче дочь твоя зовется?

И з а б е л л а

Да, да! Спеши! Довольно вопрошать!

Д о н М а н у э л ь

Лишь на одно еще ответь мне только...

И з а б е л л а

Скорей! Спеши! Примеру брата следуй!

Д о н М а н у э л ь

Ты про какую говоришь обитель?

И з а б е л л а
(торопя его)

Ты видишь слезы, видишь ужас мой!

Д о н М а н у э л ь

В каких местах ее ты сохраняла?

И з а б е л л а

Сохранней не была б и под землей!

Д и е г о

Внезапный вдруг меня объемлет страх!

Д о н М а н у э л ь

Страх? Перед чем? Все расскажи мне, старый!

Д и е г о

Что я несу невольную вину.

И з а б е л л а

Несчастный, что ты сделал? Отвечай!

Д и е г о

Я это скрыл, княгиня, — я страшился
Тебя заботой новой опечалить.
В день погребенья князя моего,
Когда весь мир, до скорбных зрелищ
жадный,
Стремился к месту пышного обряда,
И дочь твоя мольбою неотступной —
Ведь слух о том и в монастырь проник —
Меня склонила дать ей позволение
Прийти на скорбный праздник похорон.
Я, злополучный, уступил молящей.
Одел ее в наряд, приличный дню,
И в храм повел смотреть обряд печальный.
Там, опасаясь, в толчее людской,
В толпе, собравшейся со всей Мессины,
Разбойник выследить ее сумел:
Ведь красоты ее не скроет ряса!

Д о н М а н у э л ь
(про себя, облегченно)

Его слова утешили меня:
Ее в Мессине не было в тот день.

И з а б е л л а

Старик безумный! Так ты служишь мне?

Д и е г о

Владычица, о лучшем помышлял я!
Мне голос крови, голос естества
В ее словах слышался невольно;
Я это принял за небесный знак,
Пророческое, тайное стремленье:
Увидеть прах родимого отца.
Я праву внял ее святого долга!
Итак, к добру стремясь, я зло посеял.

Дон Мануэль
(про себя)

Зачем терзаюсь я в тоске сомнений?
Иль свет пролить на этот мрак так трудно?
(Хочет уйти.)

Дон Цезарь
(возвращаясь)

Прости, дон Мануэль, я жду тебя.

Дон Мануэль
Меня не жди. Останься! Врозь пойдем мы.
(Уходит.)

Дон Цезарь
(изумленно смотрит ему вслед)

Что случилось с братом? Как понять его?

Изабелла

Он стал другим, он стал совсем другим.

Дон Цезарь

Родимая, с пути я воротился,
Чтобы узнать сестры моей приметы,
Я, торопясь, забыл о них спросить.
Как разыскать мне след ее, не зная,
Откуда вор похитил Беатриче.
В каком монастыре она скрывалась,
В каких краях?

Изабелла

В монастыре святой
Цецилии,— за той горой лесистой,
Что к Этне подымается, лежит
Немой приют спасающихся душ.

Дон Цезарь

Мужайся же! Сынам своим доверься!
С сестрою я вернусь, хотя бы мне
Искать пришлось по всем морям и странам.

Но лишь одно теперь меня заботит:
Чужой защите вверил я невесту,
Когда лишь ты хранить алмаз должна.
Пусть во дворце с тобой живет она.
К ее груди припав, — я сердцем верю, —
Забудешь ты жестокую потерю.

(Уходит.)

И з а б е л л а

Так все еще проклятье настагает
Тяжелой карой этот мрачный дом!
Моей надеждой злобный дух играет,
Он ненасытен в мщении своем.
Так близко мне родная пристань мнилась,
Так верила я в счастья залог,
Казалось мне, что буря усмирилась,
Что возделенный берег недалек,
Весь погруженный в кроткое сиянье;
Но вот опять грозу приносит рок
И рвет меня в пучины клочотанье!

*(Уходит во внутренние покои в
сопровождении Диего.)*

Сцена превращается в сад.

Оба хора. Позднее Беатриче.

Хор донна Мануэля приближается, одетый в праздничные наряды и украшенный венками; он несет описанные выше подарки невесте. Хор донна Цезаря заступает ему дорогу.

Первый хор (Каэтан)

Тебе бы лучше поскорей убраться.

Второй хор (Боэмунд)

Будь вы получше, я бы рад стараться.

Первый хор (Каэтан)

Что ты здесь лишний, не заметил сам?

Второй хор (Боэмунд)

Я не уйду, коль досаждаю вам.

Первый хор (Каэтан)
Нам место здесь! Кто преградит дорогу?

Второй хор (Боэмунд)
Да хоть бы я! Не то найдем подмогу.

Первый хор (Каэтан)
Дон Мануэль сюда направил нас!

Второй хор (Боэмунд)
А мы блюдем дон Цезаря приказ!

Первый хор (Каэтан)
Пусть младший старшему уступит брату.

Второй хор (Боэмунд)
Кто первый взял, тот миром завладел.

Первый хор (Каэтан)
Прочь, недруг мерзостный, покуда цел!

Второй хор (Боэмунд)
Быть может, спор дадим решить булату?

Первый хор (Каэтан)
Так будешь ты перечить мне повсюду?

Второй хор (Боэмунд)
Кому хочу, тем и перечить буду.

Первый хор (Каэтан)
Ты что здесь ищешь, что здесь охраняешь?

Второй хор (Боэмунд)
А ты чего следишь да вопрошаешь?

Первый хор (Каэтан)
Так я тебе и стал держать ответ!

Второй хор (Боэмунд)
Но и от нас тебе почета нет!

Первый хор (Каэтан)
Мы старших чтить умели в нашу пору.

Второй хор (Боэмунд)
Не хуже вас готовы мы к отпору.

Беатриче
(выбегая из беседки)
Увы! Они сейчас затеют ссору!

Первый хор (Каэтан)
(второму хору)
Мне не страшны ни ты, ни гордость ваша!

Второй хор (Боэмунд)
Наш князь сильней, почетней служба наша.

Беатриче
Уж он в пути! Страшусь подумать даже!

Первый хор (Каэтан)
Ты лжешь! Дон Мануэль его храбрей!

Второй хор (Боэмунд)
А первый приз на состязаньях чей?

Беатриче
О господи! Помилуй! Пожалей!

Первый хор (Каэтан)
Не будь здесь мира, я б извлек кинжал.

Второй хор (Боэмунд)
Когда б не страх, ты мира б не желал.

Беатриче
О, только б он в их схватку не попал!

Первый хор (Каэтан)
Я чту закон, а не свирепый взгляд.

Второй хор (Боэмунд)
Всегда законом трус прикрыться рад.

Первый хор (Каэтан)
Начни — отвечу!

Второй хор (Боэмунд)
Меч мой обнажен!

Б е а т р и ч е
(в безумном страхе)

Они дерутся! Вот мечи блеснули.
Святое небо, удержи его!
Пусть все преграды встретит он
в дороге,
Разверзни рвы, петлей опутай ноги,
Но жениха не выдай моего!
Вы, ангелы, которых я вернуть
Любимого просила, грешной речи
Не слушайте! Пусть будет он далече!

(Убегает в беседку.)

В момент, когда оба хора друг на друга нападают, входит
д о н М а н у э л ь.

Д о н М а н у э л ь
Что вижу? Прочь мечи!

Первый хор (Каэтан, Беренгар,
М а н ф р е д)
(второму хору)

А ну, ударь!

Второй хор (Боэмунд, Рогер, Ипполит)
Руби его! Бей насмерть!

Д о н М а н у э л ь
(обнажая свой меч, становится между
ними)

Прочь мечи!

Первый хор (Каэтан)

Глядите — князь!

Второй хор (Боэмунд)

Брат князя! Расступитесь!

Дон Мануэль

Прочь! Я того на месте уложу,
Кто, воскрешая наш раздор кровавый,
Хоть бровью поведет на зло врагу.
В уме ль вы? Что за демон вас толкает
Вновь раздувать огонь вражды заглохшей,
Которую мы, ваши государи,
Решили навсегда предать забвенью!
Кто эту ссору начал? Отвечайте!

Первый хор (Каэтан, Беренгар)

Они стояли...

Второй хор (Рогер, Боэмунд)

(прерывая)

Эти...

Дон Мануэль

(первому хору)

Говори!

Первый хор (Каэтан)

Сюда пришли мы, князь, наряд венчальный
Вручить невесте, как ты нам велел.
Одетые для пира, не для боя
Кровавого, мы мирно шли сюда,
Не помышляя о жестоких схватках
И веря в нерушимый договор.
Как вдруг они заставой нам неожиданной
Враждебно преградили этот вход.

Дон Мануэль

Безумные! Иль нет на свете места,
Свободного от ваших лютых битв?

В приют святой невинности — и то
Врывается свирепый ваш раздор!

(Второму хору.)

Назад! Здесь — тайна. Близости твоей
Нескромной эта тайна не выносит.

(Видя, что хор колеблется.)

Назад! Твой князь тебе через меня
Велит уйти. Мы ныне заодно,
И мой приказ — его приказ. Ступайте!

(Первому хору.)

Останьтесь здесь на страже!

Второй хор (Бозмунд)

Что нам делать?

Князья отныне в мире, это — правда.
И если ты в их распри и раздор
Непрошено, незванно замешался,
Наград не жди, а жди несчетных бед!
Когда властитель утомлен раздором,
Он сбрасывает плащ вины кровавой
И, быстро на слугу его накинув,
Пред всеми обеленный предстает.
А потому: пусть сами разберутся,
Разумнее от споров воздержаться!

Второй хор уходит. Первый отступает вглубь сцены. В это мгновение выбегает Беатриче и бросается в объятия дону Мануэлю.

Беатриче. Дон Мануэль.

Беатриче

Ты! Я опять с тобой. Жестокий ты!
Ты долго, долго ждать себя заставил.
Всем ужасам и страхам ты меня
В объятия бросил. Но молчу, молчу!
Я вновь с тобой! В твоих объятиях милых —
И кров и щит от всех неожиданных зол!
Пойдем! Их нет! Мы можем убежать!

Спеши! Не надо медлить и мгновенья.
(Хочет увлечь его за собой и только теперь пристальнее к нему присматривается.)

Но что с тобой? Как хмуро и безмолвно
Меня ты встретил. Даже не обнимешь!
Иль ты меня уже задумал бросить?
Не узнаю тебя. Таков ли мой
Жених, супруг любимый?

Д о н М а н у э л ь

Беатриче!

Б е а т р и ч е

Нет, нет! Молчи! Теперь не время спорить!
Бежим отсюда. Верь мне: каждый миг
Бесценен!

Д о н М а н у э л ь

Стой, ответь мне.

Б е а т р и ч е

Нет, нет, нет!

Скорей! Пока те люди не вернулись!

Д о н М а н у э л ь

Останься! Эти люди не страшны нам.

Б е а т р и ч е

Нет, ты не знаешь их! Бежим! Скорей!

Д о н М а н у э л ь

В моих руках — чего тебе бояться?

Б е а т р и ч е

О, верь мне! Здесь людей немало сильных.

Д о н М а н у э л ь

Любимая! Но не сильнее меня.

Б е а т р и ч е

Ты? Против этих всех? Совсем один?

Д о н М а н у э л ь

Совсем один. Ведь эти люди только...

Б е а т р и ч е

Нет! Ты не знаешь, кто над ними старший.

Д о н М а н у э л ь

Они мне служат, старший я над ними.

Б е а т р и ч е

Так ты?.. Мне душу сковывает ужас!

Д о н М а н у э л ь

Знать, время мне открыться, Беатриче.

Да, я не тот, кем ты меня считала:

Не бедный рыцарь, не безвестный странник,

Что, полюбив, любви твоей искал!

О том, кто я, каков мой сан, мой род,

Не говорил я при свиданьях наших.

Б е а т р и ч е

Ты не дон Мануэль? О, горе! Кто ж ты?

Д о н М а н у э л ь

Нет, я дон Мануэль, но я знатнейший

Из тех, кто это имя носит здесь:

Дон Мануэль, Мессины повелитель.

Б е а т р и ч е

Как? Ты дон Мануэль? Дон Цезарь — брат
твой?

Д о н М а н у э л ь

Дон Цезарь брат мне, верно.

Б е а т р и ч е

Брат твой? Боже!

Д о н М а н у э л ь

Как? Ты в испуге? Ты знакома с братом?

А с кем еще из кровников моих

Знакома ты?

Б е а т р и ч е

Так ты — дон Мануэль,
Враждующий непримиримо с братом!

Д о н М а н у э л ь

Мы помирились. Братья мы отныне
Не только по рождению — по любви.

Б е а т р и ч е

Отныне — в мире?

Д о н М а н у э л ь

Что с тобой? Скажи,
Что так тебя волнует? Больше ты,
Чем только с именем знакома нашим?
Все ль о тебе я знаю? Ничего
Ты от меня доселе не скрывала?

Б е а т р и ч е

Что ты подумал? Как? Я скрыла что-то?

Д о н М а н у э л ь

Ты ничего о матери своей
Не знаешь? Кто она? Узнать могла бы
Ее ты по рассказам иль при встрече?

Б е а т р и ч е

Ты знаешь мать мою? И это скрыл?

Д о н М а н у э л ь

Коль с ней знаком я, горе нам обоим!

Б е а т р и ч е

Она кротка, как свет благого солнца!
Я помню ненаглядные черты
Ее лица... Из темной бездны сердца
Выходит образ царственный ее.
Я вижу пряди локонов тяжелых,
Спадающих на белый стебель шеи,
Я вижу лба крутое очертанье,

И этих глаз неотразимый свет,
И задушевный голос материнский
Мне слышится...

Д о н М а н у э л ь

Увы! Во всем — она!

Б е а т р и ч е

А я бежала! Я ее отвергла!
Быть может, в утро радостного дня,
Который мог нас породнить навеки,
Тебе и мать я в жертву принесла!

Д о н М а н у э л ь

Княгиня будет матерью твоей.
Я к ней сведу тебя. Ей все известно.

Б е а т р и ч е

Как? К вашей матери? К самой княгине?
Меня? И к ней вести? Нет! Никогда!

Д о н М а н у э л ь

Ты в страхе? Что твой ужас означает?
Иль не чужая мать тебе моя?

Б е а т р и ч е

О, горестное, грустное открытье!
О, никогда б не видеть этот день!

Д о н М а н у э л ь

Любимая, ужели ты боишься
Увидеть князя в бедном незнакомце?

Б е а т р и ч е

О, возврати безвестного того!
За ним пойду и на пустынный остров.

Д о н Ц е з а р ь .

(за сценой)

Назад! Что за народ сюда ворвался?

Б е а т р и ч е

О, этот голос! Где укроюсь я?

Д о н М а н у э л ь

Ты знаешь этот голос? Нет, его
Ты слышать не могла. Возможно ль это?

Б е а т р и ч е

Теперь бежим, бежим! Не медли больше!

Д о н М а н у э л ь

Бежать? То голос брата. Он меня
Здесь ищет. Странно это, правда...
Впрочем...

Б е а т р и ч е

Во имя всех святителей, укройся!
Он разъярен твоим приходом, верь!
Пусть он тебя в саду не обнаружит.

Д о н М а н у э л ь

Любимая! Напрасен этот страх!
Ведь я сказал: мы с братом помирились.

Б е а т р и ч е

О небо! Унеси меня отсюда!

Д о н М а н у э л ь

О господи! Какая мысль меня
Пронзает вдруг! Иль вправду не чужой
Тебе и этот голос? Беатриче!
Так ты... Мне страшно даже слово молвить...
Так ты была тогда на погребенье?

Б е а т р и ч е

Увы!

Д о н М а н у э л ь

Была в соборе?

Б е а т р и ч е

Не сердись!

Дон Мануэль
Несчастливая, так ты...

Беатриче
Я там молилась!

Дон Мануэль
О ужас!

Беатриче
Я не сладила с влеченьем!
Прости меня! Ведь я тебя просила...
Но ты, суров и замкнут, промолчал
В ответ на просьбу. Смолкла тут и я...
Как мне понять, какая злая воля
Меня неожиданно в город повлекла?
И вдруг мое желанье сбылось,
Старик слуга мне уступил неожиданно.
Винюсь в непослушанье — я пошла.
(Прижимается к нему.)

Появляется дон Цезарь в сопровождении обоих хоров.
Оба брата. Оба хора. Беатриче.

Второй хор (Боэмунд дону
Цезарю)

Ты нам не веришь? Верь глазам своим!

Дон Цезарь
(быстро выступает вперед и в ужасе
снова отступает, увидев брата)

Исчадь ада! Как? В его объятьях?
(Подходит ближе; дону Мануэлю.)

Предатель гнусный! Так-то любишь ты?
Вот почему ты лгал о примиренье!
О, божьим глазом ненависть была!
Отправься в преисподнюю, предатель!
(Убивает его.)

Д о н М а н у э л ь

Я умираю... Беатриче! Брат!

(Падает и умирает.)

Рядом с ним, лишаясь чувств, падает Беатриче.

П е р в ы й х о р (К а э т а н)

Кровь! Кровь! Сюда! Беритесь за оружие!
Пусть смоеет кровь кровавые дела!

Все обнажают мечи.

В т о р о й х о р (Б о э м у н д)

Мы спасены! Конец старинной распри!
Один отныне князь в стране Мессинской.

П е р в ы й х о р (К а э т а н, Б е р е н г а р,
М а н ф р е д)

Мщенье! Мщенье! Убийца проклят!
Проклят!

Отмстить за убиенного! Отмстить!

В т о р о й х о р (Б о э м у н д, Р о г е р,
И п п о л и т)

Князь, не страшись, мы отстоим тебя.

Д о н Ц е з а р ь

(становится между дерущимися)

Назад! Я в нем врага убил! Он сердце
Доверчивое подло обманул,
Любовью братской влек меня в тенета.
Ужасным кажется поступок мой,
Но правым небом правый суд подсказал.

П е р в ы й х о р (К а э т а н)

Плачь, плачь, Мессина! Горе! Горе! Горе!
В твоих стенах ужасное свершилось!
Всем горе — матерям твоим и старцам,
Цветущим девам, юношам и детям,
И тем, кто не рожден еще на свет!

Д о н Ц е з а р ь

Плач не поможет... Помощь ей нужна!

(Указывает на Беатриче.)

Ее спасите! Унесите прочь
Ее из царства ужаса и смерти!
Не смею дольше медлить. Долг зовет
Искать сестру, похищенную вором.
Ее несите к матери и той
Скажите, что прислал ее дон Цезарь!

(Уходит.)

Второй хор усаживает бесчувственную Беатриче на скамью и уносит ее.

Первый хор остается у трупа, вокруг которого полукругом стоят пажы, несшие дары невесте.

Х о р (К а э т а н)

Вот он лежит, бездыханный, бесстрастный,—
Кто истолкует кровавый исход?
Хоть мне и чудился призрак ужасный,
Призрак убийства, безликий, безгласный,
Что их к преступным деяньям ведет,
Все ж не могу пересилить смятенье
В час, как гроза разразилась над нами,
В час, как рожденное страхом виденье
Вижу, злосчастный, своими глазами.
Кровь застывает в сердце, когда
Страшной явью становится злая беда!

О д и н и з х о р а (М а н ф р е д)

Пусть раздастся надгробное пенье!
Юный воин
Лежит распростерт,
Бездыханен, в разгаре цветенья
Тяжко сдавленный смерти тьмой,
Поражен у заманчивой двери
В брачный зал. И над смолкшим глухой
Слышится плач о ранней потере.

Второй (Беренгар)

Идем мы, идем мы
К заветному месту,
Чтоб встретить невесту;
Доставлен пажами
Наряд подвенечный, лари с жемчугами;
Дружки уже в сборе, сияют хоромы.
Только жених молодой занемог!
Песней его не пробудишь от дремы,
Ибо сон отошедших глубок.

Весь хор

Глух, безрадостен сон неживущих!
Плачет жена — но поверженный строг,
Сна не встревожит охотничий рог.
Тих лежит он в тенистых куцах.

Третий (Каэтан)

Где наши чаянья, наши надежды?
Много ль из них земнородный извлек?
Нынче лишь, сердцем и духом едины,
Клятву любви принесли вы как братья.
Солнце, сходящее в сумрак пучины,
Видело утром не ваши ль объятья?
Вечером, братской рукой поражен,
Мертвый лежит он, с землей обручен;
В сердце — рана, недвижный, холодный.
Где же вы, чаянья, где вы, надежды —
Все, что на этой трясине бесплодной
В гордых мечтах возрастил земнородный?

Хор (Беренгар)

Как сокровище, к матери сирой
Ношу скорбную мы снесем.
Смертоносною срубим секирой
Кипарис, охраняющий дом,
Ветку с веткой сплетем для одра рокового, —
Уж не даст он побега живого,
Отягченный смерти плодом,
Не раскинется трепетной сенью,

Не укроет путника тенью!
Вспоен мести кровавым соком,
Нянчить мертвых он призван роком.

Первый (Манфред)

Горе, горе убийце, горе!
Грех с безумного взыщется вновь.
Туда, туда, пробиваясь в щели,
Льется, льется алая кровь.
Глубже там, под землей, засели
В мраке, песен страшась и речи,
Дщери Фемиды, что всех карают,
Правою мерой дела измеряют,
Цедят, мешают. И месть — недалече.

Второй (Беренгар)

Быстро меркнет случайных дел
След непрочный на почве зыбкой,
Как сбегает с лица улыбка.
Но живет — и до срока лишь дремлет —
Все, что в темное лоно приемлет
Неизменно творящее время.
Ибо время — цветущая вечно весна.
И бессмертную жизнью природа полна.
Все сущее — плод, все сущее — семя.

Третий (Казтан)

Горе, горе убийце, горе!
Он пожнет смертоносный сев!
Ибо разны и ликом не схожи
Скрытый гнев и прорвавшийся гнев.
Полон гордым сознанием чести
Взор таимой в груди, созревающей мести.
Но, уже совершенная нами,
Месть боязливыми смотрит очами.
Вспомни: Ореста Эриннии сами
Змеями гнали — живыми бичами, —
Сыну убить его мать повелев.
В сети злодейства его заманили,
Лживым подобием правды пленили,
Чтобы насытил он кровью свой гнев.

Но лишь сыновняя месть поразила
Ту, кто его в темном лоне носила,—
Против него же
Вдруг обратилась
Ярость богинь.

Тут лишь узнал он сестер беспощадных,
Мстительных дев, что хватают злодея,
Колют и хлещут его, свирепея,
Змеями жалят, мольбам не внимая,
По морю гонят от края до края,
Вплоть до дельфийских разят святынь.

Хор уходит, унося тело дона Мануэля на носилках.

Колонный зал.

Ночь. Сцена освещена верхним светом, падающим от большого
фонаря.

Донна Изабелла и Диего входят.

Изабелла

Еще вестей от них не поступало
О том, что след похищенной сыскался?

Диего

Нет, государыня! Но верь, отыщет
Ее усердие твоих сынов!

Изабелла

Как жутко мне, как боязно, Диего!
Ведь я могла предотвратить несчастье.

Диего

Упреков жало в сердце не вонзай!
В чем поступила ты неосторожно?

Изабелла

О, если б раньше я ее призвала,
Как сердца голос требовал не раз!

Диего

Так ум велел. Ты поступила мудро,
А остальное да рассудит бог.

Изабелла

Нет чистых радостей! Кто б мог меня
Счастливей нынче быть, когда б не это?

Диего

Лишь задержалось счастье, не исчезло!
Порадуйся на дружбу примиренных!

Изабелла

Я видела, как крепко, грудь к груди,
Они прижались,— это не забуду!

Диего

Не показным объятъем, а от сердца!
Их прямота не принимает лжи.

Изабелла

Я вижу также, что они способны
На нежное влеченье. Мило мне,
Что в их сердцах любовь укоренилась.
В безудержной свободе не хотят
Они искать улады; уз законных
Их юность бурная не избегает,
И добронравью страсть подчинена.
Я не стыжусь признаться, друг Диего,
Что я с волнением, с тайною боязнью
Ждала, когда раскроется в их сердце
Цветок любви. Любовь рождает часто
В сердцах мужей суровых гнев и злобу.
Когда в костер, годами возводимый
Враждой, внезапно молния ударит
И грозно вспыхнет ревности огонь...
Страшусь подумать!.. Если чувства братьев,
Враждою разобщенные доселе,
На этой почве гибельно столкнутся!..
Но нет! И эту грозовую тучу,
Висевшую так мрачно надо мной,
Отвел небесный ангел незаметно,—
И вольно дышится моей груди.

Д и е г о

Да, радуйся делам своим премудрым!
Разумным словом, ласкою, добром
Достигла ты того, что не под силу
Отцовской было строгости. Тебе —
Хвала! Но прославлять и рок должны мы.

И з а б е л л а

Да, многое пришлось мне совершить.
Легко ли было тайну пронести,
Ее не выдав, столько лет злосчастных?
Лукавить перед мнительным супругом
И в сердце ежечасно подавлять
Влеченье естества, что, как огонь,
Под пеплом тлеющий, рвалось наружу?

Д и е г о

В твоей удаче вижу я залог
Того, что все ведет к благополучью.

И з а б е л л а

Не раньше я звезду свою восславлю,
Чем этих дел приблизится конец.
Исчезновенье дочери моей
Мне говорит, что демон мой не дремлет.
Хвали иль порицай меня, Диего,
Я все открою верному слуге:
Не в силах я была исхода ждать
В бездействии, покуда оба сына,
Скитаясь по свету, ее найдут.
О ней пеклась и я. Где человек
Теряет власть, там помогает небо.

Д и е г о

Скажи мне все, что я узнать достоин.

И з а б е л л а

Отшельником на Этне, высоко
Живет угодник божий. С давних пор
Зовется старцем он Вершины. Ближе

Он к небесам, чем мы, простые люди,
К земле прикованные. Дух земной
Сумел омыть в эфире он небесном
И с высоты годов нагроможденных
Глядит на несогласную игру
Запутанной и непонятной жизни.
С судьбою дома нашего знакомый,
Не раз о ней выспрашивал он небо,
Не раз проклятье отводил молитвой.
К нему-то поспешила я послать,
О дочери утраченной скорбя,
В далекий путь младого скорохода
И час от часу верных жду вестей.

Д и е г о

Коль глаз мне, государыня, не лжет,
Так это он спешит сюда обратно.
Хвала и честь усердию его!

Т е ж е. В е с т н и к.

И з а б е л л а

Скажи мне, не тая ни мрачных бед,
Ни радости, лишь правду возвещая:
Что старец, богом взысканный, ответил?

В е с т н и к

«Спеши к тебя пославшей,— старец рек.—
Утраченная дочь ее сыскалась».

И з а б е л л а

Благая речь! Блаженные уста!
Всегда вы мне желанное вещали.
А кто из сыновей моих сумел
Ее от рук разбойников избавить?

В е с т н и к

Утраченную старший сын нашел.

И з а б е л л а

Дон Мануэль нашел ее, сказал ты?
Всегда он был благословеньем божьим!
Святому старцу отдал ты свечу,
Которую я в дар ему послала?
Зажег ли он ее пред алтарем?
Дары другие, что бывают любы
Людскому роду, старец презирает.

В е с т н и к

Свечу он молча принял от меня,
И, к алтарю приблизясь, где лампада
Его светилась, он ее зажег.
И тут же пламя хижину объяло,
Где девяносто лет служил он богу.

И з а б е л л а

Что ты сказал? Мне чуется беда!

В е с т н и к

И трижды «горе! горе! горе!» крикнув,
Сошел он с Этны, молча указуя
Не следовать за ним, не озираться.
И вниз, гонимый страхом, я бежал.

И з а б е л л а

В пучину злую нового сомненья,
Безвестности и колебаний тяжких
Меня толкнул двусмысленный ответ.
Утраченную дочь мою, сказал ты,
Нашел мой старший сын, дон Мануэль?
Благая весть меня не утешает,
Сопровожденная такой бедой.

В е с т н и к

Но оглянись, владычица! Твой глаз
Увидит то, что старцем предвещалось.
Я не ошибся: в княжеский дворец
Твоих сынов друзья и челядинцы
Несут твою утраченную дочь.

Второй хор вносит Беатриче и опускает ее на авансцену.

Она безжизненна и недвижна.

Изабелла. Диего. Беатриче. Вестник. Хор
(Боэмунд, Рогер, Ипполит и девять других рыцарей дона Цезаря).

Хор (Боэмунд)

Покорные велению князя, мы
К ногам твоим девицу опустили,
Владычица! Так повелел нам князь.
А на словах добавить приказал,
Что сын твой Цезарь деву посылает.

Изабелла

(спешит к ней с распростертыми объятиями, но в ужасе отступает)

Увы! Она бледна и бездыханна!

Хор (Боэмунд)

Она жива, она очнется! Дай
Испуганной опомниться от страха,
Сковавшего ее смятенный дух.

Изабелла

Дитя мое! Дитя забот и скорби!
Так свиделись с тобой мы? Так должна
Ты возвратиться в отчий свой дворец?
Дай жизнь твою, дитя, о жизнь мою
Зажечь! Хочу прижать к своей груди
Тебя, голубку, чтобы смерти лед
Растаял и теплее кровь струилась.

(Хору.)

Скажи, что за беда постигла дочь?
Что с ней стряслось? Что бедное дитя
В отчаянье и ужасы повергло?

Хор (Боэмунд)

Не от меня ты эту весть узнаешь.
Твой сын, дон Цезарь, все тебе расскажет
Подробно, ибо он нашел принцессу.

Изабелла

Мой сын дон Мануэль, сказать ты хочешь?

Хор (Боэмунд)

Твой сын дон Цезарь шлет ее тебе.

Изабелла

(вестнику)

Не дон ли Мануэль был назван старцем?

Вестник

Да, государыня, так говорил он.

Изабелла

Кто б ни был он, утешена я им:

Он дочь нашел, ему — благословенье!

Но почему завистник-демон радость

Желанной встречи горем омрачает?

Я свой восторг должна сама утишить!

Я вижу дочь мою в дворце отца,

Она ж меня не видит, мне не внемлет,

Не может матери ответить лаской.

О милые глаза ее, откройтесь!

Согрейтесь, руки! Неживая грудь,

Вздыхни и вторь веселью моему!

Диего, это — дочь моя. Ее,

До этих пор таимую, я нынче

Пред целым миром назову своею!

Хор (Боэмунд)

(про себя)

Предчувствуя душою новый ужас,

Слежу я, как запутанный клубок

Распутывает рок неумолимый.

Изабелла

(хору, выказывающему испуг и смущение)

О, ваши души жестки и жестоки!

От ваших тяжких лат, как от скалы

Приморской, волны счастья убегают
Назад, ко дну взволнованной души!
Напрасно я смотрю вокруг себя,
Ловя в глазах хоть малый луч участия.
Где сыновья скитаются? На их
Грудь я отдохнула бы. А так
Мне кажется, что я в песках пустынных,
Что вокруг меня чудовища морские.

Д и е г о

Она взглянула! Дрогнул рот! Жива!

И з а б е л л а

Пусть первым взглядом мать свою увидит!

Д и е г о

Ее глаза опять смежает страх.

И з а б е л л а

(хору)

Уйдите прочь! Ваш вид ее пугает.

Х о р (Б о э м у н д)

(отступая)

Охотно я от глаз ее укроюсь.

Д и е г о

Она глядит на лик твой материнский.

Б е а т р и ч е

Ах! Где я? Мне лицо твое знакомо.

И з а б е л л а

Теперь сознание оживает в ней.

Д и е г о

Зачем она к твоим ногам прильнула?

Б е а т р и ч е

О мать, я вижу ангельский твой лик!

Изабелла

Дитя мое! Приди в мои объятия!

Беатриче

К ногам твоим я, грешница, прильну.

Изабелла

Ты вновь со мной! О прошлом позабудем.

Диего

Взгляни и на меня. Ты знаешь, кто я?

Беатриче

Диего верный, старый наш слуга.

Изабелла

Усердный страж годов печальных детства.

Беатриче

Так я опять в объятиях родимых?

Изабелла

Отныне разлучит нас только смерть.

Беатриче

И ты меня не бросишь на чужбине?

Изабелла

Ничто не разлучит нас, рок смирился.

Беатриче

(припадая к ее груди)

Так вправду я в твоих объятиях милых?
И все, что было, только сон мгновенный,
Тяжелый, безобразный сон? Родная,
У ног моих он пал, сраженный насмерть!..
Но как сюда попала я?.. Не помню.
О, счастье, счастье! Я в твоих объятиях!
Я спасена. Они меня хотели
Отправить во дворец, к самой княгине.
Нет, лучше уж в могилу!

Изабелла

Дочь, опомнись!

Мессинская княгиня...

Беатриче

Нет, молчи!

При имени ее меня объемлет

Смертельный страх, могильный холод!

Изабелла

Дочь!..

Беатриче

У ней два сына, два врага смертельных,—
Дон Мануэль, дон Цезарь их зовут.

Изабелла

Но я их мать. Иль ты меня не знаешь?

Беатриче

Что ты сказала? Что произнесла?

Изабелла

Я мать твоя, мессинская княгиня.

Беатриче

Твой сын дон Мануэль? Дон Цезарь сын твой?

Изабелла

Я мать их и твоя. Вы все мне дети.

Беатриче

О, горе, горе! Что узнала я!

Изабелла

Но что с тобой? Что так тебя пугает?

Беатриче

(дико озирается, узнает хор)

А! Вот они! Я их узнала всех!

Не сон меня морочит, нет! Вы все

Стояли там. Так этот ужас — правда?
Несчастные! Где вы его укрыли?

*(Гневно приближается к хору, который от нее
отворачивается.)*

Вдали слышится похоронный марш.

Х о р

Увы! Увы нам!

И з а б е л л а

Как? Укрыли?.. Вижу,
Вы смущены? Вам бред ее понятен?
Читаю в ваших взорах, в скорбных звуках
Дрожащих голосов, что надо мной
Стрястись должно несчастье. В чем оно?
Я знать хочу!.. И почему ваш взор
К дверям прикован в скорбном ожиданье?
И что за звуки слышатся оттуда?

Х о р (Б о э м у н д)

Срок близок! Откроется страшное вскоре,
Мужайся, владычица, в час роковой.
Смертельную боль, как князьям подобает,
Встречай с непреклонной отвагой мужской.

И з а б е л л а

Срок близок? Как? Скажите же... Я слышу
Надгробных песнопений страшный лад
В сенях дворца... Где сыновья мои?

Первое полухорие вносит на носилках труп дона Ма-
вуэля и опускает их на незанятой стороне сцены. Носилки
прикрыты черным покрывалом.

П е р в ы й х о р (К а э т а н)

Вдоль по улицам града,
Привычное к плачу,
Шествует горе.
Мрачно обходит
Дома и чертоги:

В эти ворота
Нынче стучится,
Завтра в другие, —
Только никто от беды не уйдет.
Худые вести нас настигают
Раньше ли, позже, —
Но всюду поспеет
Горе, где земнородный живет.

Второй (Беренгар)

Если ветер завывший
Лист уносит осенний,
Если старец отживший
К вечной шествует сени, —
Тут природа ведет
Точный счет
Стародавним законам
Неизменной чреды,
Тут не место печалям и стонам.

Но необычное также ты
Встретить учишь в переменчивой жизни!
Самовластной рукой
Тушит убийство светильник любой,
И в стигийском челне
Мчит по волне
Злая смерть и цветущие жизни!

Первый (Катан)

Когда тучи мрачат чертог небесный
И, грозя, громыхает гром,
Мы пред сумраком близкой бездны
Власть судьбы над собой сознаем.
Но и в безоблачном небе может
Молния грянуть из тайной щели.
А потому пусть и в дни веселий
Призрак невзгоды сердца тревожит!
Не прилепляйся беспечной душой
К зыбкого счастья дарам богатым!
Кто в достатке — готовься к утратам,
Кто в удаче — свыкайся с бедой!

И з а б е л л а

Что это значит?.. Что под этой тканью?

(Делает шаг в сторону носилок, но в нерешительности останавливается.)

Хочу взглянуть — и вновь рукой холодной
Меня слепой отталкивает страх.

(К Беатриче, которая заступает ей путь к носилкам.)

Пусти! Что б ни было, хочу увидеть!

(Подымает покров и видит тело дона Мануэля.)

О горние силы! Это мой сын!

(Стоит, окаменев от ужаса.)

Беатриче с криком падает возле носилок.

Х о р *(К а э т а н, Б е р е н г а р, М а н ф р е д)*

Страдалица-мать! Да, сын это твой.
Ты молвила слово великой скорби,—
Несчастливая весть огласилась не мной.

И з а б е л л а

Мой сын! Мой Мануэль! О правый боже!
Так мы с тобою нынче повстречались?
Ценою жизни ты сестру избавил
От подлых рук разбойничьих! Где брат
Твой был, что не поспел на помощь?
Проклятие убившему тебя!
Проклятье той, что родила злодея,
Повергшего дитя мое! Будь проклят
Весь род ее!..

Х о р

О горе! горе! горе!

И з а б е л л а

Так держите вы ваше слово, боги?
И в *этом* — ваша правда? Горе тем,
Кто верит вам бесхитростной душой!
О чем мечтала я, чего страшилась,

Когда исход таков? Вы все, кто здесь
Толпится в страхе, все, кто тешит глаз,
На скорбь мою взирая, ложь прозрите
Постыдную и в снах и в ясновидцах!
Кто станет верить в голос божества?
Когда я дочь под сердцем ощутила,
Отца ее смутил зловещий сон:
Ему приснилось, что на брачном ложе
Взросли лавровых два куста. Меж ними
Возникла лилия. Но вот она
Огнем зажглась, спалила ветки их,
И, грозно ширясь, поглотил пожар
В потоке ненасытном весь чертог.
Испуганный видением таким,
Отец спросил гадалея араба
О тайном смысле страшного виденья;
И маг сказал ему, что в скорый срок
Я разрешуся дочерью злосчастной
И что она обоих сыновей
Погубит, и погаснет с ними род.

Хор (Каэтан и Боэмунд)

Княгиня, что сказала ты? О горе!

Изабелла

Отец обрек ее жестокой смерти.
Но я укрыла дочь от злой судьбины,
Не отдала губителям. От сердца
Отторгли материнского ее,
Чтоб не сгубила братьев, возмужавши!
А он рукой разбойника повержен!
Не дочь, невинная, его сразила.

Хор

О горе! горе! горе!

Изабелла

Я поверить
Не пожелала нехристю-жрецу,
Мой дух другой надеждой окрылился!
Иное предсказали мне уста,
Которые я праведными мнила.

«Сердца обоих братьев, — старец рек, —
Соединит она в любви горячей!»
Так предсказаний несогласный смысл
Проклятьем и благословеньем дочь
Мою венчал. Но не внесла проклятья
В наш дом невинная. И не пришлось ей
Благословить союз обоих братьев!
Одни уста солгали, как другие.
Искусство ясновидцев — вздорный бред,
Обманщики они иль обманулись.
Нет, правды о грядущем не узнать,
Не почерпнуть ее ни в безднах ада,
Ни у истоков горнего огня.

Первый хор (Каэтан)

О горе! Опомнись! Уймись! Уймись!
Довольно проклятий и слов нечестивых!
Оракулы вещи: слова их сбылись.
Конец прославит богов правдивых.

Изабелла

Нет, подавлять слова не буду! Все,
Что жжет меня, поведаю вам громко.
Зачем же мы соборы посещаем
И простираем руки к высям неба?
Глупцы! Безумцы! Что стяжали мы
Усердной верой? Смертным не попасть
К богам, в их недоступные чертоги,
Как не пронзить стреле луны на небе!
Грядущий день для смертных замурован,
Небес железных не пробить мольбой.
Направо ль птицы полетят, налево ль,
Так встанут звезды или по-другому —
Нет смысла в темной книге естества:
Сновидцы грезят, и приметы лживы.

Второй хор (Боэмунд)

Уймись, несчастная! Горе! горе!
Ты солнца не видишь в полуденный час
Незрячим оком! Нет! Боги живы!
Познай же их в этот час несчастливый!

Б е а т р и ч е

О мать! Зачем же ты меня спасла,
Зачем меня не бросила во власть
Проклятья, предрешенного судьбою?
Безумная! Как ты дерзнула мнить
Себя мудрей пророков и волхвов,
Сличающих прошедшее с грядущим
И зрящих всход всех брошенных семян?
Себе, и мне, и всем нам на погибель
Богине смерти отказала ты
Надменно в предназначенной ей жертве.
Она возьмет ее — вдвойне, втройне!
Не нужен был мне горький этот дар!
Для плача я, для скорби жить осталась.

Первый хор (К а э т а н)

(в сильном волнении смотрит на дверь)

Откройте, раны!
Лейся, лейся
Потоком черным,
Вырвись наружу, крови ручей!

(Б е р е н г а р)

Топот железных
Ног раздается,
Слышу шипенье
Змеев Аида!
Шаг Эринний мой слух уловил!

(К а э т а н)

Рухни, стен громада!
Порог, под шагом
Мстительниц гневных в землю уйди!
Черный пар, от земли подымайся!
Выше, тяжеле! Дневное сиянье,
Тьма, поглоти!
Боги-хранители, дом покидайте!
Мстительниц древних впускай в ворота!

Дон Цезарь. Беатриче. Изабелла. Хор.
При входе дона Цезаря хор плавно расступается. Он стоит один
посреди сцены.

Беатриче
Увы мне! Он!

Изабелла
О сын мой, Цезарь! Так-то
Пришлось нам свидеться? Взгляни сюда,
На дело богомерзостной руки!
(Подводит его к телу.)

Дон Цезарь, в ужасе закрыв лицо, отступает.
Первый хор (Каэтан, Беренгар)

Откройте, раны!
Лейся, лейся
Потоком черным,
Вырвись наружу, крови ручей!

Изабелла
Ты смотришь и дрожишь! Да, это все, что
Осталось от возлюбленного брата!
Здесь — все мои надежды. Не расцвел —
И вот увял цветок недавней дружбы,
И мне плодов желанных не увидеть.

Дон Цезарь
Утешься, мать! Мы с чистою душой
Стремилась к миру. Рок судил иначе.

Изабелла
Да, знаю, ты любил его! Союз
Чудесный ваш увидеть я успела.
Да, ты хотел его держать у сердца,
Ему богато возместить былое,
Кровавое убийство обогнало
Любовь твою. Теперь удел твой — мщенье.

Дон Цезарь
Уйдем отсюда. Здесь не стой теперь.
От зрелища ужасного укройся!

(Хочет увлечь ее за собой.)

Изабелла
(бросаясь ему на шею)

Ты жив еще! Единственный мой сын!

Беатриче
Что делаешь ты, мать?

Дон Цезарь
Поплачь, родная,
На верном сердце сына! Не потерял
Он для тебя. Его любовь живет,
Бессмертная, в груди меньшого брата.

Первый хор
(Каэтан, Беренгар, Манфред)

Откройте, раны!
Вещайте, немые!
Потоком черным
Вырвись наружу, крови ручей!

Изабелла
(беря за руку Цезаря и Беатриче)
О мои дети!

Дон Цезарь
Как отрадно мне
Ее в твоих объятьях видеть милых!
Да, дочьрю прими ее! Сестру мне...

Изабелла
(прерывая его)
Ты спас ее! Мой сын, сдержал ты слово:
Ты мне вернул потерянную дочь!

Дон Цезарь
(изумленно)
О ком ты, мать? И как сдержал я слово?

Изабелла
Я говорю о ней, о Беатриче...

Дон Цезарь

Она — сестра моя?!

Изабелла

А кто же еще?

Дон Цезарь

Моя сестра?

Изабелла

Ты сам ее прислал мне.

Дон Цезарь

Так и его сестра?

Хор

О горе! горе!

Беатриче

О мать моя!

Изабелла

Мне страшно! Говорите!

Дон Цезарь

Будь проклят день, когда я свет увидел!

Изабелла

Как? О!

Дон Цезарь

Проклятье чреву, что меня носило!

Проклятье женской скрытности твоей!

Она всем ужасам виною! Наземь

Обрушьясь, гром, и раздроби ей сердце!

Нет больше сил моих тебя щадить!

Так знай же: сам я брата ранил насмерть!

В ее объятьях я застал его.

Ее любил я и ее избрал

Себе в невесты... Но в ее объятьях

Застал я брата... Так свершился грех!..

И коль она сестра ему, а значит,
И мне сестра, я грех такой свершил,
Который покаяньем не искупишь.

Хор (Б о э м у н д)

Он все рассказал, что мы видели сами;
Ты худшее знаешь: его не вернуть.
Свершилось предсказанное жрецами,
Неотвратим предначертанный путь.
А тот, кто вмешался в предначертанье,
Пускай довершает свое начинанье.

И з а б е л л а

Какое дело мне, что боги лгут
Иль правду возвещают в этот час.
Мне чашу непомерно тяжкой скорби
Пришлось испытать! Но пусть меня жестоко
Бессмертные карают! Кто без дрожи
Несчастий ждет, тот неба не страшится.
Убитым здесь лежит мой милый сын,
А от живого я уйду сама.
Нет, этот мне не сын! Я василиска
Взрастила и на горе сберегла.
И вот повержен им мой лучший сын!
Пойдем отсюда, дочь. Нам в этом доме
С тобой не жить! Мы фуриям уступим
Дворец наш. Грех меня сюда привел —
И грех отсюда гонит. С отвращеньем
В него вошла я, в страхе здесь жила —
И в скорби удаляюсь. Это все
Терплю безвинно! Но в чести остались
Оракулы, и боги — в прежней силе.

(Уходит.)

За ней следует Диого.

Беатриче. Дон Цезарь. Хор.

Дон Цезарь

(удерживает Беатриче)

Сестра, останься! Не бросай меня!
Пусть проклиняет мать, пусть кровь его

Об отомщенье к небу воззывает,
Пусть целый мир меня клянет! Лишь ты
Не проклинай. Меня сразило б это.

Беатриче, не глядя на него, указывает на тело.

Я не любовника тебя лишил,
А брата у тебя и у себя
Похитил. Ведь тебе принадлежит
Не больше убиенный, чем живущий.
И я достойней жалости стократ:
Он умер праведно, а я виновен.

Беатриче раздражается громким рыданием.

Рыдай о брате! Буду плакать тоже,
И больше: отомщу его! Но только
Не плачь о милом! Я стерпеть не в силах
Такое предпочтенье мертвеца.
Дозволь из глуби нашего страданья
Черпнуть хотя б одно лишь утешенье:
Что не дороже он тебе, чем я.
Судьбы единой грозная развязка
Сравнила нас в правах и в скорбной доле:
Трех любящих — увы! — в одзо паденье
Нас кинул рок, втроем ко дну пойдем мы,
И правом слез никто не обделен.
Но если — горе мне! — ты эти слезы
По милому, а не по брату льешь,
Тогда ревнивый гнев ворвется в грудь
И замутит священную печаль,
Я не смогу без скорби, как хотел бы,
Принести себя теням усопшим в жертву,
Но кротко вслед ему я вышлю душу,
Когда наш общий прах ты соберешь
Рукою сестринской в единой урне.

(Обнимая ее, в страстном порыве нежности.)

Ведь я любил тебя всем пылом сердца,
Когда ты мне еще была чужая.
Лишь потому, что я любил безмерно,
Себя я запытал братоубийством,
Любовь к тебе — вот вся моя вина.

Но ты сестра мне. Только состраданья
Отныне в дар молю я у тебя.

(Смотрит на нее испытующим взглядом, полным робкой надежды, потом резко от нее отворачивается.)

Нет! Я не в силах видеть слезы эти!

Над телом брата мужество меня

Оставить хочет! Грудь когтят сомненья!

Обман добрее! Плачь в укромном месте!

Нет! Брось меня! Навеки!.. Ни тебя,

Ни матери твоей я не увижу.

Она меня не любит! Все раскрылось:

В минуту горя сердце проболталось!

«Мой лучший сын», — она вскричала. Значит,

Вся жизнь ее была одним притворством.

Ты скрытностью — в нее. Щадить меня

Не силься. Никогда ты не увидишь

Меня, презренного! Прости навеки!

(Уходит.)

Беатриче стоит в нерешительности, обуреваемая противоречивыми чувствами, потом, стряхнув с себя оцепенение, уходит.

Хор (К а э т а н)

Счастлив, кто ведал отраду святую:

В сельской тиши, где лепечет листва,

Смуту забыв и тревогу земную,

Мирно спать на груди естества.

Здесь же, вблизи государей могучих,

В сердце лишь горесть копить мы должны,

Видя внезапно, как лучший из лучших,

Первый из первых пал с вышины.

Счастлив и тот, кто по воле теченья,

Грозно гонимый житейской волной,

Во-время выплыв, достигнет спасенья

В мирном пристанище кельи святой;

Кто честолюбья осилил терзанья

И превозмог вожделения пыл;

Кто ненасытное пламя желанья

В перестрадавшей груди погасил.

Жизни удушливой темные силы

В нем уж безумных страстей не зажгут,

И человечества призрак унылый
В тихий его не заглянет приют.
Лишь на земной равнине взоры
Встретят грех людской, перезвон оков.
Так чума, минуя холмы и горы,
Ползет в зловонной пыли городов!

(Беренгар, Боэмунд и Манфред)

На горах — там свобода! Зловонье долины
Не заразит величавой вершины.
Мир совершенен, где нету людей,
Нет их раздоров, их мук и страстей.

Весь хор
(повторяет)

На горах — там свобода! и т. д.

Дон Цезарь. Хор.

Дон Цезарь

Я властью князя вам велю в последний раз:
Предать могиле этот милый сердцу прах,
Воздать последний долг хочу я мертвому!
Узнайте все, что я свершить за благо счел,
И как велю я вам, так точно вы во всем
И поступайте. В памяти еще у вас
Обряд печальный — лишь недавно вам
пришлось

В наш древний склеп венчанный прах отца
снести.
В стенах дворца надгробный плач едва умолк!
Мертвец — увы! — зовет другого мертвеца
В могилу, и один светильник о другой
Зажечь нетрудно. На бесчисленных ступенях
Хор новых плакальчиков сменит встречный
хор.

В молчанье горестном, при запертых дверях,
В дворцовой церкви, там, где прах отца лежит,
Все приготовьте вы для пышных похорон.
И все, как в прошлый, пусть и в этот будет раз.

Хор (Боэмунд)

Рукою быстрой приготовим мы обряд,
О князь! Еще не сломан пышный катафалк,
Он страшным памятником в храме том стоит.
Все сохранилось от прошлых похорон.

Дон Цезарь

Недобрым знаком было, что могилы зев
Зиял отверстый в нашем княжеском дворце.
Как это случилось, что злосчастный тот помост
Разобран не был тотчас после похорон?

Хор (Боэмунд)

В нужде вседневной и в погибельной борьбе,
Что тут же вспыхнула, Мессину разобщив
По смерти князя, мы не вспомнили о том;
Забыт и заперт храм стоит до этих пор.

Дон Цезарь

За дело быстро вы возьмитесь. В эту ночь
Успейте выполнить полуночный обряд.
Пусть до зари очистится от скверны дом,
И род другой, счастливейший, заступит нас.
Часть рыцарей удаляется, унося тело дона Мануэля.

Хор (Каэтан)

А не позвать ли нам монахов чинный клир,
Чтобы они, как церковь исстари велит,
Служили службу похоронную о нем
И память вечную пропели в скорбный час?

Дон Цезарь

Святая песня их пускай из века в век
Над нашим гробом будет петься при свечах.
Но в эту ночь в святой их службе нүжды нет —
Кровавый грех не терпит святости!

Хор (Каэтан)

Не помышляй о новой жертве, государь,
Не покарай себя в отчаянье своем!

На свете нет того, кто б смел тебя судить,
А милость неба покаяньем купишь сам.

Д о н Ц е з а р ь

На свете нет того, кто б мог меня судить,
И потому-то я себя караю сам.
Пусть небо внемлет покаянию души,
Но только кровью можно смыть мою вину.

Х о р (К а э т а н)

Потоки горя, что обрушились на нас,
Унять ты должен, а не множить их число.

Д о н Ц е з а р ь

Проклятье древнее лишь так удастся снять:
Я только смертью цепи рока разрублю.

Х о р (К а э т а н)

Но ты обязан князем быть в своей стране,
Когда другого венценосца нас лишил.

Д о н Ц е з а р ь

Мне нужно долг богине мщенья возвратить,
Иные боги позаботятся о вас.

Х о р (К а э т а н)

Под божьим солнцем не без милости судьба!
Но нет надежд в глухом гробу. Обдумай все.

Д о н Ц е з а р ь

Ты лучше собственный обдумай долг слуги;
Я должен духу внять, что гонится за мной.
Кто счастлив, в сердце мне не может заглянуть,
И если князя ты не чтишь во мне теперь,
Почти хоть грешника, что роком проклят был,
Почти чело того несчастного,
Кто и богам отныне свят. Кто испытал
Мои страданья и мои невзгоды,
Держать отчет не должен смертному.

Донна Изабелла. Дон Цезарь. Хор.

Изабелла

*(входит неверными шагами и в нерешительности
смотрит на дона Цезаря; наконец, приближается
к нему и спокойно говорит)*

Тебя от глаз своих я отлучила,—
Так поклялась я в скорби и тоске;
Но ветром разгоняются решенья,
К которым мать, восстав на плоть родную,
Приходит сердцу вопреки. Мой сын!
Меня влечет гнетущий сердце слух
Из горестно-печального затвора
К тебе. Иль слуху верить? Правда ль, что
Единый день обоих вас похитит?

Хор (Каэтан)

Решился твердо твой сын — я зрю —
Сойти без страха крутой дорогой
К царства мертвых воротам старым.
Попробуй мощь испытать свою —
Материнской просьбой его растрогай.
Я свои речи потратил даром.

Изабелла

Нет, от проклятий отрекаюсь я!
В отчаянье и скорби я безумно
Их на чело обрушила твое.
Нет, мать не в силах милое дитя,
Рожденное в мученьях, ввергнуть в беды.
Нет, не услышит грешной сей мольбы
Господь! Отяжелевшая от слез,
Она падет с сияющего свода.
Живи, мой сын! Убийцу сына легче
Терпеть мне, чем оплакивать обоих.

Дон Цезарь

Не понимаешь ты, что нам готовишь
Обоим, мать. Я места не найду

Себе средь вас. Хотя б ты и могла
Сносить убийцы ненавистный лик,
Мать дорогая, я терпеть не мог бы
Немого обвиненья милых глаз.

И з а б е л л а

Я все осилю, сын мой! Ни немого,
Ни громкого укора не услышишь.
В печали кроткой горе растворится,
Вдвоем оплачем мы несчастье наше,
Вдвоем с тобой покроем преступленье.

Д о н Ц е з а р ь
(берет ее за руку, мягко)

Все это будет так, но не теперь!
В печали кроткой горе растворится,
Когда единый холм и над убитым
И над убийцей будет возведен,
Единый свод обоих увенчает.
Тогда проклятье снимется, тогда
Ты отличить нас больше не сумеешь,
И слезы из прекрасных глаз твоих
Прольются в равной мере по обоим.
Могучий примиритель — наша смерть.
Тут гаснут все недобрые огни,
Навек проходит гнев, и состраданье,
Чудесное, как милая сестра,
Обнимет нас и склонится на урну.
А потому не возбраняй мне, мать,
Спуститься в мрак и снять с себя проклятье.

И з а б е л л а

Икон немало в мире христианском
Найдется чудотворных. К ним сердца
Льнут удрученные, немало горя
Снял с душ людских Лоретский монастырь,
И силы вышние господень гроб
Незримо и поныне окружают.
Помогут и усердные молитвы
Отшельников, угодников господних.

Мы там, где кровь невинная текла,
Построим храм и скверну уничтожим.

Д о н Ц е з а р ь

Стрелу удастся выдернуть из сердца,
Но рану никогда не уврачуешь.
Живи, кто может, жизнью униженный!
И, плоть свою смиряя бичеваньем,
Стремись, кто может, оправдаться! Я,
Поверь, не в силах жить с разбитым сердцем:
Веселым взором я на мир веселый
Взирать привык! Купаться в свете должен
Мой дух. Меня всю жизнь терзала зависть,
Когда любила поровну ты нас,—
Так как же потерплю я предпочтенье,
Которое ты мертвому отдашь?
Смерть обладает силой превращать
Все бренное в своих чертогах вечных
В чистейший, отшлифованный алмаз,
Преображать все смертное, все пятна
Смывать с людей, дотоль несовершенных;
Он будет возвышаться надо мной
Высоко, как звезда над бренным миром.
И если зависть нас разъединяла,
Когда равны мы были пред тобой,
То как же зависть будет сердце мучить,
Когда он, вечность светлую вкусив,
Вдали от споров суетных, как бог,
В людских воспоминаньях утвердится.

И з а б е л л а

Так только для того я вас призвала
В Мессину, чтоб оплакать вас обоих?
О вечном мире я пеклась,— а рок
Погибельный все светлые надежды
Решил рассеять, обернуть во зло.

Д о н Ц е з а р ь

Не порицай судьбы! Свершилось все,
Что небо обещало. Утром мы,
Стремясь к миру, в дом вступили этот,

И мирно будем оба здесь лежать,
О распрях позабыв, в приюте смерти.

И з а б е л л а

Живи, мой сын, не оставляй меня,
Безрадостную, в стане чужеродцев,
Безжалостным сердцам на поруганье,
Лишенную защитников своих!

Д о н Ц е з а р ь

Когда весь мир начнет тебя хулить,
Приди тогда к могиле нашей общей
И нашему доверься божеству.
Ведь мы богами будем — он и я;
И как созвездье ярких Диоскуров
Путь указывает кораблям, так мы
Тебя поддержим нашим утешеньем.

И з а б е л л а

Живи, мой сын! Останься мне на радость!
Мне не под силу сразу все утратить!

(Страстно сжимает его в объятиях; он мягко освобождается и протягивает ей руку, не глядя на нее.)

Д о н Ц е з а р ь

Прости!

И з а б е л л а

С сердечной болью я должна признать,
Что мать не в силах удержать тебя.
Но, мнится, голос слышется другой
(направляется к выходу),

Способный сердцем сына завладеть.
Приблизься, дочь моя! Когда к почившим
С такою силой брат его зовет,
Быть может, к жизни, к радости, к надеждам
Вернет его любимая сестра
И солнце он для мрака не оставит.

У входа на сцену Беатриче, Изабелла, дон Цезарь,
Хор.

Дон Цезарь
*(при появлении Беатриче в страстном
волнении закрывает лицо)*

О мать моя! Что затеваешь ты?

Изабелла
(подводя к нему Беатриче)

Напрасны были матери слова!
Ты заклинай его! Верни мне сына!

Дон Цезарь
Коварная! Так поступаешь ты?
Ты новым мукам сердце подвергаешь,
Ты хочешь сделать мне вдвойне дороже
Свет солнечный пред спуском в вечный мрак!
Вот он стоит, всемогущий ангел жизни,
Передо мной и тысячи цветов
И тысячи плодов чудесных сыплет
Из рога изобилья на меня;
Душа в лучах весенних растворилась,
И оживают заново в груди
Мечты мои. Луч жизни впереди!

Изабелла
Моли его,— он лишь сестре уступит! —
Чтоб посохом он был тебе и мне.

Беатриче
Взывает к жертве прах любимый брата;
Ее получит он... Но пусть меня
Он примет в жертву. Смерти я была
Обещана давно. По мне тоскует
Старинное проклятие! Грабеж
Пред небом — жизнь, которой я живу.
Его убила я! Я в их сердцах
Заснувших фурий разбудила! Мне
Утешить тень страдальческую надо.

Хор (Каэтан)

О мать несчастная! Торопит в путь
Всех, кто рожден тобою, голос смерти!
Оставят дети скорбную тебя
В чужой, пустынной и суровой жизни.

Беатриче

Храни себя, возлюбленный мой брат,
Для нашей матери. Ей нужен сын —
Защитник. Дочь свою она лишь нынче
Нашла, и с нею легче ей расстаться.

Дон Цезарь

(глубоко раненный ее словами; матери)

Мы можем жить иль умереть, родная!
Ей только бы увидеться с любимым!

Беатриче

Ужель ревнуешь к тени бездыханной?

Дон Цезарь

В твоей любви живет он лучшей жизнью,
Я ж буду вечно мертвым среди мертвых.

Беатриче

О брат мой!

Дон Цезарь

(в глубоком волнении)

Ты рыдаешь обо мне?

Беатриче

Живи для матери!

Дон Цезарь

(выпустив ее руку, отступает)

Лишь для нее?

Беатриче

(склоняясь к нему на грудь)

Да, для нее и чтоб сестру утешить.

Хор (Боэмунд)

Он побежден, растроган мольбою,—
Сестре не мог он не внять душою.
Мать, не печалься, поверь надеждам!
Сын смерти не хочет. Он будет жить.

В этот миг раздается церковное пение, двустворчатая дверь
распахивается: в церкви видны воздвигнутый катафалк и гроб,
окруженный канделябрами.

Дон Цезарь

(обращаясь к гробу)

Нет, брат мой! Жертвы не хочу тебя
Лишить. Нет, голос твой меня зовет
Из гроба громче, чем любовь взывает,
Властней, чем слезы матери. Держу я
В своих руках все, что юдоль людскую
С судьбой богов могло бы уравнять...
Но я, убийца, буду счастлив здесь,
Невинность же твоя неотомщенной
Должна лежать в могиле? Никогда
Вожатый наших дней того не стерпит,
Иль в стройный мир внесется им разлад.
Я видел, как она по мне рыдала,
И сердцем примирен. Спешу к тебе!

*(Пронзает себя кинжалом и, падая, скользит по телу
сестры, которая бросается в объятия матери.)*

Хор (Каэтан)
(после долгого молчания)

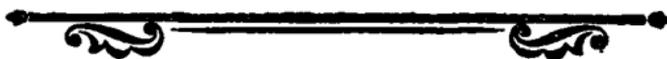
Стою подавлен и не знаю сам,
Рыдать по нем иль подвиг чтить его?
Одно я понял и постиг душой:
Пусть жизнь — не высшее из наших благ,
Но худшая из бед людских — вина.

1803

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

ДРАМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герман Геслер, имперский наместник (ландфохт, фохт)
в Швице и в Ури.

Вернер фон Аттинггаузен, владетельный барон.

Ульрих фон Руденц, его племянник.

Вернер Штауффахер

Конрад Гунн

Итель Рединг

Ганс Мауер

Иорг Гоф

Ульрих Шмид

Иост Вайлер

} поселяне из Швица.

Вальтер Фюрст

Вильгельм Телль

Рёссельман, священник

Петерман, псаломщик

Куони, пастух

Верни, охотник

Руоди, рыбак

} поселяне из Ури.

Арнольд Мельхталь

Конрад Баумгартен

Майер Сарнен

Струт Винкельрид

Клаус Флюе

Буркгарт Бюгель

Арнольд Сева

Пфайфер из Люцерна.

Кунц из Герзау.

Енни, мальчик-рыбак.

} поселяне из Унтервальдена.

Сеппи, подпасок.

Гертруда, жена Штауффахера.

Гедвига, жена Телля, дочь Фюрста.

Берта фон Брунек, богатая наследница.

Армгарда	}	крестьянки.
Мехтгильда		
Эльсбета		
Гильдегарда		

Вальтер	}	сыновья Телля.
Вильгельм		

Фрисгард	}	наемные пехотинцы.
Лейтхольд		

Рудольф Гаррас, конюший Геслера.

Иоганн Паррицида, герцог Швабский.

Штюсси, полевой сторож.

Трубач кантона Ури.

Имперский гонец.

Надсмотрщик.

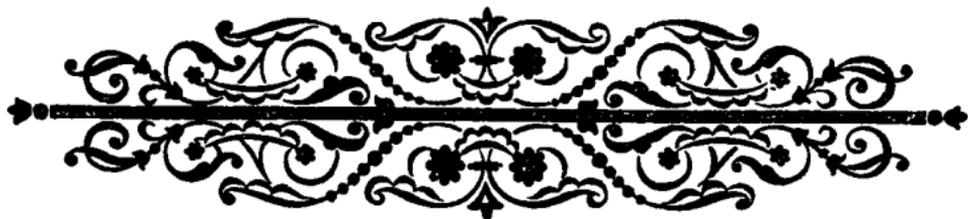
Мастер-каменотес, подмастерья и чернорабочие.

Глашатай.

Братья милосердия.

Рейтары — конная стража ландфохтов Геслера и Ланденберга.

Поселяне и поселянки из лесных кантонов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Высокий скалистый берег Озера Четырех Лесных Кантонов, напротив Швица.
Озеро образует бухту. Недалеко от берега стоит хижина. Мальчик-рыбак плывет в челноке. На другой стороне озера видны ярко освещенные солнцем лужайки, деревни и одинокие усадьбы Швица. Слева от зрителя вырисовываются сквозь облака острые зубцы Гакена; справа, в глубине сцены, виднеются снежные горы. Еще до поднятия занавеса слышны звуки швейцарской пастушеской песни и мелодичный перезвон колокольчиков, который продолжается некоторое время и после поднятия занавеса.

М а л ь ч и к - р ы б а к
(поет в челноке; напев швейцарской пастушеской песни)

На озеро манит купанья услада,
Уснувшего отрока нежит прохлада.

И звуки свирели
Он слышит сквозь сон,
Он ангельски-нежною
Песней пленен.

Проснулся, блаженства, веселия полный,
А возле играют и пеются волны.

И вкрадчивый голос
Влечет за собой:
«Бросайся в пучину,
Будь вечно со мной».

П а с т у х

(на горѣ; вариация того же напева)

Прощайте, луга,
Багряные зори!
Разлука нам — горе.
Ах, лето прошло!

Пора нам в долины... Увидимся снова,
Когда все очнется от сна ледяного
И голос кукушки в лесу зазвучит,
Цветы запестреют, родник зажурчит.

Прощайте, луга,
Багряные зори!
Разлука нам — горе.
Ах, лето прошло!

А л ь п и й с к и й о х о т н и к

*(появляется на вершине противоположной скалы;
вторая вариация)*

Гремит и грохочет лавина в горах,
Стрелок не робеет на скользких тропах:

Он дерзко шагает
Средь снега, средь льдов,
Где весен не знают,
Не знают цветов.

Внизу разостлалась туманов гряда,
И гордые тонут под ней города.

И только в минутные
Тучек разрывы
Мелькают зеленые
Рощи и нивы.

Местность принимает другой вид; глухой грохот слышен в горах; тени облаков пробегают по земле.

Руоди, рыбак, выходит из хижины. Верни, охотник, спускается со скалы. Куони, пастух, идет с подойником на плече; Сеппи, подпасок, следует за ним.

Р у о д и

Живей, мой мальчик! Вытащи челнок.
Седой дух бурь идет. Гремит лавина.
Накрылся Митен шапкой облаков,

И холодом пахнуло из ущелий.
Гроза вот-вот над нами разразится.

К у о н и

Да, быть дождю, рыбак. Воц овцы жадно
Едят траву, и роет землю пес.

В е р н и

А рыба так и плещет, и лысуха
Нет-нет нырнет. О, это перед бурей!

К у о н и
(подпаску)

Смотри, чтоб скот не разбредался, Сеппи.

С е п п и

Я бурой Лизель слышу колокольчик.

К у о н и

Ну, значит все. Она идет последней.

Р у о д и

Приятен звук бубенчиков у вас.

В е р н и

И скот хорош!.. А что, земляк, он ваш?

К у о н и

Вот богача нашли!.. Хозяин стада —
Мой господин барон фон Аттингаузен.

Р у о д и

Ах, до чего корову лента красит!

К у о н и

Она горда, что стадо все ведет.
А ленту снять — она и есть не станет.

Р у о д и

Да это вздор! Бессмысленная тварь...

В е р н и

Ну, как сказать! Есть у животных разум.
То видим мы, за сернами охотясь:
Везде, где им пастись ни доведется,
Одна всегда у них настороже;
Чуть подошел — уж подняла тревогу.

Р у о д и
(пастуху)

Так вы домой?

К у о н и
На пастбищах нет корму.

В е р н и
Счастливого пути!

К у о н и
И вам того же.
С гор вы не все приходите домой.

Р у о д и
Вон человек бежит к нам что есть мочи.

В е р н и
Из Альцельна он; это Баумгартен.
К о н р а д Б а у м г а р т е н вбегает, запыхавшись.

Б а у м г а р т е н
О, ради бога, перевозчик, лодку!

Р у о д и
Да что ж вы так торопитесь?

Б а у м г а р т е н
Беда!
Мне смерть грозит! Скорей перевозите!

К у о н и
В чем дело, друг?

В е р н и

Кто гонится за вами?

Б а у м г а р т е н

(рыбаку)

Скорей, скорей, за мною скачут следом!
Ландфохта люди мчатся по пятам,
И если схватят — гибель неизбежна.

Р у о д и

Чего ж за вами мчатся верховые?

Б а у м г а р т е н

Спасите! Я потом все расскажу.

В е р н и

Но вы в крови! Что за беда случилась?

Б а у м г а р т е н

Я коменданта крепости австрийской...

К у о н и

Так *Вольфеншиссен* гонится за вами?

Б а у м г а р т е н

Нет он безвреден, — я его убил.

В с е

(отшатнувшись)

Зачем вы это сделали? О боже!

Б а у м г а р т е н

Затем, что я свободный человек!
Я только право отстаюл свое —
Жену и дом избавил от позора.

К у о н и

Над честью вашей надругался он?

Баумгартен

Я преступленью не дал совершиться,
И сам господь направил мой топор.

Верни

Вы топором его по голове?..

Куони

О, расскажите нам, пока рыбак
От берега отвязывает лодку.

Баумгартен

Я был в лесу, рубил дрова. Гляжу —
Моя жена бежит в смертельном страхе.
К нам в дом явился этот Вольфеншиссен.
Он приказал ей баню затопить,
И стал ее любви он домогаться.
Но, вырвавшись, она скорей ко мне!
Тут я бегом домой — и топором
По голове благословил злодея.

Верни

Вы правы. Вас никто не обвинит.

Куони

Ах, изверг! Поделом ему награда
За весь народ кантона Унтервальден!

Баумгартен

Наместник наш послал за мной погоню...
Мне дорог миг... а мы все говорим!..

Слышен гром.

Куони

Живей, рыбак, его перевези.

Руди

Нет, поздно ехать. Началась гроза.
Придется переждать.

Баумгартен

Великий боже!

Нельзя мне ждать. Ведь промедленье — гибель...

Куони

(рыбаку)

Владеет смелым бог! Твой долг — помочь.

Стрястись беда могла бы такая с каждым.

Бушуют волны. Гром.

Руди

Поднялся вихрь, вздымается прибой.

Не справится мне с бурей и волнами.

Баумгартен

(обнимает его колени)

Господь воздаст вам, сжальтесь надо мною...

Верни

Будь милосерден. Жизнь ему спаси!

Куони

Семейство у него: жена и дети!

Снова удары грома.

Руди

И мне придется жизнь свою сгубить,

И у меня в дому жена и дети...

Бушуют волны, яростен прибой,

Водоворот до дна взбурлил пучину...

Он честен, смел, я рад его спасти;

Судите сами — это невозможно.

Баумгартен

(все еще на коленях)

И мне попасть во вражеские руки,

Когда так близок берег избавленья!

Как на ладони он передо мною,

Мой голос долетает до него,

Вот лодка, чтоб меня перевезти,

Но я молю напрасно о спасенье!

К у о н и

Смотрите, кто идет!

В е р н и

Да это Телль!

Входит Телль с луком-самострелом.

Т е л л ь

Кто он такой? О чем его он молит?

К у о н и

Из Альцельна он. Честь свою спасая,
Он в гневе Вольфеншиссена убил,
Что возглавлял австрийский замок Росберг...
За ним погоня мчится по пятам.
Он молит рыбака о переправе,
Но тот боится в эту бурю плыть.

Р у о д и

Пред вами Телль; веслом и он владеет.
Телль подтвердит: бессмысленно дерзать!

Т е л л ь

Дерзай, когда опасность за плечами!

Сильные удары грома; на озере волнение.

Р у о д и

Мне ринуться туда, в крошечный ад?
Нет, я еще рассудка не лишился.

Т е л л ь

Будь молодцом, не думай о себе.
Спасай его, перед тобой — гонимый!

Р у о д и

Вы мастера учить на берегу.
Вон озеро, вон лодка — сам попробуй!

Т е л л ь

Скорей пучина сжалится — не фохт.
Берись, гребец!

П а с т у х и и о х о т н и к и

Спаси! Спаси! Спаси!

Р у о д и

Будь он мне брат, мое дитя родное —
Я не дерзну в день Симона-Иуды...
Ведь озеро сегодня алчет жертв.

Т е л л ь

Пустую речью делу не помочь.
Поторопись, ждет помощи несчастный...
Что ж, лодочник, поедешь?

Р у о д и

Ни за что!

Т е л л ь

Так с нами бог! Ты лодку мне доверь.
Попробую, коль сил моих достанет.

К у о н и

Ну и храбрец!

В е р н и

Охотника видать!

Б а у м г а р т е н

От смерти вы меня спасете, Телль!

Т е л л ь

Быть может, я спасу вас от ландфохта.
Обоих нас другой спасет в грозе —
И лучше вам отдаться воле божьей,
А не людской.

(Пастуху.)

Земляк, утешь жену,

Когда меня удел земной постигнет.
Я делаю, что мне велит мой долг.

(Прыгает в лодку.)

К у о н и
(рыбаку)

Вы рулевой на славу. Отчего же,
Где Телль посмел, вы не могли решиться?

Р у о д и

Получше есть, и те бы отступили.
У нас в горах другого Телля нет.

В е р н и
(взобравшись на утес)

Отчалил он. Вперед, пловец отважный!..
Смотри, как лодка пляшет по волнам.

К у о н и
(на берегу)

Вот за волной пропал из глаз... А вот
Мелькнул опять... О храбрый, как он мощно,
В грозу, ведет весь в брызгах пены челн!

С е п и

Глядите, скачут конники ландфохта!

К у о н и

И впрямь они! Ну, в пору Телль помог!

Отряд конной стражи имперского наместника Ланденберга.

П е р в ы й р е й т а р

Вы спрятали убийцу. Где он? Живо!

В т о р о й р е й т а р

Он где-то здесь. Не скроете его!

К у о н и и Р у о д и

Кого вам, стражник?

Первый рейтар
(заметив челнок)

Черт возьми, да вот он!

Верни
(сверху)

Не тот ли в челноке, кого вам надо?..
Скачите. Вы настигнете его.

Второй
Проклятие! Он ускользнул.

Первый
(наступу и рыбаку)

Но вы,
Кто помогал, поплатитесь за это...
Угнать их скот! Сжечь хижину дотла!

Скажут прочь.

Сеппи
(бросаясь за ними)

Мои ягнята!

Куони
(следуя за ним)

О, мои стада!

Верни
Вот изверги!

Руди
(ломая руки)

О боже правосудный!..
Моя отчизна, кто тебя спасет?

(Уходит за ними.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

В Штайнене. Кантон Швиц.

Липа перед домом Штауффахера у большой проезжей дороги,
подле моста.

Вернер Штауффахер и Пфайфер из Люцерна входят,
разговаривая.

Пфайфер

Я повторяю, Вернер Штауффахер:
Не присягайте Австрии. Держитесь
Свободного имперского союза.

И вольность Швица да хранит господь!

(С чувством пожимает ему руку и хочет уйти.)

Штауффахер

Останьтесь же. Вот-вот придет хозяйка...
Вы гость мой в Швице, в Люцерне — я ваш.

Пфайфер

Спасибо, друг! Мне уходить пора...
До времени снесите ж терпеливо
Надменность ваших фохтов, жадность их.
Быть может, после Альбрехта другой —
Не Габсбург! — избран будет император.
А с Австрией — вы Габсбургов рабы!

(Уходит.)

Штауффахер в задумчивости садится на скамью под липой.
В этом положении его застаёт жена его Гертруда. Она
останавливается перед ним и некоторое время молча на него
смотрит.

Гертруда

Что мрачен, друг? Не узнаю тебя.
Я день за днем, мой Вернер, наблюдаю,
Как бороздит твой лоб немая скорбь
И гложет сердце тайная забота.
Откройся мне. Как верная жена,
Я разделить твою печаль готова.

Штауффахер молча пожимает ей руку.

Скажи мне, что на сердце у тебя? ..
Благословен твой труд, все процветает,

Полны амбары, а рогатый скот
И сильные, упитанные кони
Приведены благополучно с гор
На долгое покойное зимовье.
Твой дом, смотри, — как замок, он богат;
Он выстроен из мачтового леса,
Красив и прочен, всем на загляденье.
Приветливо сверкают окна в нем;
Он пестрыми гербами изукрашен
И надписями мудрыми, — и все
Дивятся им, читая мимоходом.

Ш т а у ф ф а х е р

Да, правда, выстроен на славу дом,
Но знай... под ним непрочное основанье.

Г е р т р у д а

Скажи, мой Вернер, как тебя понять?

Ш т а у ф ф а х е р

Под этой липой я сидел недавно
И рук своих трудами любовался.
Вот вижу, едет со своим отрядом
Ландфохт наш Геслер. Перед этим домом
Остановился в удивленье он.
Как подобает, я тотчас покорно
Навстречу выступил тому, кто в крае
Блюдет верховный государев суд.
«Чей это дом?» — спросил коварно он;
А сам отлично знал. Я это понял
И отвечал: «Дом этот, ваша милость,
Принадлежит властителю страны
И вам, а мне он в пользование дан». —
«Я императора наместник в крае, —
Сказал он, — и не потерплю, чтоб здесь
Дома крестьянин строил самовольно
И жил свободно, словно господин.
Уж я сумею с вами совладать». —
Сказал — и прочь уехал он надменно,
Меня оставив, полного тревог,
Обдумывать злоеущие угрозы.

Гертруда

Мой милый муж и господин! Услышать
Не хочешь ли жены прямое слово?
Горжусь я тем, что Иберг мой отец, —
Он мудр был, многоопытен. Мы, сестры,
Бывало, ночь за прялкой коротали,
Когда к отцу старейшины народа
Сходились, чтобы грамоты читать
Властителей былых и поразмыслить
О благе родины в беседе мудрой.
С вниманием прислушивалась я
К речам их умным, к добрым пожеланьям
И, как завет, в душе все сберегла.
Ты терпеливо выслушай меня.
Давно я знаю, что тебя гнетет:
Ландфохт нам враг, он сжил бы нас со свету.
Тебя готов он обвинить, что Швиц
Не хочет власти герцогов австрийских,
Но остается верен, как и встарь,
Великому имперскому союзу...
Не так ли, Вернер? Я ведь не ошиблась?

Штауффахер

Конечно, Геслер злобится за это.

Гертруда

Ландфохт тебе завидует, что ты
Свободен, счастлив на своем наследье,
Какого он лишен. Сам император
И государство дали в лен тебе
Дом этот, им гордишься ты по праву,
Как князь имперский землями своими.
Нет над тобой властителя другого —
Лишь высший в целом христианском мире.
А Геслер — самый младший сын в роду,
Плащ рыцаря — вот все, чем он владеет;
И потому на честных поселян
Косится он с язвительною злобой.
Тебя давно он погубить поклялся,

Ты невредим еще, — так неужели.
Ты должен ждать коварного удара?
Кто мудр — умеи предвидеть.

Ш т а у ф ф а х е р

Что ж мне делать?

Г е р т р у д а
(подходя ближе)

Вот мой тебе совет! У нас, ты знаешь,
Давно в народе рошут на насилье
Жестокое и жадного ландфохта.
Не сомневайся ж Вернер, — у соседей,
В кантонах Унтервальдене и в Ури,
Народ устал от тяжкого ярма...
Ведь Ланденберг, как Геслер в нашем Швице,
За озером бесчинствует свирепо...
Любой рыбацкий челн с той стороны
Приходит к нам с вестями о глумленьях
И о злодействах фохтов-чужеземцев.
Я полагаю, было б хорошо
Совет держать вам всем, кто честно мыслит.
Как сбросить этот небывалый гнет.
Убеждена, господь вас не оставит,
Он в правом деле — щит вам и оплот.
Скажи, нет в Ури друга у тебя,
Которому открыть ты мог бы душу?

Ш т а у ф ф а х е р

Крестьян достойных много там я знаю
И видных, уважаемых дворян.
Друг другу мы взаимно доверяем.

(Встает.)

Жена, каких ужасных мыслей вихрь
Ты подняла в груди моей спокойной!
Тайник души открыла свету дня.
И то, о чем и думать не дерзал я,
Без колебанья высказала ты.
Но взвешен ли, как должно, твой совет?

Ты дикие раздоры, звон мечей
Зовешь на эти мирные долины...
Как! Слабое пастушеское племя
Дерзнет на бой с властителем вселенной?
Предлог им только благовидный нужен,
Чтоб двинуть на злосчастную страну
Наемников неистовые орды.
Знай, правом победителя прикрывшись,
Они, под видом справедливой кары,
Покончат с нашей вольностью старинной.

Г е р т р у д а

И вы — мужи! Так действуйте секирой, —
Отважным помогает сам господь!

Ш т а у ф ф а х е р

Жена! Неистов, грозен бич войны,
Он смерть сулит и пастуху и стаду.

Г е р т р у д а

Сносить нам должно то, что бог послал.
В ком честь жива, не вынесет неправды.

Ш т а у ф ф а х е р

Наш новый дом так радует тебя...
Война сожжет его до основанья.

Г е р т р у д а

Есть блага выше дома и двора,
И ради них я сжечь свой кров готова.

Ш т а у ф ф а х е р

Ты веришь в человечность. Но война
Не пощадит младенца в колыбели.

Г е р т р у д а

Невинности защита есть на небе!
Смотри вперед, мой Вернер, не назад!

Штауффахер

Мужи падут, за родину сражаясь,
Но, жены, *вас* какая ждет судьба?

Гертруда

Последний выбор каждому оставлен:
Прыжок с моста меня освободит!

Штауффахер

(бросаясь в ее объятия)

Тот, кто обнять такого друга может,
Тот радостно за свой очаг сразится,
Без страха пред войсками королей...
Иду немедля в Ури, у меня
Есть верный друг там, старый Вальтер Фюрст.
Всегда мы сходных мыслей с ним держались.
Вблизи него живет фон Аттингаузен.
Он, правда, знатный рыцарь, но он верен
Народу и обычаям его.
Я с ними посоветуюсь о том,
Как родины врага нам сокрушить...
Прощай, жена! До моего прихода
Тебе одной заботиться о доме.
Паломника к иконе чудотворной,
Монаха, что на церковь собирает,
Ты приюти и щедро им подай.
Наш дом — что чаша полная. Открыто
Здесь, у большой дороги, он стоит
И каждого радушно принимает.

Меж тем как они удаляются в глубину сцены, входят
Вильгельм Телль и Баумгартен.

Телль

(Баумгартену)

Теперь я вам не нужен, Баумгартен.
Вон дом стоит. Войдите, там живет
Отец всем угнетенным — Штауффахер...
Да вот и сам он!.. Подойдем к нему.

Идут к нему.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Открытое место возле Альторфа.

В глубине сцены, на возвышенности, достраивается крепость. Задняя часть ее окончена, переднюю строят. Высокие леса; по ним вверх и вниз ходят мастеровые. На самом верху, на крыше, сидит кровельщик. Всё в движении, все заняты работой.

Надсмотрщик, мастер-каменотес, подмастерья и подручные.

Надсмотрщик

(палкой понукает рабочих)

Бездельники, живее! Где известка?
Эй, шевелись! Сюда раствор и камень!
К приходу фохта пусть кипит работа.
Ну, что вы так ползете? Эх, улитки!

(Двум чернорабочим с кладью.)

И это ноша? Вдвое надо класть!
Я вижу, плуты вы и лежебоки!

Первый подмастерье

Глумление над нами — заставлять нас
Своей рукой себе темницу строить!

Надсмотрщик

Так вы ворчать? Бессовестный народ!
Коров доить вам только да лениво
Всю жизнь таскаться по своим горам!

Старик

(сядась отдохнуть)

Ох, не могу!

Надсмотрщик

(трясет его за плечи)

Ну, ну, старик, живее!

Первый подмастерье

Души в вас нет! Он чуть таскает ноги.
Зачем его на подневольный труд
Вы гоните?

М а с т е р - к а м е н о т е с и п о д м а с т е р ь е

Нет, это нестерпимо!

Н а д с м о т р щ и к

Не ваше дело! Служба так велит.

В т о р о й п о д м а с т е р ь е

А как, смотритель, крепость назовут,
Которую мы строим?

Н а д с м о т р щ и к

Иго Ури.

Надежно вас согнут таким ярмом.

П о д м а с т е р ь я

Так, Иго Ури!

Н а д с м о т р щ и к

Что же тут смешного?

В т о р о й п о д м а с т е р ь е

Домишком этим нас хотят смирить?

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е

Таких кротовых куч насыпать много
Одну поверх другой придется вам —
И то у нас гора любая выше!

Надсмотрщик уходит в глубину сцены.

М а с т е р - к а м е н о т е с

Вглубь озера я молоток закину,
Который мне служил в проклятом зданье.

Входят Телль и Штауффахер.

Ш т а у ф ф а х е р

Вот дожил я, глаза бы не видали!

Т е л л ь

Да, тяжело. Пойдемте дальше, Вернер.

Ш т а у ф ф а х е р

И это — *Ури!* Это — край свободы!

М а с т е р - к а м е н о т е с

О, если бы вам показать подвалы
Под башнями! Кого туда посадят,
Тот не услышит крика петуха.

Ш т а у ф ф а х е р

О боже!

К а м е н о т е с

А своды в этом замке, а подпоры —
Их строили, как видно, на века!

Т е л л ь

Созданье рук всегда разрушат руки.
(*Указывая на горы.*)

Твердыни гор — вот вольности оплот!

Слышен барабан. Входят люди со шляпой на шесте; за
ними следует глашатай. Женщины и дети толпой
вливаются на сцену.

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е

Бьет барабан! Прислушайтесь!

М а с т е р - к а м е н о т е с

Потеха!

Как в карнавал!.. А шляпа-то зачем?

Г л а ш а т а й

Во имя императора!

П о д м а с т е р ь е

Эй!.. Тихе!

Г л а ш а т а й

Народ кантона Ури! Эту шляпу
На шест высокий в Альторфе наденут
И выставят на видном месте там.

И вот ландфохта Геслера приказ:
Пусть шляпе та же воздается почесть,
Что и ему. Пусть каждый перед нею,
Смирясь, без шапки станет на колени,
Чтоб император знал ему покорных.
Лишится тот имения и свободы,
Кто вздумает приказом пренебречь.

Народ громко смеется. Бьют в барабан, и толпа расходится.

Первый подмастерье
Еще одна ландфохтова затея!
Фохт поклоняться шляпе нам велит.
Да было ль что подобное на свете?

Мастер-каменотес
Так нам велят колени гнуть пред шляпой?
Что за игра с почтенными людьми?!

Первый подмастерье
Куда ни шло — имперская корона!
А то ведь шляпа герцогов австрийских, —
В палате ленной видел я ее.

Мастер-каменотес
Австрийская она! Смотрите в оба!
Ловушка тут, чтоб Австрии предать нас.

Подмастерья
В ком честь жива, не стерпит поруганья!

Мастер-каменотес
Пойдем, с другими надо столкнуться.

Уходят в глубину сцены.

Телль
(Штауффбахеру)
Я думаю, довольно с вас. Прощайте!

Штауффбахер
Куда вы, Телль? Зачем вы так спешите?

Т е л л ь

Прощайте! Мне давно пора домой.

Ш т а у ф ф а х е р

Поговорим. На сердце тяжело.

Т е л л ь

Да что слова! От них не станет легче.

Ш т а у ф ф а х е р

Но к подвигам пускай ведут слова.

Т е л л ь

Терпеть, молчать — весь подвиг ныне в этом.

Ш т а у ф ф а х е р

Но должно ль то сносить, что нестерпимо?

Т е л л ь

Крутой правитель властвует недолго.

Когда внезапно забушует вихрь,

То гасятся огни, а корабли

Бегут укрыться в гавань, и стихия

Проносится бесследно, без вреда.

Пусть каждый дома, в тишине живет.

Кто любит мир, того оставят в мире.

Ш т а у ф ф а х е р

Вы думаете?

Т е л л ь

Да, змеи не троньте —

И не ужалит. Утомятся сами,

Увидя наших стран невозмутимость.

Ш т а у ф ф а х е р

Мы многого добьемся сообща.

Т е л л ь

В крушение легче выплыть одному.

Ш т а у ф ф а х е р

Вам дела нет до общей всем беды?

Т е л л ь

Лишь на себя могу я положиться.

Ш т а у ф ф а х е р

Сплотившись, даже слабые могучи.

Т е л л ь

Тот, кто силен, всего сильнее *один*.

Ш т а у ф ф а х е р

Что ж, родине на вас надежды нет,
Когда придет нужда в самозащите?

Т е л л ь

(подает ему руку)

Телль выручит из пропасти ягненка, —
Так разве он друзей в беде покинет?
Но вы не ждите от меня совета:
Я не умею помогать словами.
А делом захотите вы ответа,
Зовите Телля — он пойдет за вами.

Расходятся в разные стороны. Внезапно к лесам сбегается
на род.

М а с т е р - к а м е н о т е с

(вбегает)

Эй, что там?

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е

(вбегает с криком)

Наш кровельщик сейчас свалился с крыши.

Б е р т а со свитой.

Б е р т а

(бросается к месту происшествия)

Разбился он? Бежать, спасти, помочь —
Вот золото, спасите, если можно...

(Бросает народу свои драгоценности.)

М а с т е р

Прочь золото, — еще не все продажно!
Отняв отца у кучи ребятишек,
Навек жену и мужа разлучив
Иль на народ обрушивши беду,
Все думаете золотом поправить?
Ступайте прочь! Без вас мы знали радость,
А с вами до отчаянья дошли.

Б е р т а

(подошедшему к ней смотрителю)

Он жив?

Смотритель знаками показывает, что нет.

Злосчастный замок, ты построен
С проклятьями, и ты навеки проклят!

(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дом Вальтера Фюрста.

Вальтер Фюрст и Арнольд Мельхталь одновременно входят с разных сторон.

М е л ь х т а л ь

А, Вальтер Фюрст...

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нас тут застигнуть могут.
Ни шагу дальше! Тут кругом шпионы.

М е л ь х т а л ь

Все нет из Унтервальдена вестей?
Что мой отец? Не в силах дольше я
Здесь вынужденной праздностью томиться.
Чем провинился я, скажите, Фюрст,

Что, как убийце, надо мне скрываться?
Я негодюю палец перебил:
Ведь по приказу фохта Ланденберга
Он на моих глазах хотел угнать
У нас волов отличнейшую пару.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Вы горячи. Простой слуга ландфохта,
Он от него был послан с порученьем.
Вы провинились, и вам надо было,
Хоть кара и тяжка, ее стерпеть.

М е л ь х т а л ь

И наглецу простить его глумленье?
Ведь он сказал: «И без волов крестьянин,
Запрягшись в плуг, сумеет хлеб добыть!»
Нет, сердце из груди моей рвалось,
Когда волов прекрасных выпряг он.
Мыча, они рогами упирались,
Как будто чувствуя весь этот стыд.
И я, охвачен справедливым гневом,
Чтоб неповадно было,— проучил!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Мы, старики, едва смиряем сердце,
Где ж юношам обуздывать себя?

М е л ь х т а л ь

Лишь об отце тревожусь я... Опора
Ему нужна, а сын его далеко.
Фохт ненавидит старика: отец
Стоит горой за право и свободу.
Теперь они начнут его теснить,
И некому за старика вступиться...
Нет, будь что будет, я пойду к нему.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Да потерпите, Мельхталь! Подождать
Вестей из Унтервальдена вам надо...
Никак стучат?.. Не посланный ли это

От нашего наместника? Легко
Вас Ланденберг и здесь настигнуть может:
Один тиран другому помогает.

Мельхталь

Они пример *народу* подают.

Вальтер Фюрст

Ступайте! Я вас после позову.

Мельхталь уходит.

Бедняга! Я открыть ему не смею
Моих предчувствий смутных... Кто стучится?..
Чуть скрипнет дверь, уже я жду несчастья.
Предательство, коварство притаились
По всем углам. Подручные ландфохтов
Врываются в дома. Придется нам
Засовы и замки к дверям приделать.

(Отворяет дверь и в изумленье отступает, увидя входящего Штауффахера)

Кого я вижу? Вернер Штауффахер!
Гость дорогой!.. Под кровлею моей
Почтенней вас я никого не помню.
Мой друг, добро пожаловать ко мне!
Зачем вы к нам? Что ищете здесь, в Ури?

Штауффахер
(подает ему руку)

Былое время, родину былую!

Вальтер Фюрст

Вы их с собой приносите... Как только
Увижу вас — на сердце легче станет.
Садитесь, Вернер. Как здоровье вашей
Супруги, рассудительной Гертруды,
Вполне достойной мудрого отца?
Паломники, что из земли немецкой
В Италию бредут дорогой горной,
Гостеприимный дом ваш очень хвалят...

Скажите, в нашем крае ничего
Особенного вы не замечали,
Пред тем как мой порог переступить?

Ш т а у ф ф а х е р
(сидится)

Да, здание тут странное возводят,
И вид его не радует меня.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Чуть бросишь взгляд — все сразу ясно станет!

Ш т а у ф ф а х е р

Подобных зданий в Ури не бывало —
Темниц у вас не знали никогда.
Могила лишь была для всех темницей.

В а л ь т е р Ф ю р с т

И эта крепость — вольности могила!

Ш т а у ф ф а х е р

Да, Вальтер Фюрст, скажу вам без утайки:
Я к вам пришел не с праздным любопытством;
Меня гнетут заботы... Я оставил
Гнет позади — и гнет я вижу здесь.
Страдания наши стали нестерпимы,
Но притеснениям не видать конца.
Издравле был свободен наш народ,
С насилием он свыкнуться не может.
Таких порядков край наш не знал
С тех пор, как в нем пастух пасет стада.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Да, беспримерно их самоуправство!
И даже родовитый Аттинггаузен, —
Он помнит стародавние года, —
Сам говорит, что бремя нестерпимо.

Ш т а у ф ф а х е р

А в Унтервальдене тяжелый гнет
Кровавого дождался воздаянья...

Там Вольфеншиссен, в Росберге сидел он,
Хотел вкусить запретного плода:
Он дерзко Баумгартена жену
Задумал обесчестить, но хозяин
Хватил его что силы топором.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Так, божий суд был справедлив над ним!..
Всегда был сдержан Конрад Баумгартен.
Скажите, удалось ему спастись?

Ш т а у ф ф а х е р

Ваш зять его от стражи фохта спас,
А спрятался он под мою кровлей...
Он рассказал еще ужасней случай,
Что в Сарнене произошел недавно.
Ах, ваше сердце кровью обольется!

В а л ь т е р Ф ю р с т
(насторожась)

Что ж там случилось?

Ш т а у ф ф а х е р

Там, в селенье *Мельхтал*,
Неподалеку от деревни *Кернс*,
Живет правдивый старец *Генрих Гальден*.
Его советом дорожит округа.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Он всем знаком. Ну, что с ним? Говорите.

Ш т а у ф ф а х е р

Так за проступок сына маловажный
Фохт Ланденбергер выпрячь приказал
У них волов прекраснейшую пару;
А юноша, слугу ударив, скрылся.

В а л ь т е р Ф ю р с т
(с величайшим нетерпением)

Но что ж старик?.. Скажите, что с ним стало?

Ш т а у ф ф а х е р

Он Ланденбергом вызван был, и фохт
Велел ему тотчас же выдать сына.
Старик поклялся, не кривя душой,
Что ничего о беглеце не знает.
А тот послал тогда за палачами...

В а л ь т е р Ф ю р с т

(вскакивает и хочет увести его в другую сторону)

Ни слова, тише!

Ш т а у ф ф а х е р

(с возрастающей силой)

«Сын твой ускользнул,
Так я ж тебя!» — И кликнул палачей;
И старику они глаза пронзили...

В а л ь т е р Ф ю р с т

О боже милосердный!

М е л ь х т а л ь

(вбегая)

Как — глаза?

Ш т а у ф ф а х е р

(с удивлением, Вальтеру Фюрсту)

Кто это, кто?

М е л ь х т а л ь

(судорожно хватая его)

Глаза? Да отвечайте ж!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Несчастный!

Ш т а у ф ф а х е р

Да, но кто же он такой?..

Вальтер Фюрст делает ему знака.

Так это сын? О праведное небо!

Мельхталь

А я был далеко!.. Так оба глаза?

Вальтер Фюрст

Крепитесь же! Беду, как муж, снесите!

Мельхталь

И за мою вину! За мой проступок!
Слепой? Он вправду слеп? Впрямь ослеплен?

Штауффмахер

Я все сказал. Иссяк источник зренья,
Он солнца не увидит никогда.

Вальтер Фюрст

Щадите скорбь его!

Мельхталь

Так... Никогда!

*(Закрывает лицо руками и некоторое время молчит;
затем, обращаясь то к одному, то к другому, говорит
прерывающимся от слез голосом.)*

О свет очей, бесценный дар небес!..
Тобою все создания живут...
И каждое счастливое творенье,
Былинка даже, тянется за светом.
А он сидит, все чувствуя, в ночи,
Он вечной тьме отныне обречен...
Его не усладит ни зелень луга,
Ни пламя зорь вверху, на ледниках...
Смерть не страшна... *но жить, не видя солнца,—*
Вот где беда... Зачем вы на меня
Так смотрите? Ах, у меня два глаза,
Но и один я дать отцу бессилён
Иль даже слабый луч от моря света,
Что мне в глаза, слепя, сверкая, льется.

Штауффмахер

Не исцелить — умножить ваше горе
Придется мне... Нужда его безмерна:

Жестокий фохт все отнял у него.
Один лишь посох он ему оставил,
Чтоб наг и слеп под окнами скитался.

М е л ь х т а л ь

Слепому старику один лишь посох!
Все отнято, и даже солнца луч,
Хоть солнце светит бедным и богатым...
Никто теперь меня здесь не удержит!
Презренный трус — тогда я только думал
Лишь о себе, а про тебя, отец,
Я позабыл. Ах, голову родную
Оставил я у изверга в залог!
Прочь, осторожность робкая... Отныне
О мщении кровавом буду думать.
Пойду... Никто меня здесь не удержит...
Пусть мне ландфохт вернет глаза отца!..
Я отыщу его средь грозной стражи...
Мне жизнь не в жизнь, пока я не смогу
Чудовищное, жгучее страданье
В крови злодея остудить!

(Порывается уйти.)

В а л ь т е р Ф ю р с т

Постойте!

Ну чем же вы ему опасны, Мельхталь?
Он в замке Сарнен, средь отвесных скал,
Лишь поглумится над бессильным гневом.

М е л ь х т а л ь

Живи он в ледяном дворце Шрекгорна
Иль выше, там, где Юнгфрау сидит —
Под снежною фатою дева гор,
Я проложил бы путь к нему. Лишь двадцать
Таких, как я, и мы разрушим крепость.
Но если я останусь одинок,
Вы ж, за стада, за хижины страшась,
Под игом лютым склонитесь покорно,
Тогда в горах я кликну пастухов,
И под лазурным вольным небосводом,

Где чисты сердцем, мужественны духом,
Я расскажу о мерзком злодеянье.

Ш т а у ф ф а х е р
(Вальтеру Фюрсту)

Вот до чего дошло! Так ожидать ли,
Пока до крайности...

М е л ь х т а л ь

Какой еще
Бояться крайности, когда самой
Зенице ока гибель угрожает?..
Мы — беззащитны? Для чего ж тогда
Нас тетиву натягивать учили
И тяжкою секирою владеть?
Про час беды орудие защиты
Созданьям всем дано. Олень на травле
Грозит собакам мощными рогами,
Охотника свергает в бездну серна,
И даже вол, работник безответный,
Который силу страшную свою
Покорно под ярмом смиряет тяжким,
Рассвирепев, могучий точит рог
И недруга под облака кидает.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Будь три страны, — как мы втроем, — в согласье,
Мы многое свершили бы тогда.

Ш т а у ф ф а х е р

Пусть Ури кликнет клич — ему на помощь
И Швиц и Унтервальден поспешат.

М е л ь х т а л ь

Немало в Унтервальдене родных
Есть у меня, любой из них пойдет,
Когда в другом почувствует опору...
О мудрые старейшины народа!
Вы видите, я — юноша меж вами,
Мужами многоопытными. Скромно

На сходках общины пока молчу.
Пусть молод я и мало испытал,
Совета моего не презирайте.
Не жажда крови говорит во мне,
Но сила горя лютого — такая,
Что у скалы она исторгнет слезы!
И вы, отцы, и вы, главы семейств,
Достойного себе хотите сына,
Который бы седины ваши чтил
И вас берег бы как зеницу ока.
О, если целы дом ваш и добро
И вас не изувечили — глаза
Еще бодры, и ясны, и подвижны, —
То все же наших не чуждайтесь бед!
Ведь и над вами меч повис тирана,
И вы — враги австрийского господства,
Другой вины старик отец не знал.
Так ждите же за соучастье кары.

Ш т а у ф ф а х е р
(Вальтеру Фюрсту)

Решайтесь! Я последую за вами.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Послушаем, что скажут нам дворяне —
Бароны Силенен и Аттингаузен.
Их имена к нам привлекут друзей.

М е л ь х т а л ь

Чьи ж имена у нас в горах почтенней,
Чем ваше, Фюрст, и ваше, Штауффбахер?
В такие имена народ наш верит,
И доброй славой он венчает их.
Вы доблестей, завещанных от предков,
Умножили богатое наследье.
Что нам дворяне? Справимся без них!
Будь мы одни в стране, давно б сумели
И без дворян найти себе защиту.

Ш т а у ф ф а х е р

Дворянам наши беды незнакомы:
Поток, теперь бушующий внизу,
Вздуваясь, будет подниматься выше.
И нам они, я думаю, помогут,
Когда за меч возьмется вся страна.

В а л ь т е р Ф ю р с т

О, если б между Австрией и нами
Посредник сильный, справедливый был!
Но нас гнетет и судит император —
Наследственный австрийский государь.
Бог да поможет нам в *самозащите!*
Вербуйте в Швице, я вербую в Ури.
Но вот кого б отправить в Унтервальден?

М е л ь х т а л ь

Меня... мне это дело ближе всех.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Я не согласен. Вас я не пущу:
За безопасность гостя я в ответе!

М е л ь х т а л ь

Все тайные тропинки, все дороги
В горах я знаю... А мои друзья
И приютят и от врага укроют.

Ш т а у ф ф а х е р

Пусть с богом он идет в свой Унтервальден!
Предать его там некому... Тираны
Послушных слуг себе там не находят,
И Баумгартен следом пусть идет, —
Вдвоем они весь этот край поднимут.

М е л ь х т а л ь

Но как затем подать друг другу весть,
Что бдительность усыплена тиранов?

Ш т а у ф ф а х е р

Собраться можно в Бруннене иль в Трейбе,
Где пристают с товарами суда.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нет, так открыто действовать нельзя...
Послушайте: от озера налево,
Как ехать в Бруннен, против Митенштейна,
Есть в чаще леса светлая поляна,
Что издавна в горах зовется Рютли.
Там некогда был выкорчеван лес.
На этом месте сходятся границы
(Мельхталю)

Моей и вашей стран. Недолог путь
(Штауффахеру)

Туда из Швица в легком челноке.
Ночной порой пустынными тропами
Сойдемся мы туда на наш совет.
И пусть по десяти мужей надежных,
Единодушных каждый приведет.
Там наши беды вместе мы обсудим,
Что делать, с божьей помощью решим.

Ш т а у ф ф а х е р

Да будет так, друзья. Теперь подайте
Мне ваши руки честные. Как мы,
Три мужа, тут сплотились непритворно,
Так да сплотятся крепко воедино —
И для отпора и для обороны,
На жизнь и смерть! — и наши *три страны*.

В а л ь т е р Ф ю р с т и М е л ь х т а л ь

На жизнь и смерть!

Все трое, подав друг другу руки, некоторое время молчат.

М е л ь х т а л ь

Слепой старик отец!
Ты не увидишь дня освобожденья,

Но ты его *услышишь!* Выси гор
Сигнальными огнями запылают;
Падут тиранов дерзкие твердыни,
И к хижине твоей, страны святыне,
Из городов придут и деревень,
И в тьме очей займетя яркий день.

Расходятся.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Замок барона Аттингаузена.

Готический зал, украшенный гербовыми щитами и шлемами. Барон, старик восьмидесяти пяти лет, высокого роста и благородной осанки, одетый в меховой камзол, стоит, опираясь на посох с рогом серны вместо набалдашника. К у о н и и шесть работников, с граблями и косами, окружили его. Ульрих фон Руденц входит в рыцарской одежде.

Руденц

Вы звали, дядя... Что же вам угодно?

Аттингаузен

По древнему обычаю, сперва
С работниками чашу разопьем.

(Пьет из кубка и передает его вкруговую.)

Бывало, с ними я в лесу и в поле
И взглядом их усердье поощрял
Иль в битву вел под стягом боевым;
А нынче я в дворецкие лишь годеи,
И если солнце в замок не заглянет,
То мне за ним невмочь подняться в горы.
И все тесней, теснее жизни круг,
Все ближе самый тесный круг, последний,
Где жизнь замрет навек... Сейчас я — тень,
Недолго ждать — останется лишь имя.

К у о н и
(передавая Руденцу кубок)

Желаю здравствовать!

(Видя, что Руденц колеблется, брать ему кубок или нет,
продолжает.)

И пусть у нас
Одно вино — одно и сердце будет.

А т т и н г а у з е н

Ступайте, дети... На заре вечерней
Дела родного края мы обсудим.

Работники уходят.

А т т и н г а у з е н и Р у д е н ц .

А т т и н г а у з е н

Я вижу, ты в дорогу снаряжился.
Ты в замок Альторф снова едешь, Руденц?

Р у д е н ц

И дольше медлить, право, не могу...

А т т и н г а у з е н
(садясь)

Но так ли это к спеху? Неужели
Так скупю юности отмерен срок,
Что не найдешь для старика минуты?

Р у д е н ц

К чему? Я вам давно не нужен, дядя.
Я в этом доме как чужой живу.

А т т и н г а у з е н
(пристально смотрит на него)

И жаль, что это правда. К сожаленью,
Чужбиной стала родина тебе...
О, я тебя не узнаю, мой Ульрих!
В шелку блистаешь, горд пером павлиньим,
Австрийский плащ пурпурный на плече...

И смотришь на крестьянина с презрением —
Не мил тебе его привет радушный.

Руденц

Почет ему охотно воздаю,
Но прав своих ему не уступаю.

Аттинггаузен

У Габсбурга в опале вся страна...
Сердца всех честных граждан скорби полны
От тирании... Одного тебя
Не трогает всеобщая печаль...
Отступником тебя считают, ты
На сторону врага страны предался,
Глумишься над народною бедой.
За легкими утехами в погоне,
Благоволенья Габсбургов ты ищешь,
А лютый бич отечество терзает.

Руденц

Страна угнетена... Но почему же?
Кто вверг ее в подобную беду?
Ведь только слово стоит произнести —
И гнета тяжкого как не бывало
И милостив к нам снова император.
О, горе тем, кто ослепил народ,
Чтоб он не видел истинного блага!
Да, все они из выгоды своей
Противятся, чтоб три лесных кантона,
Как прочие, австрийцам присягнули.
Ведь им приятно на скамьях господских
С дворянами сидеть. А император
Как *призрачная* власть желанен им.

Аттинггаузен

И *это*, Ульрих, от тебя я слышу?

Руденц

Вы бросили мне вызов — дайте кончить!..
Какую вы себе избрали роль?
Неужто гордости хватает только —

Старейшиной, владетельным бароном
Здесь править с пастухами наравне?
Да разве дворянину не почетней
На верность Габсбургам присягу дать
И в лагерь их блестящий перейти?
Ну что за честь быть со слугою равным
И с селянином заседать в суде?

А т т и н г а у з е н

Ах, Ульрих! Голос узнаю соблазна.
Твой жадный слух легко он обольстил
И сердце напоил отравой сладкой.

Р у д е н ц

Я не скрываю — глубоко в душе
Отозвались насмешки чужеземцев,
Мужицкой знатью обозвавших нас...
Мне тяжело, что сверстники мои
Уже на поле брани отличились,
Избрав знамена Габсбургов, а я
В досуге или в низменных заботах
Лишь попустому время убиваю...
Там подвиги свершаются, туда
Меня зовет блистательный мир славы,
А здесь — мои проржавели доспехи.
Ни звук задорный боевой трубы,
Ни зов герольда на турнир блестящий
В долины эти к нам не проникают.
Я слышу здесь одни пастушьи песни
Да колокольчиков унылый звон.

А т т и н г а у з е н

Как ослепил тебя мишурный блеск!..
Что ж, презирай отчизну! И стыдись
Обычаев ее, священных, древних!
Твой час придет, и ты к родным горам
Стремиться будешь с горькими слезами.
А тот простой пастушеский напев,
Которым ты пренебрегаешь гордо,
Заставит сердце изойти тоской,
Когда его в чужой земле услышишь.

О, как могуча к родине любовь!
Не для тебя тот мир, чужой и лживый.
При гордом императорском дворе
Жить нелегко с душой прямой, открытой.
Там доблести нужны совсем другие,
Не те, что ты здесь приобрел в горах...
Ступай же и продай свою свободу,
Лен получи, стань герцогским рабом,
Когда себе сам господин и князь
Ты на земле наследственной, свободной.
Но нет, останься, Ули, со своими!
Не ездь в Альторф... О, не покидай
Святого дела родины своей!
Ты знаешь, я в моем роду последний,—
Мое угаснет имя, и в могилу
Положите вы мне мой щит и шлем.
Так неужели при последнем вздохе
Я думать должен, что, закрыв глаза мне,
Ты к чужеземцам явишься и там
Свободные, дарованные богом
Владения как лен австрийский примешь?

Р у д е н ц

Мы Габсбургу противимся напрасно:
Ему весь мир подвластен. Неужели
Одни, с упорством нашим закоснелым,
Мы цепь земель сумеем разорвать,
Которой он, могучий, окружил нас?
Его здесь рынки и суды, *его*
Торговые пути,— с коня под вьюком
И то на Сен-Готарде платят сбор.
Владеньями *его* мы, будто сетью,
Окружены, опутаны повсюду...
Защита ли империя для нас?
Вы думаете, Австрия слабей?
Бог — наш оплот, не император. Верить
Возможно ль императору, когда,
В деньгах нуждаясь, чтоб вести войну,
Он города стал отдавать в залог,
Что добровольно стали под защиту
Имперского орла?.. Нет, мудрость нам

Велит во времена тяжелых смут
Найти себе могучего владыку.
Имперская корона переходит
По выборам, и памяти у ней
О службе верной нет. Зато услуги
Наследственному дому — сев надежный.

А т т и н г а у з е н

Так, значит, ты куда умней отцов,
Свободы самоцвет неоценимый
Добывших кровью, доблестью героической?..
Ты в *Люцерн* съезди, там спроси народ,
Как этот край австрийцы угнетают!
Что ж, и у нас они овец, коров
Пересчитают, пастбища обмерят,
В лесах свободных запретят охоту
На зверя красного и на пернатых,
Заставами нам преградят мосты.
Нас разорив, помещий нахватают
И нашей кровью будут побеждать...
Нет, если кровь свою придется лить,
То лучше *за себя*: свобода нам
Куда дешевле рабства обойдется.

Р у д е н ц

Мощь Альбрехта не сломят пастухи!

А т т и н г а у з е н

Сперва узнай, какие пастухи!
Я знаю их, я вел их на врага.
Я вместе с ними дрался под Фаэнцой.
Пусть нам посмеют иго навязать,
Когда его нести мы не хотим!..
Будь горд сознаньем, чей ты соплеменник!
Не променяй на жалкий блеск пустой
Ты неподдельный жемчуг высшей чести —
Стать во главе *свободного* народа!
Он за тобой, как твой соратник верный,
В час испытаний в смертный бой пойдет...
Вот чем гордись, знай: в *этом* благородство.
Скрепляй природой созданные узы,

Всем сердцем к родине своей прильни,
В любви к ней будь и тверд и постоянен.
Здесь мощный корень сил твоих таится,
А на чужбине будешь одинок —
Сухой тростник, что свежий ветер сломит.
Давно тебя мы дома не видали,
Один лишь день ты с нами проведи,
Сегодня лишь не ездь в Альторф, Ули.
Сегодня, слышишь? Этот день — для близких!

(Хватает его руку.)

Руденц.

Я слово дал... Я связан... Не могу.

Аттинггаузен
(оставляя его руку, строго)

Ты связан... Да, злосчастный, это верно.
Ты связан, но не словом и не клятвой,
А узами любви... Мне все известно.

Руденц отворачивается.

Я вижу, ты смущен, ты отвернулся.
Ты Бертою фон Брунек увлечен,
Она тебя к австрийской службе манит.
Невесту хочешь ты добыть ценой
Измены родине... Не прогадай!
Они тебя невестой приманили;
Не будь так прост, она не для тебя.

Руденц

Прощайте! Хватит этих наставлений!

(Уходит.)

Аттинггаузен

Да погоди, безумец!.. Нет, ушел!
И я не в силах удержать, спасти...
Так Вольфеншиссен некогда отпал
От родины... Так отпадут другие.
Манят за наши горы молодежь
Чужой страны могучие соблазны...
О злополучный час, когда чужое

Проникло в безмятежные долины,
Чтоб нравы тут невинные растлить!..
К нам новое врывается насильно,
А старое, достойное, уходит.
И времена и люди уж не те!
Зачем я здесь? Давно погребены
Все, с кем я вместе действовал и жил.
Мой век ушел в могилу. Счастлив тот,
Кто жить не будет с *новым* поколеньем!

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Луг, окруженный высокими скалами и лесом.

Со скал ведут тропинки с высеченными в них ступенями и с перилами. Немного спустя по этим тропинкам начнут сходить вниз поселяне. В глубине сцены озеро, над ним некоторое время видна лунная радуга. Вдали — высокие горы, из-за которых поднимаются еще более высокие снежные вершины. Глубокая ночь. Только озеро и белые ледники блестят, освещенные луной.

Мельхталь, Баумгартен, Винкельрид, Майер Сарнен, Буркгарт Бюгель, Арнольд Сева, Клаус Флюе и еще четверо поселян. Все вооружены.

Мельхталь
(еще за сценой)

Вот горная тропа. Вперед, *за мной!*
А вон скала с распятым на вершине.
У цели мы. Поляна эта — Рютли.

Входят с факелами.

Винкельрид
Прислушайтесь!

Сева
Все пусто.

Майер

Ни души!
Наш Унтервальден всех опередил.

Мельхталь

Который час?

Баумгартен

Поблизости, в деревне,
Дал сторож криком знать, что два часа.

Издалека доносится звон.

Майер

Вы слышите?

Бюгель

В лесной часовне в Швице
К молитве ранней колокол зовет.

Флюе

Да, воздух чист, и звон далеко слышен.

Мельхталь

Пусть кто-нибудь скорей зажжет костер,
Чтоб он пылал, когда друзья сойдутся.

Двое крестьян уходят.

Сева

Как хороша ночь лунная! Сегодня
Гладь озера как зеркало, спокойна.

Бюгель

Им плыть нетрудно будет.

Винкельрид

(протянув руку в сторону озера)

Посмотрите!

Не видите? Вон там!

Майер

Да что ж такое?..
Ах, вижу, вижу! Радуга среди ночи!

Мельхталь

Она луной, должно быть, рождена.

Флюе

Вот редкое и чудное явление!
Не всякому дано его увидеть.

Сева

Над ней другая, только побледнее.

Баумгартен

Вон лодка показалась вдалеке.

Мельхталь

Плывет в ней Штауффахер с земляками.
Швиц долго ждать себя не заставляет.

(Идет с Баумгартеном к берегу.)

Майер

Да вот из Ури никого не видно.

Бюгель

Им обходить далеко через горы,
Чтобы посты ландфохта обмануть.

Тем временем двое крестьян развели посреди поляны огонь.

Мельхталь

(с берега)

Эй, кто там? Отвечай!

Штауффахер

(снизу)

Друзья страны!

Все идут в глубину сцены навстречу прибывшим. Из лодки выходят Штауффахер, Итель Рединг, Ганс Мауер, Иорг Гоф, Конрад Гунн, Ульрих Шмид, Иост Вайлер и еще трое крестьян. Все вооружены.

Все

(громко)

Привет! Привет!

В то время как все остаются в глубине сцены, приветствуя друг друга, Мельхталь и Штауффахер выходят вперед.

М е л ь х т а л ь

Я видел, Штауффахер,
Того, кто уж не смог *меня* увидеть;
Его глазниц коснулся я рукой
И чувство жгучей мести почерпнул
В потухших солнца старческого взгляда.

Ш т а у ф ф а х е р

Ни слова мне о мести! Мы не мстить,
Но злу должны достойный дать отпор.
Вы были в Унтервальдене. Что там
Предпринято для общего нам дела?
Какие мысли у крестьян? Легко ль вам
Сетей измены удалось избежать?

М е л ь х т а л ь

Через вершины грозные Суренна,
По ледяным полям, бескрайным, голым,
Где раздается хриплый крик орла,
Я к пастбищу альпийскому спустился,—
Там пастухи из двух соседних общин
Пасут свои стада, перекликаясь.
Я жажду утолял тем молоком,
Что, пенясь, льется из-под ледников.
Я в хижинах пастушеских пустых
Был сам себе хозяином и гостем,
Пока людских селений не достиг...
В долинах всем уже известно стало
О новом небывалом злодеянье,
И стоило мне только постучаться,
Меня с почетом всюду принимали.
Возмущены простые люди эти
Все новыми бесчинствами ландфохтов.
Как на лугах альпийских год за годом
Растут все те же травы, как потоки
По старым руслам движутся в том крае,
Как в небе облака и даже ветры
Извечным следуют путям, так точно
Обычай старинные от деда
Без измененья к внуку переходят,—

Там пастухи враждебны новизне,
Грозящей их привычной, ровной жизни...
Они мне руку крепко пожимали,
Со стен срывали ржавые мечи,
И в их глазах сверкал огонь отваги,
Когда я Штауффахера и Фюрста
Назвал всем дорогие имена...
Они клялись быть с вами заодно,
На смерть они клялись пойти за вами...
Так я, храним священным правом гостя,
Спешил от одного двора к другому
И, наконец, родимый край увидел,
Где у меня немало есть своих...
Нашел слепого старика отца.
Он на чужой соломе спал, а жил
Тем, что дадут из милости...

Ш т а у ф ф а х е р

О боже!

М е л ь х т а л ь

Но я не плакал, нет! В слезах бессильных
Скорбь жгучую не стал я изливать.
Я заключил ее, как драгоценность,
В своей душе и думал лишь о деле.
Я побывал во всех ущельях гор,
Я обошел укромные долины,
И даже у подошвы ледников
Я хижины жилые находил.
И всюду, где пришлось мне побывать,
Везде встречал я ненависть к тиранам.
Ведь даже там, у крайнего предела
Живой природы, где уже земля
Перестает родить, ландфохты грабят...
Я возбудил сердца всех честных граждан
Горячей речью, жалом слов моих,
И наш теперь народ душой и телом.

Ш т а у ф ф а х е р

В короткий срок вы многого добились.

М е л ь х т а л ь

Я сделал больше. Наших поселян
Страшат два замка: Росбергский и Сарнен.
За их стенами каменными враг
Скрывается, вредя стране оттуда.
Мне вздумалось разведку предпринять, —
И в Сарнен я проник и видел замок.

Ш т а у ф ф а х е р

Дерзнули вы войти в пещеру тигра?

М е л ь х т а л ь

В одежде пилигрима я прошел
И видел Ланденберга за пирушкой...
Судите же, как я собой владею:
Я увидал врага — и не убил.

Ш т а у ф ф а х е р

Отважны вы, да вам и повезло.

Тем временем остальные крестьяне выходят вперед, приближаясь к обоим.

Теперь скажите мне, кто те друзья,
Которые явились вместе с вами?
Вы познакомьте нас, и мы откроем
Доверчиво свои сердца друг другу.

М а й е р

В любой из трех земель кто вас не знает?
Я — Майер, житель Сарнена. Вот этот —
Племянник мой из Винкельрида, Струт.

Ш т а у ф ф а х е р

Всё имена известные в горах.
Один из Винкельридов победил
Дракона в Вайлерском болоте; сам
В той схватке пал он.

В и н к е л ь р и д

То был предок мой.

М е л ь х т а л ь

(указывая на двух крестьян)

Те двое — монастырские крестьяне.
Я знаю, вы от них не отвернетесь,
Хоть это крепостные, не как мы,
Свободные на собственном наследье.
Народ хороший, преданный отчизне.

Ш т а у ф ф а х е р

(обоим)

Подайте ваши руки. Счастлив тот,
Кто никому у нас не подневолен.
Но честность красит звание любое.

К о н р а д Г у н н

Вот это Рединг, бывший старшина.

М а й е р

Я с ним знаком. Да, это недруг мой
По старой тяжбе об одном участке.
Мы с Редингом враги перед судом,
Но здесь друзья.

(Жмет ему руку.)

Ш т а у ф ф а х е р

Вот сказано умно!

В и н к е л ь р и д

Идут, идут! Вы слышите рог Ури?

Справа и слева появляются на скалах вооруженные
люди с факелами и спускаются вниз.

М а у е р

Смотрите!.. Как! Служитель алтаря,
Священник с ними вместе? Невзирая
На тяготы пути и мрак ночной,
Он, верный пастырь, их сопровождает!

Баумгартен

С ним Вальтер Фюрст и клирик Петерман.
Но что-то я среди них не вижу Телля.

Вальтер Фюрст, священник Рёссельман, псаломщик Петерман, пастух Куони, охотник Верни, рыбак Руоди и еще пятеро других поселян. Все собравшиеся, числом тридцать три, выходят вперед и становятся вокруг костра.

Вальтер Фюрст

Итак, должны мы на земле отцов,
Наследии законном нашем, тайно
Сходиться здесь, как будто для убийства.
И в ночь, которая покров свой темный
Дает лишь преступленьям и делам,
Что солнечного света избегают,
Мы право добываем, хоть оно
И чисто и светло, как день лазурный.

Мельхталь

Да будет так! Что мрак ночной прядет,
То радостно на солнце зацветет.

Рёссельман

Союзники, мне вот что бог внушает!
Здесь вместо общины мы собрались
И весь народ по праву представляем.
Приступим к совещанью по старинным
Обычаям страны, как в мирный год;
Что незаконного в собрание нашем,
Оправдывает время. Бог везде,
Где право защищают от насилья.
И под его мы небом тут стоим.

Штауффхер

Добро! Держать совет, как в старину.
Хоть ночь теперь — сияет наше право!

Мельхталь

Пусть нас числом немного — *сердце* здесь
Всего народа, *лучшие* тут в сборе.

К о н р а д Г у н н

Хоть древних книг у нас нет под рукой,
Но их слова начертаны в сердцах.

Р ё с с е л ь м а н

Составим круг и посреди него,
Как власти знак, мечи мы водрузим!

М а у е р

Пусть старшина перед мечами встанет,
А по бокам — помощники его.

П е т е р м а н

Здесь три народа. И кому из них
Главой совета подобает быть?

М а й е р

Об этом Ури пусть со Швицем спорят.
Охотно им уступит Унтервальден.

М е л ь х т а л ь

Мы уступаем. Мы пришли молить
Своих друзей могучих о поддержке.

Ш т а у ф ф а х е р

Пусть Ури меч возьмет. В походах славных
Всегда стяг Ури впереди других.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нет, предоставим Швицу эту честь.
Мы все горды, что род ведем оттуда.

Р ё с с е л ь м а н

Улажу я ваш благородный спор:
В совете — Швиц, в войне пусть правит Ури.

В а л ь т е р Ф ю р с т

(подаёт Штауффбахеру мечи.)

Возьмите!

Ш т а у ф ф а х е р

Нет, вы старшему отдайте.

И о р г Г о ф

Здесь Ульрих Шмид старейший между всеми.

М а у е р

Он человек достойный. Но судьбою,
Как крепостной, он в Швице быть не может.

Ш т а у ф ф а х е р

Вот Итель Рединг, бывший старшина.
Найдем ли мы достойнее главу?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Да будет старшиной, главой совета!
Тот, кто согласен, руку подыми!

Каждый поднимает правую руку.

Р е д и н г

(выходит на середину круга)

Священных книг для клятвы с нами нет.
Но звездами предвечными клянусь:
От истины вовек не уклонюсь.

Перед ним вонзают два меча. Все становятся в круг. Швиц занимает середину, правее располагается Ури, левее — Унтервальден. Рединг стоит, опершись на свой меч.

Что привело три горные народа
Сюда, на берег озера угрюмый,
В глухой полночный час? Скажите мне,
Какая цель у нового союза,
Что мы под звездным небом заключаем?

Ш т а у ф ф а х е р

(выходит на середину круга)

Мы тут не новый заключим союз,—
Возобновляем мы союз старинный,
Он предками основан был. О братья!
Нас разделяют озеро и горы,

Раздельное у нас в лесах правленье,
Но *одного* мы корня, кровь *одна*,
И мы пришельцы из *одной* отчизны.

В и н к е л ь р и д

Так наши песни память сохранили,
Что мы сюда издалека пришли?
Вы древнюю нам расскажите быль,
И мы скрепим союз наш давней связью.

Ш т а у ф ф а х е р

Средь старых пастухов живет преданье...
Когда-то жил на севере далеко
Большой народ. Голодный год настал,
И община в такой беде решила,
Чтобы из них, по жребию, десятый
Покинул отчий край... И стало так!
И шли они с унынием, в слезах —
Мужчины, женщины — все дальше к югу,
Мечом чрез земли немцев пробиваясь,
До дикого лесистого нагорья.
Но, устали и тут не зная, дальше,
Вплоть до долины дикой, шли они,
Где Мўота змеится средь лугов...
Людских следов здесь не было заметно,
Лишь хижина на берегу виднелась
Да лодочник у переправы ждал...
Но озеро ужасно бушевало,
И задержаться им пришлось. Глядят —
И видят, что пустынный край обилен
Отличным лесом, ключевой водою.
Им чудилось, они попали вдруг
В отчизну милую... И тут осели.
И выросло средь гор селенье Швиц.
Здесь тягот много вынести им пришлось
На раскорчевке леса под хлеба...
Потом, когда земли хватать не стало,
То часть народа двинулась на юг —
До Черных гор и дальше, до Вайсланда,—
Там, за громадой вечных льдов укрыт,
Живет другой народ, с чужою речью.

Селенье Станц построили в Кернвальде,
Селенье Альторф — у долины Ройс,
Но общность родовую не забыли.
Среди чужих племен, что с той поры
В долинах здешних мирно водворились,
Мы без труда друг друга отличаем:
В нас кровь и сердце знать себя дают.

(Пожимает всем руки.)

М а у е р

Да, сердце в нас *одно* и кровь *одна!*

В с е

(подавая друг другу руки)

Один народ, и воля в нас *едина*.

Ш т а у ф ф а х е р

Немало есть народов подъяремных,
Они пред победителем смирились;
Ведь даже в нашей стороне и то
Средь поселенцев много подневольных:
Они — рабы, и дети их — рабы.
Но *мы*, потомки истинные Швица,
Свою свободу сберегли. Князьям
Вовек не подчинялись. Добровольно
Империю заступницей избрали.

Р ё с с е л ь м а н

Свободно встали под ее защиту.
В том грамоту сам император дал.

Ш т а у ф ф а х е р

Власть признает и тот, кто всех свободней.
Глава быть должен, наш судья верховный,
Для разрешенья всяких тяжб и споров.
И наши предки сами, добровольно,
Землей, отторгнутой у дикой чащи,
Почтили императора, главу
Всех итальянских и германских стран,
И свято обещали, как другие
Свободные империи народы,

Поддержку в войнах. Долг свободных граждан —
Державу, свой оплот, оборонять.

М е л ь х т а л ь

Что сверх того, то верный признак рабства.

Ш т а у ф ф а х е р

Когда нас император призывал,
Мы под его знаменами сражались;
В Италию за государем шли,
Чтоб римскою венчать его короной.
Но дома правил только сам народ,
По собственным законам и преданьям;
А император ведал смертной карой,
И для суда он графа назначал, —
Но тот жил вне страны, и призывали
Его лишь в редких случаях убийства.
И под открытым небом просто, ясно
Граф изрекал свой беспристрастный суд.
Где в этом всем хотя б намек на рабство?
Кто думает иначе — говори!

Г о ф

Нет, все так шло, как рассказали вы.
Доныне мы насилия не знали.

Ш т а у ф ф а х е р

Мы раз не подчинились государю,
Когда он принял сторону попов.
Ведь монастырь Айнзидельн захотел
Отнять у нас урочище, где мы
От дедовских времен пасли стада.
Аббат представил грамоту — по ней
Земля к монастырю переходила,
Как будто нас там вовсе не бывало...
Но мы сказали твердо: «Император
Дарить не вправе земли поселян...
А коль в правах империя откажет,
И без нее мы проживем в горах...»
Вот предков был язык! Неужто нам
Позором ига тяжкого покрыться

И от слуги чужого то сносить,
К чему не мог принудить император?..
Мы эту землю заново *создали*
Трудами наших рук и лес дремучий,
Служивший диким логовом медведям,
В жилище человека превратили.
Мы извели раздувшихся от яда
Драконов злых, исчадия болот;
Мы вечную тумана пелену
Над этой дикой глушью разорвали;
С пути убрали скалы и отважно
Над бездной перекинули мосты.
Наш этот край, мы им века владели.
И чтоб чужой слуга явился к нам
И цепи нам осмелился ковать?
И нас позорил на родной земле?
Да разве нет защиты против гнета?

Сильное волнение среди крестьян.

Нет, есть предел насилию тиранов!
Когда жестоко поправны права
И бремя нестерпимо, к небесам
Бестрепетно зовет угнетенный.
Там подтвержденье прав находит он,
Что, неотъемлемы и нерушимы,
Как звезды, человечеству сияют.
Вернется вновь та давняя пора,
Когда повсюду равенство царило.
Но если все испробованы средства,
Тогда разящий остается меч.
Мы блага высшие имеем право
Оборонять. За родину стоим,
Стоим за наших жен и за детей!

В с е

(звонят мечами)

Стоим за наших жен и за детей!

Р ё с с е л ь м а н

(выходит на середину круга)

Но прежде чем хвататься за мечи,
Подумайте, нельзя ль договориться?

Одно лишь ваше слово — и тираны
Не притеснять, потворствовать вам будут...
С империей, как вам велят, порвите,
Власть Австрии признайте над собой...

Мауер

Что он сказал? Австрийцам присягнуть!

Бюгель

Не слушайте его!

Винкельрид

Предатель он,
Отчизне нашей враг!

Рединг

Друзья, спокойно!

Сева

Какой позор — австрийцам присягнуть!

Флюе

Позволить силой взять, чего добром
Отдать им не хотели!

Майер

О, тогда
Рабы мы все — и рабство заслужили!

Мауер

Пусть будет прав швейцарца тот лишен,
Кто Австрии поддаться нам предложит!
Я твердо, старшина, стою на том,
Чтоб это первым стало здесь законом.

Мельхталь

Да, кто предаться Австрии предложит,
Пускай лишится почестей и прав
И пусть никто не даст ему приюта.

В с е
(поднимая правую руку).

Принять такой закон!

Р е д и н г
(помолчав)

Да будет так!

Р ё с с е л ь м а н

Свободны вы, приняв такой закон.
И Австрия насильем не добьется
Того, что мы добром ей не отдали...

И о с т В а й л е р

Приступим к делу, далее!

Р е д и н г

Друзья!

А до конца ль изведан мирный путь?
Быть может, Альбрехт Габсбург и не знает,
Что здесь его наместники творят?
Испробуем последнее: к монарху
Мы с жалобой еще раз обратимся.
Когда ж откажет — взяться за мечи.
Страшит насилье даже в правом деле.
Поможет бог, где люди не помогут.

Ш т а у ф ф а х е р
(Конраду Гунну)

Теперь пора и вам заговорить.

К о н р а д Г у н н

Я в Райнфельд ездил, к Альбрехта двору,
На тяжкий гнет пожаловаться фохтов
И вольностей старинных подтвержденье
От государя нового принять.
Послы от многих городов там были,
Из Швабии да из земель прирейнских,
И все они уже достали льготы
И возвращались весело домой.

Но *ваш* посол к советникам был вызван,
И те ему сказали в утешенье:
«Вы поезжайте, император занят,
В другое время вспомнит он о вас».
Я проходил в унынии по залам,
Вдруг вижу — герцог Иоганн в сторонке
Стоит и слезы льет, а рядом с ним
Два рыцаря: фон Тегерфельд и Варт.
И, подозвав меня, они сказали:
«Надейтесь только на себя! А правды
От Альбрехта вам нечего и ждать.
Не он ли у племянника родного
Наследье материнское похитил?
Наш герцог совершеннолетен, может
И сам своей страной управлять.
Но не венец — венок ему дал Альбрехт:
«Пусть это будет юности убором...»

М а у е р

Слыхали? Справедливости не ждите
От Габсбурга! Надейтесь на себя!

Р е д и н г

Нет выбора другого. Как же нам
Разумно цели радостной достигнуть?

В а л ь т е р Ф ю р с т
(*выходит на середину круга*)

Цель наша — свергнуть ненавистный гнет
И отстоять старинные права,
Завещанные предками. Но мы
Не гонимся разнузданно за новым.
Вы кесарево кесарю отдайте,
И пусть вассал несет свой долг, как прежде.

М а й е р

От Австрии свой лен я получил.

Р е д и н г

И продолжайте долг блюсти пред нею.

И о с т В а й л е р

Я Рапперсвейлям подати плачу.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Платите им, как вы всегда платили.

Р ё с с е л ь м а н

Я цюрихской обители дал клятву.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Церковное вы церкви отдавайте.

Ш т а у ф ф а х е р

Империя дала мне в лен мой двор.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Что быть должно, да будет, но не свыше!
Мы фохтов из страны должны прогнать
С их слугами и крепости разрушить,—
Без крови, если можно. Император
Пусть видит: нас заставила нужда
Нарушить нами данную присягу.
И если мы в узде себя удержим,
Он гнев смирит, как мудрый государь.
Народ себя заставит уважать,
Коль, взявши меч, *умеренность* проявит.

Р е д и н г

Но как, ответьте, к делу приступить?
Ведь у врага оружие в руках,
И он, конечно, не уйдет без боя.

Ш т а у ф ф а х е р

Уйдет, когда внезапно пред собой
Увидит он народ вооруженный.

М а й е р .

Сказать легко, да сделать мудрено.
Два крепких замка высятся в стране

Как вражеский оплот,— он станет грозен,
Когда войска австрийцев подойдут.
Так Росберг взять и Сарнен мы должны
До той поры, как весь народ восстанет.

Ш т а у ф ф а х е р

Не медлите, чтоб враг не принял мер,—
Участников немало в нашей тайне.

М а й е р

Предателей в народе нашем нет.

Р ё с с е л ь м а н

Случается, благое рвенье губит.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Отсрочка тем нехороша, что фохт
Успеет крепость в Альторфе построить.

М а й е р

Вы о себе лишь помните.

П е т е р м а н

Неправда.

М а й е р

Неправдою нас Ури попрекает?

Р е д и н г

Во имя клятвы, тише!

М а й е р

Замолчать

Придется нам, коль Швиц — горой за Ури.

Р е д и н г

Я осудить пред общиной вас должен —
Горячностью вы вносите разлад.
Не за одно ли дело мы стоим?

Винкельрид

Нам отложить до рождества бы надо,
Когда велит обычай поселянам
Подарки фохту в замок приносить.
Туда могло бы человек двенадцать
Проникнуть, не внушая подозрений,
Отточенные взяв с собой клинки,
Их надо тайно в посохи заделать —
С оружием не пропускают в крепость.
Вблизи, под лесом, спрячется отряд
И только поселяне завладеют
Воротами — рог затрубит призывный
И вся засада бросится на помощь.
И после легкой схватки — замок наш.

Мельхталь

А в крепость Росберг я готов проникнуть.
Я там одной служанке приглянулся
И без труда ее уговорю,
Чтоб лестницу она в окно спустила.
А как взберусь — за мной друзья ворвутся!

Рединг

Так все за то, что надо отложить?

Большинство поднимает руки.

Штауффмахер (сосчитав голоса)

Двенадцать против, двадцать за отсрочку!

Вальтер Фюрст

Так если в день условленный падут
Два замка, то сигнальные огни
Зажгутся на вершинах гор. Тогда
Народное сзывайте ополчение.
И фохты, увидав, что не шутя
Швейцарцы за оружие взялись,
Страну покинут без кровопролитья.
Мы им дадим надежную охрану.

Ш т а у ф ф а х е р

Но с Геслером нам справиться труднее.
Всегда он сильной стражей окружен
И без кровопролитья не отступит.
В изгнание даже страшен он стране.
Щадить его, я думаю, опасно.

Б а у м г а р т е н

Где гибель ждет, туда *меня* пошлите.
Я жизнь свою, спасенную мне Теллем,
За край родной бестрепетно отдам.
Честь защитив, я сердце успокоил.

Р е д и н г

Нас время умудрит. Терпите, ждите!
Всего сейчас предусмотреть нельзя.
Меж тем как мы ночной совет держали,
Вот утро на вершинах гор зажгло
Багряные сигнальные огни...
Расстанемся до наступленья дня.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Забрезжит день внизу еще не скоро.

Все невольно снимают шляпы и благоговейно смотрят на зарю.

Р ё с с е л ь м а н

При свете, что привет нам раньше шлет,
Чем племенам, которые под нами
Живут в чаду и шуме городов,
Скрепим мы клятвой новый наш союз:
«Да будем мы народом граждан-братьев,
В грозе, в беде единым, нераздельным».

Все повторяют, поднимая правую руку с тремя поднятыми
вверх пальцами.

«Да будем мы свободными, как предки,
И смерть пусть каждый рабству предпочтет».

Все повторяют с тем же самым жестом.

«На бога да возложим упование
Без страха пред могуществом людей».

Так же, как выше. Все обнимают друг друга.

Ш т а у ф ф а х е р

Ну, а теперь ступай без шуму каждый
Своей дорогой к близким и родным.
Пастух, смотри за стадом на зимовке
И сотоварищей вербуй в союз!
До срока всё снесите терпеливо.
Пускай тиранов множится вина:
Настанет день, и с ними мы сведем
И личные и общий счет — народный.
Закопный гнев свой каждый обуздай
И береги для всенародной мести;
Она — наш долг, его не умай
Деяньями в защиту личной чести.

Когда все в полной тишине расходятся в разные стороны, звуки оркестра врываются со все возрастающей силой. Над опустевшей сценой занавес опускается не сразу. Солнце всходит над ледяными вершинами гор.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Двор при доме Телля.

Телль плотничает. Гедвига занята домашней работой. Вальтер и Вильгельм в глубине сцены играют маленьким самострелом.

В а л ь т е р
(поет)

Метки горца стрелы,
Верен лук тугой,
Вот идет он смело
По тропе крутой.

В синие просторы
Дерзко он пришел,
Где орлы да горы,
Где он сам — орел!

Пролетит ли птица,
Зверь ли пробежит —
Вмиг стрела помчится,
Молнией сразит.

(Подбегает к отцу.)

Поправь, отец! Порвалась тетива.

Т е л л ь

Ну нет, стрелок поправить должен сам.

Мальчики уходят.

Г е д в и г а

Как рано дети учатся стрелять.

Т е л л ь

Кто сызмала начнет, тот мастер будет.

Г е д в и г а

Дай бог не знать такого мастерства!

Т е л л ь

Все надо знать им. Тот, кто хочет в жизни
Пробиться, должен быть вооружен
И для защиты и для нападения.

Г е д в и г а

Прощай, семья, покой...

Т е л л ь

Покой мне чужд.

Я не рожден быть пастухом. Я должен
За целью ускользящею гнаться;
И лишь тогда мне наслаждение жизнь,
Когда в борьбе проходит каждый день.

Г е д в и г а

А я одна, с детьми оставшись дома,
Тебя в тоскливом страхе поджидаю!
И с ужасом я слушаю рассказы
О ваших дерзких подвигах в горах.
А при разлуке замирает сердце —
Боюсь, что я тебя уж не увижу.
Мне чудится, меж диких вечных льдов
Ты, оступившись, падаешь с утеса.
Иль вижу я, ты серну спиб — и в пропасть
Она тебя с собою увлекает.
Иль вдруг тебя засыпало лавиной,
Вдруг под тобой коварный треснул лед...
И ты летишь в ужасную могилу,
Чтоб заживо быть в ней похороненным.
Ах, сотни раз меняя облик свой,
Смерть мчится за охотником в горах!
Какой злосчастный промысел — он вас
На край бездонной пропасти приводит!

Т е л л ь

Кто ловок, осмотрителен, силен,
На бога уповает, тот легко
Беду любую побороть сумеет.
Природным горцам горы не страшны.
(Окончив работу, убирает инструмент.)
Ну, я на годы починил ворота.
Коль есть топор, мне плотник ни к чему.
(Берет шляпу.)

Г е д в и г а

Куда опять собрался?

Т е л л ь

В Альторф, к тестю.

Г е д в и г а

Во что-нибудь опасное ввязаться?

Т е л л ь

С чего взяла ты это?

Г е д в и г а

Твердо знаю:
Есть заговор какой-то против фохтов...
На Рютли был совет. Ты заодно.

Т е л л ь

Я не был там... Но если кликнет клич
Моя страна, я ей не изменю.

Г е д в и г а

Тебе укажут место поопасней,—
Что потрудней, достанется тебе.

Т е л л ь

По силам долг на каждого возложат.

Г е д в и г а

Недавно Баумгартена в грозу
Ты от погони спас... Вы уцелели,
Должно быть, чудом... Как ты не подумал
О детях и жене?

Т е л л ь

О вас я думал —
Вот почему я детям спас отца!

Г е д в и г а

По разъяренным волнам плыть! Ты бога
Таким поступком дерзким искушал.

Т е л л ь

Раздумывая, много не свершишь.

Г е д в и г а

Ты выручить всегда готов другого,
А попадешь в беду, так не помогут.

Т е л л ь

Бог даст, и сами справимся с бедой!
(*Берет свой самострел и две стрелы.*)

Г е д в и г а

Зачем ты лук берешь с собой? Оставь!

Т е л л ь

Я как без рук, когда он не при мне.

М а л ь ч и к и в о з в р а щ а ю т с я .

В а л ь т е р

Отец, куда ты?

Т е л л ь

К дедушке, сынок...

Ты не пойдешь со мной?

В а л ь т е р

Пойду, конечно!

Г е д в и г а

Сейчас там Геслер. В Альторф не ходи!

Т е л л ь

Он к вечеру отправится.

Г е д в и г а

Так выжди!

Он зол на нас. С ним лучше не встречаться.

Т е л л ь

Мне мало дела, зол он или нет.

Живу я честно, — что мне до врагов!

Г е д в и г а

Сильней всего он честных ненавидит.

Т е л л ь

Не потому ль, что к ним нельзя придраться?..

Но, думаю, меня не тронет он.

Г е д в и г а

Ты почему так думаешь?

Т е л л ь

Недавно

Охотился я в Шехенском ущелье;

Там редко след увидишь человека.
Я шел пустынной горною тропой,
Где встречным трудно разминуться. Прямо
Над головой моей скала нависла,
А подо мной ревел сердито Шехен.

Мальчишки прильнули к нему справа и слева и смотрят на
него с напряженным любопытством.

Вдруг мне навстречу Геслер. Он один,
Без провожатых был, и я один.
Лицом к лицу стоим, а рядом — пропасть.
Заметив, он тотчас меня узнал;
Ведь незадолго перед тем сурово
За сущий вздор он наказал меня.
И видит он, я перед ним стою
С отличным самострелом. Он смутился
И побледнел, колени задрожали...
Один бы миг — и сорвался б с утеса!
Так жалок он мне стал, что подошел
Почтительно к нему я со словами:
«Ведь это Телль... Телль, господин ландфохт».
Он ничего на это, лишь рукой
Мне подал знак идти своей дорогой.
Уйдя, я свиту вслед за ним послал.

Г е д в и г а

Он задрожал перед тобой... Смотри!
Позора он вовек не позабудет.

Т е л л ь

Я встречи не ищу. И он не ищет.

Г е д в и г а

Останься. Иль ступай уж на охоту.

Т е л л ь

Да что с тобой?

Г е д в и г а

Не по себе мне что-то.

Телль

Зачем себя ты мучишь без причины?

Гедвига

Пусть без причины... Но останься, Телль.

Телль

Я, дорогая, слово дал прийти.

Гедвига

Ты *должен* — что ж, иди... Оставь мне сына!

Вальтер

Нет, мама, я хочу пойти с отцом.

Гедвига

Ты хочешь мать свою покинуть, Вельти?

Вальтер

Подарок я от деда принесу.

(Уходит с отцом.)

Вильгельм

Но я с тобою, мама!

Гедвига

(обнимая его)

Милый мой,

Хоть ты еще остался у меня!

(Идет к воротам и долгим взглядом провожает уходящих.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дикое, уединенное место в лесу.

С утесов низвергаются ручьи, над которыми радугой переливается на уступах водяная пыль.

Берта в охотничьем костюме. Вслед за нею Руденц.

Берта

Идет сюда. Мы сможем объясниться.

Руденц
(быстро входит)

Ах, наконец-то мы наедине!
Свой приговор произнесите мне.
Мы без свидетелей, в лесной глуши,—
Я сердце облегчу в ее тиши.

Берта

Но далеко ль охотники отсюда?

Руденц

Там, далеко... Теперь иль никогда!
Я дорогй воспользуюсь минутой —
Судьба моя должна решиться тут,
Хотя бы я навеки вас лишился.
Но почему обычно кроткий взгляд
Так строго на меня вы устремили?..
Кто я такой, чтоб смел о вас мечтать?
Меня еще не увенчала слава,
Мне далеко до рыцарей, что вас,
Овеянные славой, окружают.
Любовь и верность — все, чем я богат...

Берта
(со строгой важностью)

Вы о любви и верности твердите,
Готовясь изменить святому долгу?

Руденц отступает.

Раб Австрии, продавшийся врагам
И палачам отчизны угнетенной!

Руденц

Но от кого такой упрек я слышу?
Кого ж я, кроме вас, у них искал?

Берта

Так вы среди изменников меня
Надеялись найти? Скорей бы руку
Я Геслеру-тирану отдала,

Чем отщепенцу родины своей,
Оудию слепому чужеземцев!

Р у д е н ц

О, что я слышу? Боже!

Б е р т а

Разве есть
Милей отчизны что-нибудь на свете?
Есть разве долг прекрасней, благородней,
Чем быть щитом безвинного народа
И угнетенных защищать права?
Душа моя скорбит за ваш народ,
Я с ним страдаю заодно; ведь я
Люблю его — он кроток, хоть могуч.
Всем сердцем я привязана к нему
И с каждым днем все больше уважаю.
А вы, кого ваш прирожденный долг
В защитники предназначал народу,
Вы *бросили* его, врагам предались
И с ними цепи родине куете!
Мне больно, я от ненависти к вам
С трудом свое удерживаю сердце.

Р у д е н ц

А я народу блага не хочу?
Ему под мощным скипетром австрийским
Мир...

Б е р т а

Рабство вы готовите ему!
Ваш край — последний на земле оплот
Свободы, вы изгнать ее хотите!
Где счастье для народа, лучше видит
Он сам, его спасает здравый смысл.
А вы в тенета с головой попали.

Р у д е н ц

Так я презрепья, ненависти стою?

Б е р т а

О, если б так! Но видеть вас достойным
Презренья, *видеть*, как вас презирают,
Когда б любить вас...

Р у д е н ц

Берта! Берта! Вы
То радостью поманите небесной,
То сбросите вдруг с высоты чудесной.

Б е р т а

Нет, нет, в вас благородство не угасло,
Оно лишь дремлет — я его бужу.
Напрасно вы хотели заглушить
В себе к добру врожденное стремленье,
На благо вам, оно сильней, чем вы,—
Наперекор себе вы благородны.

Р у д е н ц

Вы верите еще в меня! О Берта,
С любовью вашей стать могу я всем!

Б е р т а

Природе вашей верность сохраните.
Займите вам назначенное место!
За свой народ, за родину вступитесь,
Сразитесь за святые их права!

Р у д е н ц

О горе! Разве вас я не лишусь,
Когда я против Австрии восстану?
Ведь вы в руках своих родных — они
Насильно замуж выдать вас хотят.

Б е р т а

В лесных кантонах все мои владенья,—
Швейцарца вольность станет и моей.

Р у д е н ц

Ах, до чего все ясно мне теперь!

Б е р т а

Моей руки добиться не надейтесь
По милости австрийцев. Нет, немало
Охотников там до моих поместий.
Они и вашей родине грозят,
Захватчики без совести и чести!
О друг, я жертвой быть обречена.
Чтоб мною фаворита наградить,
Средь лжи двора меня заставят жить.
Печальная мне доля суждена:
Брак ненавистный мне скует оковы.
Спасайте же, любя,— для жизни новой!

Р у д е н ц

Так вы решились бы остаться здесь,
Моей женою быть в моей отчизне?
О Берта, целью всех моих стремлений,
Моих надежд ведь были только вы!
Я ради вас спешил на поле славы,
Из-за любви о почестях мечтал.
Но если здесь, в долине безмятежной,
Решитесь поселиться вы со мной,
Блестящий свет покинув, я — у цели.
И пусть тогда в гранитные твердыни
Чужая жизнь бьет яростной волной!
Меня желанье прежде искушало
Уйти в тот мир, в обманчивую даль.
Теперь пускай вокруг сомкнутся скалы
Глухой стеной — мне ничего не жаль.
Нас ждет в долине этой сокровенной,
Открытой небу, счастье всей вселенной.

Б е р т а

Таким тебя я видела в мечтах.
Я верила в тебя — и не ошиблась!

Р у д е н ц

Теперь конец коварным обольщеньям —
На родине я счастье обрету!

Здесь мальчиком я расцветал беспечно,
Здесь радости пленяют нас былые,
Тут шум ручьев и сосны вековые...
В моей отчизне станешь ты моей!
О, я всегда любил свой край! А радость
На родине любая нам милей.

Б е р т а

Где ж, как не здесь, тот остров благодатный,
Невинности давно желанный край,
Где древней верности заветы живы,
Где лицемерье не свило гнезда...
Тут зависть наше счастье не отравит,
И безмятежные нас ждут года.
И вижу я *тебя* в расцвете сил,
И первый ты среди равных и свободных;
Любовь народную ты заслужил
Величием деяний благородных.

Р у д е н ц

И вижу я тебя, всех жен венец,
Заботливой и нежною подругой.
Блаженством упоен быллой слепец,
Мне жизнь — весна, с тобой, моей супругой.
Ты всюду прелесть вносишь, милый друг,
И все живишь и радуешь вокруг!

Б е р т а

Мой милый, горько было убеждаться,
Что это счастье высшее ты губишь...
Не тяжело ль мне было бы, увы,
Последовать за рыцарем надменным,
Губителем страны, в угрюмый замок!
Тут замков нет. Не отделяют стены
Нас от народа. И ему отныне
Мы оба служим!

Р у д е н ц

Как же сбросить петлю?
Ах, сам ее падел я на себя!

Б е р т а

Ты мужественно разорви ее.
Что б ни было... с народом оставайся!
Ты к этому рождением предназначен.
Издали доносится звук охотничьих рогов.

Трубят... Прощай... Так помни, что, сразясь
За родину, ты за любовь сразишься.
У нас и у отчизны — враг один;
Ее свобода — каждого свобода.
Уходят.

С Ц Е Н А Т Р Е Т Ь Я

Луг возле Альторфа.

На переднем плане деревья. В глубине на шесте висит шляпа.
Перспектива замыкается покрытой заповедным лесом горой, над
которой высится цепь снежных вершин.
Фрисгард и Лейтхольд стоят на страже.

Ф р и с г а р д

Мы караулим зря. Никто сюда
Отдать почтенье шляпе не заходит.
Бывало, как на ярмарке, народ
Толпился здесь. Но стал пустыней луг,
Когда на жерди чучело повисло.

Л ё й т х о л ь д

К досаде нашей, только сброд один
В дырявых шапках мимо нас проходит.
А кто почтенней, те скорее крюку
Изрядного дадут, чтоб мимо шляпы
Не проходить и спин пред ней не гнуть.

Ф р и с г а р д

А все ж по этой площади сегодня
Из ратуши пришлось идти народу.
Ну, думаю, улов богатый будет, —
Ведь никому до шляпы дела нет.
Но Рёссельман, их поп, увидев это, —
Как раз он шел с причастьем от больного, —
У нашей шляпы вдруг остановился...

Псаломщик в колокольчик зазвонил...
И на колени стали все, я тоже —
Перед причастьем, но не перед шляпой.

Л ё й т х о л ь д

Позорный столб для нас самих, приятель,
Вот этот шест с напаянной шляпой.
Ведь это срам для доброго вояки —
Быть на посту перед пустою шляпой.
За это все нас вправе презирать.
Отвешивать поклоны перед шляпой —
Поверь! — дурацкий это, брат, приказ!

Ф р и с г а р д

Подумаешь, перед пустою шляпой!
Ты ж кланяешься голове пустой?

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета входят с детьми и становятся вокруг шеста.

Л ё й т х о л ь д

Эх, вижу я, ты подслужиться хочешь
И добрый люд ты рад вовлечь в беду.
По мне, иди кто хочет мимо шляпы,
А я на все смотреть сквозь пальцы буду.

М е х т г и л ь д а

Вон фохт висит! Почтенья больше, дети!

Э л ь с б е т а

Убраться бы ему, оставив шляпу.
Поверь, не хуже было бы стране!

Ф р и с г а р д

(прогоняя их)

Вы здесь зачем? Проваливайте! Живо!
Кто звал вас? Вы мужей сюда пришлите,
Их подстрекнув не выполнять приказ.

Женщины уходят.

Входит Телль с самострелом, ведя сына за руку. Они идут на авансцену, не обращая внимания на шляпу.

В а л ь т е р
(показывает на гору, покрытую заповедным
лесом)

Не правда ли, отец, там, на горе,
Как топором по дереву ударишь,
Из раны брызнет кровь?

Т е л л ь

А кто сказал?

В а л ь т е р

Пастух... Там заколдованы деревья.
И говорят, у тех, кто им вредил,
Одна рука из гроба проросла.

Т е л л ь

Неправда, это заповедный лес.
Вон видишь там вершины снеговые,
Те, что уходят ввысь, за облака?

В а л ь т е р

То ледники. Они гремят ночами.
На нас оттуда катятся лавины.

Т е л л ь

Так вот, давно б тяжелые лавины
Засыпали селенье наше Альторф,
Но будто всенародным ополченьем
Встречает их наш заповедный лес.

В а л ь т е р
(немного подумав)

А есть края, где нет ни скал, ни гор?

Т е л л ь

Спускаясь с паших гор все ниже, ниже,
Теченью следуя потоков бурных,
Доходишь до равнины необъятной,
Где, пенясь, не шумят лесные воды,
Но реки тихо, безмятежно льются;

Там ширь спокойная иной природы,
Куда хватает глаз — повсюду нивы,
И вся страна как сад большой, красивый.

В а л ь т е р

Так почему, отец, мы не сойдем
Скорее вниз, в ту чудную страну,
Чем жить в напрасных муках и тревоге?

Т е л ь

Прекрасен тот благословенный край!
Но те, кто там возделывает землю,
Не пользуются жатвой...

В а л ь т е р

Не живут
Свободно на своей земле, как ты?

Т е л ь

Там вся земля — у короля и церкви.

В а л ь т е р

Но ведь в лесах охотятся свободно?

Т е л ь

Пернатые и зверь — добро господ.

В а л ь т е р

Но в реках-то свободно ловят рыбу?

Т е л ь

Река и море, соль — все короля.

В а л ь т е р

Кто ж этот страшный каждому король?

Т е л ь

Он подданных защитник и кормилец.

В а л ь т е р

Что ж, сами защитить себя не могут?

Т е л л ь

Сосед соседу там не доверяет.

В а л ь т е р

В стране широкой тесно будет мне.
Уж лучше пусть над головой лавины.

Т е л л ь

Да, это правда. Лучше за спиной
Пусть будут ледники, чем злые люди.

Хотят пройти мимо.

В а л ь т е р

Отец, гляди-ка, шляпа на шесте!

Т е л л ь

Что нам до шляпы? Поспешим, сынок!
(*Хочет идти.*)

Фрисгард преграждает ему копьем дорогу.

Ф р и с г а р д

Во имя императора! Ни с места!

Т е л л ь

(*хватаясь за копьё*)

Да что вам нужно? Что все это значит?

Ф р и с г а р д

Приказ нарушен. Следуйте за нами.

Л ё й т х о л ь д

Почтения не отдали вы шляпе.

Т е л л ь

Пусти, приятель!

Ф р и с г а р д

Нет, в тюрьму! В тюрьму!

Вальтер

Отца в тюрьму? На помощь! Помогите!

(Кричит за сцену.)

Скорее, люди добрые, сюда!

Насилие! Отца в тюрьму уводят!

Священник Рёссельман и псаломщик Петерман
появляются с тремя поселянами.

Петерман

Что тут у вас?

Рёссельман

Зачем его ты держишь?

Фрисгард

Изменник он и государю враг.

Телль

(хватает его)

Изменник? Я?

Рёссельман

Да ты взглядишь, приятель!

Ведь это Телль — достойный гражданин.

Вальтер

*(замечает Вальтера Фюрста и
устремляется к нему навстречу)*

Отца схватили! Дедушка, на помощь!

Фрисгард

В тюрьму его!

Вальтер Фюрст

(подбегает)

Я за него ручаюсь!

Что тут случилось? Ради бога, Телль!..

Входят Мельхталь и Штауффахер.

Ф р и с г а р д

Он власть ландфохта признавать не хочет.
Ослушник этот ею пренебрег.

Ш т а у ф ф а х е р

Так в этом провинился Телль?

М е л ь х т а л ь

Ты лжешь!

Л ё й т х о л ь д

Почтенья шляпе он не оказал.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Так вот за что его в тюрьму? Приятель,
Я за него ручаюсь, отпусти!

Ф р и с г а р д

Ты за свою, старик, ручайся шкуру!
Мы делаем, что служба нам велит.

М е л ь х т а л ь

(поселянам)

Да это вопиющее насилие!
Неужто нагло уведут его?

П е т е р м а н

Нет, мы сильнее! Друзья, не выдавать!
Один за всех — и все за одного!

Ф р и с г а р д

Так вы приказу фохта непослушны?

Т р о е п о с е л я н

(вбегая)

Мы на подмогу! Что тут? Измолотим!

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета
возвращаются.

Т е л ь

Я справлюсь, люди добрые. Ступайте!
Когда я к силе захочу прибегнуть,
Вы думаете, копий устрасуеть?

Мельхталь

(Фрисгарду)

Посмей-ка увести его от нас!

Вальтер Фюрст и Штауффахер

Оставьте! Тише!

Фрисгард

(кричит)

Бунт! Мятеж, мятеж!

Слышны охотничьи рога.

Женщины

Наместник Геслер едет!

Фрисгард

(еще громче)

Бунт! Мятеж!

Штауффахер

Кричи, пока не лопнешь!

Рёссельман и Мельхталь

Замолчишь ты?

Фрисгард

(во все горло)

Сюда, слуге закона помогите!

Вальтер Фюрст

Вот сам наместник. Что-то с нами будет?

Геслер верхом, с соколом на руке. Рудольф Гаррас, Берта, Руденц и вооруженная охрана из наемников. На сцене образуется круг из копий.

Рудольф Гаррас

Дорогу фохту дайте!

Геслер

Разогнать их!

Что за толпа? Кто призывал на помощь?

Все молчат.

Ну, кто же? Отвечайте мне!

(Фрисгарду.)

Вперед!

Кто ты такой? А он в чем провинился?

(Передает сокола слуге.)

Ф р и с г а р д

О господин, я верный воин твой
И часовым поставлен здесь, у шляпы.
А этот мной сейчас избобличен:
Он отказался шляпе поклониться
И, по приказу, мною был задержан.
Но чернь его отбить хотела силой.

Г е с л е р
(помолчав)

Неужто императором и мной,
Ландфохтом, Телль, ты так пренебрегаешь,
Что шляпу ты не захотел почтить,
Которой я испытываю вас?
Злой умысел ты этим только выдал.

Т е л л ь

Простите, сударь! Я не из презренья —
По безрассудству ваш приказ нарушил.
Будь я другой, меня б не звали Телль.
Помилуйте, я впредь не провинюсь.

Г е с л е р
(помолчав)

Ты мастерски, стрелок, владеешь луком
И в меткости едва ль кому уступишь?

В а л ь т е р

Да, это правда. С яблони собьет
Мне яблоко отец хоть в ста шагах.

Г е с л е р

Что, это сын твой, Телль?

Т е л л ь

Да, мой сынок.

Г е с л е р

А есть еще?

Т е л л ь

Их двое у меня.

Г е с л е р

Которого ты сына больше любишь?

Т е л л ь

Они мне оба дороги равно.

Г е с л е р

Ну, если с яблони ты в ста шагах
Сбиваешь яблоко, то покажи мне
Свое искусство, Телль... Возьми свой лук...
Да при тебе он, впрочем... С головы
Сшиби у сына яблоко стрелой...
Но только ты получше целясь, Телль,
И первой же стрелой попади;
А промахнулся — с жизнью распростишься.

Все поражены ужасом.

Т е л л ь

Чудовищный вы отдали приказ...
Неужто вправду?.. С головы сыновней...
Нет, сударь, нет, вам это не могло
Прийти на ум... Нет, боже упаси
Такой приказ всерьез отдать отцу!

Г е с л е р

Ты яблоко у сына с головы
Собьешь сейчас, как я того хочу.

Т е л л ь

Чтоб в голову родного сына метил
Родной отец?.. О нет, уж лучше смерть!

Г е с л е р

Стреляй, не то погибнешь ты и *сын твой!*

Телль

Мне быть убийцей своего ребенка!
Как видно, нет у вас детей... Понять
Вам не дано родительское сердце.

Геслер

Э, Телль, как ты вдруг стал благоразумен!
А говорят, что ты большой мечтатель,
Живешь не так, как все другие люди.
Что почудней ты любишь... оттого
Я по тебе такой и подвиг выбрал.
Там, где другой задумался б, ты смело,
Закрыв глаза, решаешься на все.

Берта

О, не шутите так с народом, сударь!
Они бледны, дрожат... Им непривычно
Затейливые шутки ваши слушать.

Геслер

А кто сказал вам, будто я шучу?

*(Срывает яблоко с висящей над ним
ветки.)*

Вот яблоко... Живей! Посторонитесь!
Шаги отмерить!.. Восемьдесят хватит..
Ни больше и ни меньше... Он хвалился,
Что в ста шагах сразит любую цель..
Ну, так стреляй, — смотри ж, не промахнись!

Рудольф Гаррас

О боже!.. Это уж не шутка... Мальчик,
Ты на коленях вымоли пощаду!

Вальтер Фюрст

*(тихо Мельхталю, который с трудом
сдерживается)*

Сдержитесь, Мельхталь, я вас умоляю!

Б е р т а
(*ландфохту*)

Довольно, сударь! О, бесчеловечно
Отцовским сердцем так играть. Уж если
Бедняга за проступок свой ничтожный
И должен быть казнен, то он, о боже,
Десятикратно муки смерти вынес.
Пусть невредим он в хижину свою
Вернется. Вас он знает! Этот час
И Телль и внуки Телля не забудут.

Г е с л е р

Эй, расступитесь!.. Что же ты так медлишь?
Ты виноват, тебя казнить я вправе;
Но милостиво, Телль, твою судьбу
Искусству рук твоих же я вверяю.
Нельзя роптать на приговор суровый
Тому, кто сам своей судьбы хозяин.
Ты метким глазом похвалялся. Ладно!
Так покажи, *стрелок*, свое искусство;
Достойна цель, награда велика!
Попасть стрелою в черный круг мишени
Сумеет и *другой*, но мастер *тот*,
Кого не подведет его искусство,
Чей верен глаз и чья рука не дрогнет.

В а л ь т е р Ф ю р с т
(*бросаясь перед Геслером на колени*)

О господин наместник, мы вас чтим,
Но пощадите! Я вам половину
Отдам добра, возьмите даже все,
Но вы отца от страшных мук избавьте!

В а л ь т е р Т е л ь

Ах, дедушка, ты перед ним не падай!
Он злой. Ну, где мне стать? Я не робею.
Ведь мой отец бьет птицу на лету,—
Он сердце не пронзит родного сына.

Ш т а у ф ф а х е р

И вас не тронет детская невинность?

Рёссельман

Есть бог на небесах, и перед ним
В своих делах дадите вы отчет!

Геслер

(указывая на мальчика)

Его вон к той привязывайте липе.

Вальтер Телль

Привязывать? Меня? Я не хочу!
Я, как ягненок, тихо, чуть дыша,
Стоять там буду. Если же меня
Привяжете, я стану отбиваться.

Рудольф Гаррас

Дай, мальчик, завязать себе глаза!

Вальтер Телль

Глаза? Ну нет! Неужто испугаюсь
Стрелы отца, что полетит в меня?..
Я буду ждать и глазом не моргну.
Узнает он, какой стрелок отец!
Не верит изверг, погубить нас хочет...
На зло ему стреляй и попади!

(Идет к липе.)

Ему на голову кладут яблоко.

Мельхталь

(поселянам)

Как! На глазах пред нами совершится
Злодейство это? Где же наша клятва?

Штауффхер

Напрасно всё! Ведь все мы безоружны.
Мы лесом копий тут окружены.

Мельхталь

Зачем мы сразу не взялись за дело?
Прости, господь, отсрочку предложившим!

Г е с л е р
(Теллю)

Скорей же! Зря оружие не носят.
Опасно с ним ходить везде и всюду,—
Стрела, отпрянув, поразит стрелка.
Такая дерзость поселян — обида
Верховному властителю страны.
Лишь господу ходить с оружием вправе.
Вы лук и стрелы любите носить —
Пусть так, но вот тебе для них мишень.

Т е л л ь
(натягивает лук и закладывает стрелу)
Посторонитесь, люди!

Ш т а у ф ф а х е р
Что вы, Телль!
Хотите... Ни за что!.. Возбуждены вы,
Колени гнутся, и рука дрожит...

Т е л л ь
(опуская лук)
В глазах мутится!

Ж е н щ и н ы
Милостивый боже!

Т е л л ь
(ландфохту)
Не буду я стрелять — вот грудь моя!
(Обнажает грудь.)
Пронзить ее велите вашей страже!

Г е с л е р
Не жизнь твоя, но выстрел твой мне нужен...
Ты духом тверд. На все готов дерзать!
Отлично ты владеешь самострелом.

За руль берешься, не страшась грозы.
Спасай теперь себя... спаситель всех!

Телль стоит, и по всему видно, что он испытывает страшную внутреннюю борьбу. Руки его дрожат, блуждающий взгляд обращен на ландфохта, то устремлен к небу. Вдруг он хватается за колчан, выдергивает оттуда еще одну стрелу и прячет ее за пазуху.

Геслер следит за всеми его движениями.

Вальтер Телль

(под липой)

Стреляй, отец! Я не боюсь!

Телль

Что ж, надо!

(Овладевает собой и начинает целиться.)

Руденц

(все время стоявший в напряженном ожидании и с трудом сдерживавший себя, выступает вперед)

Довольно, фохт! Прошу вас, прекратите...
Все это было только испытаньем...
Вы своего добились... Но суровость
Излишняя вредит разумной цели:
Натянутый сверх меры — треснет лук.

Геслер

Прошу молчать!

Руденц

Нет! Буду говорить!

Честь Габсбургов священна для меня.
Но ненависть легко снискать насильем,
А этого не хочет император...
Жестокости такой не заслужил
Народ мой, нет у вас на это права.

Геслер

Как смеете вы!

Руденц
Долго я молчал,
Бесчинства над народом наблюдая;
Я закрывал на все свои глаза
И заглушал в своей груди страданья,
Скорбь гневом переполненного сердца.
Но долее молчать изменой было б
И Габсбургам и родине моей.

Берта
(бросаясь между ландфохтом и Руденцом)

Он только злее разъярится, Руденц!

Руденц
Я свой народ покинул, от родных
Отрекся. И естественные узы
Я разорвал, чтоб только к вам примкнуть...
Я думал благу общему помочь,
Монарха власть в моей стране усилив.
Теперь повязка с глаз моих упала,
И в ужасе над бездной я стою.
Я верил вам — и был обманут вами.
Вы сердце честное опутали... И я
С благою целью мой народ губил.

Геслер
И ты дерзишь так нагло господину?

Руденц
Мой господин не вы, а император...
Свободен я, и рыцарская доблесть
Моя нисколько вашей не уступит.
Во имя императора вы здесь,
И хоть позорите вы это имя,
Я чту его, иначе бы перчатку
Я бросил вам, потребовав к ответу.
Что ж, дайте знак своей охране... я
Не безоружен, как они...

(Указывая на народ.)

Со мной
Мой добрый меч, пусть...

Ш т а у ф ф а х е р
(кричит)

Яблоко упало!

Пока всеобщее внимание было привлечено к ландфохту и Руденцу, между которыми стояла Берта, Телль пустил стрелу.

Р ё с с е л ь м а н

А мальчик жив!

Г о л о с а

Телль в яблоко попал!

Вальтер Фюрст, слабея, готов упасть, но Берта его поддерживает.

Г е с л е р
(пораженный)

Как, он стрелял? Неужто? Вот безумец!

Б е р т а

Ребенок жив!

(Вальтеру Фюрсту.)

Опомнитесь, отец!

В а л ь т е р Т е л ь
(подбегая с яблоком)

Вот яблоко, отец... Ведь я сказал:
Ты сына своего не можешь ранить!

Телль стоит, подавшись вперед, как бы устремившись за полетом стрелы. Самострел выпадает у него из рук. Увидя подбегающего к нему сына, он бросается к нему с распростертыми объятиями и с жаром прижимает его к сердцу; ноги его подкашиваются, и он падает без сил. Все растроганы.

Б е р т а

Благое небо!

В а л ь т е р Ф ю р с т
(зятю и внуку)

Дети мои, дети!

Ш т а у ф ф а х е р

Хвала тебе, господь!

Л ё й т х о л ь д

Вот это выстрел!
О нем вовек преданья не умолкнут.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Рассказывать про выстрел Телля будут,
Пока стоят твердыни этих гор.

(Подает ландфохту яблоко.)

Г е с л е р

Он в сердцевину яблока попал!
Да, выстрел меткий, надобно признаться.

Р ё с с е л ь м а н

Хорош был выстрел. Но беда тому,
Кто милость бога дерзко искушает!

Ш т а у ф ф а х е р

Опомнитесь и встаньте, Телль. Свободу
Вы мужеством добыли. Дома ждут вас.

Р ё с с е л ь м а н

Вы к матери скорей ведите сына!

Хотят увести его.

Г е с л е р

Стой, Телль!

Т е л ь

(возвращаясь)

Что вам угодно приказать?

Г е с л е р

Ты из колчана вынул две стрелы,
Я видел сам... Зачем ты это сделал?

Т е л ь

(в замешательстве)

Так исстари ведется у стрелков.

Г е с л е р

Нет, я не верю твоему ответу.
Здесь умысел, как видно, был другой.
Ты мне признайся, Телль, чистосердечно,
Что б ни было, я не казню тебя.
Скажи, зачем стрелу другую спрятал?

Т е л л ь

Что ж, если вы мне жизнь дарите, сударь,
Я вам скажу всю правду, без утайки.
*(Достает стрелу и устремляет на ландфохта
страшный взгляд.)*

Стрелюю этой я пронзил бы... вас,
Когда б попал нечаянно в ребенка,—
И тут уж я бы промаха не дал.

Г е с л е р

Ну, ладно, Телль! Я жизнь тебе дарю.
Я рыцарского слова не нарушу...
Но злобные намеренья ты выдал,
И я велю тебя туда упрятать,
Где ты с луной и солнцем распростишься.
Я только так от стрел твоих спасусь.
Схватить его! Связать!

Телля связывают.

Ш т а у ф ф а х е р

Как, господин!
Вы человека бросите в темницу,
Когда его спасла рука творца?

Г е с л е р

Посмотрим, как она спасет вторично...
Эй, отвести его ко мне на судно!
Я сам хочу доставить Телля в Кюснахт.

Р ё с с е л ь м а н

Что! Свой кантон насильно Телль покинет?

Телль

Прощайте!

Вальтер Телль
(в сильном горе прижимаясь к отцу)

Мой отец! Отец! Отец!

Телль
(вознеся руки к небу)

Там твой отец! Ему молись, дитя!

Штауффахер
Что вы жене хотите передать?

Телль
(с горячей нежностью прижимая сына к груди)
Сын невредим. А мне господь поможет.
(Покидает их и уходит под стражей.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Восточный берег Озера Четырех Кантонов.
Причудливые крутые скалы на западе, в глубине сцены.
На озере волнение. Слышен рев бушующих волн. По временам
сверкает молния и гремит гром.

Кунц из Герзау. Рыбак и его сын.

Кунц

Поверите ль, я сам все это видел.
Я вам всю правду рассказал, рыбак.

Рыбак

В оковах Телль и в Кюснахт отвезен!
По доблестям — он первый в нашем крае
И вольности оплотом был бы здесь.

К у н ц

Сам Геслер с ним отправился в дорогу.
Из Флюельна они уже отплыть
Готовились, как я отчалил. Буря —
Она, глядите, вон как разыгралась —
Заставила меня сюда пристать
И, видимо, их тоже задержала.

Р ы б а к

Под стражею, у фохта в лапах Телль!
О, тот его упрячет так глубоко,
Что света солнца не видать ему!
Фохт побоится справедливой мести, —
Ведь мужа он свободного разгневал!

К у н ц

Как слышно, благородный Аттинггаузен,
Наш старшина почтенный, умирает.

Р ы б а к

Надежды нашей сломан верный якорь!
Ведь только старый рыцарь без боязни
Вступался за народные права!

К у н ц

Гроза сильнее буйствует. Прощайте!
В деревне я переночую нынче.
А об отъезде нечего и думать.

(Уходит.)

Р ы б а к

В оковах Телль, и при смерти барон!
Наглейте же, надменные тираны!
Отбросьте стыд! Язык у правды нем,
А зоркие глаза ослеплены,
И руки, что спасти должны, — в оковах!

М а л ь ч и к

Град сыплется, да крупный! Поскорей
Давай в шалаш укроемся, отец.

Рыбак

Бушуйте, ветры! Молнии, сверкайте!
Гремите, тучи! Затопляйте землю,
Небесные потоки. Да исчезнет
С лица земли преступный род людской!
Пусть тут царят огонь, вода и ветер!
Медведь и волк матерый, возвращайтесь
Сюда, в пустыню,— ваша вновь страна!
Не захотят здесь люди жить рабами!

Мальчик

Все злей пучина, а водоворот
И стонет и ревет, как никогда!

Рыбак

Чтобы стрелу пустить в дитя родное —
Нет, к этому отцов не принуждали!
Ну, как природе тут не разъяриться
И не восстать?.. О, я не удивлюсь,
Когда сорвутся в озеро утесы,
А те зубцы и башни ледяные,
Не таявшие с первых дней творенья,
Растопятся и ринутся в долины;
И горы рухнут с грохотом, а воды
Подземные вторым потоком хлынут,
И всякая земная тварь погибнет!

Слышен колокольный звон.

Мальчик

Прислушайся, на той горе звонят.
Должно быть, лодку тонущую видят —
И вот зовут молиться о несчастных.

(Взбирается на утес.)

Рыбак

Беда теперь суденышку, что там
Качается, в ужасной колыбели!
Беспомощны и руль и рулевой.
Гроза всесильна, ветер и волна
Его как мяч кидают... и вблизи

Не отыскать укромного приюта:
Повсюду лишь обрывистые скалы
Вдоль берегов, угрюмые, крутые,
Могучей грудью каменной грозят.

М а л ь ч и к

(указывая влево)

Из Флюэльна идет большая лодка.

Р ы б а к

Помилуй бог несчастных! Если буря
Сюда, в залив скалистый, залетает,
То, как в железной клетке хищный зверь,
Она бушует здесь и с диким воем
Напрасно ищет выхода отсюда.
Кругом стоят суровые утесы,
Ей, разъяренной, преграждая путь.

(Поднимается на утес.)

М а л ь ч и к

Отец, да это Геслерово судно —
По флагу и по красному навесу.

Р ы б а к

О боже правый! Сын, ты не ошибся.
Да, это фохта судно. В нем плывет
Он сам с невинной жертвою своей!
И скоро же настиг небесный мститель
Наместника — есть и над ним судья!
Веленьям фохта волны не внимают.
Пред шляпою его не склонят глав
Гранитные утесы... Не молись!
Пускай над ним свершится божий суд.

М а л ь ч и к

Не за ландфохта я молюсь — за Телля.
Телль вместе с ним плывет на этом судне.

Р ы б а к

Слепая, неразумная стихия!

Чтоб *одного* злодея покарать,
Ты весь корабль и рулевого губишь!

М а л ь ч и к

Смотри, они вблизи Скалистых Ребер
Прошли счастливо... Но могучий вихрь,
От Чертова Собора вновь погнал
Суденышко к Большой Топор-горе...
И вот исчезли...

Р ы б а к

Там скала Резак.
И если обойти ее не смогут,
То разобьются об утес отвесный,
Что в страшную уходит глубину.
Но с ними в лодке рулевой отличный...
В такой беде их спас бы *только* Телль,
Но по рукам и по ногам он связан.

Входит Вильгельм Телль с самострелом. Он идет быстрыми шагами и с удивлением озирается вокруг; видно, что он очень взволнован. Дойдя до середины сцены, Телль бросается на землю и сначала протягивает руки вперед, а затем поднимает их к небу.

М а л ь ч и к
(замечает его)

Отец, взгляни-ка, кто там на коленях?

Р ы б а к

Смотри, он землю трогает руками.
Он очень странен... Будто вне себя.

М а л ь ч и к
(подходит ближе)

Да это, знаешь... Ты взглядишь, отец!

Р ы б а к
(приближаясь)

Кто это?.. Боже! Неужели Телль?
Да как вы очутились тут, скажите!

М а л ь ч и к

Вы в лодке крепко связанный лежали?

Р ы б а к

И в Кюснахт вас везли, ведь это правда?

Т е л ь
(встает)

Свободен я.

Р ы б а к и е г о с ы н

Свободен! Вот так чудо!

М а л ь ч и к

Откуда вы сейчас?

Т е л ь

Из лодки.

Р ы б а к

Что?

М а л ь ч и к

(одновременно с отцом)

А фохт?

Т е л ь

А фохта носит по волнам.

Р ы б а к

Но как *вы*, Телль... к нам на берег попали?
Как вы спаслись от бури и от уз?

Т е л ь

Господь помог мне!.. Вот как это было.

Р ы б а к и е г о с ы н

Скорей, скорей!

Т е л ь

Известно ль вам, рыбак,
Что в Альторфе произошло?

Р ы б а к

Известно.

Т е л л ь

Так фохт велел меня связать и сам
Отправиться решил со мною в Кюснахт.

Р ы б а к

Во Флюельне он с вами в лодку сел.
Мы знаем всё. Но как же вы спаслись?

Т е л л ь

Я в лодке крепко связанный лежал,
Беспомощный, покинутый... И в мыслях
Я навсегда прощался с белым светом,
С женою и детьми. Я безнадежно
Смотрел вокруг на водную пустыню...

Р ы б а к

Бедняга!

Т е л л ь

В путь мы тронулись — ландфохт,
Его конюший Гаррас и гребцы.
А мой колчан и верный самострел
Лежали на корме у рулевого.
И вот, едва мы только поровнялись
С Меньшой Топор-горою, как внезапно
Такой жестокий, смертоносный вихрь
Примчался из ущелий Сен-Готарда,
Что у гребцов дух занялся от страха,
И всем казалось — гибель неизбежна.
Но, слышу я, один из слуг ландфохта
Так говорит ему: «Ах, ваша милость,
Попали мы в жестокую беду,
И смерть уже в глаза нам заглянула...
В смятении гребцы и рулевой,
Не знают, что им делать, растерялись,
И, видно, мало им знаком наш путь...
Но с нами Телль, силач и добрый кормчий.
Так не прибегнуть ли к нему в беде?»

Тогда сказал мне фохт: «Когда от бури
Берешься, Телль, спасти нас, я велю
Тебя от уз освободить». На это
Я отвечал: «Да, сударь, я берусь
Помочь в беде, была бы божья воля».
И вот меня от пут освободили...
Я встал за руль и смело начал править,
Но все ж на лук поглядывал украдкой
И пристально высматривал местечко
На берегу, куда б я прыгнуть мог.
И только я завидел плоский камень,
Что в озеро далеко выдается...

Рыбак

Я знаю, близ Большой Топор-горы.
Но только невозможно — так он крут —
На этот камень выпрыгнуть из лодки...

Телль

Я крикнул, чтоб сильнее налегли
Гребцы на весла, что за тем утесом
От злейшей мы избавимся беды...
Когда же лодку мы к нему домчали,
Призвал я бога в помощь и плотней,
Что было сил, корму прижал к скале.
И тут, схватив колчан и самострел,
Одним прыжком я выбросился вон —
На голую скалистую площадку,
При этом от себя толчком могучим
Суденышко в пучину отшвырнув,—
Пусть носится средь волн по воле божьей!
Вот как спастись мне удалось от бури
И от насилья злобного людей.

Рыбак

Ну, Телль, над вами видимое чудо
Явил господь! Я все еще не верю
Своим глазам... Скажите же, однако,
Где скрыться вы надеетесь? Беда,
Коль фохт живым уйдет от этой бури.

Т е л л ь

Он говорил, когда еще я связал
Лежал на дне, что в Бруннене пристапет
И через Швиц в свой замок поведет.

Р ы б а к

Он двинется туда по сухопутью?

Т е л л ь

Да, так он думал.

Р ы б а к

Скройтесь же скорей!
Вам от ландфохта дважды не спастись.

Т е л л ь

Как через Арт пройти мне ближе к Кюснахт?

Р ы б а к

Большой дорогой только через Штайнен.
Но этот мальчик — сын мой — вас проводит
И ближе и надежней: через Ловерц.

Т е л л ь

(пожимая ему руку)

Господь вознаградит вас. Ну, прощайте!
(Уходит, но сейчас же возвращается.)

Рыбак, а вы на Рютли присягали?
Сдается, кто-то мне вас называл...

Р ы б а к

Да, я там был и присягал союзу.

Т е л л ь

Тогда, мой друг, скорей ступайте в Бюрглен!
Жена моя в отчаянье. Скажите,
Что я спасен, опасность миновала.

Р ы б а к

Но как сказать мне ей, куда вы скрылись?

Телль

Вы Фюрста и других найдете там,
Что поклялись, тиранам всем на горе...
Пусть будут мужественны и бодры.
Свободен Телль, сильна его рука,
И обо мне они услышат вскоре.

Рыбак

Но цель у вас какая впереди?

Телль

Что вам слова — услышите *о деле*.

(Уходит.)

Рыбак

Ну, с богом, в путь!.. Ты, Енни, проводи.
Чтоб ни было, но Телль достигнет цели.

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Замок Аттингаузена.

Барон, умирающий, в кресле. Вальтер Фюрст, Штауффахер, Мельхталь и Баумгартен хлопчут около него. Вальтер Телль стоит на коленях перед умирающим.

Вальтер Фюрст

Все кончено. Он в вечность отошел.

Штауффахер

Он не похож на мертвого... Смотрите,
У губ его чуть зыблется перо!
Он тихо спит с приветливой улыбкой.

Баумгартен идет к дверям и с кем-то говорит.

Вальтер Фюрст

(Баумгартену)

Кто там пришел?

Баумгартен
(возвращаясь)

Там Гедвига, мать Вельти.
Она и вас и сына хочет видеть.

Вальтер Телль поднимается.

Вальтер Фюрст

Могу ль я дочь утешить... безутешный?
Ах, сколько бед на голову мою!

Гедвига
(врываясь)

Где сын мой? Ну, пустите же к нему!..

Штауффахер

Сдержите свой порыв... в жилище смерти...

Гедвига
(бросается к мальчику)

Мой Вельти! Жив!

Вальтер Телль
(обнимая ее)

Ах, бедная моя!

Гедвига

Ты вправду цел? Ты, Вальтер, невредим?
(Осматривает его с беспокойством.)

Возможно ли? Он целился в тебя?
Как только мог он? У него нет сердца...
Родному сыну в голову стрелять!

Вальтер Фюрст

Как он страдал — в нем сердце разрывалось!
Его принудил фохт под страхом смерти.

Гедвига

О, если б он был любящим отцом,
Сто раз бы умер, но стрелять не стал бы!

Ш т а у ф ф а х е р

Благодарить за все вам надо бога,
Он сына спас вам...

Г е д в и г а

Да, но как забыть,
Чем кончиться *могло б* все это?.. Боже!
Живи я долгий век — все буду видеть,
Как делится отец в родного сына,
И все стрела лететь мне в сердце будет!

М е л ь х т а л ь

Но как ландфохт над Теллем измывался!

Г е д в и г а

О черствые сердца! Когда в вас гордость
Задета, все вам нипочем. Тогда
Мужчина в ярости слепой играет
И сердцем матери и жизнью сына!

Б а у м г а р т е н

Легка ли участь вашего супруга,
Что вы его поносите так тяжко?
К страданиям *Телля* равнодушны вы?

Г е д в и г а

(поворачивается к Баумгартену и окидывает его
суровым взглядом)

А, друга ты слезою выручаешь?..
Где были вы, когда отважный Телль
Был взят? Ну, *чем* ему вы помогли?
Смотрели — и злодейство совершилось,
И выхватили Телля из толпы...
А так ли с *вами* поступал он? Разве
Стоял он, выражая сожаленье,
Когда ландфохта стража за тобой
Гналась, а впереди тебя бурлила
Пучина разъяренная? На слезы
Он времени не тратил зря, он в лодку
Вскочил, забыв жену, детей, и — спас!..

Вальтер Фюрст

Да можно ль было выручить его
Нам, безоружной горсточке крестьян?

Гедвига

(бросается в его объятия)

Отец, отец! И ты его лишился!
Страна и весь народ его лишились!
Мы для него погибли, он — для нас.
К нему, в его подземную темницу,
Не проникает дружеское слово...
Вдруг заболит он! В гнилой тюрьме
Он может заболеть... Как роза Альп
В болотных испареньях блекнет, вянет,
Так для него без солнца жизни нет,
Без воздуха целительного гор.
В оковах! Телль! Ведь он дышал свободой!
Погибнет он, вдыхая тлен могильный!

Штауффхер

Уймите скорбь! Наступит час борьбы,
И Телля тут же мы освободим.

Гедвига

Куда *вы* все годитесь без него?..
Телль на свободе был — *была* надежда;
Невинный в Телле друга обретал,
Заступника надежного — гонимый;
Он каждого спасал... а вы, все вместе,
Его оков не можете расторгнуть!

Барон просыпается.

Баумгартен

Он шевельнулся, тише!

Аттинггаузен
(приподнимаясь)

Где он?

Ш т а у ф ф а х е р

Кто?

А т т и н г а у з е н

Что ж он ушел перед моей кончиной?

Ш т а у ф ф а х е р

Он о племяннике... За ним послали?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Послали... Так утешьтесь, старшина!
Он наш теперь, всем сердцем, всей душою.

А т т и н г а у з е н

Вступился он за родину свою?

Ш т а у ф ф а х е р

Со смелостью героя.

А т т и н г а у з е н

Отчего ж

Не примёт он мое благословенье?
Сомненья нет, подходит мой конец.

Ш т а у ф ф а х е р

О нет, короткий сон вас подкрепил.
Бодрее вы, и ясен стал ваш взор.

А т т и н г а у з е н

Страданье — это жизнь; оно утихло,
Конец мученьям — и конец надежде.

(Заметив Вальтера Телля.)

Кто этот мальчик?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Внук мой, сирота.

Я вас прошу благословить его.

Гедвига с сыном опускаются перед умирающим на колени.

А т т и н г а у з е н

Я всех вас тут сиротами оставлю...
О, горе мне, что в свой последний час
Закат моей отчизны я увидел!
Я дожил до таких преклонных лет —
И все надежды унесу в могилу!

Ш т а у ф ф а х е р
(Вальтеру Фюрсту)

И он умрет с такой печалью в сердце?
Не озарить ли нам последний час
Лучом надежды?.. Благородный рыцарь,
Воспряньте духом! Не совсем еще
Погибли мы, не вовсе беззащитны.

А т т и н г а у з е н

Но кто ж спасти вас должен?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Мы же сами.

Вот выслушайте! Дали три страны
Друг другу слово выгнать всех тиранов.
Союз на Рютли заключен, и клятвой
Все связаны. Мы перед новым годом
Начнем борьбу. Ваш благородный прах
В земле свободной мирно опочнет.

А т т и н г а у з е н

О, повторите! Заключен союз?

М е л ь х т а л ь

В один и тот же день должны подняться
Все три лесных кантона. Все готово.
И бережно хранится тайна всеми,
Хоть тысячам доверена она.
Уже стоят над пропастью тираны,
И дни их своеволия сочтены.
И скоро без следа они исчезнут.

А т т и н г а у з е н

А как же замки с крепкими стенами?

М е л ь х т а л ь

В одну и ту же ночь они падут.

А т т и н г а у з е н

А рыцари к союзу не примкнули?

Ш т а у ф ф а х е р

Мы ждем от них поддержки, но союзу
Пока одни крестьяне дали клятву.

А т т и н г а у з е н

(медленно привстает в величайшем удивлении)

Как, без поддержки рыцарства крестьянин
Дерзнул подобный подвиг предпринять?
О, если он в свои так верит силы,
Тогда ему мы больше не нужны,
В могилу можем мы сойти спокойно.
Бессмертна жизнь... иные силы впредь
К величию народы поведут.

*(Кладет руки на голову стоящего перед ним на коленях
мальчика.)*

От головы, где яблоко лежало,
Для вас свобода лучшая взойдет.
Уходит старое — не то уж время,
Среди развалин снова жизнь цветет.

Ш т а у ф ф а х е р
(Вальтеру Фюрсту)

Каким огнем зажглись его глаза!
Не жизни гаснущей последний проблеск,
Но жизни новой это первый луч.

А т т и н г а у з е н

Вот едут рыцари из старых замков
Присягу дать на верность городам
И в Юхтланде и в Тургау — повсюду.
Подъемлет Берн державную главу,
И Фрейбург создает оплот свободы,
Прилежный Цюрих граждан снаряжает

В кровавый бой... И силы королей
О вековые стены разобьются...

*(Продолжает, как ясновидящий, все более и более
вдохновляясь.)*

Князей и рыцарей вдали я вижу.
Они идут, сверкая сталью лат,
Сломить отважных сыновей свободы —
Борьба на жизнь и смерть! Кровавой сечей
Здесь не одно прославится ущелье.
Вот, не щадя себя, с открытой грудью,
Крестьянин бросился на копий лес —
И брешь пробил — погиб дворянства цвет,
И стяг победы подняла свобода.

(Взяв за руки Фюрста и Штауффахера.)

Держитесь вместе... вечно, нерушимо...
Свобода одного — свобода всех.
Дозоры на вершинах гор поставьте,
Друг другу помогайте. И да будет
Союз ваш век... един... един... един...

*(Откидывается на подушки; но, бездыханный, он еще
держит их руки.)*

Фюрст и Штауффахер некоторое время молча на него смотрят, затем скорбно отходят в сторону. Тем временем тихо собираются слуги. Они подходят, безмолвно выражая, кто сдержаннее, а кто сильнее, свое горе; некоторые становятся возле умершего на колени и плачут, склонившись над его рукой.

В продолжение этой немой сцены звонит колокол замка.

Р у д е н ц
(вбегая)

Он жив? Скажите, он меня услышит?

В а л ь т е р Ф ю р с т
(отвернувшись, указывает на умершего)

Отныне вы — глава наш и защитник,
Другое имя носит этот замок.

Р у д е н ц
(увидев покойника, останавливается в глубоком горе)
О боже!.. Так раскаянье мое
На несколько мгновений запоздало

И радостью не будет для него?
Я пренебрег его благим советом,
Когда он жил... И вот его уж нет.
Ушел навек, на совести моей
Оставив неоплатный долг!.. Скажите,
Мой дядя умер в гневе на меня?

Ш т а у ф ф а х е р

Нет, перед смертью он о вас услышал...
Отвагу вашу он благословил!

Р у д е н ц

(становится на колени возле покойника)

О доблестного рыцаря останки!
Священный прах! Даю тебе обет
Здесь, над твоей остывшею рукою:
Расторгнуты навек с врагами связи.
Я к моему народу возвратился
И навсегда — швейцарец всей душой!..

(Встает.)

Оплакивайте в нем отца и друга.
Но все ж, друзья мои, не унывайте!
Он не одни владенья мне оставил.
Нет, Руденц дух наследует его.
И юность бодрая исполнит долг,
Что хилой старости был не под силу...
Отец почтенный, дайте вашу руку!
И вы свою! Вы, Мельхталь, дайте вашу!
Сомненья прочь! Не отводите глаз.
Примите клятву и мои обеты!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Дадим барону руку. Сердцем он
Вернулся к нам.

М е л ь х т а л ь

Крестьян вы презирали.
Чего ж теперь от вас мы вправе ждать?

Р у д е н ц

О, заблужденья юноши забудьте!

Ш т а у ф ф а х е р

(Мельхталю)

Единство — был умершего завет,
Не забывайте!

М е л ь х т а л ь

Вот моя рука!

Крестьянское рукопожатье стоит
Не меньше слова рыцаря. Притом —
Что вы без нас? И мы — древней дворян!

Р у д е н ц

Я чту крестьян. Мой меч — защита им.

М е л ь х т а л ь

Те руки, что природу покорили
И горы хлеб заставили родить,
Грудь защитить наверное сумеют.

Р у д е н ц

Вы будьте *мне*, я буду *вам* оплотом.
Союзом нашим будем мы сильны.
Но прочь слова, когда страна родная —
Добыча чужеземной тирании...
Сперва страну очистим от врага,
А после на досуге разберемся.

(Помолчав.)

Вам нечего ответить мне? Молчите?
Доверья я еще не заслужил?
Друзья, тогда я против вашей воли
Проникну в тайну вашего союза.
На Рютли были вы... и присягнули, —
Известно мне, что там произошло.
Я эту тайну, как залог священный,
Хранил, хоть мне ее не доверяли.
Нет, не был я врагом моей стране,
Ни разу я еще вам не вредил.
Но все ж, друзья, не надо мешкать вам.
Быстрей ударьте — гибельна отсрочка,
Телль первой жертвой промедленья стал...

Ш т а у ф ф а х е р

Мы дали клятву ждать до рождества.

Р у д е н ц

Я не был там и клятвы не давал я.
Не вы, так я начну.

М е л ь х т а л ь

Как? Неужели...

Р у д е н ц

К старшинам вашим я теперь причислен,
И первый долг мой — быть защитой вам.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Предать земле останки дорогие —
Ваш первый и священный долг пред всеми.

Р у д е н ц

Освободив страну, мы принесем
Венок победы на его могилу.
Друзья мои! Я не за вас одних
С тираном лютым насмерть буду биться —
И за себя!.. Узнайте же! Исчезла,
Похищена моя невеста Берта.
Еще одно совершено злодейство!

Ш т а у ф ф а х е р

Тиран дерзнул на произвол такой
И рыцарскую дочь посмел похитить?

Р у д е н ц

Я обещал вам помогать, друзья,
Но сам сперва о помощи молю.
Ах, у меня любимую отняли!
Кто знает, где она заточена?
Злодей любой ценой ее заставит,
Увы, с ним в ненавистный брак вступить!
О, помогите мне ее спасти!..
Ведь за любовь к стране она достойна,
Чтоб на ее защиту встали все..

В а л ь т е р Ф ю р с т

Что ж вы предпримете?

Руденц

Ах, я не знаю!

Сквозь этот мрак, который окружает
Ее судьбу, и сквозь сомненья, страхи,
Когда не знаешь, что же предпринять,
Одна лишь ясно проступает мысль:
Из-под обломков тирании лютой
На божий свет мы Берту извлечем.
Коль крепости врага разрушим мы,
Дойдем, быть может, до ее тюрьмы.

Мельхталь

Ведите нас! Мы все пойдем за вами.
Уже сегодня нам борьба по силам!
Телль на свободе был, когда клялись мы,—
Еще не совершилось злодеянье.
Иное время — и закон иной.
Тот низкий трус, кто медлить будет доле!

Руденц

(Штауффбахеру и Вальтеру Фюрсту)

Так за мечи, за копья, дело близко!
Огни уж скоро вспыхнут по горам.
Стремительнее вестового судна
Победы нашей весть примчится к вам.
Огней сигнальных будет цепь ярка!
Вы молнией на недруга ударьте
И сбросьте гнет тиранов — на века!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ущелье неподалеку от Кюснахта.

Сюда спускаются по тропинке между скал, и каждого путника, прежде нежели он появится на авансцене, видно наверху. Скалы вокруг; одна из них, поросшая кустарником, выдается вперед.

Телль

(входит с самострелом)

По этому ущелью он поедет;
Другого в Кюснахт нет пути... И здесь

Я все свершу... благоприятен случай.
Куст бузины меня надежно скроет,
Оттуда я стрелой тебя достану,
А для погони тесен этот путь.
Кончай скорей расчеты с небом, фохт!
Твой час настал. Ты должен умереть!

Я прежде жил спокойно и беззлобно,
Одних зверей стрелою поражал
И был далек от мыслей об убийстве...
Теперь ты мир моей души смутил,
И в яд змеиный превратил во мне
Ты молоко благочестивых мыслей.
Ты сам вложил мне в руки этот лук:
Кто в голову родного сына целил,
Сумеет в сердце поразить врага!

Детей невинных, верную жену
Я защищать от ярости твоей
Обязан, фохт!.. Когда рукой дрожащей...
Упорный лук натягивал я свой...
Когда меня ты с дьявольским злорадством
Стрелять в родного сына принуждал...
И тщетно умолял я о пощаде...
Тогда в душе я страшную дал клятву —
Ее лишь бог слышал, — что *первой* целью
За этим выстрелом в дитя послужит
Мне грудь твоя... И тот обет священный,
Который лютой порожден был мукой,
Исполню я... Мой лук тому порукой.

Ты господин мой, ты имперский фохт;
Но разве мог себе сам император
Позволить столько?.. Он тебя послал,
Чтоб суд творить — пусть строгий, он
разгневан, —

Но не над всеми злобно потешаться
И наносить преступные удары.
Есть бог вверху для мщенья и для кары.

Лети же, смертоносная стрела,
Бесценное сокровище мое!
Вот цель тебе, что к просьбам и молениям
Была всегда глуха и недоступна...
Но пред *тобой* она не устоит...

Ты ж, крепкая, тугая тетива,
Так часто мне служившая на играх,
Не выдавай меня и в грозный час!
Мой верный друг, покорна будь усилью,
Ты часто окрыляла мне стрелу.
Без промаха единственной стрелой
Сразим врага — в колчане нет другой.

Путники проходят через сцену.

Присяду здесь, на каменной скале.
Тут путников короткий отдых ждет...
Их родина далёко... Все спешат,
Друг другу чуждые, никто не спросит,
Какое горе у тебя на сердце...
Проходит озабоченный купец,
И с легкою котомкой богомолец...
И набожный монах, а там еще
Разбойник мрачный иль дударь веселый;
Идет погонщик за своим конем,
Навьюченным дарами стран далеких...
Их всех сюда влекут свои дела,
Меня же мысль о крови привела!

(Садится.)

Бывало, как с охоты приходил
Отец ваш, дети, то-то был вам праздник!
Он каждый раз вам приносил домой
Диковинную птицу, иль цветок
С альпийских пастбищ, или самоцвет,
Какой в горах, случается, находят...
На промысел другой теперь он вышел:
Задумал он убийство на дороге —
И вот врага подстерегает здесь.
Но и теперь о вас тревога, дети...
Невинных, вас он хочет защитить:
Чтоб вы спаслись от мщения злодея,
В него стрелу он пустит, не жалея!

(Встает.)

Я крупного подстерегаю зверя...
Не унывая, день-деньской охотник
Скитается в горах в мороз трескучий,

И прыгает с утеса на утес,
И лезет вверх по страшной крутизне,
С истерзанными до крови руками...
А все, чтоб серну жалкую добыть.
Меня награда ждет куда ценней —
Здесь поражу смертельного врага.

Издали, все приближаясь, доносятся звуки веселой музыки.

Я никогда не расставался с луком,
Всю жизнь в стрельбе искусной упражнялся.
Без промаха в мишень я попадал,
И не один прекрасный дар за это
Я получал на наших состязаньях...
Но этот *выстрел* будет *мастерской*,
Я лучшую в горах возьму награду.

С Ц Е Н А Ч Е Т В Е Р Т А Я

Через сцену вверх по дороге движется свадебная процессия.
Тельль смотрит на нее, опираясь на свой лук. Полевой сторож
Ш т ю с с и подходит к нему.

Ш т ю с с и

Вот женится смотритель монастырских
Поместий; сам богатый человек —
Да, у него с десятков стад в горах!..—
А взял невесту он из Имензее.
Пир в Кюснахте сегодня до утра.
Пойдем туда. Там рады всем гостям.

Т е л л ь

Нет, хмурый гость на свадьбе не у места.

Ш т ю с с и

Любую скорбь — скорей из сердца вон!
Сам знаешь, нынче времена лихие.
Лови, стрелок, веселье на лету.
Здесь — свадьба; там, быть может, — погребенье.

Т е л л ь

А иногда — то и другое рядом.

Ш т ю с с и

Да, всякое случается на свете.
Довольно бед кругом... Скала в Глариссе
Обрушилась, и оползень засыпал
Немалое пространство.

Т е л л ь

Значит, горы
И те не вечны? Все непрочно в мире.

Ш т ю с с и

А вот еще какой чудесный случай
Недавно мне рассказывал проезжий:
Поехал знатный рыцарь к королю.
И вот дорогой целый рой шершней
Напал на лошадь. Так ее заели,
Что наземь рухнула и околела.
А рыцарь к королю пешком прибред.

Т е л л ь

И слабому дала природа жало.
Армгарда посвяляется с несколькими детьми
и становится на дороге.

Ш т ю с с и

Все это, брат, беду сулит стране
И лютые, безумные злодейства.

Т е л л ь

Ужасные злодейства что ни день
Без знамений особых происходят.

Ш т ю с с и

Да, счастлив тот, кто мирно землю пашет
И безмятежно средь своих живет.

Т е л л ь

И смирному спокойно не прожить,
Коль он соседу злому неугоден.

*(С беспокойным ожиданьем то и дело поглядывает вверх
на дорогу во время всего разговора.)*

Ш т ю с с и

Прощай, брат... Вижу, ты кого-то ждешь.

Т е л л ь

Да, жду.

Ш т ю с с и

Ну, так счастливо возвратиться!
Ты, кажется, из Ури? Наш ландфохт
Прибыть сегодня должен был оттуда.

П у т н и к

(мимоходом)

Не ждите нынче фохта. Реки вышли
От сильного дождя из берегов,
И все мосты снесло потоком бурным.

Телль встает.

А р м г а р д а

(подойдя ближе)

Фохт не проедет мимо!

Ш т ю с с и

Ты к нему?

А р м г а р д а

О да, к нему!

Ш т ю с с и

Но отчего, скажи-ка,
Ты стала поперек его пути?

А р м г а р д а

Чтоб выслушал — тут некуда податься.

Ф р и с г а р д

(быстро спускаясь по дороге, кричит)

С дороги прочь! Мой господин ландфохт
За мною следом едет. Расступитесь!

Телль уходит.

А р м г а р д а
(взволнованно)

Ландфохт к нам едет!

(Становится с детьми на авансцене.)

Геслер и Рудольф Гаррас, оба верхом, появляются
вдали на взгорье.

Ш т ю с с и

Как вы добрались?

Ведь, говорят, мосты снесло водой.

Ф р и с г а р д

На озере мы с бурей схватились.

Потоки с гор теперь нам не страшны.

Ш т ю с с и

Вы были в лодке в такую бурю?

Ф р и с г а р д

Да, были. Век я это буду помнить.

Ш т ю с с и

Ах, расскажи нам!

Ф р и с г а р д

Нет, мне надо в замок —

Предупредить, что скоро будет фохт.

Ш т ю с с и

Будь в лодке люди честные — конечно,

Пошли б ко дну. Ну, а такой народ

В воде не тонет, не горит в огне.

(Оглядывается.)

Никак стрелка уже и след простыл?

(Уходит.)

Геслер и Рудольф Гаррас, верхом.

Г е с л е р

Я императору слуга, поймите,
И угождать ему во всем обязан.
Меня послал он не за тем, чтоб гладить
Народ по шерстке... Нет, повиновенья
Он ждет. Борьба идет за то, кто здесь
Хозяин: император иль крестьянин.

А р м г а р д а

Теперь пора! Я с ним заговорю!

(Робко приближается к ним.)

Г е с л е р

Не шутки ради я повесил шляпу,
Не для того, поверьте, чтобы этим
Испытывать народ,— его я знаю;
Но лишь затем, чтоб научить крестьян
Склонять свои упрямые затылки.
Препятствие на их пути обычном
Поставил я, чтоб, о него споткнувшись,
Припомнили они, кто господин их.
А то уж стали забывать его.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Но у народа есть свои права...

Г е с л е р

Да время ль нам теперь их разбирать?
Великие свершаются деянья.
Дом Габсбургов все крепнет. Сын закончит,
Что славно было начато отцом.
Народец этот нам преградой стал,
Но мы его заставим покориться.

Хотят ехать дальше. Армгарда бросается перед Геслером на колени.

А р м г а р д а

О сжальтесь! Сжальтесь! Будьте милосердны!

Г е с л е р

Ну, не стоять тут поперек пути!
Прочь от меня!

А р м г а р д а

Мой муж сидит в темнице,
Голодные сироты плачут... Сжальтесь
Над тяжкою нуждою, господин!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Кто вы? Откуда? Кто ваш муж?

А р м г а р д а

Бедняк.

Он косит сено на отвесных склонах,
Над грозною подчас повиснув бездной,
Карабкаясь по скалам, где не может
Пасть привычный к горным кручам скот...

Р у д о л ь ф Г а р р а с

(ландфохту)

О, как жалка жизнь этих горемык!
Верните ей хозяина и мужа!
Как ни была б тяжка его вина,
Он ремеслом своим уже наказан.

(Женщине.)

Наместник все рассудит по закону...
Придите с просьбой в замок... Здесь не место.

А р м г а р д а

Нет, шагу я не сделаю отсюда,
Пока мне мужа фохт не возвратит.
Полгода скоро он сидит в тюрьме
И приговора тщетно ожидает.

Г е с л е р

Ты заставляешь меня? Посторонись!

А р м г а р д а

Будь справедлив! Ведь ты судить обязан
Во имя императора и бога.

Исполни долг! Коль милости ты ждешь
От господа, то милость нам яви!

Г е с л е р

Прочь, дерзкая! Убрать ее с дороги!

А р м г а р д а

(хватаясь за поводья)

Не отступлю! Мне нечего терять!
Остановись! Ни шагу дальше, фохт.
Сперва ты мне окажешь правосудье...
Выкатывай на лоб свои глаза...
Несчастьям нашим меры нет, и нас
Твой лютый гнев, ландфохт, не испугает...

Г е с л е р

Пусти иль затопчу тебя конем!

А р м г а р д а

Топчи! Вот, на...

Хватает детей и бросается с ними на землю.)

Дави меня с детьми...

Пусть кованым копытом их тела
Твой конь растопчет, не щади сирот!
Куда страшней ты совершал злодеяства...

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Безумная!

А р м г а р д а

(вне себя)

Ведь ты уже давно
Страну, народ ногами попираешь!
О, если б я была мужчиной, фохт,
Я что-нибудь придумала б другое,
Чем здесь лежать во прахе...

Издали снова доносится свадебная музыка, но глуше.

Г е с л е р

Где же люди?

Гоните прочь ее, или, забывшись,
Я что-нибудь ужасное свершу.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Пройти сюда отряду невозможно —
Ему дорогу свадьба преградила.

Г е с л е р

Я, право, слишком мягкий властелин
Для этого народа... Языки
Дерзки у этих горцев непокорных.
Клянусь, что все пойдет теперь иначе:
О, я сломя их дерзкое упорство,
Я подавлю кичливый дух свободы!
Я новый возведу закон стране
И прикажу...

(Стрела пронзает его, он хватается рукой за сердце и, качаясь в седле, произносит слабым голосом.)

Умилосердись, боже!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Что за напасть... Откуда? Что такое?

А р м г а р д а

(вскакивая)

Он падает! Убит! Сражен стрелой!
Она ландфохту в сердце угодила!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

(соскакивает с лошади)

О ужас!.. Боже!.. Господин ландфохт...
Взовите к милосердию небес!..
Вы при смерти!..

Г е с л е р

О, это выстрел Телля...

(Соскальзывает с лошади на руки Рудольфу Гаррасу, который кладет его на скамью.)

Т е л л ь

(появляясь сверху, на вершине скалы)

Узнал стрелка — другого не ищи!
Свобода — хижинам и мир — невинным!
Моей отчизне ты теперь не страшен!

(Исчезает за скалой.)

На сцену врывается народ.

Ш т ю с с и

(вперед)

Что здесь такое? Что произошло?

А р м г а р д а

Ландфохт убит стрелой.

Н а р о д

(сбегаясь)

Кто, кто убит?

Меж тем как передние из свадебного поезда выходят на сцену, задние находятся еще на взгорье, и музыка продолжается.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Он кровью изойдет! Сюда, на помощь!
Преследуйте убийцу, да скорей!
Несчастный, ты дождался, вот конец твой;
Не слушался ты моего совета!

Ш т ю с с и

О боже! Как он бледен, неподвижен!

Г о л о с а

Чьей он казнен рукой?

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Эй, там, уймитесь!
Убийство здесь, а музыка ликует!

Музыка внезапно прекращается. Народ все прибывает.

Ландфохт, ответьте мне, когда вы в силах:
Вам нечего доверить мне?

Геслер делает знак рукой и с досадой повторяет его, видя, что жест остался непонятым.

Куда?

Что, в Кюснахт?.. Я не понял вас... Ландфохт,
Не будьте так нетерпеливы... Надо,
Забыв земное, с небом примириться!

Весь свадебный поезд в ужасе окружает умирающего.

Ш т ю с с и

Он все бледней... Смерть... к сердцу
подступила...
А вот уже он и глаза закрыл.

А р м г а р д а

(поднимая ребенка)

Смотри, дитя, как умирает изверг!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

О женщины безумные! Неужто
В вас сердца нет, что зрелище такое
Для вас потеха? И никто не хочет...
Да помогите ж выдернуть стрелу!

Ж е н щ и н ы

(отступая)

Спасать того, кого господь сразил?!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Так будьте же вы прокляты!

(Хватается за меч.)

Ш т ю с с и

(удерживает его руку)

Не смейте!

Господству вашему конец. Убит

Тиран страны. Мы больше не потерпим
Насилья над собой. Свободны мы.

В с е
(шумно)

Страна свободна!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Вот вы как! Уже?
Так скоро всякий страх у вас пропал?

(Подошедшим оруженосцам.)

Вы видите, тут страшное убийство
Совершено... И тщетна наша помощь...
Преследовать убийцу бесполезно.
Другие впереди у нас заботы.
Скорее в Кюснахт! Замок этот крепкий
Спасти для императора нам надо.
Распались узы долга и порядка,
И никому довериться нельзя.

(Удаляется с оруженосцами.)

Входят шесть монахов — братьев милосердия.

А р м г а р д а

Вот братья милосердия идут!

Ш т ю с с и

Была бы жертва — ворон тут как тут.

Б р а т ь я м и л о с е р д и я

*(становятся полукругом возле покойника и поют
глухими голосами)*

Внезапно может смерть прийти,
Ей не указан день и час.
Она сразит на полпути:
Ты в цвете сил — и вот угас.
Готов ты умереть иль нет —
Дай высшему судье ответ!

При повторении последних стихов занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Площадь в Альторфе.

В глубине, направо, стоит крепость «Иго Ури» с еще не убранными лесами, как в третьей сцене первого действия. Налево тянется цепь гор, на которых пылают сигнальные огни. Рассвет.

Издалека с разных сторон доносится звон колоколов.

Руоди, Куони, Верни, мастер-каменотес и множество других поселян, женщины и дети.

Руоди

Вы видите — костры зажглись в горах?

Каменотес

А слышите — набат гудит за лесом?

Руоди

Враг побежден.

Каменотес

И пали замки фохтов.

Руоди

Ужели здесь, средь гор лесистых Ури,

Потерпим мы насилия оплот?

Нам позже всех провозгласить свободу?

Каменотес

Позволить *Игу* здесь стоять угрозой?

Ломай, круши!

Все

Круши! Ломай! Круши!

Руоди

Где наш трубач?

Трубач Ури

Я здесь. Зачем я нужен?

Р у о д и

На башню подымись да затруби
В свой звонкий рог, чтоб далеко в горах
Отдался звук тысячеустым эхом
И чтоб скорее на призыв могучий
Народ из Ури шел!

Трубач Ури уходит. Появляется Вальтер Фюрст.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Друзья! Пойдите!
Вестей из Унтервальдена и Швица
Все нет как нет. Сперва гонцов оттуда
Нам надо подождать.

Р у о д и

Как подождать?
Тиран убит, забрезжил день свободы.

К а м е н о т е с

Гонцов? А вы не видите? Кругом
В горах костры сигнальные пылают!

Р у о д и

Сюда, сюда! За дело всем народом!
Долой леса! Обрушим своды, стены!
Мы камня тут на камне не оставим!

К а м е н о т е с

Эй, подмастерья! Замок мы воздвигли,
Сумеем и разрушить.

В с е

Бей, круши!

(Бросаются со всех сторон на недостроенную крепость.)

В а л ь т е р Ф ю р с т

Пошло! Теперь ничем их не удержишь.

Входят Мельхталь и Баумгартен.

М е л ь х т а л ь

Как, замок цел? Когда уже весь Сарнен
Испепелен и крепкий Росберг пал?

В а л ь т е р Ф ю р с т
(*Мельхталю*)

Вы с чем пришли?.. Свобода или рабство?
Что, от врага очищена страна?

М е л ь х т а л ь
(*обнимая его*)

Очищена. Порадуйтесь, отец!
Свободны мы. Теперь уже нигде
В Швейцарии тиранов не осталось.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Как удалось вам замки захватить?

М е л ь х т а л ь

С отчаянной отвагой Ульрих Руденц
Взял замок Сарнен приступом внезапным.
В почь перед этим в Росберг я проник.
Но слушайте, друзья! Когда мы замок,
Очистив от врага, зажгли и пламя,
Треща, взвилось столбом под небеса,
Вбежал Дитгельм, паж Геслера, и крикнул,
Что Берта Брунек заживо сгорит.

В а л ь т е р Ф ю р с т

О боже!

Слышно, как рухнули леса постройки.

М е л ь х т а л ь

Тайным повеленьем фохта
Она была заточена в темницу.
Не взвидя света, Руденц тут вскочил!
Уже трещали балки и стропила,
И к нам из клубов дыма долетал
Несчастной жертвы вопль.

Вальтер Фюрст

Ее спасли?

Мельхталь

Спассти могли решимость, быстрота!
И будь он *только* нашим дворянином,
Пожалуй, мы б задумались. Но Руденц —
Союзник наш, а Берта чтит народ...
И потому мы жизнью вновь рискнули
И кинулись в огонь ее спасать.

Вальтер Фюрст

И что ж, спасли?

Мельхталь

Спасли. Ее мы оба
Стремительно сквозь пламя пронесли, —
За нами тут же рухнули стропила.
Но вот, когда она, придя в себя,
Свои глаза сиянью дня открыла,
Барон меня в объятьях сжал. Так был
Безмолвной клятвой закреплен союз,
И он, в огне пожара закаленный,
Любой удар судьбы перенесет...

Вальтер Фюрст

Где ж Ланденбергер?

Мельхталь

Он за рубежом.
Не я виной, что тот свет солнца видит,
Кем мой отец был зверски ослеплен.
Я вслед за ним погнался — и настиг,
К ногам отца я в прах поверг злодея
И острый меч над ним уже занес,
Но милосердию слепого старца
Обязан он, что вымолил пощаду.
Он дал зарок сюда не возвращаться —
И не нарушит клятву. На себе
Узнал он силу наших рук.

Вальтер Фюрст

Хвала вам,
Что вы победу кровью не пятнали!

Дети
(пробегая по сцене с обломками лесов)
Свобода!.. Воля!..

Раздаются могучие звуки рога Ури.

Вальтер Фюрст

Праздник-то какой!
О нем вовек и дети не забудут.

Девушки несут шляпу на шесте. Вся сцена заполняется народом.

Руоди

Вот шляпа — чтить ее нас принуждали.

Баумгартен

Решайте, как нам с нею поступить.

Вальтер Фюрст

Ах, господи! Под ней стоял мой внук!

Несколько голосов

Топчите, рвите памятник насилья!
В огонь ее!

Вальтер Фюрст

Нет, лучше сохраним!
Она была орудьем тирании,
Теперь она — свободы нашей знак!

Поселяне, поселянки и дети, кто сидя, а кто стоя на обломках рухнувших лесов, образуют большой живописный полукруг.

Мельхталь

Союзники! Как радостно стоять
Здесь, на обломках павшей тирании!
Все свершено, в чем мы клялись на Рютли.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Начало это, но не завершение.
О, нам нужны отвага и сплоченность!
Поверьте, император не замедлит
Начать войну, чтоб отомстить за фохта
И силой к нам всех изгнанных вернуть.

М е л ь х т а л ь

Ну что ж, пусть он ведет свои войска!
Внутри страны врага мы победили —
И внешнего сумеем отразить.

Р у о д и

Не много к нам ведет проходов горных,
Их защищать мы будем нашей грудью.

Б а у м г а р т е н

Союз наш вечен, непоколебим,
Нас полчища врага не устрашат!

Входят Рёссельман и Штауффахер.

Р ё с с е л ь м а н

(входя)

О грозный суд разгневанных небес!

П о с е л я н е

Что, что такое?

Р ё с с е л ь м а н

Дожили, вот время!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Но что случилось?.. Вернер, что такое?

П о с е л я н е

Что за напасть?..

Р ё с с е л ь м а н

О боже, что творится!

Ш т а у ф ф а х е р

Избавлены мы от большой угрозы...

Р ё с с е л ь м а н

Убит наш император!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Боже правый!

Поселяне вскакивают со своих мест и окружают Штауффахера.

В с е

Убит! Что?.. Император!.. Император!..

М е л ь х т а л ь

Да как же так? Откуда эти вести?

Ш т а у ф ф а х е р

Сомнений нет. Под Бруком Альбрехт пал
От рук убийц... Нам эту весть принес
Правдолюбивый *Иоганнес Мюллер*.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Но кто виновник страшного злодейства?

Ш т а у ф ф а х е р

Оно еще ужасней оттого,
Что совершил его родной племянник,
Сын брата, швабский герцог Иоганн.

М е л ь х т а л ь

А что его толкнуло на злодейство,
Отцеубийству равное?

Ш т а у ф ф а х е р

Наследства

Племяннику не отдал император
И будто бы хотел совсем отнять
Его владенья, дав ему взамен
Епископство. Но юный герцог внял
Товарищей своих совету злому

И вместе с Варгом, Пальмом, Эшенбахом
И Тегерфельдом порешил на том,
Что раз ему отказано в правах,
То собственной рукой он отомстит.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Но как свершилось это злодеянье?

Ш т а у ф ф а х е р

В свою столицу ехал император
Из Бадена со свитою блестящей,
В которой сын его был Леопольд
И герцог Иоганн. Когда ж до Ройса
Доехали, то сразу к переправе,
Всех оттеснив, убийцы поскакали
И вместе с императором поплыли.
Потом верхом поехал государь
По полю, где огромный древний город
Был, говорят, в языческое время...
И на виду у Габсбургского замка —
Австрийский дом свой род ведет оттуда —
Сам герцог Иоганн ему нанес
Удар кинжалом в горло, а фон Пальм
Его пронзил копьём на всем скаку,
А череп Эшенбах рассек мечом.
И рухнул Альбрехт, весь в крови, сраженный
Своими на земле своих отцов.
А свита, отделенная рекою,
Беспомощно глядела на расправу
И только воздух воплем оглашала.
И на руках у нищенки бездомной
Весь кровью император изошел.

М е л ь х т а л ь

Вот как пришлось владыке умереть,
Что жадно всем стремился завладеть!

Ш т а у ф ф а х е р

Безмерный ужас охватил страну.
Везде в горах завалены проходы,
Вблизи границ все настрожены.

И затворил ворота древний Цюрих,
Хоть тридцать лет он их не затворял.
Убийц боятся, мстителей — подавно.
Уже идет с войсками королева
Венгерская — суровая Агнеса.
Всегда ей кротость женская чужда.
Она проклятья шлет и отомстить
За царственную кровь отца клянется
Преступникам, их роду, детям, внукам,
И слугам их, и даже камням замков.
Она грозит, что целые семейства
В отцовскую могилу сбросит, кровью
Омоется, как майскою росой.

М е л ь х т а л ь

Известно ль вам, куда убийцы скрылись?

Ш т а у ф ф а х е р

Все пятеро сообщников бежали,
Свершив убийство, в пять концов различных,
Чтоб никогда не встретиться... Как слышно,
В горах у нас блуждает Иоганн.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Так не дало им проку злодеянье!
Бесплодна месть — она убийства жаждет,
Убийством насладится, а затем
В отчаянье бездонном захлебнется.

Ш т а у ф ф а х е р

Убийцам пользы нет от преступленья.
Но *мы* рукою чистой соберем
Кровавого злодейства плод благой.
Мы от большой избавлены угрозы:
Свободы самый грозный враг — в могиле.
И будто бы другому дому скипетр,
Не Габсбургам, достанется. Желает
Империя свободно избирать.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Что ж вы слышали?

Ш т а у ф ф а х е р

Большинством намечен,
Как говорят, граф Генрих Люксембург.

В а л ь т е р Ф ю р с т

С империей не порывали мы,
И благо нам — теперь добьемся правды!

Ш т а у ф ф а х е р

В друзьях нуждаясь, новый император
Защитой против Австрии нам будет.

Все бросаются в объятия друг другу. Входит Петерман
с имперским гонцом.

П е т е р м а н

Вот старшины почтенные.

Р ё с с е л ь м а н и д р у г и е

(Петерману)

Вы с чем?

П е т е р м а н

Гонец имперский с грамотою прибыл.

В с е

(Вальтеру Фюрсту)

Читайте вы!

В а л ь т е р Ф ю р с т

(читает)

«Всем гражданам любезным
Трех стран лесных дарует королева
Елизавета милости и блага».

Н е с к о л ь к о г о л о с о в

Что нужно ей? Здесь нет ее владений.

Вальтер Фюрст
(читает)

«В великой скорби и печали вдовьей,
В которую повергнута она
Кровавою кончиною супруга,
Любовь и верность помнит королева».

Мельхталь

А счастлива была — не вспоминала.

Рёссельман

Дослушаем! Потише!

Вальтер Фюрст
(читает)

«И думает, что преданный народ
Со справедливым омерзеньем встретит
Злодеев окаянных. Посему
Ждет королева, что в лесных кантонах
Им, извергам, никто не даст приюта,
А что усердно будут помогать
Их изловить и выдать для отмщенья,
Любовь и милость памятуя, кои
Здесь Рудольфа державный дом явил».

Знаки недовольства среди поселян.

Многие голоса

Любовь и милость!

Штауффахер

Нам милости оказывал отец,
Но можно ли сыновними хвалиться?
Он разве наши льготы подтвердил,
Как всякий император до него?
Творил ли он над нами правый суд?
Давал ли невинному защиту?
И принял ли послов от наших стран,
Когда мы их в тревоге снарядили?

Нет, Альбрехт ничего для нас не сделал.
И если б мы могучею рукою
Не защитили наших прав, его
Не тронули б вовек несчастья наши...
За что ж благодарить? Он не посеял
Тут благодарности, хоть мог бы стать
Отцом любимым всех своих народов.
Лишь о своих он проявлял заботы,
Они пусть плачут,— нет у нас охоты!

В а л ь т е р Ф ю р с т

Мы радоваться гибели его
И лихом *ныне* поминать не будем.
Избави бог от этого! Но *мстить*
За смерть того, кто нам добра не делал,
И тем вредить, кто зла не причинил нам,
Не подобает нам и не пристало.
О нет, любить нельзя по принуждению!
Смерть этот долг насильственный сняла,
Мы с Альбрехтом покончили дела.

М е л ь х т а л ь

Пусть во дворце вдова его рыдает
И горькие стенанья к небу шлет.
Вы видите — народ без страха дышит.
Хвала творцу, что миновали грозы!
Посей любовь — пожнешь участья слезы.

Имперский гонец уходит.

Ш т а у ф ф а х е р (народу)

Но где же Телль? Как, все еще не видно
Свободы нашей смелого творца?
Он больше всех свершил и настрадался.
Пойдем с приветом от всего народа
К тому, с кем завоевана свобода!

Все уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сени в доме Телля.

В очаге горит огонь. В распахнутые двери видны окрестности.
Гедвига, Вальтер и Вильгельм.

Г е д в и г а

Отец домой придет сегодня, дети!
Он жив! Свободен! Все кругом свободны!
Отец ваш, знайте, родины спаситель.

В а л ь т е р

И я при этом был не из последних!
Не забывай, отцовская стрела
Грозилась смертью мне, но я не дрогнул.

Г е д в и г а
(обнимая его)

Да, да, ты небом снова мне дарован!
Тебя я в муках дважды породила!
Ты мною дважды выстрадан, мой сын!
Но все прошло... Мои вы оба, оба!
Сегодня возвращается отец!

На пороге появляется монах.

В и л ь г е л ь м

Мать, погляди: вот набожный монах,
Сейчас начнет молить о подаянье.

Г е д в и г а

Веди его с дороги подкрепиться.
Пусть чувствует, что в нашем доме радость.
(Уходит и вскоре возвращается с кубком.)

В и л ь г е л ь м
(монаху)

Войдите. Мать зовет вас отдохнуть.

В а л ь т е р

И, подкрепясь, пойдете снова дальше!

М о н а х

(робко озираясь, с расстроенным выражением лица)

Где я? В какой, скажите мне, стране?

В а л ь т е р

Не знаете? Вы, видно, заблудились.
Вы в Бюрглене, в лесном кантоне Ури,
Рукой подать до Шехенской долины.

М о н а х

(возвращающейся Гедвиге)

Одна ли вы? Иль ваш хозяин дома?

Г е д в и г а

Я жду его как раз... Что это с вами?
Недоброе задумали вы что-то.
Но все равно, берите, вы в нужде.

(Подает ему кубок.)

М о н а х

Как сердце истомленное ни жаждет,
Я не притронусь, обещайте мне...

Г е д в и г а

Я вас прошу ко мне не прикасаться,
Не подходить, а то не буду слушать!

М о н а х

Клянусь гостеприимным очагом
И вашими детьми, которых я
Так рад обнять...

(Хватает мальчиков.)

Г е д в и г а

Да это что же? Прочь,
Прочь от моих детей!.. Вы не монах!
Мир должен жить в монашеской одежде,
Но мира нет у вас в чертах лица.

М о н а х

Я человек несчастнейший на свете!

Г е д в и г а

Несчастья голос тотчас внятен сердцу,
Но молкнет все в душе под вашим взглядом.

В а л ь т е р
(подпрыгивая)

Ах, наш отец!

(Убегает.)

Г е д в и г а

О боже мой!

(Хочет идти, но начинает дрожать и останавливается.)

В и л ь г е л ь м
(бежит следом)

Отец!

В а л ь т е р
(за сценой)

Ты снова дома!

В и л ь г е л ь м

Ах, отец наш милый!

Т е л ь
(за сценой)

Да, вот и я... Но, дети, где же мать?

(Входит.)

В а л ь т е р

Вон у дверей. Сойти не может с места
И вся дрожит от радости и страха!

Т е л ь

О Гедвига! О мать моих детей!
Бог нам помог — тиран нас не разлучит.

Г е д в и г а
(обнимая его)

Мой Телль! Как я страдала за тебя!

Монах прислушивается.

Телль

Ликуй, жена, забудь свои страдания!
Мы вместе вновь! Вот хижина моя!
И на своей земле стою я твердо.

Вильгельм

Куда же ты, отец, девал свой лук?
Его не вижу я.

Телль

И не увидишь.
Повешен он в обители святой
И на охоте больше не послужит.

Гедвига

Мой Телль!

(Отступает, вырывая свою руку.)

Телль

Чего ты, радость, испугалась?

Гедвига

Ты кто... ты *кто* теперь? Твоей руки
Могу ль коснуться?.. Той руки... О боже!

Телль

(от всего сердца, мужественно)

Она стране и вам была защитой;
Я к небу смело подыму ее.

Монах делает резкое движение. Телль замечает монаха.

Кто этот брат?

Гедвига

Да, я о нем забыла!
Мне жутко с ним, ты расспроси его.

Монах

(подходит ближе)

Итак, вы — Телль, наместника сразивший?

Телль

Да, не таясь ни перед кем,— он самый.

Монах

Телль предо мной! Всевышнего рукою
Под вашу крышу я был приведен.

Телль

(окидывая его взглядом)

Вы не монах! Но кто же?

Монах

Вы сразили
Ландфохта, причинившего вам зло...
И я врага убил,— он на мои
Права смел посягнуть... Он общий враг наш.
Я от него ваш край освободил.

Телль

(отпрянув назад)

Так вы... о ужас! Дети, уходите!
Ступай, жена! Иди, иди!.. Несчастный!
Вы тот...

Гедвига

О боже, кто?

Телль

Молчи, жена!

Прочь, прочь с детьми! Пускай они не слышат.
Ступайте же отсюда... Вам нельзя
Под крышею *одной* с ним находиться.

Гедвига

Беда какая! Что ж, пойдем!

(Уходит с детьми.)

Телль

(монаху)

Вы герцог
Австрийский... Да, не отпирайтесь! Вами
Был государь, ваш дядя, умерщвлен...

И о г а н н П а р р и ц и д а

Моих земель грабитель.

Т е л л ь

Он ваш дядя,
Ваш император был! И как вас терпит
Земля! И солнце как еще вам светит!

П а р р и ц и д а

Телль, выслушайте прежде...

Т е л л ь

Ты посмел,
Отцеубийца и цареубийца,
Запятнан кровью, в честный дом явиться?
Войти с лицом открытым к добрым людям
И здесь на право гостя притязать?

П а р р и ц и д а

Я думал милосердье тут найти:
Врагу и вы отмстили.

Т е л л ь

О несчастный!
Так ты посмел корыстное убийство
Равнять с самозащитою отца?
Ты разве сына голову спасал?
Ты встал за святость очага? И близких
Ты оградил от страшного конца?..
Я чистые подьемлю к небу руки,
Тебя, твое злодейство проклиная...
Я за святую отомстил природу,
А ты попрад ее... тут связи нет:
Злодейство и — святейших прав защита!

П а р р и ц и д а

Вы гоните без слова утешенья?

Т е л л ь

Я в ужасе, что говорю с тобой.
Ступай своею страшною дорогой!
Не оскверняй обители невинных!

П а р р и ц и д а
(направляясь к выходу)

Я не могу, так я не в силах жить!

Т е л л ь

И все ж тебя мне жаль... О боже правый!
Так молод, отпрыск царственного рода,
Внук Рудольфа, и вдруг — убийца беглый! —
Отчаявшись, ты молишь о спасенье
У моего убогого порога!..

(Закрывает лицо.)

П а р р и ц и д а

О, если вы способны плакать, тронет
Вас жребий мой злосчастный... Да, я герцог...
Я был им... Как я счастлив мог бы быть,
Смирив нетерпеливые желанья!
Но зависть ум мутила... Мой ровесник,
Двоюродный брат Леопольд, увенчан
Был почестями, управлял страной.
А в это время мной так помыкали,
Как будто я подростком был незрелым...

Т е л л ь

Да, знал тебя твой дядя, император,
Когда страну не дал управлять!
Ты изуверским, страшным преступленьем
Сам подтвердил, как прав он был тогда...
А где теперь сообщники злодейства?

П а р р и ц и д а

Бежали, мщенья духами гонимы.
Со дня того я не видал их боле.

Телль

Ты вне закона, знаешь? Друг не вправе
Тебе помочь, а враг — все вправе сделать.

Паррицида

И потому дорог я избегаю,
Я в хижину не смею постучаться —
И дикими, пустынными местами
Бегу велепую через эти горы.
Я содрогаюсь сам перед собой,
В ручье поймав свой злополучный облик.
О, сжальтесь, Телль! О, будьте человечны!..

(Падает перед ним на колени.)

Телль

(отворачиваясь)

Встаньте! Встаньте!

Паррицида

Нет, прежде руку помощи подайте.

Телль

Как вам помочь? Что вам людская помощь?
Но встаньте... Пусть ужасно преступленье —
Вы человек... Я тоже человек.
Телль безутешного не оттолкнет.
Что в силах сделать — сделает он.

Паррицида

(подбежав, хватая Телля за руку)

Телль!

Вы душу от отчаянья спасете.

Телль

Да отпустите руку!.. Вам пора.
Тут скрыться невозможно, вас настигнут.
Надеяться нельзя вам на защиту...
Где вы приют найдете?

Паррицида

Ах, не знаю.

Т е л л ь

Господь внушил мне вот какую мысль:
В Италию спешите, к папе, в Рим!
И там, у ног святейшего отца,
Томящуюся душу успокойте.

П а р р и ц и д а

А если он предаст меня врагу?

Т е л л ь

Что сделает — примите, как от бога!

П а р р и ц и д а

Но как пройти мне в незнакомый край?
Дороги я не знаю, и нельзя мне
Попутчиком к паломникам пристать.

Т е л л ь

Я расскажу вам путь, запоминайте.
Идите вверх и вверх навстречу *Ройсу*,
Что мчится с гор потоком разъяренным.

П а р р и ц и д а

(с испугом)

Увидеть Ройс! Как в тот злосчастный день!

Т е л л ь

Над пропастью тропа идет, *крестами*
Означенная в память о погибших,
Кто заживо тут погребен лавиной.

П а р р и ц и д а

Мне ужасы природы не страшны,
Когда я муки сердца обуздаю.

Т е л л ь

Вы у подножья каждого креста
Молитесь со слезами покаянья.
И, счастливо пройдя дорогой грозной,—
Коль в пропасть лютый вихрь вас не сорвет,

Не похоронит снежная лавина, —
Увидите весь в брызгах пены *мост*.
И если он под бременем вины,
Отяготившей вас, не рухнет в бездну,
То мрачные *скалистые ворота*
Вам попадутся на пути. А дальше
Откроется веселая *долина*.
Но поскорее проходите мимо, —
Где мир царит, нельзя вам долго быть.

П а р р и ц и д а

О Рудольф! Рудольф! Царственный мой предок!
Так бродит внук твой по твоей земле!

Т е л л ь

Идя все вверх, придете к Сен-Готарду.
Там вечные на высях *есть озера*;
Они струями чистыми с небес,
Как чаши, наполняются. Прощайтесь
С землею нашей тут. А вниз другой,
В Италию, вас выведет поток...

Слышатся звуки швейцарской пастушеской песни, исполняемой
множеством альпийских рожков.

Чу! Голоса слышны. Прочь!

Г е д в и г а
(вбегая)

Где ты, Телль?

Отец идет, а с ним толпа народа
Из Ури, Унтервальдена и Швица.

П а р р и ц и д а
(закрывает лицо руками)

Среди счастливых — лишний я один!

Т е л л ь

Жена моя, ступай и подкрепиться
Дай страннику и щедро надели

Дарами в путь далекий и пустынный.
Спеши! Идут.

Г е д в и г а
Но кто он?

Т е л л ь

Все равно!

А выйдет из дому, ты отвернись,
Чтобы глаза про путь его не знали!

Паррицида стремительно подходит к Теллю, но тот останавливает его движением руки и уходит. После того как они разошлись в разные стороны, сцена меняется.

С Ц Е Н А П О С Л Е Д Н Я Я

В долине перед домом Телля и на возвышенностях, которые замыкают ее, стоят живописными группами поселяне. Другие еще подходят по высокой тропе вдоль берега Шехена. Вальтер Фюрст с обоими мальчиками, Мельхталь и Штауффахер идут впереди, другие теснятся за ними. Когда выходит Телль, все встречают его радостными кликами.

В с е

Да здравствует наш Телль, наш избавитель!

Пока передние толпятся вокруг Телля и обнимают его, появляются Руденц и Берта. Руденц обнимает поселян, Берта — Гедвигу. Во время этой немой сцены на горе играет музыка. Когда она умолкает, Берта выходит на середину круга.

Б е р т а

Друзья мои! Сограждане! Примите
Меня в свой круг. Я первая защиту
Нашла в стране свободы — и я вам
Свои права вверяю. Защищать
Вы будете меня, свою гражданку?

П о с е л я н е

Мы кровью защитим тебя!

Б е р т а

Спасибо.

Теперь я руку отдаю ему,
Свободному — свободная швейцарка!

Р у д е н ц

Свободу я даю всем крепостным.

В с е

(кричат; музыка возобновляется)

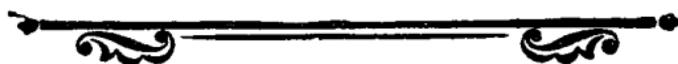
Свобода! Свобода! Свобода!

Под звуки музыки занавес падает.

1804

**ДМИТРИЙ
САМОЗВАНЕЦ**

НЕОКОНЧЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

ПЕРВЫЙ АКТ

Сейм в Кракове.

При поднятии занавеса открывается большая зала сената, в которой заседает собрание польских государственных чинов. На высокой эстраде о трех ступенях, крытых алым сукном, королевский трон с сению; по бокам висят польские и литовские гербы.

Король восседает на троне; справа и слева стоят на эстраде десять коронных сановников. Под эстрадой, по обеим сторонам сцены, сидят епископы, палатины и кастелланы. Близ них помещаются, в два ряда, выбранные от шляхты с непокрытой головой. Все вооружены. Гнезненский архиепископ, как и примас королевства, сидит ближе всех к авансцене, за ним его капеллан держит золотое распятие.

Архиепископ Гнезненский

Итак, наш бурный сейм благополучно

Достиг давно желанного конца:

Король с чинами расстается дружно;

Оружие с себя слагает шляхта;

Упрямый *Рокош*¹ разойтись согласен;

А сам король дает святое слово —

Внимать отныне жалобам правдивым.

.

¹ *Рокош* (rokosz) — восстание шляхты против короля и сенаторов. (Прим. переводчика.)

Внутри все мирно, и теперь мы можем
Окинуть взором внешние дела.

.
Угодно ли чинам светлейшим будет,
Чтоб князь Димитрий, правый притязатель
На русскую корону, как законный,
Как истый сын покойного Ивана,
Предстал и доказал свои права
На русский трон здесь, перед *Сеймом Вальным?*¹

К раковский кастеллан
Конечно! Где же честь и справедливость?
И отказать нам князю неприлично...

Епископ Вермеландский
Все документы на его права
Просмотрены теперь и оказались
Все подлинными. Выслушать его
Нам *можно*.

Несколько выборных шляхтичей
Нет! не только можно — *должно*.

Лев Сапега
Но выслушать — все то же, что признать.

Одоевский²
Не выслушать — все то же, что отвергнуть.

Архиепископ Гнезненский
Благоволят ли допросить его?
Вопрос в другой и в третий раз предложен.

¹ Seym Walny — генеральный сейм. (*Прим. переводчика.*)

² Некоторые собственные имена искажены у Шиллера: так, например, вместо *Одоевский* — у него *Одавальский* (Odowalsky). Вообще, как иностраный писатель тогдашнего времени, незнакомый с русским бытом и с русской историей, он неминуемо должен был впасть в погрешности и анахронизмы. Они будут указаны последовательно в выносках. (*Прим. переводчика.*)

Великий коронный канцлер
Пусть предстает пред королевский трон!

Сенаторы
Пусть говорит!

Выборные
Мы все готовы слушать.

Великий коронный маршал дает придвернику знак своим железом, придверник открывает двери.

Лев Сапега

Я протестую,— пусть запишет канцлер,—
Против всего, что несогласно с миром
Меж Польшей и московскою короной.

Входит Дмитрий, приближается на несколько шагов к трону и, не снимая шапки, отдает по поклону королю, сенаторам и выборным, ему отвечают наклонением головы. Затем Дмитрий становится так, что ему видна большая часть собрания и присутствующих на сейме; к королевскому трону он только что не повернулся спиной.

Архиепископ Гнезненский
Князь Дмитрий Иоаннович. Быть может,
Блеск сейма и величье короля
Тебе невольно связывают речи?
Так ведай, что дозволено сенатом
Тебе избрать поверенного: можешь
Его устами с сеймом объясниться.

Дмитрий

Отец архиепископ, я предстал
Искателем наследственного царства
И скипетра державного; не гоже
Смущаться мне перед народом вольным,
Перед его владыкой и сенатом.
Я никогда еще не лицезрел
Подобного высокого собранья,—
И этот вид мне возвышает душу,
Но — не страшит. Чем послухи¹ достойней,

¹ Я не нашел приличнее забытого слова *послух* для передачи современного понятия *свидетель*. Оттенки обоих понятны. (Прим. переводчика.)

Тем мне желанней; а теперь я слово
Держу наисветлейшему собранью.

А р х и е п и с к о п Г н е з н е н с к и й

Речь Посполита слову твоему
Благо вонмет. Скажи не обинуясь.

Д и м и т р и й

Король державный!
Отцы-епископы, вельможный сонм
Достойных палатинов, паны-рада
И выборные Речи Посполитой!
Дивлюсь и с несказанным изумленьем
Себя, приимца русского престола,
Наследника державы Иоанна,
На вашем сейме всенародном вижу...
Кровавою враждою оба царства,
Русь с Польшей, обменялися; о мире
И речь не шла, пока отец был жив...
И вот теперь благорешило небо,
Чтоб плоть от плоти и от крови кровь,
Сын Иоанна, с молоком всосавший
Наследственно-приемную вражду,—
Чтоб я пред вами странником явился
И у врагов, в срединном граде Польши,
Отстаивал законные права!..
Забудьте ж прежде, чем держать мне слово,
Забудьте быть былую благодушно:
Не осудите сына за отца
И кровною войной не упрекните.
Я, русский князь, ограблен, угнетен,
Прошу защиты. Разве угнетенный
Не вправе полагаться на участие
Людей правдивых, благородно-вольных?
А есть ли что правдивее на свете,
Как храбрый, независимый народ?
Верховной властью древле облеченный,
Он сам свои деянья проверяет
И преклоняет ухо ко всему,
Что человечно.

Архиепископ Гнезненский

Князь! ты перед нами
Предстал как сын законный Иоанна.
Твоя наружность и слова согласны
С таким высокомерным притязаньем;
Но докажи нам подлинность твою
Неотвержимо — и надейся смело
На благородство Речи Посполитой:
Она встречалась с русскими на поле
И доказала, что способна быть
Честным врагом и вселюбезным другом.

Димитрий

Иван Васильич был женат пять ¹ раз,
И первую супругу взял из дома
Романовых. Царица родила
Царевича Феодора, — наследник
И царь он был по смерти Иоанна.
Но у покойного был сын Димитрий,
От брака с Марфой из роду Нагих ²,
С последнею супругою. Димитрий
В пеленках был, когда скончался царь.
Феодор Иоаннович, и телом,
И духом слабый, передал кормило
Правления Борису Годунову,
Великому конюшему, и тот
Всем царством русским правил самовластно.
Бездетному Феодору надежды
На сына и наследника престола
Царицы юной лоно не сулило.
А между тем правитель хитрый царства
Снискал любовь и преданность народа
И на венец возвел свой смелый взор.
Одной препоной был царевич-отрок
Димитрий Иоаннович, возвращенный
В удельном Угличе царицей Марфой.
Когда Бориса замыслы созрели,

¹ Ошибка: Иоанн был женат не пять, а семь раз. (Прим. переводчика.)

² У Шиллера: *Нагори* (Nagori). (Прим. переводчика.)

Послал убийц он в Углич потаенно,
Чтоб умертвить царевича-младенца.
Глухою ночью в терему царицы
Вдруг вспыхнули отдельные покои,
Где с дядькою опочивал царевич.
Все сделалось добычею пожара,
А сам царевич без вести пропал;
И мать и все сочли его погибшим,
Оплакали безвременную смерть —
Тем дело и покончилось. Спросите —
И вся Москва вам в этом присягнет.

А р х и е п и с к о п Г н е з н е н с к и й

Мы слышали тогда же эти вести:
Все государства обошла молва,
Что в Угличе царевич средь пожара
Погиб; и так как смерть его, конечно,
Была желанна для царя Бориса,
Бориса в этой смерти обвинили.
Теперь, однакож, не о смерти речи:
Царевич жив. Ты уверяешь, будто
Он жив в твоей особе; докажи,
Где основанье тождеству такому?
По чем признать нам подлинность твою?
Как поисков Бориса несомненных
Ты избежал и чрез шестнадцать лет
Явился в божьем мире так нежданно?

Д и м и т р и й

И года нет, как самого себя
Обрел я, ибо жизнь моя доселе
Была покрыта непроглядным мраком,
И о своем рожденье я не ведал.
Едва себя запомню, был я служкой
За крепкой монастырскою оградой.
Ох, как тесна монашеская жизнь,
Когда душа запросит вольной воли
И в богатырских юношеских жилах
Забьет ключом наследственная кровь!
Я сбросил ненавистный мне подрясник
И убежал потайно в вашу Польшу.

Здесь славный сендомирский воевода
Мне дал приют в своем вельможном замке
И честным званьем воина облек.

А р х и е п и с к о п Г н е з н е н с к и й
Как? о себе ты сам еще не ведал,
Когда по свету слух ходил издавна,
Что был спасен от гибели царевич?
Борис, дрожа на отнятом престоле,
По всем границам учредил заставы,
Чтобы следить за путниками зорко.
Как? до тебя слух этот не достигнул,
И ты не выдавал себя нигде
За Дмитрия?

Д и м и т р и й

Я рассказал, что знаю.
Коль слухи о моем существованье
Ходили — их рассеял сам господь.
Себя не знал я. В доме палатина
Я прожил юность, в сонме челядинцев.
В молчании благоговейном, страстно
Я полюбил одну из дочерей
Хозяина, хоть взоров и не поднял
На высоту, запретную пришельцу.
Но вот что было: львовский кастеллан,
Жених моей красавицы, случайно
Узнал про страсть мою к его невесте
И оскорбил меня кичливой бранью
И даже руку поднял на меня...
Я взялся за оружие: безумный,
Он в бешенстве попался мне под саблю —
И пал... Но в смерти этой я невинен.

М н и ш е к

Да, так все было...

Д и м и т р и й

Боже! безыменный
И беглый чужеземец умертвил
Сановника, приятеля и зятя
Вельможного патрона своего!..

Ни явная невинность, ни участие
Всей челяди, ни даже милосердье
Патрона не могли меня спасти:
Закон, к полякам милостивый, прямо
Меня, пришельца, осуждал на казнь.
И вот меня приговорили к смерти...
И я колена преклонил пред плахой
И шею под удар меча подставил...
Но в это-то мгновенье у меня
Блеснул на шее золота литова,
Каменьями осыпанный наперсный
Купельный крест! У нас такой обычай,
Чтобы символ святого искупленья
Не скидывать с груди от колыбели.
В тот самый миг, как с жизнью расставаться
Пришлось мне, я этот крест купельный
Поднес к устам с благочестивой думой.

Поляки знаками выражают свое сочувствие.

Заметили святую драгоценность
С немалым изумленьем; любопытство
Понудило мне узы разрешить
И допросить меня; но я не ведал,
С которых пор ношу святыню эту.
Тут были трое из детей боярских,
Бежавших от Бориса в Сендомир;
Они признали крест — по изумрудам
И аметистам — за наперсный крест
Царевича Дмитрия: возложен,
По их словам, он был Мстиславским князем ¹
При самом восприятье от купели
Царевича. Оглядывают ближе
Меня — и замечают с изумленьем,
Что правая рука моя короче,
Чем левая: такая же примета
Была и у Дмитрия случайно.
Допрашивают крепко... Я припомнил,
Что захватил с собою при побеге

¹ У Шиллера: *Вестилловский* (Westilowskoj). (Прим. переводчика.)

Из монастырской келии псалтырь,
Что в псалтыре есть греческая надпись,
Начерчена игумном, — а какая,
Не знаю, по незнанью языка.
Псалтырь нашли и разобрали надпись.
Гласит: что брат Василий-Филарет
(Тогда мое монашеское имя),
Владелец псалтыря сего, — законный
Царевич Дмитрий, младший сын Ивана;
Что чудом спас младенца дьяк Андрей
И скрылся от клеветов Годунова;
Что есть тому свидетельства: хранятся
В каких-то двух обителях и ныне.
Тогда бояре¹ мне упали в ноги
И с полным убежденьем и сознанием
Челом мне били, как цареву сыну.
И так, внезапно, из потемной бездны
Горè меня судьбина вознесла!

А р х и е п и с к о п Г н е з н е н с к и й

.

Д и м и т р и й

И вот — теперь я чувствую, как будто
С моих очей ниспала чешуя,
Воспоминанья подняли завесу
Минувшего, — и ясно в отдаленье,
Как купола в лучах зари вечерней,
Два образа передо мной мелькают,
Две первых искры детского сознанья.
Те облики: бегу я темной ночью,
Взглянул назад — потемки словно спрыснул
Пылающими брызгами пожар...
Должно быть, воспоминанье стародавнее,
Затем что облики, с ним слитые, погасли
В моей душе. Я смутно помню только
Вот этот страшный, неотступный образ.
Потом ясней мои воспоминанья:
Припоминаю, как меня обидел

¹ Шиллер смешивает звание боярина и боярского сына.
(Прим. переводчика.)

Один из служек, урекнувши царским
Приемышем... Тогда я счел за шутку
Его слова; заушиной ответил
На них — и думал, что вполне был прав
Как человек. Теперь я понимаю:
Не как простой я смертный был разгневан,
Как царский сын... Теперь единым словом
Разрешена судьбы моей загадка:
Не по приметам, может быть обманном,
А по биенью собственного сердца
Я узнаю наследственную кровь, —
И уж скорей пролью ее по капле,
Чем уступлю права на мой венец.

А р х и е п и с к о п Г н е з н е н с к и й

Нельзя же нам-то на слово поверить,
Что впечатленья детские правдивы!
Кому должны мы верить? Беглецу?
Иль показанью беглецов таких же?
Прости меня: я вижу, благороден
Ты, юноша! По голосу, по речи
И по осанке — видимо, не лжец;
Но, может быть, и *сам* ведь ты обманут?
Понятно: человеческому сердцу
Простительно забиться ложно, если
Вопрос идет о царственной игре.
Что может быть словам твоим порукой?

Д и м и т р и й

Пятнадцать я свидетелей представлю,
Пятнадцать родовитых поляков,
От корня безукорного Пиастов:
Пусть подтвердят иль нет мои слова...
Вот, к слову, сендомирский воевода
И кастеллан Люблинский, полагаю,
Что за меня ручательства дадут.

.

А р х и е п и с к о п Г н е з н е н с к и й

Так что ж еще, пресветлое собранье?..
Свидетельством таких особ высоких

Разрешено сомнение. Давно
По свету слух прошел, что князь Димитрий,
Сын Иоанна, жив еще доселе;
Сам царь Борис невольно подтверждает
Слух этот непонятым опасеньем.
Теперь пред нами юноша: летами,
Обличьем, даже до примет малейших,
Случайною природною игрою,
Он сходен с тем, кто так необъяснимо
Пропал, кого так долго и так тщетно
Искали. Этот юноша достоин,
По разуму и сердцу, предъявить
Высокое такое притязанье.
Судьба его чудесна несказанно:
Из кельи монастырской бедный служка
Является, и на груди его —
Тот самый крест бесценный, что царевич
Носил когда-то... тот купельный крест,
С которым он ни разу не расстался,
Он — то есть этот юноша... Припомним,
Как рукопись смиренная монаха,
Без спору несомненная, гласит
О том, что яacob самый этот служка
И есть Димитрий... Я не говорю,
Не помяну, что ясное чело
И речь по правде — всякому порука:
С таким челом обман потайный в свете
Еще ни разу не посмел пройти,
Закидывая громкими словами...
Итак, я дальше возражать не смею
На притязанье юноши и имя,—
Даю ему, как примас, первый голос.

Архиепископ Львовский
Мой голос — твой!

Несколько епископов

И наши — также ваши!

Несколько палатинов

И я!

О д о е в с к и й

И я!

В ы б о р н ы е

(поспешно друг за другом)

Мы все!

С а п е г а

Но нет, позвольте,
Позвольте, паны-рада! не спешите.
Обдумать надо. Благородный сейм
Из пустяков не должен расходиться.

О д о е в с к и й

Тут нечего обдумывать: все ясно,
Свидетельство и дело налицо.
Здесь — не орда: здесь горла не затянет
За слово правды ханская веревка!
Здесь истина чела не потупляет!
Надеюсь, что в собранье благородном,
Здесь, в Кракове, на главном польском сейме,
Ни одного нет царского холопа.

Д и м и т р и й

Благодарю сенаторов светлейших
За признанную истину! И если
Я подлинно тот самый, за кого
Меня признали, прибегаю к сейму
С усердною, но правомерной просьбой:
Ужели благородный сейм допустит,
Чтоб дерзостный и наглый похититель
Владел моим наследием законным
И государским скипетром моим?

.
Мои — права, а ваши — мощь и сила;
Такого нет ни царства, ни престола,
Где не было бы слова «справедливость»,
Где не было бы собственности правой.
Тогда и весел только человек,
Когда он знает, что его наследье
Ограждено законом, что над каждым
И домом и престолом веет знамя

Свободного, святого договора,—
Как бы хоругвь охранная правам.
Недаром говорят, что справедливость —
Десницей смертной возведенный свод,
На нем же опочит все — едино
Все то, что с ним же рушиться должно.

.

Одобрительные мнения сенаторов.

Д и м и т р и й

Король пресветлый Сигизмунд! Проникни
Мне в душу ясным и духовным взором,
Пойми, что участь скорбная моя
Сродна с твоей: что ты и сам родился
В темнице, сам безропотно сносил
Судьбы несправедливые удары.
Твой первый взгляд на склеп тюремный
брошен;

И из тюрьмы избавиться ты мог
Единым бегством — на престол наследный...
Достиг,— а с ним достиг великодушья.

.

Так будь же и ко мне великодушен...
А вы, сановники, предстатели сената,
Вы преподобно-твердые столпы
Всей церкви христианской, палатины
И кастелланы! Вот удобный миг
Слить два родных народа воедино.
Давно они между собой враждуют...
Оставьте же вы славу за собой,
Что поняли, что даже доказали,
Как Польша сопредостольна со Москвой
И как в враждебном, видимо, соседе
Вы друга благодарного нашли...
А вы, опора Речи Посполитой,
Вы, шляхтичи, скорей коней седлайте,
Влетайте в золотые ворота,
Что перед вами распахнуло счастье!
Я поделюсь всей вражьей добычей.
Москва богата. Царская казна

Сапега

Как? И коронный маршал также куплен?
На сейме, значит, больше нет свободы?
Да бросьте ж жезл в знак общего молчанья:
Я требую, упорствую, хочу!

Коронный маршал бросает свой жезл на середину палаты; говор
стихает.

О чем тут спорить, разве мы не в мире,
Не в полном соглашении с Москвою?
Я — полномочный короля посол,
Я на двадцать лет верно, самолично,
Скрепил с Москвой условие перемирья;
Я поднял руку правую к соборам
Во имя королевское и Польши...
Царь слово держит... Но зачем же клятвы,
Зачем же и святые договоры,
Коль можно их нарушить сеймом сразу?

Дмитрий

Князь Лев Сапега! Вы нам говорите,
Что мир с царем Московским заключили?
Неправда! царь один Московский — я.
Во мне Москвы величие; за мною
Наследная держава Иоанна...
Коль поляки мир с Русью заключат,
Так заключат с ее царем законным.

Одоевский

И нам-то что за дело? Мы тогда
Хотели так — теперь хотим другого.

Сапега

А! вот куда зашло!.. И не найдется
Здесь никого, кто б стал теперь за правду?
Так стану я, так я сорву личину
И обнаружу истину. Как? Примас,
Ты можешь так сочувствовать усердно
Налетной, недоказанной молве?
Иль можешь так искусно притворяться?
Как? Польские сенаторы доступны

Для первой сплетни? Как?.. И ты, король,
Так слабодушен, что поверил сплетне?
Да разве вы не ведали доселе,
Что были вы игрушкой в руках
У воеводы хитрого, что он-то
И сочинил вам русского царя,
Такого честолюбца, самозванца,
Что загодя, на наших же глазах,
Свою Москву родную нам же делит?
Напоминать об этом вам, помимо
Всех клятвенно скрепленных договоров,
Не нужно, а скажу, что воевода
Дочь младшую ему же, самозванцу,
Помолвил... Будто в Речи Посполитой
Все слепы так, что разглядеть не могут,
Где омут? Но зачем же нам вдаваться
В опасности, в случайности войны
На пользу воеводы Сендомира
И быть ступенькой для его Марины,
Чтоб легче ей взойти на русский трон?
Он — мало *покупает* — *подкупает*...
Про сейм теперь уж я не говорю:
Что сейм! когда по Кракову повально
Приняты и праздные ватаги
И тридцать тысяч праздных лошадей?..
Сторонники его и здесь, в палате,
Свободный голос заглушить хотят
Неправо, покупными голосами.
Но страх душе правдивой не причастен,
А потому, пока течет по жилам
И не застыла родовая кровь,
Упорно я отстаиваю право
Свободой мне дарованного слова:
Я заручался миром и с Москвою
Бил *по рукам*, он свят мне поневоле.

О д о е в с к и й

Не слушайте его! — по голосам.

Епископы Краковский и Виленский встают и становятся на сторону Одоевского, чтобы отбирать голоса.

Многие

Война, война с Москвою!

Архиепископ Гнезненский
(Сапеге)

Пан, сдавайся!

Нельзя противу видимости спорить,
Иначе выйдет неразумный спор
И несогласие.

Коронный канцлер
(сходит со ступенек трона и говорит Сапеге)

Король вас очень просит,
Чтоб как-нибудь, разноречивым мненьем,
Расстроен не был общий голос сейма.

Придверник
(на ухо Одоевскому)

Вас просят: стойте смело на своем;
А просит — целый Краков, за дверями.

Коронный маршал
(Сапеге)

Решенье обще: лучше согласитесь!

Краковский епископ
(отобрав с одной стороны голоса)

Направо — все согласны.

Сапеге

Пусть согласны,
А все-таки и всем скажу я: нет!
Я сейм по праву распускаю: Veto!
Кричите, как хотите, но ваш крик
Никем, нигде не может быть услышан!

Общее смятение, Король встает с трона. Перила раздвигаются. Шум. Выборные обнажили сабли и сверкают ими справа и слева перед Сапегой. Епископы с обеих сторон прикрывают его своими столами.

Что видимость! в ней нету даже смысла,—
Затем что смысл-то есть, да не у всех.
Что для слепого значит очевидность?
Что потерять, пожалуй, все тому,
Кто не имеет ничего? Для нищих
Есть разве выбор? Нету! нищий должен
Служить тому, кто милосердо кормит
И обувает за продажный голос.
Не счет, а вес быть должен голосам!
То государство рано или поздно
Обрушится, где видимость царит,
А неразумье дело разрешает.

О д о е в с к и й

Не слушайте изветчика!

В ы б о р н ы е

Долой!

Долой его! Рубите на куски!

А р х и е п и с к о п Г н е з н е н с к и й

*(вырывает из руки своего капеллана крест и становится
между спорщиками)*

Мир!.. Уступи, Сапега благородный!
Ужели сейм быть может... окровавлен?

(Епископам.)

Скорей его отсюда. Потихоньку...
В дверь боковую... Защитите грудь,
Чтобы толпа в куски не растерзала...

Сапега, все еще грозя очами, насильно уводится епископами. Архиепископы Гнезненский и Львовский удерживают в это время выборных от шляхты. При общем шуме и звуке сабель палата пустеет, остаются только Димитрий, Мнишек, Одоевский и казачий атаман.

О д о е в с к и й

Мы промахнулись
. Только не отсюда
Вы помощи и ждите: пусть там Польша
С Москвою в мире, справимся мы сами.

К о м л я

И кто б подумал, чтобы он один
На целый сейм так дерзко поднял голос?

М н и ш е к

Король идет!

Входит король Сигизмунд, за ним коронные канцлер,
маршал и несколько епископов.

К о р о л ь

Позвольте вас, царевич
Димитрий Иоаннович, обнять:
Вы признаны всей Речью Посполитой,
Хоть наше сердце вас признало прежде.
Мы тронуты до глубины души
Судьбою вашей: сколько в ней уроков
Для нас, владык по милости господней!..

Д и м и т р и й

Я все забыл, что прожито когда-то,
И на груди у вас я возрождаюсь.

К о р о л ь

Я много слов не трачу, но спрошу вас:
Как властвовать возможно королю,
Когда вассалы и его богаче!
Вы видели теперь пример плачевный;
Но худа не подумайте о Польше:
Случайно государственный корабль
Был потрясен грозой мимолетной.

М н и ш е к

А смелый кормчий и под шумом бури
Направит судно в пристань безопасно.

К о р о л ь

Сейм надвое распался. Я не властен,
Коль и хотел бы, мир с царем нарушить,
Но — сильные друзья у вас... Поляки
Могли б и на свой страх вооружиться,
И казаки могли бы попытать
Удачи: те, да и другие, вольны.

М н и ш е к

Весь *Рокош* под оружем, государь!
Коль вашему величеству угодно,
Поток мятежный можете отвести
Вы на другое русло — на Москву.

К о р о л ь

Царевич, вам сильнейшее орудье
Даст Русь, — щитом вам будет грудь народа.
Русь победима разве только Русью.
Как нынче говорили перед сеймом,
Так точно говорите и в Кремле:
Все вашим сердцем доблестным пленятся,
И властвовать вы будете, конечно.
Чужим оружем трона не добудешь,
Насильственно правителя народу
Не навязать, коль он его не хочет.
Я в Швеции, наследником природным,
Вступил когда-то на престол законно,
Но потерял отцовское наследье
Затем, что мне противился народ.

М а р и н а (входит)

.

М н и ш е к

Всепресветлейший, вот к твоим стопам
Дочь младшая моя, Марина, здесь
Со всеусердной просьбой припадает:
Ей руку вместе с сердцем предлагает
Царевич... Ты — одна у нас опора:
Твоей руке единой подобает
Ввести к нам в дом достойного супруга.

Марина коленопреклоняется перед королем.

К о р о л ь

Согласен с вами, братец! Если нужно
И если вам приятно, я готов
Быть у царевича отцом на свадьбе.

(*Димитрию, влагая руку Марины в его руку.*)

Я лучший фант теперь вам вынимаю:
Богиню счастья... Только бы дожить,
Пока чета прелестная такая
Воссядет на достойном ей престоле.

М а р и н а

Я, государь, всегда всеуниженно
Склонюсь перед твоим великодушьем,
Всегда твоей остануся рабой.

К о р о л ь

Царица, встаньте! Здесь вы не у места,—
Здесь места нет возлюбленнице царской
И дочери такого воеводы,
Каким отец ваш нами признается.
У нас он — первый. И хоть вы моложе
Сестер, однакож ум ваш и любезность
На высоту должны вас возвести.

Д и м и т р и й

Король, из рук передаю я в руки,
Как государь такому ж государю,
Вот эту клятву: принимаю руку
Девицы Мнишек как залог на счастье!
Клянусь, взойдя на отческий престол,
Взвести ее торжественно туда же,
Как подобает, истую царицей!
Наутро после свадьбы ей даю,
Как брачный дар, и Псков и Новый Город,
Всю пригородь их, волости, концы,
И села, и поселки, и угожья.
Даю их ей я в вечное владенье
И грамоту пишу в Кремле московском!
За то, что благородный воевода
В защиту прав моих теперь собирает
По шляхте ополченье, предлагаю
Мильон дукатов польского чекана!
.
Помог бы мне господь и все святые,
А клятву я сдержу ненарушимо!

К о р о л ь

Вы сдержите: нельзя вам позабыть,
Чем одолжил вас польский воевода.
Тот, кто свое заведомое благо,
Кто дочь свою любимую бросает
Как упование лучшее на жребий,—
Такого друга надобно ценить,
И, если посчастливится, вам должно
Припомнить все престольные ступени...
С одеждою вы сердца не сменяйте —
И не забудьте, что нашлись в Польше,
Что Польша вас вторично породила.

Д и м и т р и й

Я вырос ведь в бездолье — и узнал,
Как только узы чувства и приязни
Людей взаимно меж собой связуют.

К о р о л ь

Но вы теперь вступаете на царство,
Где нравы и обычаи не схожи
С такой землей свободною, как Польша.
Здесь сам король, хотя из первых первый
По блеску, должен часто уступать...
Там, на Руси,— священные права
Семейные; там — *отческая* власть...
Покорствовать рабам повелевает,
Там произвол властителя — закон.

Д и м и т р и й

Я здесь свободу сладкую вкусил;
Перенести ее хочу в отчизну...
Хочу свободных сделать из рабов,
А не царить над рабскими сердцами.

К о р о л ь

Не торопитесь! Время нужно выждать!
Послушайте, царевич, три совета
И следуйте им верно: предлагает
Вам их старик, а в старческом совете
Для юноши всегда таится польза.

Д и м и т р и й

О, научите, доблестный король!
Вы почтены, вы избраны народом
Свободным: как достигнуть мне того же?

К о р о л ь

.
Вы на Руси явились из чужбины,
Явились под вражеским оружием,—
Сумейте ж, чтоб про это позабыли,
Чтоб признали вас родичем Москвы,
И местные обычаи уважьте.
Блюдите слово, данное полякам:
На новом троне нужен старый друг,
Иначе та же самая рука,
Что вознесла, и ниспровергнуть может.
Но помните, что подражать не надо:
Обычай чуждый для страны не впрок...

.
А главное: к чему б ни приступали,
У матери своей благословитесь.
Ведь вы ее найдете?

Д и м и т р и й

Государь!

К о р о л ь

Как сын, ее вы чтить должны сыновне,—
Почтите же... Меж вами и народом
Она да будет связию священной.
Конечно, нет законов для царей,
Но для людей законы естества
Не только есть, а боязливо чтимы...
Для вашего народа нет святее
Залога, доказательства и права,
Как детская — *сыновняя* — любовь.
Я замолчу об этом. Слишком много
Препятствий неожиданных придется
Вам побороть, чтоб, наконец, достигнуть
До золотого вашего руна.
Вам предстоит не легкая победа.

Силен и чтим престол царя Бориса,
Не с неженкой вступаєте вы в спор.
В чьи руки скипетр вложен всенародно,
Того не скоро опрокинет ветер
Молвы пролетной: у того в замену
Всех предков есть деянья и заслуги.
Я вас уверяю вашему же счастью:
Оно спасло вас два раза от смерти —
Спасло каким-то непонятным чудом, —
Оно же вас и увенчать должно.

Марина, Одоевский.

Одоевский

Ну, панна, я исполнил договор;
Жду, чтоб мое усердьє похвалили.

Марина

Да... Хорошо, что мы теперь одни,
Одоевский! Поговорить нам нужно
О многом, очень важном, чтоб царевич
Не знал об этом. Впрочем, если б он
Мог до конца небесному внушенью
Последовать! В себя он верит так же,
Как свет в него. И пусть его объемлет
Та тьма, та тайна, из которой столько
Исходит дел и подвигов великих, —
Но между нами все должно быть ясно.
У нас в руках все дело; так рассудим:
За ним, конечно, имя, вдохновенье;
За нами — мысль; и если мы разумно
Идем к желанной цели и успеху,
Пускай он остается в заблужденье,
Что это все ему ниспало с неба.

Одоевский

Повелевайте, панна! Я дышу,
Живу затем, чтоб вашим быть слугою.
Ужель мне занимателен вопрос
О том, кто сядет на московском троне?
Меня величье ваше занимает
И слава; я за них готов отдать

И жизнь и кровь — всю до последней капли.
Ведь для меня уж не бывать весны;
Зависимый и бедный, я не смею
Моих желаний дерзостно возвысить;
Но милость вашу я снискать хочу,
И домогаюсь одного я только:
Чтоб, панна, вы взошли на высоту;
Затем — пускай другой владеет вами!
Вы все-таки мое произведение.

М а р и н а

Затем и я сердечно вас люблю
И дело вам спокойно доверяю.
Король его считает вовсе ложным, —
Я вижу пресветлейшего насквозь:
Игра с Сапегой тайная — и только.
Хотя ему, конечно, по душе,
Что мой отец, кого он так боится,
Что все дворянство, страшное ему,
Вмешалось в это дело, отклонило
Всю силу к чужеземной стороне;
Но все-таки он сам в борьбу не вступит,
А всю удачу с нами разделит.
Нас победят — ему тем легче будет
Нагнуть всю Польшу под свое ярмо.
Одни мы в поле. Жеребий наш выпал.
Он — за себя; так, стало, мы — за нас.

.....
Вы — в Киев, с войском. Пусть дадут присягу
Царевичу Димитрию и мне.
Мне — слышите? Необходимо, нужно...
.....

О д о е в с к и й

Тебе! Мы за твое воюем дело!
К тебе на службу нанимаем всех.

М а р и н а

Мне мало рук — мне нужны и глаза.

О д о е в с к и й

Повелевайте!

М а р и н а

Сам царевич — с вами,
И безотлучно: ровно ни на шаг;
Иначе мне ответите за каждый.

О д о е в с к и й

Поверьте: ни на шаг не отпущу.

М а р и н а

Неблагодарны люди! Как почует,
Что царь,— тотчас и сбросит наши пути.
Благодеянье станет тяжким злом,
Когда должны его мы оплатить.
Русь ненавидит Польшу, что понятно,
Нельзя связать надолго их сердца.
Несчастье, счастье — только б поскорей!
Ждать буду в Киеве твоих послов.
Их раскидай столбами верстовыми,
По всем дорогам шли их ежечасно,
Хотя бы этим обезлюдил войско.

Входит толпа шляхтичей.

Ш л я х т и ч и

Ты слышала, патронесса? Хорошо мы
поработали?
Кого нам рубить? Повелевай нашими руками
и саблями!

М а р и н а

Кто выступит со мной в поход?

Ш л я х т и ч и

Все! Все!

М а р и н а

Вам сборным местом Киев. Мой отец
Немедленно направится туда,
И с ним три тысячи коней. Мой деверь
Дает еще две тысячи; да с Дону
Мы ждем коней и всадников в подмогу.

Шляхтичи

Дай денег, патронесса!
Нас выручи, и мы пойдем в поход!
Сейм истощил вконец нас, а ведь надо
Тебя поставить русскою царицей.

Другие

Нам очень нужно денег, патронесса!

Марина

Епископ Каменецкий, он же Кульмский,
Под общинный залог земли и душ,
Вам вышлет деньги. За его порукой,
Продайте или заложите избы
Своих крестьян, все обратите в деньги
На вашего коня и на оружие!
Война — торговец сметливый: пожалуй,
Хоть из железа золото скует.
Москва убыток в десять раз оплатит.

Бельский

Две сотни пьют теперь еще в корчме.
Войди туда и выпей с ними кубок;
Там все твой, я коротко их знаю.

Марина

Жди; ты сейчас туда меня проводишь.

Все

Ты будешь царицей — или мы сложим головы!

Другие

Ты нас одела заново, обула.
Тебе послужим мы своею кровью.

Входит Опалинский, Замойский и другие шляхтичи.

Опалинский

Мы все пойдем с тобой! Все! Ни один
Здесь не останется.

З а м о й с к и й

Мы все желаем
Добычею московской поживиться.

О с с о л и н с к и й

Возьми нас, патронесса! Мы тебя
Царицей русской сделаем.

М а р и н а

А это что за люди? Сброд какой-то!

О с с о л и н с к и й

Мы конюхи у старосты...

З а м о й с к и й

Я повар виленского кастеллана.

О п а л и н с к и й

Я кучером служу.

Б е л ь с к и й

Верчу я вертел.

М а р и н а

Фи, Одоевский, что это за люди?

О д о е в с к и й

А все же шляхтичи! И если ты
Возьмешь на службу их, сражаться будут.

О д и н

Не презирай нас. Мы хоть и бедны,
Но все же шляхтичи и Пясты родом.

К о н ю х и

Мы — Пясты и свободные поляки!
Не смешивай нас с низким мужичьем!
Имеем мы сословные права.

О д о е в с к и й

Поэтому их на коврах секут ¹.

О д и н

Не презирай, душой мы благородны.

О д о е в с к и й

Найми их и обуи, дай им коней —
И драться будут так же, как и все.

М а р и н а

Идите!

И покажитесь мне, людьми одевшись.
Дворецкий мой сейчас вам выдаст платье.

Ш л я х т и ч и

Заботливость какая! Ты все видишь,
Ты рождена, конечно, королевой.

М а р и н а

Конечно. Ей и буду непременно.

Б е л ь с к и й

Так. Только вот что: прикажи седлать
Ты иноходца белого, садися,
Броней покройся и — вторая Ванда —
Сама веди бесстрашные дружины.

М а р и н а

Зачем? Мой дух вам соприсущим будет.
Войну не слабым женщинам вести!

.
Даете вы присягу мне?

¹ «Шляхтич может содержать шляхтичей на службе и пороть их за проступки, но только на ковре». (Заметка Шиллера из Коннора.)

В с е
Даем!
(Обнажают сабли.)

О д н и
Vivat Marina!

Д р у г и е
Russiae regina!

Марина рвет на себе покрывало и раздает куски шляхтичам.
Все, кроме нее, уходят.

М н и ш е к, М а р и н а.

М а р и н а
Зачем, отец, так хмурен, если счастье
Наш каждый шаг улыбкою встречает
И все для нас берутся за оружие?

М н и ш е к
За тем-то именно! Все, все на ставку
Поставлено. О! это ополчение
Задавит силу твоего отца!
Опора есть, да грустно ведь подумать,
Как изменят и счастье и успех!

М а р и н а
Почто

М н и ш е к
Ты вовлекла меня в такое дело,
Что опасаясь... Слабый я отец...
По короле я первый воевода,
И всех богаче... Если б мы тогда
Не заключили договор — ничто бы
Покоя не нарушило; но ты
Рвалась душой повыше: скромный жребий
Твоих сестер тебе был не под стать;
Стремилась ты всечасно к высшей цели,
Тянула руку к царскому венцу;
А я, родитель слабый, — я для милой,
Для дочери, готов был заблуждаться

И позволял себя вполне дурачить
И грезе совесть честную поверить.

М а р и н а

Как? Ты, отец, раскаялся? Да в чем?
Не в доброту ль... Тот капли не услышит,
Над кем неслышно пролилась река.

М н и ш е к

Однако сестры счастливы покуда,
Хотя не коронованы.
.

М а р и н а

Кто счастлив?

Они-то, сестры? Разве это счастье,
Когда из дому моего отца
И воеводы я перевозжуся
В дом мужа моего и палатина?
Что нового кому в таком обмене?
Как для меня должно быть это *завтра*
Приятней, чем *сегодня*? Как и чем?
Одно и то же, все одно и то же!
Нет ни стремленья, даже ни надежды!
По мне — одно: любовь или величье,
А все другое — ровно ничего.

М н и ш е к

.

М а р и н а

Развеселись, мой дорогой родитель!
Доверимся несущему потоку!
Не думай ты о жертве принесенной,—
А о давно намеченной уж цели:
Подумай ты, что дочь свою увидишь
Царицей, в полном царственном убранстве,
На том московском царственном престоле,
Где восседать твои же будут внуки!

М н и ш е к

Я ни о чем не думаю, oprичь
Как я тебя, дитя мое родное,

В венце увижу царском. Так ты хочешь,
А я тебе не смею отказать.

М а р и н а

Еще — вот просьба, милый мой родитель!

М н и ш е к

Какая?

М а р и н а

Неужели в Сендомире
Я схимницей все буду изнывать?
Мой жеребий далёко переброшен
Поверх Днепра: искать его мне долго
И тяжело, сносить его — нет силы!
Ты знаешь сам, что ожиданье — пытка,
И что его измерить можно только
Тоскливыми биениями сердца.

М н и ш е к

Так что же ты? Скажи: чего ты хочешь?

М а р и н а

Пусти меня ты в Киев за удачей!
Там буду черпать новости вседневно
Из свежего, живого родника,
Там, на пределах наших царств обоих,
Скорей узнаю каждое событие,
У ветра там могу я их подслушать;
Могу днепровские увидеть волны,
Текущие туда из-под Смоленска...

М н и ш е к

Ты вся теперь в волненье! Успокойся!

М а р и н а

Как упрекать меня теперь за то,
Во что ты сам вовлек меня.

М н и ш е к

Нет! ты,
Ты вовлекла меня — твоя и воля!

М а р и н а

Родитель мой любезный, если буду
Московскою царицей я, смотри,
Чтоб Киев был у нас, в пределах наших.
Ты царствовать там будешь.

М н и ш е к

Грезишь ты!

Тебе уже сама Москва тесна:
Ты польские владенья отбираешь?

М а р и н а

Да Киев разве Польша? Там варяги
Спокон века наследственно княжили.
Я летопись старинную читала
И вникла: он от русского княженья
Оторван — надо и назад отдать.

М н и ш е к

Сс! Сс! Не говори при воеводе!

Слышны трубы.

Здесь, говорят, и письма-то вскрывают.

ВТОРОЙ АКТ

ПЕРВЫЙ ВЫХОД

Монастырь. Белое озеро. Пустынный зимний пейзаж.

По сцене переходит длинный ряд монахинь в черных рясах и покрывалах. На них смотрит М а р ф а из-под белого покрывала; она уединенно склонилась над надгробным камнем. О л ь г а выходит из ряда, с минуту смотрит на Марфу и подходит к ней.

О л ь г а

Весна идет и зиму разбудила,
А у тебя к ней сердце не лежит.
Ведь вот и солнце... да и ночь короче;
Лед ломится по речкам и оврагам,
И сани — уж не сани, челноки;
И птицы перелетные — вот тянут...
Земля вздохнула; обновленный воздух

Всех выманил на монастырский двор
Из душных келий; только ты одна
Печальна, общей радости не делишь.

М а р ф а

Оставь меня, не покидай сестер.
Кому есть радость в свете — есть надежда!
Мне ничего не принесет весна:
Все прошлое, как тень, идет за мною.

О л ь г а

Неужели ты век не перестанешь
Оплакивать потерянного сына
И прежнее величие твое?
Я слышала, что время проливает
Бальзам на раны сердца; отчего же
Оно бессильно только над тобой?
Была ты царства мощного царицей
И матерью цветущего младенца;
Он был случайно у тебя похищен;
Ты скрылася в стенах монастыря —
Здесь, на пределе всякой жизни... Что ж!
Шестнадцать лет с поры той миновало,
Шестнадцать раз юнел господний мир
И изменялся, — ты не изменилась:
Ты холодна, как памятник надгробный,
Обсаженный цветами юной жизни!
Похожа ты на неподвижный облик,
Изваянный художником из камня
И навсегда *одним* запечатленный.

М а р ф а

Да, годы всю меня окаменили
На память о судьбе моей ужасной!
Я не могу ни сдвинуться с былого,
Ни позабыть того, что было прежде.
То сердце слабо, ежели уж время
Ему способно раны заживить
И заменить, что век незаменимо.
Моей печали подкупить нельзя:
Как свод небесный путника повсюду

Сопровождает, так и скорбь меня.
Она меня объяла, словно море,
И не иссякнет никогда от слез,

О л ь г а

А! Посмотри: вон там столпились сестры
Вокруг мальчишки-рыбака. Он вести
Принес нам из далекой стороны,
Где есть жилье и люди. Посмотри же —
Теперь отлив, и улицы свободны.
Уже ль тебя не тянет любопытство?
Мы все здесь словно умерли для света,
Но слушаем о нем еще охотно.
Пойдем на берег: там с тобой мы можем
Напором волн спокойно любоваться.

М о н а х и н и подходят с маленьким рыбаком.

К с е н и я и Е л е н а

Скажи, скажи, что нового?

А л е к с и я

Что в мире?

Р ы б а к

Дозвольте, сестры, дух перевести.

К с е н и я

Война иль мир?

А л е к с и я

Кто властвует над миром?

Р ы б а к

Пришел корабль в Архангельск ото льдов,
Где, говорят, и кровь-то замерзает.

О л ь г а

А как зашел он в Ледяное море?

Р ы б а к

То английский купеческий корабль,
К Архангельскому в первый раз заходит.

А л е к с и я

Ой! Люди где не будут из наживы!

К с е н и я

Теперь от мира никуда не скрыться.

Р ы б а к

Да это новость малая, а вот что:
Молва другая по свету прошла...

А л е к с и я

Что? что?

О л ь г а

Скажи, пожалуйста, скорее.

Р ы б а к

На свете снова появились дива.
Мертвец восстал, почивший в бозе ожил!

О л ь г а

Как так?

Р ы б а к

А вот как: Дмитрий-то царевич
(Тужили лет шестнадцать, говорят,
По нем по мертвом) — Дмитрий-то царевич
Теперь ведь в Польше!

О л ь г а

Что? царевич Дмитрий?

М а р ф а

(подходя)

Мой сын!

О л ь г а

Скрепися! сердце удержи,
Пока все сестры не слышали вести.

А л е к с и я

Царевич Дмитрий!.. Да его убили:
Он в Угличе погиб среди пожара.

Р ы б а к

Вишь, от огня и полымя он спасся;
Его укрыли где — это монахи;
В монастыре подрос — и появился,
Как, значит, время самое пришло.

О л ь г а

(Марфе)

Царица! Ты дрожишь... Вся побледнела...

М а р ф а

Я знаю, знаю: это только греза!
Но так еще малейшая надежда
И страх меня тревожит, что невольно
Трепещет сердце.

О л ь г а

Отчего же греза?
Послушай... Даром не идет молва.

Р ы б а к

Как даром? Да ведь дело-то какое:
На нас Литва поднялася, поляки, —
Царевич в град престольный свой грядет!..

Марфа дрожит всеми членами и должна опереться на Ольгу и
Алексию.

К с е н и я

Да говори ж ты, говори, что знаешь!

А л е к с и я

Да ты скажи, откуда эти вести?

Р ы б а к

Я разве лгу?.. Ведь грамота царева
Давно пришла, и нам читал посадник
На городу, на сходке вечевой;
А писано, что, слышите, обманщик
И нам тому обману бы не верить.
А мы-то верим. Коль была б неправда,
Так... Что тут уж!.. Царевич не солжет.

М а р ф а

Так оттого мне сердце защемило?
Ужель оно так слушается мира,
Что слух пустой его тревожить может?
Шестнадцать лет оплакиваю сына —
И верю сразу, что он жив еще.

О л ь г а

Шестнадцать лет ты плакала по мертвом,
А никогда и трупа не видала.
Молвы ничто не может опровергнуть.
И кто же может предсказать судьбу
Народов и над ними глав венчаных?..
Открой же в сердце путь для упования:
Свершилось нечто большее, как видно,
Что ты недавно называла грезой...
Предела всемогущему ведь нет!

М а р ф а

Ужели взор приходится на то
Мне обратить, что так давно уж было?
.
На мертвых я тогда не уповала...
Не говори, сестра, мне ничего!
Не раздражай виденьем ложным сердца!
Не допусти вторично потерять
Возлюбленного сына. Нет покою
И мира нет в душе моей давно!..
Ох! и слова-то даже я забыла...
С тех самых пор, как сына потеряла,
Не знаю я — жива иль умерла?
Отчаянье безмерное!

Слышен удар колокола. Входит сестра-привратница.

О л ь г а

Что значит?

(Привратнице.)

Сестра, скажите, что такое значит?

П р и в р а т н и ц а

У монастырских врат архиепископ,
Желает быть допущен от царя.

О л ь г а

Архиепископ! Сам архиепископ...
За чудом чудо!..

К с е н и я

Поскорее все

На встречу!..

Монахини отправляются к воротам; при входе архиепископа
преклоняют пред ним колени, он их осеняет благословенным
крестом.

И о в

Мир обители во имя
Отца и сына и святого духа!

О л ь г а

Владыко! паству допусти к руке
Святительской...

И о в

Где инокиня Марфа?

О л ь г а .

Владыко, здесь: твоих ждет повелений!

Все инокини удаляются.

И о в и М а р ф а

И о в

Сам государь послать меня изволил
К тебе, царица, с государским словом.
Со своего высокого стола
Он келию отшельницы попомнил,
Зане, как солнце лучезарным оком
Вселенную повсюду освещает,
Так государь своим всезрящим взглядом

Все освещает царство, ибо свыше
Печалует о всем и обо всех.

М а р ф а

Я знаю, как рука его *печальна!*

И о в

Познав твою великую печаль,
Познал он также и всю силу духа
И все твое безвременье, царица!
Разгневан он правдиво, как и ты,
Тебе же нанесенною обидой...

М а р ф а

.

И о в

Уразумей, царица! От поляков
Является какой-то отщепенец,
Какой-то беглый, безызвестный служка,
Всей братией отторгнутый соборне,
И божье имя призывает всуе
О имени младенца твоего,
Представшего перед престол господний;
И сыном Иоанновым дерзает
Сей скоморох народно величаться!
Мироизменник, польский воевода,
Ведет на Русь из Польши самозванца
Во всеоружье, верные сердца
К предательству и мятежу склоняя.

.

Теперь свою державную *печаль*
Царь восхотел мне возложить на ramo —
Послал к тебе... Душевно поминая
Покойного младенца, ты не можешь
Дозволить потревожить прах и имя
Во гробе опочиющего сына;
Ты не должна позволить проходимцу
Права у непорочного похитить...
Но объяви всегласно, что скитальца
Не признаешь за собственное чадо,

Что этой подлой крови не могло
Быть у тебя под сердцем благородным;
Царь ждет, что ты, конечно, отречешься
От выдумки позорной, наказуя
Ее правдиво заслуженным гневом.

М а р ф а

(в продолжение всей речи силится сдержать душевное волнение)

Владыко, что я слышу?.. Невозможно!
Какой же признак, повод, да и довод,
Чтоб кто-нибудь обманщику поверил?

И о в

Со Иоанном сходство, письма
И крест святой — вот чем обманщик этот
К себе привлек не мало легковых.

М а р ф а

Какой же крест?.. Поведай мне, владыко!

И о в

Крест золотой... в нем девять изумрудин...
И говорят, что князь Иван Мстиславский,
Как восприемник, им благословил.

М а р ф а

Владыко, как?.. И крест он этот знает?
(подавляет сердечный порыв.)

А объяснил обманщик, как он спасся?

И о в

Он говорит, что дьяком был спасен
От смерти и полночного пожара.
Что был в Смоленск потайно увезен.

М а р ф а

Да где же пребывал-то он доселе?
Где, говорит, доселе он скрывался?

И о в

Он вырос в Чудовом монастыре,
Не ведая и сам-то — кто такой.
Бежал оттуда он в Литву и в Польшу,
Где раз, при сендомирском воеводе,
Узнав свое происхождение...

М а р ф а

Будто

Такою побасенкой он нашел
Таких друзей, что крови не жалеют?

И о в

Царица! все лукавы поляки:
Завистливо на нашу землю смотрят
И ловят случай, как бы им внести
Войну в пределы русские.

М а р ф а

Послушай!..

Но есть ли легковерные в Москве?

И о в

Царица, знаешь, что народа голос
Разносит ветром... Перемену любят...
Им новость власти вдохновляет веру.
Не ложь, а правда во спасенье... Затем-то
И пожелал державный государь,
Чтоб ты, по праву, с глаз сняла повязку
У целого народа: скажешь слово —
И для Руси обманщик сей — ничто...
Обманщик сей — твой якоб сын, царица!
Твое смущенье радует меня:
Я вижу, скоморошество его
До глубины души тебя волнует,
И гнев тебе ланиты зарумянил.

М а р ф а

Но где, скажи мне, где тот дерзновенный,
Что имя сына нашего присвоил?

И о в

Из Киева идет он под Чернигов;
За ним толпа вооруженных ляхов
И целый хвост казаков прямо с Дону.

М а р ф а

Благодарю тебя я, всемогущий,
Благодарю, что дал ты, наконец,
Мне силу права вместе с правом мести!

И о в

Да что с тобой? Как разумеешь велишь?

М а р ф а

Все силы и господствия, спасите!
Архангелы, крылами осеняйте
Его хоругвь!

И о в

Как?.. И тебя обманщик...

М а р ф а

Мне сын он! Я по признакам всем знаю.
И признаю... хоть по боязни царской...
Он, самый он! Он жив! он недалеко!
Долой, тиран, с престола! Трепещи!
Вконец не сгибла Рюрикова отрасль,
И царь грядет, наследный царь грядет
Спросить у верноподданных отчета.

И о в

Безумная, слова свои обдумай!

М а р ф а

Вот, наконец, зарделся день отместный:
На божий свет выводит из могилы
Невинность угнетенную господь!
Сам Годунов, смертельный враг мой, должен
У ног моих пощады вымолять:
Услышаны горячие молитвы!

И о в

Ужели месть слепит тебя настолько?

М а р ф а

А не настолько страх слепит царя,
Что он себе спасенья ожидает
От женщины, обиженной самим же?

.
Мне отречься надобно от сына,
Что из могилы вызвало мне чудо?
И отречься для чего? В угоду
Всеродного убийцы моего?
Мне избегать господнего спасенья
От материнских скорбей и печалей,
Ниспосланного свыше, наконец?

И о в

.

М а р ф а

Не убеждай, а выслушай меня!
Не выслушав, ты не уйдешь, владыко!
Ох, наконец вздохнула грудь свободно.
Мне, наконец, пришлось излить всю желчь,
Под сердцем хороненную
. Скажи мне:
Кто заживо зарыл меня в могилу
Со всею силой свежою моею
И девственным волненьем юных персей?
Кто отнял сына милого от лона
Под нож убийцы? Не найдешь ты слов
Для передачи всех моих страданий,
Когда меня бессонница томила
Все ночи, вместе с ясными звездами,
Когда платила я за каждый час
Тоскою и горячими слезами.
Настал и час спасения и мести:
Мне мощь влагает в душу всемогущий!

И о в

Не мнишь ли ты, что царь тебя боится?

М а р ф а

Он у меня во власти: только слово,
Одно вот слово — и ему конец!
За ним-то он послал тебя, владыко!
Все на меня — и Русь и Польша — смотрят:
Признай теперь я сыном Иоанна
Царевича — ему удастся все;
А не признай — все словно в воду канет.
Вот почему: кто и когда поверит,
Чтобы, как я, обиженная мать
От подлинного сына отреклася
С убийцею семейным по согласью?..
Скажу другое слово — целый мир
Отступит от обманщика. Не правда ль?
Вот это слово вам теперь и нужно;
И услужить могу я Годунову.

И о в

Нет, не царю, а царствию всему:
Ты от войны спасла бы государство
Правдивым словом. Ты сама, царица,
Не можешь в смерти сына твоего,
По совести и чести, сомневаться.

М а р ф а

Я плакала об нем шестнадцать лет,
А мертвым не видала; да и в смерти
Его затем лишь только убедилась,
Что все сказали... что мне было тяжко.
Теперь молве всеобщей, да и сердцу
Я верю, что мой сын не умирал.
Сомнением заблудшимся не должно
Переступать прямых путей господних.
Но если б я под сердцем не носила
Его, — теперь под сердцем мщенье носит
Его же. Я того усыновляю,
Кого мне возродили небеса.

И о в

Несчастливая! Ты с сильным не борися!
Его рука, ты знаешь, далека:
В обители достанет.

М а р ф а

Пусть убьет —
Мой голос ведь не то чтоб из темницы,
Из-за могилы будет слышан миром...
В ту и в другую он повергнуть может,—
Да вот чего не может: приказать
Мне говорить со слов его, и даже
Не сможет он при хитрости своей.

И о в

Последнее твое, царица, слово?..
Что ж мне сказать царю и государю?

М а р ф а

Пусть на небо надеется — коль смеет,
И на народ — коль может!

И о в

Помолчи,
Не завершай заранее преступленья:
Ты беремья берешь себе на плечи,
Да беремья-то плечи к земли клонит.

М а р ф а

(одна)

Сын — несомненно!.. Дальние края
И дикие пустыни возмутились —
И за него оружие подняли;
Поляк-вельможа, гордый палатин,
Решается отдать ему в супруги
Не дочь свою, а золото литое...
И я одна — я, мать, — его отвергну?
И буду очевидицей немой,
Как вихорь общей радости и счастья
Всю Русь охватит в день венчальный сына?
Он сын мой — знаю, чувствую и верю!

Хочу поверить — и берусь за якорь,
Ниспущенный мне с неба для спасенья.
Он! он! Идет сюда вооруженный —
Спасти меня и отомстить врагу!..
Я слышу звуки громких труб и бубнов!
Сбирайтесь, от севера и юга,
Из всех степей, из вековых лесов,
Все языки, державному на встречу,
По всем путям! седлайте и коня,
Взнуздайте и оленя и верблюда!
Как волны моря, слейтесь отовсюду
Бесчисленно под царскую хоругвь!
О, для чего же здесь с тоской-печалью
(А им конца и меры нет) я гибну?
Ты, солнце вековечное! Ты ходишь
Кругом земли — снеси мои желанья!
Ты, воздух, необъятный и летучий,
Вей на него моим благословеньем!
Опричь молитв и скорби, ничего
Нет у меня. Из глубины душевной
Их окрыленно шлю я в выси неба,
Чтоб воинством помощным низошли
И к моему возлюбленному сыну.

ВТОРОЙ ВЫХОД

Пригорок, осененный деревьями. Открывается вдали веселая окрестность, широкая река, кругом зеленые нивы; там и сям мелькают церковные купола нескольких городов; за сценой — трубы и звуки военной музыки.

Появляются Одоевский и прочие военачальники; вслед за ними Димитрий.

Одоевский

Лес окружить всем войском, а покуда
Осмотрим мы окрестности с пригорка.

Некоторые из присутствующих уходят. Димитрий выступает на авансцену.

Димитрий

(осматриваясь кругом)

Га! Что за вид!

О д о е в с к и й

Теперь ты пред собою
Свое же царство видишь, государь!
Русь!..

Р а з и н

На меже поставлен столб московский;
А польские владенья прекратились.

Д и м и т р и й

Что ж это, Днепр?

О д о е в с к и й

Нет, государь, Десна;
Вот это — кремль в Чернигове белеет.

Р а з и н

А дальше — вон сверкают купола:
Сам Новгород то Северский.

Д и м и т р и й

Прелестно!

Что за поляны!

О д о е в с к и й

Государь, весна!
Беременна роскошной жатвой нива.

Д и м и т р и й

И взглядом не окинешь.

Р а з и н

Государь!

По правде молвить, это ведь начаток
Руси. Идет она необозримо
К востоку и к востоку, а на север
Предел ей там, где кончились пределы
Всеми живому
.

Р а з и н

. Посмотри: наш царь
Задумался над чем-то.

Д и м и т р и й

И вот эти
Поля, доселе мирные, я должен
Наследовать оружием, как враг.

О д о е в с к и й

Так, государь, и следует.

Д и м и т р и й

Послушай:

Ведь ты поляк, а я москвич природный;
Ведь это все — все родина моя.
Прости меня, прости, земля родная!
Прости меня и ты, столб пограничный
С наследственным родительским орлом!
Простите, что с оружием враждебным
Я в мирный храм насильственно вхожу,
Чтоб возвратить, законное по праву,
И достоянье отчее и имя!
Здесь властвовало тридцать поколений
Моих родоначальников-варягов;
Но дуб упал — осталась только отрасль, —
Единственно в моем лице осталась
Неизреченной милостью господней.

.

ТРЕТИЙ ВЫХОД.

Русское село. Церковный погост. Звучит набат.

Глеб, Илья и Тимошка выходят на сцену; за поясами
у них топоры.

Г л е б

(*выходя из избы*)

Куда народ?

И л ь я

(*выходя из другой избы*)

Да кто в набат ударил?

Тимошка

Соседушка, скорее все на сходку!

Входят Олег и Игорь; за ними — толпа крестьян,
баб и ребятишек с пожитками.

Олег

Бегите, спасайтесь...

Глеб

Куда вы все, бабье и ребятежь?

Игорь

Беги скорей: под Муромом поляки,
И бьют и режут, кто ни попадетя.

Олег

Беги, беги!.. Скорее!.. В город! в город!
А уж село со всех концов зажгли.
Всем миром снялись — прямо в царский стап.

Тимошка

Ну, вон и те!

С противоположной стороны выходят Ивашка и Петрушка;
за ними — вооруженная толпа.

Ивашка

Да здравствует навеки
Великий князь Димитрий!

Глеб

Это что?

Илья

Ты что такое?..

Тимошка

Да ты кто такой?

Петрушка

А вот: кто только носит крест — за мною!

Т и м о ш к а

Да что ж такое? Все село бежит
От поляков, а ты — вот так и лезешь
Под лапу им? Аль ворог-то — не ворог?

П е т р у ш к а

Какой он ворог?.. Он наш друг, а хочет
Свое наследье отобрать, по правде...
Вон идет посадник.

П о с а д н и к (*выходит со свитком*)

То злое дело соседей и советчиков.
Избави нас, господь, от смуты! Просвети нас!

Н а р о д

Что стряслось, посадник?

П о с а д н и к

Посланье от царевича пришло:
Находится сейчас он в польском войске;
Он в нем...
Что делать нам?

Н а р о д

Прочти посланье! Пусть читает!

Д р у г и е

Послание прочти!

П о с а д н и к

Так слушайте!

«Мы, Димитрий Иванович, божиею милостью царевич всея Руси, князь Угличский, Дмитровский и прочих княжений, прирожденный государь и наследник всей русской державы, всем царский наш поклон».

Г л е б

То полный титул нашего царя.

П о с а д н и к

«Царь Иван Васильевич, преславной памяти...
Его детям верой и правдой служить.
Мы — истинный кровный царский сын,
На жизнь коего посягнул Борис Годунов,
Но промысел господний спас нас.
Теперь мы идем занять наследный трон —
С мечом в одной руке, с масличной ветвью
в другой,
Неся милость верным, погибель супостатам.
Напоминаем о присяге вашей,
Увещеваем вас отстать от Бориса Годунова
И нам, наследственному государю,
Царю законному, присягу дать.
Исполните — и милостиво будем править вами;
А нет — так пусть падет кровь пролитая
На ваши головы, — не вложим мы
В ножны меча, пока на трон наследный
Своих отцов не сядем».

Т и м о ш к а

.....

Г л е б

Как можем сыну нашего царя
Не присягнуть и в землю не пускать?

И л ь я

.....

Т и м о ш к а

Не будьте дурачем. Умом тряхните!
Да разве б мог он выдумать такое?
Коль не царевич, стал бы так писать?

Г л е б

Я тоже так смекаю! Разве ляхи
Пошли бы за обманщиком?

Т и м о ш к а

Не иначе — царевич настоящий!
Как можем сыну нашего царя
Не присягать и в землю не пускать?

И л ь я

Однакож мы Борису Годунову
Клялись и присягали как царю.

П Л А Н Д А Л ь Н Е Й Ш И Х Д Е Й С Т В И Й

Стан Димитрия. Он разбит в первом сражении, по войско царя Бориса одержало победу как бы нехотя и не пользуется своим успехом. Димитрий в отчаянии, хочет умертвить себя; Комля и Одоевский с трудом его отговаривают. Своевольные поступки казаков, даже против самого Димитрия.

Царский стан. Сам царь Борис находится в отсутствии, и это очень вредит царю, потому что его больше страшатся, чем любят. Войско сильно, но очень ненадежно. Воеводы не согласны между собою и, по разным причинам, держат сторону Димитрия. Один из воевод, Салтыков, объявляет себя сторонником Димитрия по убеждению. Его переход влечет за собою самые важные последствия: большая часть войска переходит к Димитрию.

Борис в Москве. Он еще не утратил самодержавной своей власти и окружен верными слугами; но постоянно огорчен худыми вестями. Страх народного вос-

стания в Москве не позволяет ему принять военачалия над войском. Вместе с тем он, как царь, стыдится вступить в борьбу с обманщиком. Сцены между ним и патриархом.

Со всех сторон гонцы приносят печальные вести, и опасения Бориса увеличиваются все более и более. Он слышит об измене крестьян и уездных городов, о бездействии и мятеже войск, о народном волнении в Москве, о приближении Дмитрия. Романов, тяжело оскорбленный Борисом, прибыл в Москву. Его прибытие возбуждает новое опасение царя. Приходит весть, что бояре перебегают из стана к Дмитрию и что все войско передалось ему.

Борис и Ксения. Царь растроган как отец и в разговоре с дочерью открывает всю свою душу.

Борис достигнул престола преступлением, но все обязанности самодержавного владыки бестрепетно взял себе на рамена и выполнял добросовестно.— Он бесценный повелитель страны и истинный отец народа. Только в своих личных отношениях он гневен, мстителен и суров. По своему уму и положению, он выше всего, что его окружает. Долговременная привычка к верховной власти, умение повелевать людьми и самодержавная форма правления развили в нем гордость до того, что он не в силах пережить своего величия. Он видит ясно, что его ожидает, но он еще царь и никогда не дойдет до унижения, потому что решил умереть.

Он верит в приметы, и в настоящем настроении его духа ему кажутся важными такие безделицы, которыми он пренебрегал некогда. Случайные обстоятельства принимает он за предвещание судьбы, и оно заставляет его прибегнуть к решительной мере.

Незадолго до смерти в душе его происходит перемена: он кротко выслушивает даже вестников неудачи и стыдится прежних порывов гнева. Он заставляет рассказывать себе все, до мельчайших подробностей, мало того — награждает рассказчика.

Получив весть об окончательной неудаче, он хладнокровно и самоотверженно решается покончить с собою: облачается в иноческую одежду и в последнее мгновение удаляет от себя дочь. В стенах обители должна она найти защиту от оскорблений; сыну его Феодору, как юноше, грозит меньшая, может быть, опасность. Борис принимает яд и удаляется в уединенную горницу, чтобы умереть спокойно.

Общее смущение при вести о смерти царя. Бояре составляют государскую думу и правят в Кремле. Романов (впоследствии царь и прародитель нынешнего императорского дома) является во главе вооруженного отряда перед останками царя Бориса, присягает сыну его Феодору и принуждает бояр последовать его примеру. Мечь и честолюбие не сродны его душе: он служит единой правде. Ксению любит он безнадежно, и любим взаимно, не подозревая этой любви.

Романов спешит к войску, чтобы склонить его на сторону юного царя. Волнение в Москве, произведенное приверженцами Димитрия. Народ врывается в боярские дома, овладевает особами Феодора и Ксении, заключает их в темницу и посылает выборных к Димитрию.

Димитрий в Туле, на высоте своего благополучия. Войско ему присягнуло; ему подносят ключи от городов. Одна Москва, повидимому, противится. Димитрий ласков и любезен, с благородным сердечным волнением выслушивает он весть о смерти царя Бориса; прощает обличенным заговорщикам покушение на его жизнь;

отклоняет от себя рабские изъявления покорности русских и выказывает намерение уничтожить с корнем низкопоклонничество. Напротив, окружающие Дмитрия поляки обращаются с русскими сурово и презрительно. Дмитрий изъявляет желание видеться с своею матерью и отправляет послов к Марфе.

Посреди толпы русских, скопившихся в Туле около Дмитрия, появляется человек, которого царевич признает сразу и встреча с которым в высшей степени его обрадовала. Он удаляет от себя всех и, оставшись наедине с этим человеком, приносит ему сердечную благодарность, как своему спасителю и благодетелю. Незнакомец объясняет, что Дмитрий, без всякого сомнения, очень обязан ему, и даже более, чем сам думает. Дмитрий вынуждает его объяснитьсь определеннее, — и убийца законного царевича показывает всю правду. Он не получил награды за убийство и мог ожидать от Бориса только смерти. Пылая мщением, он увидел случайно одного отрока и был поражен его сходством с царем Иваном. Случая нельзя было упустить. Убийца усыновил мальчика, бежал с ним из Углича, поручил своего приемыша одному духовному лицу, принявшему участие в его предприятии, и передал этому сообщнику драгоценный крест, снятый им самим с умерщвленного царевича. И вот теперь он отомстил своему врагу в лице этого отрока, которого никогда не терял из виду и за которым следил незаметно. Лжедмитрий, его орудие, царит над Русью вместо Бориса.

Во время этого рассказа в душе Дмитрия кипит борьба. Молчание его ужасно. В то самое мгновение, как он предается необузданному отчаянию, убийца выводит его из себя кичливым и дерзким требованием награды: Дмитрий закалывает его.

Монолог Дмитрия. Он борется с властолюбием, но сознание необходимости — объявить себя царем — превозмогает.

Являются выборные от Москвы и подчиняют город власти Димитрия. Их принимают сурово и с грозными предосторожностями. Между ними находится патриарх. Димитрий слагает с него патриаршее звание и вслед за тем осуждает на смертную казнь одного из знатных россиан, усомнившегося в его неподложности.

Марфа и Ольга ожидают Димитрия в роскошно убранной ставке. Марфа говорит о предстоящем свидании более с волнением и боязнию, чем с надеждою, и трепещет того мгновения, которое сулит ей полное благополучие; Ольга ее уговаривает, хотя и сама не верит своим словам. Во время долгого пути они успели обсудить все обстоятельства, и восторженность уступила место раздумью. Суровое молчание и угрюмые взгляды стражей только увеличивают сомнения.

Гремят трубы. Марфа в нерешимости: идти ли ей на встречу Димитрия, или нет? И вот он стоит перед нею, один. При первом взгляде на царевича в сердце Марфы угасает последняя искра надежды. *Что-то неведомое* стало между ними; природа не сказала: они навек чужды друг другу. В первое мгновение была обоюдная попытка кинуться друг другу в объятия; но Марфа отшатнулась назад. Димитрий заметил ее движение — и поражен. Знаменательное молчание.

Д и м и т р и й

И ничего не говорит тебе сердце? И не сказалась во мне кровь твоя?

Марфа молчит.

Д и м и т р и й

Голос естества свят и свободен: не изнасиловать его, не исказить. Забейся твое сердце при взгляде на меня — и мое ответило бы, и пал бы тебе на грудь покорный и любящий сын. Чему суждено — сбылось бы добросклонно, любовно, искренно. Но если ты не чувствуешь как мать, обдумай все как великая княгиня, укрепи свой дух как царица. Меня судьба повергает в твои объятия не-

жданым сыном — прими же меня на свое лоно как дар небесный. Если бы я не был твоим сыном, как теперь, что же я отнимаю у твоего дитяти? Отнимаю я что-нибудь только у твоего врага. Тебя и кровь твою извлек я из бездны, где тебя заживо похоронили, — извлек и возвел на «царское место». Пойми, что твой жребий скован с моим. Ты высоко стоишь возле меня — и упадешь со мной. Народ не спускает с нас глаз.

Ненавижу я скоморошество, облыжным чувством не кичуся, но перед тобой благоговею и достойно преклоняю колени.

Марфа молчит; в ней заметна сильная душевная тревога.

Д и м и т р и й

Решайся. Не стесняй своей воли, говори по душе. Я не требую ни лицемерия, ни лжи: требую истинного чувства. *Полно тебе казаться моею матерью — будь ею.* Откинь от себя прошлое, прилепись всем сердцем к настоящему! Если я не сын твой — я царь. За меня — сила, за меня — счастье. *Тот* лежит в гробу, тот — прах, и ничего более; у него нет сердца, чтобы любить тебя, нет взора, чтоб приветствовать. Полюби того, кто жив.

Марфа плачет.

Д и м и т р и й

О, эти слезы — золотая роса! Пусть их падают, пусть на них смотрит народ!

Димитрий делает знак: пола шатра поднимается, и толпы русских становятся зрителями этой сцены.

Въезд Димитрия в Москву. Торжество пышно, но лица окружающих царевича угрюмы. Поляки и казаки во главе поезда. Какая-то мрачность и боязнь нарушают общее веселие. Так и веет недоверием и предчувствием беды.

Романов прибыл в войско в недобрый час: он опоздал, и возвратился в Москву, чтобы защитить Феодора и Ксению. Попытки его напрасны; он становится узником. Ксения прибегает под покров царицы

Марфы и бьет ей челом о защите от поляков. Здесь видит ее Димитрий, и в душе его вспыхивает мгновенная неодолимая страсть. Ксения гнушается Димитрием.

Димитрий — царь. Несет его вдаль грозная стихия, и он не может противостать ей; его увлекают страсти других людей. В глубине души своей он никому не доверяет: у него нет ни друга, ни преданного сердца. Поляки и казаки вредят ему в народном мнении своею дерзостью. Даже то, что делает ему честь, то есть его любовь к народу, простота обращения, пренебрежение к старинным льстивым обрядам и обычаям, — даже и эти достоинства возбуждают общий ропот. Иногда он необдуманно попирает ногами завет праотцев. Он преследует монахов, потому что долго вращался между ними. Бывают мгновения; когда его гордость глубоко уязвлена, и тогда он становится причудливым деспотом. Одоевский сумел сделаться для него необходимым человеком, удалил от него русских и окончательно упрочил свое влияние.

Димитрий задумал изменить Марине. Он рассуждает об этом с патриархом Иовом, а тот, в надежде отстранить поляков, одобряет его замыслы и представляет ему царскую власть во всем ее величии.

Марина прибыла в Москву с многочисленною свитою. Свидание с Димитрием. С обеих сторон коварство и холодность; но Марина лучше умеет носить личину. Она торопит бракосочетанием. Приготовления к пышному празднеству.

По приказанию Марины, Ксении подносят отравленный кубок. Смерть отрадна для молодой царевны: она боялась, что Димитрий поведет ее к алтарю.

Неутолимая печаль Дмитрия. С растерзанным сердцем он становится под венец с Мариною.

После венца Марина открывает своему супругу, что она никогда не считала и не признавала его за истинного Дмитрия, и оставляет его в самом беспомощном, в самом ужасном положении.

Между тем один из воевод Бориса, Шуйский¹, пользуется возрастающим негодованием народа и составляет заговор против Дмитрия.

Романов, в темнице, утешен неземным видением: ему является душа Ксении, заставляет его прозреть в будущие счастливые времена, повелевает ему спокойно дожидаться своего жребия и не обогреть своих рук в крови. В словах призрака слышен намек, что Романов сам некогда взойдет на престол. Вскоре за тем его приглашают сделаться участником в заговоре.

Салтыков горько упрекал себя, что изменил отчизне ради Дмитрия, но не хочет быть вторично изменником и невольно держится прежней партии. Беда уже страшась над головами, — по крайней мере нужно отворотить ее хоть сколько-нибудь, нужно ослабить власть поляков. За свою попытку Салтыков платится жизнью, но считает смерть заслуженною карою и, умирая, сам сознается в этом Дмитрию.

Казимир, брат молодой польки Лодойской, тайно и безнадежно любившей Дмитрия в дому сендомирского воеводы, сопровождал лжецаревича во всех походах и, по просьбе своей сестры, не один раз мужественно за-

¹ У Шиллера *Шинской* (Schinosky). (Прим. переводчика.)

щищал его. В минуту величайшей опасности, когда все приверженцы оставили Димитрия, Казимир остался ему верным и сложил за него голову.

Заговор обнаруживается. Димитрий у царицы Марфы; мятежники врываются в ее покои. На мгновение величавый вид и смелость Димитрия производят впечатление на заговорщиков. Он едва не обезоруживает их обещанием — предать им в жертву поляков. Но вот появляется Шуйский во главе новой разъяренной толпы. Они настоятельно требуют от царицы крестной присяги, что Димитрий ее сын. Царица не в силах клятвопреступно изменить своей совести: молча отворачивается она от Димитрия и хочет выйти. «Она молчит! — вскрикивает шумная толпа. — Она отрекается от него! Умри же, обманщик!» И заколотый Димитрий падает к ногам Марфы.

1805

П Р О З А

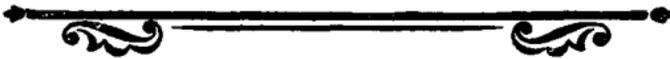

Переводы под редакцией

Е. М. ЗАКС

**ПРЕСТУПНИК ИЗ-ЗА
ПОТЕРЯННОЙ ЧЕСТИ**

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Во всей истории существования человека нет главы более поучительной для сердца и ума, чем летопись его заблуждений. Каждым большим преступлением движет соответствующая ему сила. И если тайную игру вождений можно скрыть в тусклом свете будничных чувств, то особенно явственно, мощно и бурно проявляется она у охваченного всепожирающей страстью; глубокий исследователь человеческой души, знающий, сколь можно положиться на механику обычной свободы воли и как далеко можно заходить в заключениях по аналогии, перенесет некоторый опыт из этой области в свое учение о душевных явлениях и применит его к требованиям нравственности.

Сердце человеческое — сколь оно просто — и в то же время сколь сложно! Казалось бы, одна и та же способность или страсть может проявляться в тысячах форм и устремлений, может вызывать тысячи противоречивых явлений, может в тысяче характеров проявляться по-разному, и тысячи разных характеров и действий могут быть порождены одинаковой склонностью, — пусть даже человек, о котором идет речь, меньше всего подозревает о своем сродстве с другими. Если бы для рода человеческого, как и для других областей природы, нашелся когда-нибудь свой Линней, который сумел бы дать ему классификацию по поступкам и склонностям, как удивился бы мир, обнаружив в одном ряду с чудовищем Борджиа того или иного из

людей, чьи преступные склонности подавляются ныне в узкой мещанской сфере и тесных рамках закона.

Если иметь все это в виду, можно привести много возражений против обычной трактовки истории; и в этом-то, на мой взгляд, и заключаются те затруднения, которые все еще делают ее изучение безрезультатным для нашей повседневной жизни. Между бурными душевными порывами действующего лица и спокойствием читателя, перед которым разворачивается действие, существует столь резкое противоречие, лежит столь глубокая пропасть, что читателю трудно и даже невыносимо уловить связь между этим лицом и собой. Между историческим субъектом и читателем образуется разрыв, который исключает всякую возможность сравнения или понимания и, вместо того чтобы будить благотворный ужас, стоящий на страже гордого здравомыслия, вызывает лишь недоуменное отчуждение. На несчастного, который и в момент, когда он совершал преступление, и в момент, когда он его искупает, остается все же человеком, подобным нам, мы смотрим как на существо иного рода, кровь которого течет иначе, чем у нас, воля которого подчиняется иным законам, чем папа; судьба его нас мало трогает, потому что тронуть может лишь то, что вызывает в нас смутное сознание подобной же опасности, но она нам даже и не грезится. Поучительность утрачивается, и история, вместо того чтобы служить школой просвещения, должна довольствоваться жалкой заслугой удовлетворять наше любопытство. Чтобы стать чем-то большим и достичь своей великой цели, она должна, подчиняясь необходимости, избрать один из двух методов: либо читатель должен воспламениться, подобно герою, либо герой должен успокоиться, подобно читателю.

Я знаю, что многие лучшие историографы нового времени и древности придерживались первого метода и подкупали сердце своего читателя захватывающим рассказом. Но этот метод есть незаконное действие писателя и оскорбляет республиканскую свободу читающей публики, которой одной принадлежит право судить; этот метод одновременно является нарушением установленных границ, потому что принадлежит исклю-

чительно и неотъемлемо оратору и писателю. Историографу остается только другой метод.

Герой должен успокоиться, подобно читателю, либо, что здесь особенно важно, мы должны с ним познакомиться прежде, чем он начнет действовать; мы должны видеть не только, как он совершает свой поступок, но и как задумывает его. Его мысли значат для нас бесконечно больше, чем поступки, и нам гораздо важнее источники этих мыслей, чем последствия его поступков. Чтобы объяснить причины извержений Везувия, исследовали его кратер; почему же моральному явлению уделяется меньше внимания, чем физическому? Почему в такой же мере не вникают в состояние и положение, в которых находился человек, пока, наконец, не вспыхнул тлевший в нем огонь? Мечтателя, предпочитающего чудеса, влечет именно необычное и странное в подобном явлении; друг истины станет искать мать, породившую этих заблудших детей. Он станет искать ее и в неизменной структуре человеческой души и в изменчивых обстоятельствах, действующих на нее извне,—и в сочетании этих явлений, несомненно, ее найдет. Его не поразит отныне, что на той же гряде, где обычно цветут лишь целебные травы, зреет ядовитая цикута, что мудрость и глупость, порок и добродетель покоятся в одной колыбели.

Хотя я и не принимаю здесь в расчет ни одного из тех преимуществ, которые наука о человеческой душе извлекает из подобного метода обращения с историей, тем не менее за ним остается предпочтение хотя бы уже потому, что он уничтожает ту жестокую насмешку и гордую уверенность, с которыми обычно неискушенная, незапятнанная добродетель взирает на добродетель падшую; потому, что он несет с собою кроткий дух терпимости, без которого никогда не свершится примирение закона с его оскорбителем, не вернется ни один беглец, не будет спасен ни один зараженный член общества от разрушительной гангрены.

Имел ли право преступник, о котором я поведу речь, взывать к этому духу терпимости? Действительно ли его нельзя было спасти для общества? Не хочу предрешать приговора читателя. Наша снисходительность не

принесет этому преступнику пользы, ибо он уже погиб от руки палача, — но, быть может, посмертное вскрытие его пороков послужит уроком человечеству и, что весьма возможно, самому правосудию.

Христиан Вольф был сыном трактирщика в ...ском городке (о названии его, по причинам, которые станут ясны впоследствии, мы умалчиваем) и до двадцатилетнего возраста помогал в хозяйстве матери, так как отец умер. Трактир был захудалый, и у Вольфа оставалось много свободного времени. Еще со школы он отличался распущенностью. Молодые девушки жаловались на его дерзость, а мальчишки преклонялись перед его озорной изобретательностью. Природа жестоко обделила его. Маленькая невзрачная фигура, курчавые, неприятного черного оттенка волосы, плоский приплюснутый нос и вздутая верхняя губа, к тому же еще изуродованная ударом конского копыта; столь отталкивающая внешность отпугивала от него женщин, а приятелям давала богатую пищу для насмешек.

Он решил добиться того, в чем ему было отказано: он не нравился, но поставил себе целью нравиться; он был чувствен, но убедил себя в том, что влюблен. Девушка, которую он избрал, обращалась с ним жестоко. У него были основания опасаться, что соперники его более счастливы. Но девушка была бедна. Сердце, не открывшееся его клятвам, могло бы открыться его подаркам, однако сам он был в стесненных обстоятельствах, а тщеславные попытки придать значительность своей внешности поглотили и то небольшое, что он выручал в своем жалком трактире. Слишком ленивый, да к тому же несведущий, чтобы поправить расстроенное хозяйство спекуляциями, слишком гордый и слишком изнеженный, чтобы променять положение господина, каким он до сих пор был, на положение простого крестьянина и отказаться от обожаемой свободы, он прибег к единственному выходу, к которому обращались тысячи людей до и после него, а именно — к пристойному воровству. Рядом с его родным городом раскинулся княжеский лес, и Вольф стал браконьером, а доход с грабежа целиком переходил в руки его возлюбленной.

Среди любовников Ганнхен был некий Роберт, егерь лесничества. Очень скоро он заметил преимущество, которое получил его соперник благодаря своей щедрости, и, одержимый завистью, начал искать источники подобной перемены. Он чаще стал показываться в «Солнце», — так назывался трактир, — и его подстерегающий взгляд, обостренный ревностью и завистью, вскоре открыл ему, откуда текут эти деньги. Незадолго до того вновь вступил в действие строгий указ против браконьерства, осуждавший преступивших его на тюремное заключение. Роберт, не зная устали, рыскал по тайными тропами по следам своего врага; в конце концов ему удалось застигнуть безрассудного на месте преступления. Вольфа заключили под стражу; и только пожертвовав всем своим небольшим состоянием, он с трудом добился замены тюремного заключения денежным штрафом.

Роберт торжествовал. Соперник был устранен, — нищий потерял расположение Ганнхен. Вольф знал, кто его враг, и этот враг был к тому же счастливым обладателем его Иоганны. К оскорбленной гордости присоединилась гнетущая нищета. Нужда и ревность, объединившись, наносили его чувствительности удар за ударом, голод гнал его на улицу, месть и страсть прочно завладели им. Он опять становится браконьером; но, удвоив бдительность, Роберту удается перехитрить его и на этот раз. Только теперь Вольф познал всю строгость закона: ему уже нечем было откупиться, и спустя короткое время его отправили в столичную тюрьму.

Год тюрьмы остался позади, но расстояние усилило его страсть, а несчастье сделало его еще упрямее. Едва выйдя на свободу, он спешит в родной городок, повидать свою Иоганну. Он появляется; его избегают. Крайняя нужда осилила в конце концов его высокомерие и изнеженность — он предлагает свои услуги местным богачам, готов работать за подневную плату. Но крестьяне только пожимают плечами, глядя на слабосильного неженку, его соперники берут верх, гораздо больше привлекая бесчувственных благодетелей своим здоровым видом. Он решается на послед-

ную попытку. Одна должность еще свободна, последняя в ряду честных занятий,— он хочет наняться в общинные пастухи; но крестьяне не желают доверять своих свиней какому-то бездельнику. Претерпев крушение всех своих планов, повсюду отвергнутый, он в третий раз пускается в браконьерство; и в третий раз постигает его незадача: он попадает в руки своего дремлющего врага.

Повторное преступление отягощало его виновность. Судьи заглянули в книгу законов, но ни один не заглянул в душу обвиняемого. Указ против браконьерства требовал публичного и примерного наказания, и Вольфа присудили к трем годам каторжных работ в крепости и выжгли знак виселицы на спине.

И этот срок прошел. Вольф вышел из крепости,— но уже совсем иным, чем вошел в нее. Отныне начинается новая эпоха в его жизни. Выслушаем его собственные признания, сделанные им впоследствии своему духовнику, а также перед судом.

«Я переступил порог крепости,— рассказывает он,— заблудшим грешником, а покинул ее отпетым негодяем. Многое еще было мне дорого в этом мире, и гордость моя страдала под бременем позора. В крепости меня бросили в каземат, где уже сидело двадцать три арестанта; двое были убийцы, а остальные — отъявленные воры и бродяги. Меня поднимали на смех, когда я говорил о боге, и требовали, чтобы я омерзительно богохульствовал. Мне пели срамные песни, которые даже я, беспутный парень, слушал с отвращением и ужасом; но то, что совершалось на моих глазах, возмущало мою стыдливость еще гораздо больше. Не проходило дня, чтобы не рассказывалась омерзительная история чьей-либо жизни, не замышлялось бы какое-нибудь преступление. Вначале я избегал этих людей и прятался куда только мог от их разговоров, но мне нужно было хоть какое-нибудь живое создание, а варварство моих сторожей лишило меня даже моей собаки. Работа была тяжелой и мучительной, а я был болезненным; я нуждался в поддержке и, если говорить честно, нуждался в сочувствии,— и его мне приходилось покупать последними остатками совести. Постепенно я привык к чудовищным

гнуностям и в последние три месяца даже превзошел своих учителей.

Отныне я не мог дожждаться дня освобождения,— я жаждал мести. Я был оскорблен всеми, потому что все были лучше и счастливее меня. Я видел в себе мученика за естественное право и принесенную на заклятие жертву законов. Скрежеща зубами, рвал я свои цепи, когда солнце восходило над крепостью; широкий горизонт, открывающийся узнику,— это ад вдвойне. Вольный ветер, свистевший сквозь щели моей башни, ласточка, опустившаяся на прут железной решетки, как бы дразнили меня своей свободой и делали мою тюрьму еще более ужасной. В ту пору я поклялся непримиримо и пламенно ненавидеть все, что походит на человека; а в чем я клялся, я честно выполнял.

Первая моя мысль, как только я очутился на свободе, была обращена к родному городку. Чем меньше у меня оставалось надежды, тем больше я верил, что моя жажда мести будет удовлетворена. Сердце мое забилось сильнее, когда вдалеке из-за леса показалась колокольня. Это не было тем чувством сердечного умиления, которое я испытал, возвращаясь после первого странствия,— воспоминания обо всем зле, обо всех преследованиях, пережитых там, пробудились внезапно от своего страшного, мертвого сна; все раны вновь кровоточили, все рубцы разошлись. Я ускорил шаги; меня заранее радовала мысль привести в ужас моих врагов своим неожиданным появлением, и я с такой же силой жаждал нового унижения, с какой прежде трепетал перед ним.

Колокола звонили к вечерне, когда я остановился посреди рыночной площади. Прихожане торопились в церковь. Меня скоро узнали. Но каждый, взглянув на меня, с ужасом отступал. Я всегда очень любил маленьких детей, и меня вдруг невольно потянуло дать грош какому-то малышу, который вприпрыжку пробегал мимо. Мальчик, на мгновенье остолбенев, поглядел на меня и вдруг бросил мне этот грош в лицо. Если бы кровь во мне так не кипела, я вспомнил бы, что еще в крепости зарос бородой, обезобразившей меня. Но злоба

помутила мой разум. Слезы, какими я еще никогда не плакал, катились по моим щекам.

Мальчик не знает, сказал я себе вполголоса, ни кто я, ни откуда пришел, и все-таки бежит от меня, как от мерзкого животного. Разве у меня на лбу клеймо или я перестал походить на человека, с тех пор как не могу уже никого любить? Презрение этого мальчика было мне горше, чем три года каторги,— ведь я сделал ему добро и не мог обвинить его в ненависти ко мне.

Я сел на сруб напротив церкви; чего собственно я хотел, не знаю сам, но помню, что поднялся с чувством горечи: ни один из проходивших мимо знакомых не удостоил меня приветствием, ни единый. Раздраженный, покинул я свое место и отправился на поиски ночлега; заворачивая за угол, я столкнулся с моей Иоганной.

— Хозяин «Солнца»! — громко воскликнула она и сделала движение, будто хотела меня обнять.— Опять ты здесь, мой дорогой! Слава богу, что ты вернулся!

Голод и нищета были написаны на ее рубище, позорная болезнь — на ее лице; сразу было видно, каким униженным и отверженным созданием она стала. Я понял, что это значит, ибо встретил только что несколько княжеских драгун: в городе был расположен гарнизон.

— Солдатская девка! — крикнул я и с хохотом отвернулся от нее.

Отрадно было, что хоть одно существо среди живущих на земле пало еще ниже меня. Я никогда ее не любил.

Мать моя умерла. Домишко забрали кредиторы. Никого и ничего у меня не осталось. Все меня избегали, как зачумленного, но и я забыл, наконец, стыд. Раньше я прятался от взоров людей, их презрение было мне невыносимо. Теперь я стал навязчивым, я получал наслаждение, отнугивая их. Это доставляло мне удовольствие, потому что мне уже нечего было терять и нечего было беречь. Мне не нужны были добродетели, раз никто и не предполагал их во мне.

Мир был велик. В чужом краю я, может быть, прослыл бы честным человеком, но я утратил мужество даже казаться таковым. Отчаяние и стыд взрастили во мне подобный образ мыслей. Он был моим последним спасением, он учил меня обходиться без чести, ведь я не смел более притязать на нее. Если бы я не подавил в себе тщеславия и гордости прежде, чем познал унижение, я должен был бы лишиться себя жизни.

Что мне следовало предпринять, я и сам еще не знал. Смутно припоминаю, что у меня было желание творить зло. Я хотел заслужить свою судьбу. Законы, полагал я, являются благом для человечества, а потому я принял за правило нарушать их; ранее я грешил из необходимости и легкомыслия, теперь — по доброй воле, для собственного удовольствия.

Прежде всего я вернулся к браконьерству. Охота все более и более становилась моей страстью, да и жить надо было. Но дело не только в этом: меня словно подмывало глумиться над княжеским указом и всеми силами вредить моему князю. Я не опасался более, что меня схватят, ибо теперь имел в запасе для преследователя пулю и знал наверняка, что выстрелю без промаха. Я уничтожал всю дичь, попадавшуюся на моем пути, и только малую часть добычи обращал в деньги на границе, большую же часть оставлял в лесу. Я жил скудно, заботясь только, чтобы у меня всегда были свинец и порох. Об опустошениях, которые я причинял княжеской охоте, говорили везде, но меня никто не подозревал. Самый вид мой не допускал такой возможности. Имя мое было забыто.

Долгие месяцы вел я подобный образ жизни. Однажды утром я, по своему обыкновению, пробирался сквозь чащу, стараясь нанять на след оленя. Два часа прошли в напрасных усилиях, и я уже думал было, что упустил добычу, как неожиданно обнаружил ее на расстоянии выстрела. Только собрался я прицелиться и спустить курок, как увидел на земле, в нескольких шагах от себя, шляпу. Я вздрогнул от неожиданности и, присмотревшись внимательно, узнал егеря Роберта. Стоя за толстым дубом, он целился в ту же дичь, в которую собирался выстрелить и я. Смертельный холод

пронизал меня при виде Роберта. Это был именно тот человек, которого я ненавидел, как никого другого из живущих на земле,— и этот человек был отдан во власть моей пули. В это мгновение мне казалось, будто весь мир заключен в моем выстреле, и ненависть всей моей жизни сосредоточилась в кончике пальца, которым я мог произвести этот смертельный выстрел. Невидимая, ужасная длань простерлась надо мной, стрелка часов моей судьбы неотвратимо указывала на эту минуту. Рука моя дрожала, ибо я позволил моему ружью совершить страшный выбор, зубы стучали, как в лихорадке, и дыханье стеснилось в груди. Минуту дуло моего ружья колебалось между человеком и оленем — минуту — и еще минуту — и еще одну. Месть и разум вступили в упорный безрезультатный бой, но месть в конце концов победила, и егерь упал мертвым.

Ружье выпало у меня из рук, как только раздался выстрел... «Убийца», — медленно выдавил я из себя. В лесу было тихо, как на кладбище; я отчетливо слышал, что произнес слово «убийца». Когда я подкрался ближе, он был уже мертв. Долго стоял я в безмолвии над убитым и неожиданно разразился громким хохотом, дав выход своим чувствам.

— Будешь теперь держать язык за зубами, приятель! — сказал я дерзко и, подойдя к убитому, повернул его лицом вверх.

Глаза его были широко открыты. Веселость моя улетучилась, я вдруг умолк. В душе у меня творилось что-то странное.

До сих пор я совершал преступления в счет уже пережитого позора, но теперь произошло нечто, чего я еще не искупил. Я думаю, что за какой-нибудь час до того ни один человек не мог бы убедить меня, что есть на земле кто-нибудь преступнее меня; теперь мне казалось, что час назад я был еще достоин зависти.

О божьем суде я не думал, но передо мной вдруг мелькнуло одно смутное воспоминание,— не знаю сам, откуда оно явилось,— о виселице и мече и о казни детоубийцы, при которой я присутствовал, когда был школьником. Особенно пугала меня мысль, что отныне я обречен. Многого я уже не припоминаю. Я то желал,

чтобы враг мой оказался живым, то принуждал себя припоминать все зло, что причинил мне убитый. Но странно! Память моя молчала, как мертвая. Я не мог оживить в ней ничего из того, что еще четверть часа назад приводило меня в бешенство, и никак не мог понять, что же заставило меня совершить это убийство.

Долго еще стоял я над трупом, очень долго. Щелканье кнутов и скрип телег, проезжавших через лес, вывели меня из оцепенения. Место, где произошло убийство, находилось не больше чем в четверти мили от проезжей дороги. Пора было подумать о собственной безопасности.

Невольно углубился я в чащу. Вдруг я вспомнил, что у егеря были как будто карманные часы. Мне нужны были деньги, чтобы добраться до границы,— и все-таки у меня не хватало мужества вернуться к месту, где лежал мертвец. Мысль о дьяволе и вездесущем боге вызывала во мне ужас. Я собрал все свое мужество и, полный решимости сразиться со всей преисподней, направился обратно. Я нашел, что ожидал, и в зеленом кошельке еще деньги, немногим более талера. Но когда я уже хотел сунуть все это себе в карман, я вдруг остановился и задумался. Это не было приступом стыда или боязнью усугубить грабежом мое преступление,— упрямство, думаю, заставило меня отбросить часы, а денег я оставил только половину: я хотел, чтобы меня считали врагом убитого, но не грабителем.

Теперь я бросился в лес. Я знал, что он тянется на четыре немецких мили к северу и там подходит к самой границе. До полудня я бежал без передышки. Поспешность, с какой я убегал, несколько рассеяла угрызения совести, но они возвращались и становились все ужаснее, по мере того как ослабевали мои силы. Тысячи отвратительных чудовищ вились вокруг меня и впивались в мою грудь.

Мне оставался страшный выбор между существованием под вечным страхом смерти и самоубийством; и надо было выбирать. У меня не хватало решимости самому уйти из жизни, но я содрогался от перспективы остаться в живых. В тисках между познанными

муками земной жизни и неведомыми муками вечности, одинаково страшись и жизни и смерти, провел я шестой час своего бегства — час, исполненный таких страданий, что ни одна душа человеческая не могла бы их описать.

Медленно, погруженный в себя, бессознательно нагнув шляпу, как будто это могло скрыть меня от глаз неодушевленной природы, шел я, сам того не замечая, по узкой тропинке, — как вдруг впереди кто-то крикнул грубым, повелительным голосом:

— Стой!

Голос раздался совсем близко, моя рассеянность и нахлобученная шляпа мешали мне смотреть по сторонам. Я поднял глаза и увидел шедшего мне навстречу человека, по виду сущего дикаря, с большой суковатой дубиной в руках. Он был гигантского роста — по крайней мере в первую минуту замешательства мне так показалось, — с смутным, как у мулата, лицом, на котором свирепо сверкали белки косящих глаз. За сложенной вдвое толстой веревкой, перетягивавшей вместо пояса его шерстяную зеленую куртку, были заткнуты нож и пистолет. Окрик повторился, и сильная рука схватила меня. Звук человеческого голоса испугая меня, зато вид злодея ободрил. В моем положении у меня были причины бояться любого человека, только не разбойника.

— Кто ты? — спросил дикарь.

— Тебе подобный, — был мой ответ, — если ты действительно тот, на кого похож!

— Тут дороги нет. Что тебе здесь надо?

— Тебе-то что за дело? — ответил я упрямо.

Незнакомец дважды смерил меня взглядом с ног до головы. Казалось, будто он сравнивает мой облик со своим, а мой ответ с моим обликом.

— Ты отвечаешь нагло, как босяк, — произнес он, наконец.

— Ты недалек от истины. Я был им еще вчера.

Незнакомец рассмеялся.

— Могу поклясться, — вскричал он, — что ты и сегодня не желаешь прослыть кем-либо получше.

— Значит, кем-либо похуже,— ответил я и хотел двинуться дальше.

— Не торопись, приятель. Что гонит тебя вперед? Почему тебе так нетерпится?

Я задумался на мгновение, и, не знаю как, у меня сорвалось с языка:

— Жизнь коротка, а муки ада вечны.

Он уставился на меня.

— Будь я проклят,— сказал он, наконец,— если ты чуть было не угодил на виселицу!

— Еще угожу. Ну, прощай, приятель!

— Постой! — воскликнул он, достал оловянную флягу из своей охотничьей сумки и, изрядно глотнув, протянул ее мне.

Бегство и страх истощили мои силы, а за весь этот ужасный день во рту у меня не было ни росинки. Я уже боялся, что погибну от голода и жажды здесь в лесу, где на три мили в окружности я не нашел бы, чем подкрепиться.

Можете судить, с какой радостью принял я предложенную мне живительную влагу. Этот бодрящий напиток придал мне новые силы и новое мужество, влил в меня надежду и желание жить. Я начал думать, что вовсе не столь уж несчастен,— таково было могучее действие благодатной влаги. Да, признаюсь, я почувствовал себя почти счастливым, ибо наконец-то, после тысячи напрасных поисков, нашел существо, подобное мне. В том состоянии, до которого я опустил, я вышел бы по-приятельски с самим нечистым, только бы иметь друга.

Незнакомец растянулся на траве, я сделал то же самое.

— Твой напиток вернул мне силы! — сказал я.— Давай познакомимся поближе.

Он высек огонь, чтобы разжечь трубку.

— Давно занимаешься своим ремеслом?

Он взглянул на меня в упор.

— Что ты хочешь сказать?

— И многих уже прирезал?

Я вытащил нож у него из-за пояса.

— Кто ты? — спросил он испуганно и отложил трубку в сторону.

— Убийца, как и ты; но только еще новичок.

Незнакомец с недоумением взглянул на меня и снова взял трубку.

— Ты не здешний? — спросил он, наконец.

— Нет, я живу в трех милях отсюда. Хозяин «Солнца» в Л... Может, ты обо мне слышал?

Незнакомец вскочил, как ужаленный.

— Браконьер Вольф? — воскликнул он с жаром.

— Он самый.

— Добро пожаловать, приятель! Добро пожаловать! — закричал он и крепко пожал мне руки. — Вот здорово, что я, наконец, нашел тебя, хозяин «Солнца»! Давным-давно мечтаю заполучить тебя. Я хорошо тебя знаю, мне все известно. И я давно рассчитываю на тебя.

— Рассчитываешь на меня? Но в чем?

— Вся округа только и говорит, что о тебе. У тебя есть враги. Судья преследует тебя, Вольф. Тебя разорили, ты стал жертвой чудовищной несправедливости. — Незнакомец распалился. — За то, что ты подстрелил нескольких кабанов, которым князь дает жиреть на наших пашнях и лугах, они затаскали тебя по тюрьмам и крепостям, отняли дом и трактир, сделали тебя нищим. Неужели дошло уже до того, брат, что человек стоит не больше зайца? Неужели мы не лучше скотины в поле? И такой парень, как ты, стерпел все это?

— А что я мог сделать?

— Это мы увидим. Но скажи, откуда ты сейчас и что задумал?

Я рассказал мою историю. Незнакомец, не дожидаясь конца рассказа, вскочил в радостном нетерпении и потянул меня за собой.

— Идем, брат Вольф, — сказал он, — теперь ты готов для дела; теперь, как раз когда ты мне нужен, ты здесь. Я прославлюсь благодаря тебе. Следуй за мной!

— Куда ты ведешь меня?

— Не спрашивай. Следуй за мной! — И он насильно потащил меня.

Мы прошли с четверть мили. Лес становился все круче и обрывистей, непроходимей и суровой. Никто из нас не произнес ни слова, пока, наконец, свисток моего провожатого не вывел меня из задумчивости. Я поднял глаза, мы стояли у края скалы, нависшей над глубокой пропастью. Второй свисток ответил ему из недр расщелины, и оттуда медленно, как бы сама собой, появилась лестница. Мой провожатый первым начал спускаться, предложив мне подождать его возвращения.

— Надо посадить на цепь пса,— пояснил он,— ты посторонний, животное может разорвать тебя.

И он скрылся из виду.

Я остался над пропастью один и отлично сознавал, что я один. Неосторожность моего провожатого не ускользнула от моего внимания. Стоило только принять смелое решение и вытянуть лестницу, и я был бы свободен и мог беспрепятственно бежать. Признаюсь, я понимал это. Я заглянул в бездну, которая должна была принять меня; мне смутно представилась преисподняя, откуда нет возврата. Мне стало жутко при мысли о том пути, на который я вступал; только немедленное бегство могло спасти меня. Я решаю бежать, уже протягиваю руку за лестницей,— но тут в ушах у меня загремел, загрохотал, глумясь, адский хохот: «На что смеет надеяться убийца?» — и рука моя бессильно упала. Счет мой был закрыт, время раскаяния ушло, убийство, содеянное мной, высилось, как скала, и навсегда преграждало возврат к прежней жизни. В эту минуту показался мой провожатый и объявил, что можно спуститься. Выбора не оставалось. Я спустился.

Мы отошли всего на несколько шагов от скалы, как перед нами открылось широкое пространство и показалось несколько хижин. Посредине раскинулся круглый луг, на нем у костра расположилось человек восемнадцать — двадцать.

— Вот, друзья,— произнес мой провожатый и подтолкнул меня к середине круга,— вот наш хозяин «Солнца», приветствуйте его!

— Хозяин «Солнца»! — вскричали разом мужчины и женщины, вскочив с места и обступая меня.

Должен ли я признаться? Радость их была неподдельной и сердечной. Доверие, даже уважение было написано на всех лицах; кто пожимал мне руку, кто дружески похлопывал по плечу,— это походило на встречу со старым, дорогим всем знакомым. Мое появление прервало начавшееся было пиршество. Но его тотчас возобновили, пригласив и меня выпить за доброе знакомство. Угощение состояло из дичи всех сортов, и бутылка с вином переходила от соседа к соседу. Довольство и согласие, казалось, одушевляли всю банду, и все старались превзойти друг друга, необузданно выказывая свою радость по поводу моего появления.

Меня усадили за стол на почетное место, между двумя женщинами. Я ожидал встретить в них настоящее отребье, но каково же было мое удивление, когда среди этой отвратительной шайки я увидел прекраснейших женщин, когда-либо встречавшихся на моем пути. Маргарита, старшая и более красивая, лет около двадцати пяти, назвалась девицей; речь ее была дерзкой, а манеры и того хуже. Мария, младшая, была замужем, но сбежала от мужа, который жестоко обращался с ней; она была изящнее первой, но бледна и хрупка и не сразу обращала на себя внимание, как ее пылкая соседка. Женщины соперничали между собой, возбуждая мои желания. Прекрасная Маргарита старалась преодолеть мою робость своими бесстыдными шутками, но женщина эта была мне противна, и сердце мое навсегда завоевала скромная Мария.

— Ты видишь, брат Вольф,— начал незнакомец, приведший меня,— ты видишь, как мы здесь живем; и каждый день подобен нынешнему. Не так ли, друзья?

— Что нынче, то и каждый день! — ответила, вторя ему, вся шайка.

— Если ты решишь, что жизнь наша тебе по вкусу,— так по рукам, и будь нашим предводителем. До сих пор им был я, но тебе я уступаю свое место. Вы согласны, друзья?

Радостное «да!» вырвалось из всех глоток.

Голова моя пылала, я был как в дурмане, кровь кипела от вина и желаний. Общество выбросило меня, как зачумленного, за борт,— здесь я встретил братский прием, довольство и уважение. Что бы я ни избрал, меня ждала смерть; но теперь по крайней мере я мог продать свою жизнь дороже.

Сладострастие было свойственно мне от природы, но женщины выказывали мне до сих пор лишь презрение,— здесь меня ожидали благосклонность и необузданные наслаждения. Решение я принял без труда.

— Я остаюсь у вас, друзья! — громко вскричал я, решительно выходя на середину круга.— Я остаюсь у вас,— повторил я,— если вы уступите мне мою прекрасную соседку!

Все сошлись на том, чтобы удовлетворить мое желание. Я стал общепризнанным обладателем шлюхи и главарем бандитской шайки».

Последующую часть истории я опускаю: откровенные гнусности не содержат ничего поучительного для читателя. Несчастный, опустившийся на самое дно, мог, наконец, сделать все, что оскорбляет человечество,— но второго убийства он не совершил, о чем сам свидетельствовал под пыткой.

Слава об этом человеке в короткий срок распространилась по всему округу. Дороги стали не безопасны, ночные налеты тревожили горожан, имя хозяина «Солнца» вселяло ужас в крестьян, правосудие искало его, и за голову его была объявлена награда. Он оказался настолько удачлив, что срывал один за другим все замыслы против своей свободы, и достаточно хитер, чтобы в целях безопасности использовать даже суеверие крестьян, питающих пристрастие к чудесному. Его подручным дан был приказ распространять слухи, будто он заключил союз с дьяволом и владеет искусством колдовства. Местность, в которой он бесчинствовал, можно было отнести в ту пору еще меньше, чем теперь, к просвещенной Германии. Слухам верили, и хозяин «Солнца» был в безопасности. Ни у кого не было охоты связываться с этим отчаянным малым, которому служит сам сатана.

Уже год занимался он своим мрачным ремеслом, но, наконец, почувствовал, что оно становится ему невыносимо. Шайка, во главе которой он стоял, не оправдала его блестящих надежд. Соблазнительная внешняя сторона, представшая перед ним в винном угаре, ослепила его тогда; теперь он с ужасом понял, как гнусно его провели. Голод и нужда сменили изобилие, которым его убаюкали. Очень часто вынужден был он рисковать жизнью ради пропитания, которого едва хватало на то, чтобы спасти его от голода. Призрачная картина братского согласия исчезла; зависть, злоба и ревность свирепствовали в недрах этой развращенной банды. Закон обещал тому, кто выдаст его живым, награду и, если это будет его соучастник, торжественное помилование — сильнейший соблазн для подонков общества! Несчастный понимал всю опасность своего положения. Честность тех, кто предал людей и бога, служила плохим залогом его жизни. С того дня сон оставил его, вечный смертельный страх снедал его, отвратительный призрак подозрения преследовал его, куда бы он ни прятался, — мучил его, когда он бодрствовал, укладывался рядом с ним, когда он засыпал, и пугал его в кошмарных снах. Умолкшая совесть вновь обрела язык, и дремавшая змея раскаяния зашевелилась среди бури, бушующей в его груди. Вся его ненависть к людям острием своим направилась против него самого. Он простил всему миру и не проклинал никого, кроме себя.

Власть порока над несчастным окончилась; его от природы здравый ум взял, наконец, верх над печальным заблуждением. Он почувствовал, как низко пал; мрачное спокойствие заняло место невыносимого отчаяния. Со слезами на глазах призывал он свое прошлое; теперь он знал наверно, что если бы начал сначала, то пошел бы другим путем. В нем затеплилась надежда, что он еще будет порядочным человеком, потому что в душе он знал, что может стать таким. Дойдя до глубочайшего падения, он был ближе к добру, чем, возможно, до первого своего проступка.

Как раз в это время разразилась Семилетняя война и повсеместно проходила вербовка рекрутов. Несчаст-

ный почерпнул надежду в этом обстоятельстве и написал своему князю письмо, которое я и привожу здесь в выдержках:

«Если Вашей княжеской милости не претит снизойти до меня, если подобные мне преступники не находятся за пределами Вашего милосердия, то удостоьте меня вниманием, сиятельнейший государь! Я убийца и вор, закон обрекает меня на смерть, суд ищет меня — и я готов добровольно предстать перед ними. Но одновременно я повергаю к Вашему престолу необычную просьбу. Я презираю свою жизнь и не боюсь смерти, но мне страшно умереть, не изведавши жизни. Я хотел бы жить, чтобы искупить хотя бы часть прошлого; я хотел бы жить, чтобы примириться с государством, которое я оскорбил. Мое осуждение послужит примером людям, но не возместит содеянного мною зла. Я ненавижу порок и пламенно мечтаю о честной и добродетельной жизни. Я показал, что обладаю способностями наносить вред своему отечеству, надеюсь, что у меня найдутся и такие, которые могут быть ему полезны.

Я знаю, что возжелал нечто неслыханное. Я обречен, и не пристало мне вести переговоры с правосудием. Но не в цепях и оковах предстаю я пред Вами — я еще свободен, и не страх является причиной моей просьбы.

Милость — вот о чем я молю. Предъявлять какие-либо требования к правосудию, даже если бы они у меня были, я не смею. Но об одном смею я напомнить моему судье. Летопись моих преступлений начинается с того приговора, который навсегда лишил меня чести. Если бы мне тогда не было отказано в справедливости, то сейчас, быть может, я не нуждался бы в пощаде.

Смилюйтесь, князь! Если в Вашей княжеской власти смягчить для меня закон, то подарите мне жизнь. Отныне я посвящу ее служению Вам. Если можете, дайте мне знать о Вашем милостивейшем решении через объявление, и я, полагаясь на Ваше княжеское слово, явлюсь в столицу и предстану перед властями.

Если же Вы примете иное решение, тогда пусть правосудие свершит то, что должно, я же поступлю по своему».

Это прошение осталось без ответа, как, впрочем, и второе и третье, в котором проситель хлопотал о зачислении его в княжескую кавалерию. Его надежда на прощение угасла окончательно, и он принял решение бежать из страны и храбрым солдатом умереть на службе у прусского короля.

Удачно ускользнув от своей шайки, он двинулся в путь. Дорога его вела через небольшой городок, где он хотел заночевать. Незадолго до того по всему княжеству были разсланы новые строжайшие указы о тщательной проверке всех путешествующих, так как государь, имперский князь, заявил о своем вступлении в войну. Подобный приказ имелся и в городке у сборщика пошлин на заставе, который сидел на скамье перед городским шлагбаумом, когда подъехал хозяин «Солнца». Внешность всадника была одновременно забавной и ужасной, даже дикой. Тощий одер и нелепое сочетание различных частей одежды, объясняющееся, вероятно, не столько вкусом хозяина, сколько хронологией их похищения, необычно контрастировали с его лицом, на котором, подобно изуродованным трупам на поле сражения, лежали отпечатки бушующих страстей. При виде этого странного путешественника сборщик смутился. Здесь, у заставы, он поседел; сорокалетняя служба воспитала в нем безошибочного физиономиста, сразу определявшего бродяг. Острый взгляд этой ищейки не обманулся и теперь. Он тотчас запер городские ворота и потребовал у путешественника паспорт, одновременно взяв его лошадь под уздцы, Вольф был подготовлен к подобной случайности и имел при себе паспорт, который похитил недавно у ограбленного купца. Но этого единственного доказательства оказалось недостаточно, чтобы обмануть сорокалетний опыт и заставить оракула у шлагбаума отказаться от своих подозрений. Сборщик больше доверял своим глазам, чем предъявленным бумагам, и Вольф был вынужден последовать за ним к зданию суда.

Старший судья проверил паспорт и признал его правильным. Это был большой охотник до новостей, а в особенности любил он поболтать за бутылкой о том, что пишут в газетах. По паспорту он увидел, что его владелец прибыл прямым путем из вражеских земель, с театра военных действий. Рассчитывая вытянуть из чужестранца частные сведения, он послал секретаря вернуть паспорт и пригласить путешественника распить бутылку вина.

Между тем хозяин «Солнца» ждал перед зданием суда. Нелепое зрелище, которое он являл собой, привлекло местную чернь. Люди перешептывались, указывая то на коня, то на всадника. Насмешки толпы постепенно перешли в громкие крики. К несчастью, лошадь, на которую все указывали пальцами, была краденой; Вольф решил, что она описана в объявлениях и ее опознали. Неожиданное гостеприимство старшего судьи подтвердило подозрение. Он твердо решил, что обман с паспортом раскрыт и приглашение — только ловушка, чтобы схватить его и доставить живым. Нечистая совесть лишила его разума; он дал шпоры лошади и поскакал прочь, не ответив посланному.

Внезапный побег послужил призывом к возмущению.

— Вор! — вскричали все разом и бросились за ним следом.

Для всадника дело шло о жизни и смерти, он уже далеко обогнал своих преследователей, они, задыхаясь, гнались за ним. Вот он уже близок к спасению, — но суровая рука невидимо направлена против него, час его пробил, неумолимая Немезида схватила своего должника. Переулок, который он выбрал, кончался туником, он должен был повернуть назад, навстречу своим преследователям.

Между тем шум поднял на ноги весь городок, повсюду собрались толпы, на всех улицах расставили заставы, целая армия врагов осадила несчастного. Он выхватил пистолет, народ отступил; он решил пробить себе дорогу силой.

— Этот выстрел, — закричал он, — предназначается безумцу, который вздумает меня задержать.

Страх заставил толпу притихнуть.

Наконец, какой-то храбрый подмастерье бросился па него сзади, схватил за палец, которым отчаявшийся как раз собирался нажать на курок, и вывернул его из сустава. Пистолет упал, безоружного стащили с лошади и с триумфом поволокли назад в суд.

— Кто ты такой? — грубо спрашивает судья.

— Человек, полный решимости не отвечать ни на один вопрос, пока его не предложат в более вежливой форме.

— Кто вы?

— Тот, кем я себя называл. Я пересек всю Германию, но нигде не встретил такой наглости, как здесь.

— Ваше поспешное бегство делает вас весьма подозрительным. Почему вы обратились в бегство?

— Потому что мне надоело быть предметом насмешек вашей черни.

— Вы угрожали открыть огонь.

— Мой пистолет не заряжен.

Проверяют пистолет, в нем действительно нет пули.

— Почему вы тайно носите при себе оружие?

— Я везу ценности, а меня предостерегали от пресловутого хозяина «Солнца», действующего в этой местности.

— Ваши ответы лишний раз подтверждают вашу дерзость, но не вашу правоту. Я даю вам время до утра, быть может вы откроете мне правду.

— Я повторю свое показание.

— Отвести его в тюрьму.

— В тюрьму? Господин старший судья, я надеюсь, в этой стране еще существует справедливость. Я потребую удовлетворения.

— Я вам его дам, как только вы будете оправданы.

На другое утро, обдумав все, старший судья решил, что чужестранец, пожалуй, невиновен; повелительным тоном не сломить его упрямства, быть может вежливостью и сдержанностью тут добьешься большего. Он созвал присяжных и приказал привести заключенного.

— Извините, сударь, что вчера, под влиянием первой вспышки гнева, я несколько грубо обошелся с вами.

— С удовольствием, раз вы теперь разговариваете со мной, как должно.

— У нас строгие законы, а ваш случай наделал шуму. Если я отпущу вас, я нарушу свой долг. Обстоятельства против вас. Я был бы рад, если бы вы сказали мне нечто такое, что могло бы их опровергнуть.

— А если я не могу этого сделать?

— Тогда я буду вынужден сообщить об этом событии властям, а вы пока останетесь под стражей.

— А потом?

— Потом вы рискуете, что вас, как бродягу, перешедшего границу, накажут кнутом или, в виде особой милости, отдадут вербовщикам.

Вольф помолчал несколько минут и, выдержав, казалось, сильную внутреннюю борьбу, быстро повернулся к судье.

— Могу я на четверть часа остаться с вами наедине?

Присяжные переглянулись в недоумении, но удалились, повинувшись знаку своего господина.

— Итак, что вам угодно?

— Вчерашнее ваше обращение со мной, господин судья, никогда бы не вынудило меня на признание, ибо насилию я сопротивляюсь. Учтивость, с какой вы сегодня обращаетесь со мной, внушила мне доверие и уважение к вам. Я полагаю, что вы благородный человек.

— Что же вы хотите мне сказать?

— Я вижу, вы человек благородный. Я уже давно мечтал встретить такого человека, как вы. Позвольте мне пожать вашу руку.

— К чему вы ведете речь?

— Я смотрю на вашу седую и почтенную голову. Вы долго жили на свете, много страдали... Не правда ли? И стали человечнее?

— Сударь, к чему все это?

— Вы стоите на пороге вечности, скоро-скоро вы будете нуждаться в милосердии божьем. Вы не отка-

жете в нем другим... Вы ни о чем не догадываетесь? Как вы думаете, кто перед вами?

— Что это значит? Вы пугаете меня.

— Вы все еще не догадываетесь... Напишите вашему князю, каким вы меня увидели, напишите, что я сам, по доброй воле, сдался вам... и что когда-нибудь он так же будет нуждаться в милосердии божьем, как я теперь в его милости... Умолите его за меня, почтенный старец, и пусть на ваше донесение упадет слеза. Я — хозяин «Солнца».

1786

ИГРА СУДЬБЫ

ОТРЫВОК ИЗ ХРОНИКИ

Алоизий фон Г*** был сыном бюргера, состоявшего на службе у ***, и полученное им свободное воспитание содействовало раннему развитию его богатых дарований. Будучи еще совсем юным, но уже обладая основательными знаниями, он поступил на военную службу к князю, который вскоре обратил внимание на замечательные достоинства молодого человека, подающего большие надежды. Г*** находился в ту пору в самом расцвете юности; князь тоже был молод. Г*** был энергичен и предприимчив, и князя, отличавшегося этими же свойствами, привлекали подобные натуры. Благодаря блестящему остроумию и образованности Г*** становился душой любого общества, в котором ему приходилось бывать; никогда не покидавшая его жизнерадостность сообщалась всем, с кем бы он ни сталкивался. Казалось, от него так и исходят жизнь и очарование, которые покоряют решительно всех; и князь умел ценить добродетели, которыми в высокой мере обладал сам. На всем, что бы ни предпринимал Г***, даже на его развлечениях, лежала печать величия; препятствия его не смущали, и никакие неудачи не могли сломить его настойчивости. Эти замечательные качества выступали еще ярче благодаря привлекательной наружности, которая казалась олицетворением цветущего здоровья и геркулесовой силы, одухотворенной сдержанной игрой живого ума; а во взоре, в походке, во всем его облике чувствовалась прирожденная величавость, смягчаемая благородной скромностью. Князь был очарован умом своего юного друга, но еще неодолимее влекла его пленительная внешность Г***.

Одинаковый возраст, сходство склонностей и характеров создали в скором времени между ними отношения, сочетавшие страстную дружбу и пылкую, нежную привязанность. Г*** с головокружительной быстротой продвигался по служебной лестнице, но внешние отличия еще далеко не отражали тех истинных чувств, которые питал к нему князь. Счастье неожиданно пришло к нему, потому что творцом его был его друг и восторженный почитатель. Ему не исполнилось еще и двадцати двух лет, когда он достиг такой высоты, которая для многих счастливых является обычно завершением карьеры. Но при своем деятельном уме Г*** не мог долго довольствоваться ни праздным тщеславием, ни ролью блестящего спутника властелина. Он чувствовал в себе достаточно энергии и сил для того, чтобы самому воспользоваться всеми преимуществами власти. Пока князь предавался всевозможным удовольствиям, юный фаворит зарывался в книги и документы и с упорным прилежанием посвятил себя занятиям, которыми овладел, наконец, с такой полнотой и совершенством, что каждый мало-мальски важный вопрос решался только при его содействии. Из участника герцогских забав он превратился в первого советника, в министра и, наконец, в повелителя своего государя. Даже доступ к князю стал вскоре возможен только при посредстве Г***. Он распределял все должности и чины, все награды проходили через его руки.

Но Г*** достиг своего высокого положения в слишком молодом возрасте и слишком быстро и поэтому не умел разумно им пользоваться. Высота, на которой он оказался, вскружила ему голову; он забыл о скромности, как только достиг цели своих желаний. При своем высокомерии, он был охвачен смиренной покорностью, которую выказывали ему, юноше, первые люди в княжестве, даже старики, все, кто по рождению, положению и богатству стояли неизмеримо выше, чем он. Неограниченная же власть, которой он обладал, способствовала проявлению в нем известной суровости, издавна заложенной в его характере и пронесенной им сквозь все превратности его судьбы. Не было, казалось, такой большой и трудной услуги, какой он не оказал

бы своим друзьям; но врагов он повергал в трепет. Мечь его была столь же неумеренной, сколь преувеличенной была его благосклонность. Свое положение он использовал не столько для собственного обогащения, сколько для того, чтобы осчастливить многих и заставить вечно почитать себя как виновника их благополучия. Но руководила им при этом не справедливость, а каприз; надменность и властолюбие отвратили от него сердца даже тех, кто был ему особенно обязан, а соперники и тайные завистники становились его непримиримыми врагами.

Среди недругов, ревниво и завистливо следивших за каждым его шагом и тайно измышлявших способы привести его к падению, был некий пьемонтский граф, Иосиф Мартиненго, которого Г***, как безвредное и преданное себе существо, определил в свиту монарха, рассчитывая заменить им себя в княжеских развлечениях, ибо они уже начали надоедать Г*** и он предпочитал им более серьезные занятия. Он считал Мартиненго созданием рук своих, которое, по желанию, он сможет ввергнуть в такое же ничтожество, из которого извлек его. Он полагал, что благодарность и страх делают Мартиненго для него совершенно безопасным; тем самым он совершил ту же ошибку, что и Ришелье, предоставивший Людовику Тринадцатому для забавы юного Ле Гран. Но Г*** не обладал умом Ришелье, чтобы исправить свою ошибку, и ему пришлось иметь дело с более коварным врагом, нежели тот, которого одолел французский министр. Мартиненго не возгордился своими успехами и не дал почувствовать своему благодетелю, что больше в нем не нуждается, наоборот — он изо всех сил старался создать впечатление своей зависимости и, разыгрывая преданность, все больше и больше входил в доверие к виновнику своего счастья. Но в то же время он использовал все преимущества, которые давало ему положение, чтобы возможно чаще бывать при князе, и стремился стать для него нужным и незаменимым. В короткий срок он в совершенстве изучил нрав своего господина, узнал все пути к его доверию и незаметно вкрался к нему в милость. Все уловки, которые презирал министр, обла-

давший гордостью и врожденным благородством души, были использованы итальянцем, не пренебрегавшим для достижения своей цели даже самыми низкими средствами. Он очень хорошо знал, что человек нигде так не нуждается в руководителе и помощнике, как на стезе порока, и ничто не дает такого права на самую дерзкую фамильярность, как соучастие в тайных преступлениях; поэтому он пробудил в князе дремавшие до сих пор страсти и навязал ему себя в качестве наперсника и сообщника. Мало-помалу он вовлек князя в похождения, которые не терпят свидетелей и соучастников, и, таким образом, исподволь приучил князя открывать ему такие секреты, о которых можно говорить лишь с глазу на глаз. Так ему удалось, наконец, построить свое позорное счастье на развращении государя; и именно потому, что средством к этому была тайна, он думал овладеть сердцем князя раньше, чем Г*** сможет заметить, что делит его с кем-то другим.

Достоин удивления, что столь существенная перемена ускользнула от внимания Г***, но он слишком знал себе цену, чтобы представить себе человека, подобного Мартиненго, в роли соперника, а последний слишком хорошо владел собой и был слишком настороже, чтобы каким-либо необдуманном поступком смутить спокойствие гордого и самоуверенного противника. Все та же причина, что заставила споткнуться на скользкой стезе монаршего благоволения уже тысячи фаворитов до него, привела к падению и Г***. Тайственная близость между Мартиненго и его повелителем не внушала Г*** беспокойства. Он не завидовал счастью выскочки, которое никогда не было целью его стремлений и которое он в глубине души презирал. Его прельщала дружба с князем лишь потому, что это был единственный путь к вершине власти; но, достигнув желанной высоты, он легкомысленно отбросил лестницу, по которой только что взобрался.

Однако Мартиненго был не из тех, кто согласился бы довольствоваться второстепенной ролью. С каждым шагом, завоевывавшим ему княжеское расположение, его желания становились все смелее, а честолюбие искало наиболее полного удовлетворения. Личина мни-

мой покорности, которую он все еще носил в присутствии своего благодетеля, казалась ему тем несноснее, чем больше росло его значение, а вместе с тем и его тщеславие. Несмотря на быстрые успехи Мартиненго у государя, обращение министра с ним не стало сколько-нибудь уважительней, наоборот — Г*** часто совершенно откровенно старался сбить с итальянца спесь целительным намеком на начало его карьеры. И эти вынужденные, фальшивые отношения стали, наконец, столь тягостны графу, что он решил сразу пресечь их, подготовив план устранения соперника. Этот план он вынашивал под непроницаемым покровом притворства. Он еще не рисковал помериться силой со своим соперником в открытой борьбе: правда, первоначальное благоволение князя к Г*** уже миновало, но оно началось слишком давно и пустило слишком глубокие корни в душе юного князя, чтобы его можно было так легко уничтожить, — малейшего повода было достаточно, чтобы чувство князя к Г*** воспряло с прежней силой. Мартиненго понимал, что удар, который он готовил, должен быть смертельным. А Г*** если и потерял несколько любовь князя, зато выиграл в его уважении. Чем больше князь удалялся от дел, тем менее мог он обходиться без человека, который, пусть даже расходуя государственные средства, преданно и верно служил ему и заботился о его личных интересах; и если прежде Г*** был дорог князю как друг, то теперь стал необходим ему как министр.

К каким именно козням прибегнул итальянец для достижения своей цели, осталось тайной, известной только немногим — тому, кого сразил этот удар, и тем, кто его нанес. Предполагают, что Мартиненго представил князю оригиналы секретной и весьма подозрительной переписки, которую Г*** якобы вел с одним из чужих дворов. Были ли они подлинными, или подложными — мнения расходятся. Как бы то ни было, но намерения итальянца осуществились, и притом самым ужасным для Г*** образом. Мартиненго удалось выставить Г*** перед князем как самого неблагодарного и гнусного изменника, преступление которого столь несомненно, что для наказания его, казалось, не требо-

вадось никакого судебного разбирательства. Все об-суждалось между Мартиненго и его господином в глубо-чайшей тайне, так что Г*** нисколько не подозревал грозы, собиравшейся над его головой. В этой пагубной самоуверенности он пребывал до того ужасного мгно-вения, когда ему пришлось из предмета всеобщего по-клонения и зависти превратиться в человека, достойного глубочайшего сожаления.

В этот роковой день Г***, как обычно, присутство-вал на вахтпараде. Начав службу поручиком, он за не-сколько лет дошел до чина полковника, но и это звание было лишь скромной заменой звания министра, каковым он в действительности являлся и благодаря чему стоял выше многих именитых людей в стране. Плац, на кото-ром происходил вахтпарад, являлся обычно тем местом, где он тешил свою гурдыню зрелищем всеобщего пре-клонения, где в течение короткого часа наслаждался собственным величием и великолелием, ради которых он трудился с утра и до ночи. Даже сановники приближа-лись к нему не иначе, как с почтительным смирением, а те, кто был не совсем уверен в добром его располо-жении,— трепеща от страха. Сам князь, когда ему слу-чалось появляться на параде, оставался на заднем плане, потому что опасность навлечь на себя неудоволь-ствие Г*** во много превосходила пользу от друже-ского расположения государя. И именно это место, где Г*** охотно принимал божеские почести, было избрано ареной его ужасного унижения.

Беззаботно вступил он в знакомый круг, где все, как и он сам, были в полном неведении того, что должно было произойти, и почтительно, как всегда, расступи-лись перед ним в ожидании приказаний. Вскоре, со-провождаемый несколькими адъютантами, явился и Мартиненго, но это был не прежний — льстивый, низко кланяющийся, улыбающийся придворный, — нагло и дерзко, как лакей, превратившийся в барина, твердым и смелым шагом идет он навстречу Г***, останавли-вается перед ним, не обнажая головы, и именем князя требует его шпагу. Г*** дает ее ему с выражением не-мого изумления. Мартиненго вонзает обнаженный кли-нок в землю, разламывает его надвое и бросает к ногам

министра. Это служит сигналом для двух адъютантов, которые набрасываются на Г***. Один срезает орденский крест с его груди, другой срывает аксельбанты и отвороты, султан и плюмаж со шляпы. Во время всей этой ужасной экзекуции, совершающейся с невероятной быстротой, более пятисот человек, которые тесным кольцом окружают место действия, не издают ни единого звука, ни малейшего вздоха. Испуганные люди замерли — бледные, затаив дыхание, а он — в своем растерзанном мундире, являя странное сочетание смешного и ужасного, — переживает мгновения, подобные которым можно изведать только на эшафоте. Потрясение, пережитое в эту минуту, заставило бы тысячи других, будь они на его месте, потерять сознание; но крепкие нервы и сильная душа Г*** выдержали это ужасное испытание, — он перенес все и испил горькую чашу до дна.

Едва закончилась процедура, как Г*** повели сквозь ряды бесчисленных зрителей в конец плаца, где его ожидала закрытая повозка. Жестом приказывают ему сесть туда, повозка трогается; ее сопровождает конвой из гусаров. Между тем слух об этом происшествии разнесся по всей резиденции; распахиваются все окна, все улицы заполняются любопытными, которые с криками следуют за позорным шествием, непрестанно повторяя имя Г*** — то с насмешкой, то со злорадством, то с еще более оскорбительной жалостью. Наконец, он очутился за городом. Но здесь его ожидает новое ужасное испытание: повозка сворачивает с тракта и направляется по проселочной безлюдной дороге к виселице, куда его медленно везут по приказу князя, а затем, заставив испытать мучительный страх смерти, снова возвращают в более оживленную местность. Так, под палящим зноем, без единого слова человеческого участия, проводит он семь страшных часов в этой повозке, которая с заходом солнца останавливается у места назначения — возле крепости. Его вытаскивают оттуда без сознания, в состоянии между жизнью и смертью, — отсутствие пищи и жажда в течение двенадцати часов сломили, наконец, и его могучую природу. Он приходит в себя в ужасном подземелье. Первое, что он видит,

открыв глаза для новой жизни, — это зловещая тюремная стена, слабо освещенная редкими лучами месяца, проникающими сквозь узкие щели, находящиеся на высоте девятнадцати саженей. Около него лежит кусок хлеба и стоит кружка с водой, тут же брошена охапка соломы вместо постели. В таком состоянии находится он до следующего полудня, когда, наконец, приподнимается щит, находящийся посередине свода башни, оттуда появляются две руки и опускают в подвесной корзине такую же пищу, какую он нашел здесь вчера. Лишь теперь, впервые после всех обрушившихся на него несчастий, боль и тоска вырывают у него вопросы: как он сюда попал? и в чем его преступление? Но сверху никто не отвечает; руки исчезают, и щит снова опускается. Он никогда не видит лица человеческого, не слышит звука голоса, не получает ни малейшего объяснения постигшей его страшной участи, не понимает, что с ним произошло, не знает, что его ждет. Ни один теплый луч не согревает его; к нему не проникает свежее дуновение; его не ожидает ничья помощь, он недоступен состраданию людей. Так отсчитывает он в этом проклятом месте четыреста девяносто ужасных дней по тем жалким ломтям хлеба, которые каждый полдень с томительным однообразием опускают к нему на веревке. Но открытие, сделанное им уже в первые дни его заточения, дополняет меру его несчастий. Ему знакомо это подземелье: он сам, побуждаемый жаждой низкой мести, приказал отстроить его всего несколько месяцев назад, чтобы обречь здесь на медленное умирание одного заслуженного офицера, имевшего несчастье навлечь на себя его неудовольствие. С изобретательной жестокостью он указал средства, делавшие пребывание в этом подземелье еще невыносимее. Не так давно он собственной персоной приезжал сюда и осматривал сооружение, торопя с окончанием работ. И как бы для того, чтобы сделать его пытку беспредельной, случилось так, что офицер, для которого была предназначена эта тюрьма, пожилой заслуженный полковник, вступает в должность недавно скончавшегося коменданта крепости и из жертвы мести Г*** становится властелином его судьбы. Таким образом, Г*** лишился даже последнего

печального утешения — возможности сожалеть о своей участи и обвинять судьбу, как бы жестока она к нему ни была, в несправедливости. К его физическим мукам присоединилось и жгучее презрение к себе, и страдание, невыносимое для гордых людей, — зависит от великодушия врага, с которым сам поступил недостойно. Но честный полковник был слишком благороден для подлой мести. Бесконечно тяжела была его доброму сердцу строгость по отношению к узнику, налагаемая на него инструкцией; однако, привыкши, как старый солдат, слепо выполнять букву приказа, он мог лишь сожалеть о Г***. Более деятельного заступника несчастный обрел в гарнизонном священнике крепости, который, из смутных, бессвязных слухов узнав, наконец, о жалком состоянии заключенного, был тронут его участью и тотчас принял твердое решение сделать что-нибудь для ее облегчения. Сей достойный священник, чье имя опускаю я неохотно, решил, что вряд ли он сможет лучше исполнить свой пастырский долг, чем заняться несчастным, которому никаким иным путем уже помочь нельзя.

Но так как он не смог добиться разрешения коменданта крепости посещать узника, ему пришлось лично отправиться в столицу и хлопотать у самого князя. Он пал перед государем на колени и молил о сострадании к несчастному узнику, погибающему без помощи и близкому к отчаянию, если ему не будет оказано христианское милосердие, для которого даже величайшее преступление не может служить препятствием. С бесстрашием и достоинством, которые дает сознание исполненного долга, священник потребовал разрешить ему, как духовнику, доступ к заключенному, за чью душу он отвечает перед богом. Доброе дело, о котором он молил, придало ему красноречия, а время уже несколько смягчило гнев князя. Государь удовлетворил его просьбу и разрешил узнику свидание с его духовником.

Первым человеческим лицом, которое увидал злополучный Г*** после шестнадцати месяцев заточения, было лицо его заступника. До сих пор у Г*** был только один друг на земле, — и именно ему обязан он был своим несчастьем. Других друзей былое могущество

ему не принесло. Приход пастыря показался ему появлением ангела утешителя. Я не берусь описывать его переживаний, но с того дня, когда он узнал, что судьбу его оплакивает другое человеческое существо, его слезы лились легче.

Ужас объял священника, когда он вошел в подземелье. Его взгляд искал человека, а навстречу ему из угла, скорее похожего на берлогу дикого зверя, чем на жилище разумного существа, выползло страшное чудовище. Перед ним стоял скелет; все краски жизни исчезли с этого мертвенного лица, которое горе и отчаяние избородили глубокими морщинами; борода и ногти узника, столько времени остававшиеся без ухода, достигли ужасающей длины; его платье, которое он не снимал, истлело; и самый воздух в этом помещении, из которого никогда не выносили нечистот, казался отравленным. Вот каким предстал перед духовником этот баловень счастья; но его железное здоровье устояло против всех этих испытаний! Вне себя от этого зрелища, священник поспешил снова к коменданту, чтобы просить еще об одном одолжении, без которого все сделанное оказалось бы напрасным.

Но так как полковник опять говорит о точных указаниях в инструкциях, священник, побуждаемый великодушием, решает вторично отправиться в резиденцию и еще раз добивается княжеской милости. Он заявляет, что никогда не посмеет допустить узника к святому причастию, из боязни оскорбить достоинство таинства, до тех пор, пока заключенному не будет возвращен человеческий облик. И эта просьба удовлетворена; только с этого дня Г*** снова возвращается к жизни.

Еще много лет провел Г*** в крепости; положение его стало значительно более сносным, когда короткое лето нового фаворита миновало, а другие временщики, сменявшие друг друга, оказались человечней, да и не имели причин вымещать на нем свою мстительность. Наконец, после десятилетнего заточения, наступил день свободы, но и теперь не было судебного разбирательства; не было вынесено и официального оправдания. Он получил свободу из милости; одновременно ему было предписано навсегда покинуть страну.

О судьбе Г*** в течение последующих двадцати лет я не имею достоверных сведений: все записанное мною заимствовано из устных преданий, и поэтому я вынужден опустить все случившееся в течение долгого времени. На чужбине Г*** вновь поступает на военную службу и достигает на этом поприще столь же высокого положения, какое занимал на родине и которого лишился таким ужасным образом. Однако время, друг всех несчастий, медленно, но неуклонно восстанавливающее справедливость, восстановило ее, наконец, и здесь. Бурная, полная страстей юность князя миновала, и вместе с сединой, появившейся в волосах, в его душе начала пробуждаться человечность. Когда он был уже близок к могиле, в его сердце закралась тоска о любимце своей молодости. Чтобы заставить Г***, уже старика, по возможности забыть обиды, нанесенные ему прежде, князь любезно пригласил изгнанника вернуться на родину, по которой Г*** давно тосковал. Их встреча была столь сердечной, трогательной и обманчивой, что казалось, будто они расстались вчера. Князь пытливо и задумчиво всматривался в лицо Г*** — такое знакомое и все же ставшее таким чужим; он как будто считал морщины, которые сам провел на нем, и пытливо искал в лице старца любимые некогда черты юноши. Но он не находил их. Князь и Г*** принудили себя к холодной любезности, но сердца их были навсегда разлучены стыдом и страхом. Князю было неприятно воспоминание о своей роковой опрометчивости, а Г*** не мог больше любить виновника своих несчастий. Но он думал о прошлом спокойно и примиренно; с таким чувством человек просыпается после тяжелого, кошмарного сна.

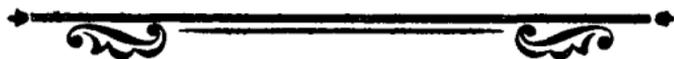
Вскоре Г*** был восстановлен во всех прежних званиях и чинах, и князь, преодолев внутреннюю неприязнь, старался щедро вознаградить его за причиненные обиды. Но разве мог он вернуть Г*** сердце, непоправимо искалеченное и потерявшее способность радоваться жизни? Разве мог он вернуть ему годы надежд или дать дряхлому старцу счастье, которое хоть сколько-нибудь возместило бы то, что было отнято у него прежде?..

...Г *** прожил еще девятнадцать лет. Эти годы были ясным закатом его жизни. Ни злая судьба, ни время не смогли угасить в нем огня страстей, сломить энергию и бодрость духа; и в семьдесят лет он гнался за тенью тех благ, которыми в действительности не обладал и в девятнадцать. Смерть настигла его на посту коменданта крепости ***, в которой содержались государственные преступники. Можно было бы предположить, что он проявит в обращении с заключенными человечность, ценить которую он должен был научиться на собственном опыте. Но его обращение с арестованными было суровым и неровным. И приступ гнева, который навлек на себя один из узников, заставил его сойти в могилу на восьмидесятом году жизни.

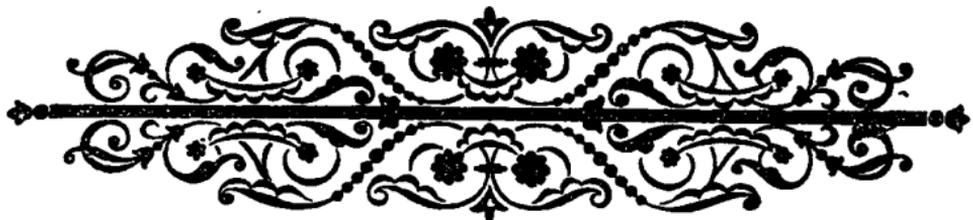

ДУХОВИДЕЦ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГРАФА ФОН О***

КНИГА ПЕРВАЯ

Я хочу рассказать одну историю, которая многим покажется неправдоподобной, хотя почти вся она происходила у меня на глазах. Но для тех немногих, кто осведомлен о некоем политическом событии, этот рассказ (если только он застанет их в живых) послужит желанной разгадкой всего происшедшего. Для остальных же он станет если не ключом к тайне, то еще одной страницей в истории заблуждений человеческой души. Читатель будет изумлен дерзостью, с какой злодейство способно преследовать поставленную им цель, он поразится, сколь необычные средства изыскиваются для достижения этой цели. Чистая, строгая истина будет водить моим пером, ибо, когда эти строки увидят свет, меня уже не станет и ни вреда, ни пользы повествование это принести мне не сможет.

Возвращаясь в 17 ** году в Курляндию, я посетил принца ***ского в Венеции, в дни карнавала. С принцем мы встретились на военной службе в ***ной армии и сейчас возобновили знакомство, прерванное заключением мира. Так как мне и без того хотелось осмотреть достопримечательности Венеции, а принц ждал только векселей, чтобы вернуться в ***, он без труда уговорил меня составить ему компанию и на время отложить свой отъезд. Мы решили не расставаться, покуда продлится наше пребывание в Венеции, и принц был так любезен,

что предоставил мне свои собственные апартаменты в «Мавритании».

Проживал он здесь в строжайшем инкогнито, потому что ему хотелось пользоваться полной свободой, да и скромные средства, выделенные двором, не позволяли ему вести образ жизни, соответствующий его высокому званию. Вся его свита состояла из двух дворян, на чью скромность он вполне мог положиться, и нескольких верных слуг. Он избегал пышности не столько из бережливости, сколько по складу своего характера. Он бежал светской суеты и, хотя ему было только тридцать пять лет, не поддавался никаким соблазнам этого рода наслаждений. К прекрасному полу он до сей поры проявлял полнейшее равнодушие. Более всего принц был расположен к серьезному раздумью и мечтательной грусти. В своих склонностях он был сдержан, но упорен до чрезвычайности; друзей выбирал осторожно и робко, но привязывался к ним горячо и навеки. В шуме и суете людской толпы он держался обособленно; погруженный в мир своих вымыслов, он часто казался чужим в мире действительном. Не было человека, который, не страдая слабостию, мог бы так легко поддаться чьей-либо власти. Он не знал страха и был надежным другом тому, кто сумел завоевать его доверие. И он мог с одинаковым мужеством бороться с каким-нибудь укоренившимся предрассудком и умереть за то, во что верил сам.

Как третий по старшинству принц правящей династии, он не имел почти никакой надежды на престол в своей стране. Честолюбие никогда не пробуждалось в нем, и страсти его были направлены в иную сторону. Довольствуясь тем, что не зависит ни от чьей чужой воли, он и сам не испытывал искушения властвовать над другими. Спокойная свобода частной жизни и радость общения с умными людьми отвечали всем его желаниям. Он читал много, но без разбора: из-за небрежного воспитания и слишком ранней службы в армии он не стал духовно зрелым человеком. Все знания, почерпнутые им впоследствии, только усилили путаницу в его понятиях, которые не имели под собой твердой почвы.

Как и все в его роду, принц исповедовал протестанство скорее по традиции, чем по убеждению, так как он

и не пытался вникнуть в сущность религии, хотя в известный период своей жизни увлекался религиозными мечтаниями. Масоном, насколько я знаю, он никогда не был.

Однажды вечером, когда мы с ним, по обычаю тщательно замаскировавшись, прогуливались по площади св. Марка, не вмешиваясь в толпу, — время было позднее, и толчея стала меньше, — принц заметил, что нас упорно преследует какая-то маска. Неизвестный был в армянском платье и шел один. Мы ускорили шаги и пытались сбить преследователя, неожиданно меняя путь, но напрасно — маска неотступно следовала за нами.

— Уж не завели ли вы здесь какую-нибудь интригу? — спросил меня, наконец, принц. — Мужья в Венеции — народ опасный!

— Нет, я не знаком ни с одной из здешних дам, — ответил я.

— Давайте присядем и начнем беседовать по-немецки, — предложил принц, — мне кажется, что нас припимают за кого-то другого.

Мы сели на каменную скамью, ожидая, что маска пройдет мимо. Но она направилась прямо к нам и опустилась рядом с принцем. Принц вынул часы и, вставая, громко сказал мне по-французски:

— Уже девять часов! Пойдемте. Мы забыли, что нас ожидают в Лувре.

Сказал он это только для того, чтобы сбить маску со следа.

— Девять часов, — медленно и выразительно повторил незнакомец на том же языке. — Пожелайте себе удачи, принц (тут он назвал его настоящее имя). В девять часов он скончался.

С этими словами маска поднялась и ушла.

В изумлении смотрели мы друг на друга.

— Кто скончался? — спросил принц после долгого молчания.

— Пойдем за маской, — предложил я, — и потребуем объяснений.

Мы обошли все закоулки площади св. Марка — маски нигде не было. Разочарованные, вернулись мы в

нашу гостиницу. По дороге принц не сказал со мной ни слова, он шел поодаль, и, как он мне потом сознался, в душе его происходила жестокая борьба.

Только когда мы пришли домой, он снова заговорил.

— Какая нелепость,— сказал он,— что безумец двумя словами может так нарушить покой человека!

Мы пожелали друг другу доброй ночи, и, придя к себе в комнату, я отметил в своих записях день и час этого происшествия. Случилось это в четверг.

На следующий день принц сказал мне:

— Может быть, нам пройтись по площади святого Марка и поискать нашего таинственного армянина? Мне непременно хочется узнать развязку этой комедии.

Я охотно согласился. До одиннадцати часов мы бродили по площади. Армянина нигде не было видно. Четыре вечера подряд мы повторяли нашу прогулку, но попрежнему без всякого успеха.

Когда мы на шестой вечер выходили из нашей гостиницы, я вздумал сказать слуге,— не помню, случайно или намеренно,— где надобно нас искать, если нас будут спрашивать. Принц, заметив мою предусмотрительность, наградил меня улыбкой. На площади св. Марка толпилось много народу. Не прошли мы и тридцати шагов, как я заметил армянина: он торопливо пробивался сквозь толпу, ища кого-то глазами. Только мы вознамерились подойти к нему, как к нам, запыхавшись, подбежал барон фон Ф*** состоявший в свите принца, и передал письмо.

— На письме траурная печать,— добавил он,— мы решили, что оно не терпит отлагательства.

Меня словно громом поразило. Принц подошел к фонарю и начал читать письмо.

— Мой кузен скончался! — воскликнул он.

— Когда? — взволнованно перебил я его.

Он взглянул на письмо:

— В прошлый четверг, в девять часов вечера.

Не успели мы опомниться, как рядом с нами очутился армянин.

— Ваш титул известен, ваша светлость! — обратился он к принцу.— Торопитесь домой. Там вас ожидают посланцы сената. Примите без колебаний высокие

почести, которые вам желают оказать. Барон фон Ф *** забыл вам сообщить, что ваши векселя прибыли.

И он исчез в толпе.

Мы поспешили к себе в гостиницу. Все оказалось так, как сообщил нам армянин. Принца встретили три нобилия республики, чтобы с почестями проводить его в сенат, где уже собралась вся высшая знать города. Он едва успел беглым кивком дать мне понять, чтобы я не дожидался его прихода.

Вернулся он около одиннадцати часов вечера. Он вошел в комнату серьезный и задумчивый и, отпустив слуг, крепко сжал мою руку.

— Граф,— сказал он мне словами Гамлета: — «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

— Ваша светлость,— ответил я,— вы как будто забыли, что сегодня отойдете ко сну с новой великой надеждой!

Покойный считался наследным принцем; он был единственным сыном нынешнего государя ***, человека старого и больного, уже не имевшего надежд на продолжение рода. Между нашим принцем и престолом стоял только его дядя, тоже бездетный и не ожидавший потомства. Упоминаю об этих обстоятельствах только потому, что о них пойдет речь в дальнейшем.

— Не напоминайте мне об этом! — сказал принц.— Даже если бы корона уже сейчас принадлежала мне, я не стал бы думать о столь ничтожном обстоятельстве. Другие мысли занимают меня... Если только догадка армянина не простая случайность...

— Да возможно ли это, принц? — перебил я.

— ...то я готов сменить будущую свою корону на монашескую рясу,— закончил он.

На следующий вечер мы раньше, чем обычно, вышли на площадь св. Марка. Внезапный ливень заставил нас искать убежища в кофейной, где играли в карты. Принц стал за креслом какого-то испанца, наблюдая за игрой. Я прошел в соседнюю комнату и занялся чтением газет. Внезапно я услышал шум. До прихода принца испанец был в непрерывном проигрыше, теперь же он выигрывал на каждую карту. Игра круто изменилась, и понти-

рующий, осмелев от неожиданного поворота фортуны, уже грозил сорвать банк. Венецианец, державший банк, в оскорбительном тоне заявил принцу, что он приносит несчастье, и попросил его отойти от стола. Принц только холодно взглянул на него, но не отошел; не тронулся он с места и тогда, когда венецианец повторил свои обидные слова по-французски. Полагая, что принц не понимает ни одного из этих языков, венецианец с презрительной усмешкой обратился к присутствующим:

— Скажите, господа, как мне объясниться с этим шутком? — при этом он встал и хотел взять принца за руку, но тот, потеряв терпение, крепко обхватил венецианца и с силой швырнул его об пол.

В зале поднялось волнение. Я вбежал на шум и невольно окликнул принца по имени.

— Берегитесь, принц! — необдуманно добавил я. — Ведь мы в Венеции!

При имени принца наступила глубокая тишина, потом послышался ропот, показавшийся мне опасным. Все итальянцы, сбившись толпой, отступили в сторону; наконец, все они покинули зал, где остались только мы оба да еще испанец и несколько французов.

— Вы погибли, ваша светлость, — говорили они, — вам надо немедленно уехать из города. Венецианец, с которым вы так сурово обошлись, знатен и богат, а убрать вас с дороги ему будет стоить всего лишь пятьдесят цехинов.

Испанец предложил позвать для охраны принца стражу и проводить нас домой. То же предлагали и французы. Мы стояли в раздумье, решая, что нам делать, как вдруг двери распахнулись и вошло несколько служителей государственной инквизиции. Они предъявили приказ правительства, где нам обоим предписывалось немедленно следовать за ними. Под сильной охраной нас довели до канала. Здесь ожидала гондола, в которую нам пришлось сесть. Перед тем как высадиться на берег, нам завязали глаза. Нас повели по высокой каменной лестнице, потом по длинному извилистому переходу — над обширными сводами, как я мог заключить по гулкому эху, повторявшему наши шаги. Нако-

нец, мы достигли второй лестницы и по двадцати шести ступеням спустились вниз. Мы вошли в зал, где с нас сняли повязки. Нас окружали почтенные старцы, одетые во все черное, стены скудно освещенного зала были занавешены черными сукнами, и в мертвой тишине, царившей в собрании, все это создавало страшное впечатление. Один из старцев, вероятно великий инквизитор, приблизился к принцу и с суровой торжественностью спросил, указывая на венецианца, которого подвели к нему:

— Признаете ли вы этого человека за своего обидчика в кофейной?

— Да,— ответил принц.

Старец обратился к задержанному:

— Тот ли это человек, которого вы намеревались убить сегодня вечером?

Пленник ответил утвердительно.

Тут круг расступился, и мы с ужасом увидели, как голова венецианца покатилась с плеч.

— Удовлетворены ли вы? — спросил великий инквизитор.

Принц лежал в обмороке на руках своих провожатых.

— Ступайте! — грозным голосом продолжал старец, обращаясь теперь ко мне, — и впредь не судите слишком поспешно о правосудии в Венеции.

Мы так и не догадались, кто был тайный друг, спасший нас рукой правосудия от верной смерти. Оцепенев от страха, добрались мы до своего жилища. Полночь уже прошла. Камер-юнкер фон Ц*** с нетерпением ожидал нас у крыльца.

— Хорошо, что от вас пришел посланец, — сказал он принцу, освещая нам дорогу. — Вслед за ним барон фон Ф*** принес с площади святого Марка известие, которое перепугало нас до полусмерти.

— Кого я посылал? — спросил принц. — И когда это было? Я ничего не знаю.

— Сегодня вечером, после восьми часов. Вы приказали передать нам, чтобы мы о вас не беспокоились, если вы несколько позже вернетесь домой.

Принц посмотрел на меня:

— Может быть, вы без моего ведома приняли эту предосторожность?

Но я решительно ничего не знал.

— Какое может быть сомнение, ваша светлость? — сказал камер-юнкер. — Вот ваши часы, посланные в качестве подтверждения.

Принц схватился за карман. Карман был пуст, да и принц сразу признал свои часы.

— Кто их принес? — спросил он в недоумении.

— Незнакомец в маске и армянском платье, который тотчас же удалился.

Мы стояли и смотрели друг на друга.

— Что вы об этом скажете? — спросил принц после долгого молчания. — Видно, здесь, в Венеции, за мной тайно следят.

Страшные события этой ночи вызвали у принца горячку, уложившую его в постель на целую неделю. В течение этих дней нашу гостиницу наводняли и местные жители и чужестранцы, которых привлекла новость о высоком сане принца. Соперничая друг с другом, они наперебой предлагали свои услуги, и каждый из всех сил старался привлечь к себе внимание. О происшествии в священной инквизиции больше никто не упоминал. Так как двор *** выразил желание, чтобы возвращение принца было отложено, некоторые венецианские менялы получили распоряжение выплатить ему значительные суммы. Таким образом, он, сам того не желая, получил возможность продлить свое пребывание в Италии, и по его просьбе я также решил отложить свой отъезд.

Когда здоровье принца позволило ему выходить из дому, врач уговорил его совершить прогулку по Бренте, чтобы подышать свежим воздухом. Погода стояла ясная, и принц согласился. Только мы собрались сесть в гондолу, как он хватился ключика от небольшой шкатулки, где лежали важные бумаги. Мы немедленно вернулись и стали искать ключ. Принц ясно помнил, что сам запер шкатулку вчера и с той поры не выходил из комнаты. Но все поиски оказались напрасными, и нам пришлось отложить их, чтобы не терять времени. Принц, чья высокая душа никогда не таила подозрений, сказал, что

ключ, очевидно, потерян, и попросил нас больше об этом не говорить.

Прогулка выдалась отличная. При каждом изгибе реки перед нами открывались все новые и новые виды живописнейших берегов, один богаче и красивее другого; ослепительное небо напоминало в середине февраля о майских днях; прелестные сады и множество очаровательных вилл украшали берега Brentы, а за нами расстилалась величественная Венеция с встававшими из воды бесчисленными башнями и мачтами кораблей. Прекраснейшее зрелище в мире. Мы без раздумья отдались очарованию волшебницы-природы и пришли в превосходное расположение духа, и даже принц, потеряв свою обычную серьезность, состязался с нами в остроумных шутках. Выйдя на берег в нескольких итальянских милях от города, мы услышали веселую музыку. Она доносилась из маленькой деревушки, где шла ярмарка. Здесь собралось много разного народу. Группа юношей и девушек в театральных костюмах встретила нас балетной пантомимой. Это было совсем новое искусство, движения танцующих отличались легкостью и грацией. Но танец еще не успел окончиться, как вдруг главная исполнительница, изображавшая королеву, застыла на месте, словно ее остановила невидимая рука. Вокруг нее тоже все замерло. Музыка смолкла. Все ждали, затаив дыхание, а девушка стояла в оцепенении, опустив глаза в землю. Внезапно она выпрямилась, словно в порыве восторга, обвела всех пламенным взором. «Меж нами король!» — крикнула она и, сорвав с себя корону, положила ее... к ногам принца. Все присутствующие обратили на него взгляды, недоумевая, — не таится ли в этой выходке какое-либо истинное значение: настолько все поддались искренней и страстной игре девушки. Наконец, тишину прервали громкие рукоплескания. Я посмотрел на принца. Он тоже, как я заметил, был немало поражен и старался избежать пытливых взглядов любопытных зрителей. Бросив юным артистам несколько монет, он поспешил выбраться из толпы.

Не успели мы пройти и двух шагов, как, отталкивая народ, к нам пробился почтенный францисканец.

— Господин,— проговорил монах,— удели пресвятой деве от своих богатств, тебе понадобится ее заступничество.

Он сказал это таким голосом, что мы растерялись, но толпа тут же оттеснила его.

Тем временем наша свита увеличилась: к нам присоединился английский лорд, знакомый принцу еще по Ницце, несколько купцов из Ливорно, немецкий пастор, французский аббат, с ним несколько дам, и русский офицер. В лице последнего было нечто примечательное, и он сразу привлек наше внимание. Никогда в жизни мне не приходилось видеть лицо столь характерное и вместе с тем безвольное, столь чарующе-привлекательное и в то же время отталкивающе-холодное. Как будто все страсти избороздили это лицо, а затем покинули его,— и остался только бесстрастный и пронизательный взгляд глубочайшего знатока человеческой души — взгляд, при встрече с которым каждый в испуге отводил глаза. Этот странный человек издали следовал за нами, но, казалось, почти не принимал участия во всем, что происходило.

Мы остановились у палатки, где продавали лотерейные билетки. Дамы стали играть. Мы последовали их примеру. Даже принц спросил себе билетик. Он выиграл табакерку. Открыв ее, он вздрогнул и побледнел: в ней лежал ключ от шкатулки.

— Что же это такое? — спросил меня принц, когда мы ненадолго остались одни.— Меня преследуют какие-то высшие силы. Всеведущий парит надо мной. Какое-то незримое существо, от которого я не могу уйти, следит за каждым моим шагом. Нет, я должен отыскать этого армянина, я должен получить у него объяснение.

Солнце склонялось к закату, когда мы подошли к загородной ресторации, где ждал нас ужин. Имя принца привлекло к нам еще несколько человек,— теперь нас было шестнадцать. Кроме вышеупомянутых лиц, к нам присоединился музыкант из Рима, несколько швейцарцев и какой-то авантюрист из Палермо, в военной форме, выдававший себя за капитана. Было решено провести тут весь вечер и вернуться домой при свете

факелов. За столом шла оживленная беседа, и принц, не утерпев, рассказал случай с ключиком, что вызвало всеобщее изумление. Поднялся жестокий спор. Почти все гости решительно утверждали, что таинственные явления чаще всего сводятся к простым фокусам; аббат, поглотивший немалую толику вина, вызывал весь мир духов на поединок; англичанин произносил богохульные речи; музыкант осенял себя крестным знамением в защиту от дьявола; и только немногие, в том числе и сам принц, стояли за то, чтобы не судить слишком поспешно об этих явлениях. Между тем русский офицер беседовал с дамами и, казалось, не обращал никакого внимания на окружающих. В разгаре спора никто не заметил, как сицилианец покинул зал. Примерно через полчаса он снова вошел, закутанный в плащ, и стал за креслом француза.

— Вы только что выказывали храбрость, предлагая помериться силами со всеми духами, какие есть. Так не хотите ли сразиться хотя бы с одним?

— Идет! — воскликнул аббат. — Если только вы возьмете на себя труд доставить его сюда.

— Всенепременно! — ответил сицилианец и, обратившись к нам, добавил: — Как только эти господа и дамы покинут нас.

— Почему же? — воскликнул англичанин. — Храбрый дух не испугается веселой компании!

— Я не ручаюсь за исход! — сказал сицилианец.

— Нет, нет! Ради бога, не надо! — закричали наши дамы, испуганно вставая с мест.

— Зовите-ка сюда вашего духа! — упрямо настаивал аббат. — Но предупредите его заранее, что клинки здесь достаточно остры. — При этих словах он попросил шпагу у одного из гостей.

— Воля ваша, — холодно проговорил сицилианец, — посмотрим, будет ли у вас к тому охота!

Тут он снова обратился к принцу:

— Ваша светлость, — сказал он, — вы утверждаете, что ключ ваш побывал в чужих руках. Не предполагаете ли вы, в чьих именно?

— Нет.

— Но вы кого-нибудь подозреваете?

— Да, у меня являлась мысль...

— Узнаете ли вы это лицо, если увидите его?

— Без сомнения.

Тут сицилианец откинул плащ и, достав зеркало, поднес его к глазам принца.

— Это он?

Принц в испуге отшатнулся.

— Кого вы увидели? — спросил я.

— Армянина.

Сицилианец снова спрятал зеркало под плащ.

— Тот ли это человек, о котором вы думали? — наперебой спрашивали принца гости.

— Тот самый.

Многие переменились в лице, смех умолк. Все глаза с любопытством устремились на сицилианца.

— Мсье аббат, тут дело пахнет не шуткой! — сказал англичанин. — Советую вам подумать об отступлении!

— В нем сидит дьявол! — закричал француз и убежал из зала.

За ним с криками убежали и дамы, а следом за ними и музыкант. Немецкий пастор похрапывал в кресле, русский офицер попрежнему проявлял полное равнодушие.

— Может быть, вы просто хотели прочить хвастуна, — начал принц, когда все вышли, — но все же не согласитесь ли вы сдержать свое слово?

— Вы, правы, — согласился сицилианец, — с аббатом я только пошутил и предложил ему вызвать духа, зная, что эта трусливая баба не станет ловить меня на слове. Впрочем, все это слишком серьезно, чтобы стать предметом шутки.

— Значит, вы все же настаиваете, что эти явления в вашей власти?

Заклинатель долго молчал, пристально, словно испытующе, глядя на принца.

— Да, — ответил он, наконец.

Любопытство принца достигло высшего предела. Его давнишней заветной мечтой было вступить в сношения с потусторонним миром; и после первой же встречи с армянином эта идея, которую так долго отвергал его

разум, вернулась к нему с новой силой. Он отвел сицилианца в сторону, и я слышал, как он завел с ним пространный беседу.

— Перед вами человек, — говорил принц, — который горит нетерпением окончательно разрешить для себя эти важные вопросы. Я счел бы своим благодетелем, лучшим своим другом того, кто рассеет мои сомнения, снимет пелену с моих глаз. Согласны ли вы оказать мне эту неоценимую услугу?

— Чего же вы от меня требуете? — спросил сицилианец после некоторого раздумья.

— На первый раз мы хотим только испытать ваше искусство. Вызовите сейчас духа.

— К чему же это приведет?

— Тогда, узнав меня поближе, вы сможете судить — достоин ли я высшего посвящения.

— Я высоко ценю вас, светлейший принц. С первого же взгляда меня неудержимо влекла к вам неведомая для вас самого тайная сила, которую я прочел на вашем лице. Вы могущественнее, чем полагаете. Можете неограниченно распоряжаться всей моей властью, но только...

— Тогда вызовите духа!

— Но только я должен быть уверен, что вы требуете этого не из пустого любопытства. И если незримые силы подчинены мне в некоторой мере, то лишь при нерушимом и священном обязательстве, что я не стану осквернять святые тайны, не стану злоупотреблять своим искусством.

— Намерения мои самые чистые. Я жажду истины.

Тут они отошли подальше и стали у дальнего окна, так что я не мог их слышать. Англичанин, тоже следивший за их разговором, отвел меня в сторону.

— Ваш принц — благородный человек. Мне жаль, что он связался с обманщиком.

— Все зависит от того, как он выйдет из этой истории, — возразил я.

— Знаете ли что? — продолжал англичанин. — Наверно, этот плут сейчас набивает себе цену. Он не покажет свои фокусы, пока не услышит звон монет. Нас тут девятеро. Давайте сделаем складчину и попробуем

соблазнить его крупной суммой. На этом проходимец сломит шею, а у принца откроются глаза.

— Согласен!

Англичанин бросил шесть гиней на тарелку и обошел всех подряд. Каждый дал несколько луидоров, но особенно заинтересовался нашей идеей русский: он бросил на тарелку ассигнацию в сто цехинов; англичанин даже удивился такой расточительности. Мы принесли собранные деньги принцу.

— Будьте столь добры,— обратился к нему англичанин,— и попросите этого господина от нашего имени показать свое искусство и принять в знак нашей признательности этот небольшой подарок.

Принц тут же положил на тарелку драгоценное кольцо и протянул сицилианцу. Тот помедлил несколько секунд.

— Господа и благодетели мои,— начал он затем,— ваше великодушие меня смущает. Очевидно, вы ошиблись во мне. Но я уступаю вашим настояниям. Желание ваше будет исполнено.— Тут он дернул шнур колокольчика.— Что же касается до этих денег, на которые я не имею никакого права, то, надеюсь, вы разрешите мне передать их в ближайший бенедиктинский монастырь на добрые дела. Кольцо же я оставляю себе как драгоценную память о нашем достойнейшем принце.

В эту минуту вошел хозяин заведения, которому и были переданы деньги.

— И все-таки он мошенник! — шепнул мне на ухо англичанин.— Отказался от денег, потому что сейчас ему важнее всего завоевать доверие принца.

— А может быть, хозяин с ним в стоворе? — добавил другой.

— Кого вы желаете вызвать? — спросил заклинатель у принца.

Принц на миг задумался.

— Лучше всего вызвать какого-нибудь великого человека! — крикнул лорд.— Вызовите-ка папу Ганганелли! Вероятно, вам это ничего не стоит.

Сицилианец прикусил губу.

— Я не смею вызывать того, на ком почиет благодать.

— Вот это жаль! — бросил англичанин. — Может быть, он сообщил бы нам, от какой болезни он умер.

Тут взял слово принц.

— Маркиз де Лануа, — сказал он, — служивший в последней войне бригадиром французских войск, был моим ближайшим другом. В бою при Гастинбеке он получил смертельную рану; его перенесли в мою палатку, где он и умер у меня на руках. В последнюю минуту, в предсмертной агонии, он подозвал меня к себе. «Принц, — начал он, — мне не суждено вернуться на родину; выслушайте же тайну, — ключ к ней хранится только у меня. В монастыре, на границе с Фландрией, живет одна...» Но тут он испустил дух. Десница смерти прервала нить его повествования. Я желал бы вновь увидеть его и услышать продолжение его речи.

— Клянусь, от вас требуют многого! — воскликнул англичанин. — Я назову вас новым Соломоном, если вы разрешите эту задачу!

Мы восхищались мудрым выбором принца и единодушно высказали наше одобрение. Между тем заклинатель широкими шагами мерил комнату и, казалось, в нерешительности боролся сам с собой.

— И это все, что оставил вам усопший?

— Все.

— Не пытались ли вы разузнать что-либо у него на родине?

— Все попытки оказались тщетными.

— Была ли жизнь маркиза де Лануа безупречной? Не каждого умершего дозволено мне вызывать.

— Он скончался, раскаиваясь в грехах молодости.

— Есть ли при вас какая-нибудь памятка о нем?

— Да, есть.

Принц действительно имел при себе табакерку с миниатюрой маркиза на эмали; за ужином она лежала подле его прибора.

— Впрочем, это неважно. Оставьте меня одного! Вы увидите усопшего.

Нас попросили пройти в другой павильон, пока нас не позовут. Сицилианец распорядился убрать из зала всю мебель, вынуть оконные рамы и наглухо закрыть ставни. Хозяину, с которым он, как видно, уже ранее

был знаком, было приказано принести жаровню с тлеющими углями и тщательно залить водой все огни в доме. Прежде чем мы удалились, он торжественно взял с каждого из нас честное слово — хранить вечное молчание о том, что мы увидим и услышим. Мы вышли, и за нами заперли все двери этого павильона.

Шел двенадцатый час, и глубокая тишина царила во всем доме. При выходе русский спросил меня, есть ли при нас заряженные пистолеты.

— Зачем? — удивился я.

— На всякий случай, — ответил он. — Погодите, я сам об этом позабочусь, — и он удалился.

Мы с бароном фон Ф *** открыли окно, выходящее в сторону павильона, и нам показалось, что оттуда слышался шепот двух голосов и шум, словно там приставляли лестницу. Но это было только наше предположение, и я не решился настаивать на нем. Вошел русский с парой пистолетов; он отсутствовал около получаса. Мы видели, как он тщательно зарядил их. Было почти два часа ночи, когда, наконец, явился заклинатель и сказал нам, что пора идти. Перед тем как впустить нас в зал, он велел нам снять башмаки и остаться в чулках и нижнем платье. За нами, как и в первый раз, заперли все двери.

Войдя в зал, мы увидели начертанный углем широкий круг, где свободно могли разместиться все мы десятеро. Вокруг нас, вдоль всех четырех стен, были сняты половицы, так что мы стояли как бы на острове. Посреди круга, на красном шелковом ковре, был воздвигнут алтарь, покрытый черным сукном. На алтаре, рядом с черепом, лежала раскрытая халдейская библия, на ней стояло серебряное распятие. Вместо свечей в серебряном сосуде горел спирт. Густые клубы ладана наполнили комнату, почти поглощая свет. Заклинатель был, как и мы, без верхней одежды и к тому же бос. На его обнаженной шее висел амулет на цепочке из человеческих волос, вокруг бедер был повязан белый фартук, испещренный таинственными знаками и фигурами. Он велел нам взяться за руки и хранить полнейшее молчание; особенно настойчиво потребовал он, чтобы мы не задавали никаких вопросов духу умершего. Англичанина и меня (к нам обоим он явно испытывал наибольшее

недоверие) он попросил скрестить над самой его головой две обнаженные шпаги и держать неподвижно, пока будет длиться заклинание. Мы стали полукругом, русский офицер придвинулся вплотную к англичанину и очутился у самого алтаря. Поворотясь лицом на восток, заклинатель ступил на ковер, покропил святой водою на все четыре стороны и трижды поклонился библии. С четверть часа он бормотал заклинания, в которых мы ровно ничего не поняли; прочитав их, он подал знак тем, кто стоял позади него, крепко схватить его за волосы. Весь извиваясь в жестокой судороге, он трижды произнес имя умершего и положил руку на распятие.

Вдруг нас всех словно пронзила молния, наши руки разомкнулись, внезапный удар грома потряс все здание, зазвенели замки, двери загрохотали, крышка серебряного сосуда захлопнулась, свет потух, и на противоположной стене, над камином, появилась человеческая фигура в окровавленной рубахе, с лицом, покрытым смертельной бледностью.

— Кто звал меня? — спросил глухой, еле слышный голос.

— Твой друг, — ответил заклинатель, — тот, кто чтит твою память и молится о спасении твоей души. — И он назвал имя принца.

Ответы следовали после долгих пауз.

— Чего он требует? — продолжал голос.

— Он хочет выслушать до конца твое признание, которое ты не досказал на этом свете.

— В монастыре, на границе Фландрии, живет...

Тут дом снова задрожал. От страшного удара грома все двери распахнулись сами собой, молния озарила комнату, и на пороге показался другой телесный образ, окровавленный и бледный, как и первый, но еще страшнее. Снова сам собой загорелся спирт, и в зале стало светло, как прежде.

— Кто это здесь? — испуганно крикнул заклинатель и с ужасом посмотрел на собравшихся. — Тебя я не звал!

Тихими, величавыми шагами второй призрак подошел прямо к алтарю, ступил на ковер и, оборотившись к нам лицом, взял в руки распятие. Первый призрак сразу исчез.

— Кто вызывал меня? — спросил второй призрак.

Заклинатель дрожал всем телом. Мы застыли в испуге и удивлении. Я схватился за пистолет, но заклинатель вырвал его у меня из рук и выстрелил в призрак. Пуля медленно покатилась по алтарю, а призрак вышел из облака дыма цел и невредим. Заклинатель упал без сознания.

— Что же это? — крикнул англичанин и замахнулся шпагой на привидение. Но призрак дотронулся до его руки, и клинок со звоном упал на пол.

Холодный пот выступил у меня на лбу. Барон Ф *** признался нам впоследствии, что он читал молитвы. И только принц, спокойный и бесстрашный, стоял, не сводя пристального взора с призрака.

— Да, я узнал тебя! — воскликнул он вдруг с глубоким волнением. — Ты — Лануа, ты — друг мой. Откуда ты явился?

— Вечность молчит. Спрашивай меня о земной жизни.

— Кто живет в монастыре, о котором ты мне говорил?

— Дочь моя.

— Как? Ты был отцом?

— Я был им слишком недолго.

— Ты несчастлив, Лануа?

— Так судил господь.

— Могу ли я оказать тебе какую-нибудь услугу на этом свете?

— Только если станешь думать о себе.

— Как мне это понять?

— Ты все узнаешь в Риме!

Тут раздался новый удар грома, черное облако заволкло комнату, а когда дым рассеялся, призрак исчез. Я распахнул ставни. Уже светало.

Заклинатель успел очнуться от обморока.

— Где мы? — воскликнул он, увидев зарю.

Русский офицер, стоявший позади, наклонился через его плечо.

— Обманщик! — проговорил он, устремив на нас страшный взгляд. — Больше ты не будешь вызывать духов!

Сицилианец обернулся, пристально взглянул в лицо офицера и с громким криком упал к его ногам.

Все глаза уставились на мнимого русского. Принц без труда узнал в нем своего армянина, и возглас, готовый сорваться, замер у него на губах. Мы все словно окаменели от страха и неожиданности. Молча и неподвижно смотрели мы на этого таинственного человека, чей величественный и грозный взгляд проникал в наши души. Молчание длилось минуту, другую... Все стояли не дыша.

Мощный стук в дверь заставил нас очнуться. Дверь рухнула под ударами, и в зал ворвались сыщики со стражей.

— Ага, мы захватили вас всех! — крикнул начальник стражи и обернулся к своим спутникам. — Именем закона, вы арестованы! — крикнул он нам.

Не успели мы опомниться, как нас окружила стража. Русский офицер, которого я снова буду звать армянином, отозвал начальника стражи в сторону и, насколько я мог заметить в общей суете, шепнул ему что-то на ухо и показал какую-то бумагу. Сыщик отдал ему молчаливый и почтительный поклон и, отойдя от него, обратился к нам, снимая шляпу:

— Прошу прощения, уважаемые господа, за то, что я чуть не схватил вас вместе с этим обманщиком. Не буду допытываться, кто вы такие, но этот господин уверяет, что передо мной благородные люди.

Он тут же дал своим спутникам знак отпустить нас. Сицилианца же он приказал связать и зорко стеречь.

— Время его давно пришло, — сказал он, — мы следим за ним вот уже семь месяцев.

Но этот несчастный был поистине достоин сожаления. Вдвойне напуганный — появлением второго призрака и неожиданным нападением стражи, он потерял всякую способность соображать. Он дал себя связать, как ребенка, глядя прямо перед собой выкатившимися от ужаса глазами, лицо его помертвело, и только дрожащие губы изредка подергивались, не издавая ни звука. Нам казалось, что он вот-вот упадет в припадке судорог. Принцу стало жаль его, и, назвав свое имя начальнику стражи, он попросил отпустить несчастного.

— Ваша светлость, — сказал служитель, — да знаете ли вы, за кого так великодушно вступаетесь? Мошенническая проделка, которую он хотел сыграть с вами, — это еще наименьшее из его преступлений. Мы задержали его подручных. Они рассказывают о нем всякие мерзости. Пусть благодарит свою судьбу, если отделается только ссылкой на галеры.

Мы увидели, как по двору провели связанного хозяина заведения и всех его домочадцев.

— Как, и он? — воскликнул принц. — Чем же он провинился?

— Он был сообщником и укрывателем этого мошенника, — ответил начальник стражи, — он помогал ему обманывать и воровать, а потом делил с ним добычу. Сейчас вы в этом убедитесь, ваша светлость. — Он обернулся к своим подчиненным: — Обыскать весь дом и немедленно доложить мне обо всем, что будет найдено.

Принц оглянулся, ища армянина, но тот исчез: воспользовавшись всеобщим замешательством при появлении стражи, он сумел незаметно скрыться. Принц был в отчаянии, он хотел послать ему вдогонку всех своих людей, хотел сам отправиться на поиски вместе со мной. Я подошел к окну; весь дом был окружен любопытными, прослышавшими о происшествии. Нечего было и думать пробиться сквозь толпу. Я указал на это принцу:

— Если армянин решил скрыться, то он безусловно лучше нас знает все лазейки, и наши попытки обречены на неудачу. Лучше останемся здесь, принц. Может быть, начальник стражи, которому, если я не ошибаюсь, он открыл свое имя, расскажет нам подробнее, кто он таков.

Тут только мы вспомнили, что мы не одеты. Мы поспешили в другую комнату и торопливо накинули платье. Когда мы вернулись, стража уже закончила обыск.

Убрав алтарь и взломав пол, сыщики обнаружили обширный свод, под которым без труда мог уместиться человек, и маленькую дверцу, которая вела на узкую лесенку, спускавшуюся в погреб. Под этим сводом находилась электрическая машина, часы и небольшой се-

ребряный колокольчик, соединенный, как и машина, с алтарем и стоявшим на нем распятием.

В одной из ставен, прямо против камина, было прорезано окошечко с задвижкой, и в это окошко, как мы потом узнали, вставлялся волшебный фонарь, отбрасывавший на стену изображение духа. С чердака и из подвала извлекли разные барабаны, над ними были подвешены на шнурах большие оловянные ядра, — они-то, должно быть, и вызывали гром, который мы слышали. Когда обыскали сицилианца, при нем нашли футляр с разными порошками, склянки, коробочки со ртутью, фосфор в стеклянном флаконе, кольцо; поднеся его к стальной пуговице, мы сразу увидели, что в нем был магнит. В кармане сицилианца оказались, кроме того, четки, накладная борода, кинжал и пистолеты.

— Посмотрим, заряжен ли он? — сказал один из стражей и тут же разрядил пистолет в камин.

— Иезус Мария! — закричал хриплый голос, в котором мы тотчас узнали голос первого привидения, и окровавленное тело рухнуло из каминной трубы.

— Как, ты еще не успокоился, несчастный дух? — воскликнул англичанин, а мы все вздрогнули от неожиданности. — Ступай же в свою могилу! Ты казался тем, чем ты не был, стань же теперь тем, чем казался!

— Иезус Мария! Я ранен! — застонал человек в камине.

Пуля раздробила ему правую ногу. Рану тотчас же тщательно перевязали.

— Но кто ты такой, и какой злой дух привел тебя сюда?

— Я бедный францисканец, — ответил раненый. — Незнакомый господин пообещал мне целый цехин, чтобы я...

— Произнес заклинание? Но почему ты не скрылся тотчас же?

— Он должен был подать мне знак, продолжать или нет, но знака я не дождался, а когда я захотел вылезти, оказалось, что лестницу убрали.

— А какому заклинанию он тебя выучил?

Но тут францисканец потерял сознание, и мы не смогли ничего от него добиться. Присмотревшись к

нему, мы узнали того самого монаха, который еще раньше, вечером, заступил принцу дорогу и столь торжественно обратился к нему.

Между тем принц заговорил с начальником стражи.

— Вы спасли нас,— сказал принц, протягивая ему несколько золотых.— Вы спасли нас из рук авантюриста и, не зная, кто мы, поступили с нами по справедливости. Заставьте же нас быть вам навсегда обязанными: откройте имя незнакомца, которому достаточно было сказать несколько слов, чтобы освободить нас.

— О ком вы говорите? — спросил начальник стражи, но по лицу его было видно, что он и сам знает, о ком идет речь.

— Я говорю о господине в русском мундире, который отвел вас в сторону, предъявил какую-то бумагу и при этом шепнул несколько слов, после чего вы немедленно нас отпустили.

— Значит, вам незнаком этот господин? — переспросил начальник стражи.— Разве он не принадлежал к вашему обществу?

— Нет,— сказал принц,— и у меня есть веские причины желать познакомиться с ним поближе.

— Но я и сам знаю его не достаточно хорошо,— возразил начальник.— Имя его мне неизвестно, и сегодня я встретил его первый раз в жизни.

— Как? И он смог за такое короткое время, всего лишь двумя словами, взять над вами такую власть, что вы объявили и его и всех нас ни в чем не повинными?

— Да, достаточно было одного его слова.

— Какое же это слово? Сознаюсь, мне весьма любопытно его услышать.

— Этот незнакомец, светлейший принц...— Тут он взвесил на руке золотые.— Вы были столь великодушны и щедры, что я не стану делать из этого тайну: этот незнакомец — служитель государственной инквизиции.

— Инквизиции?.. Он?..

— Вот именно, ваша светлость. И в этом меня убедила предъявленная им бумага.

— О том ли человеке вы говорите? Возможно ли это?

— Скажу вам еще больше, ваша светлость. Именно

по его донесению я и был послан сюда, чтобы арестовать заклинателя духов.

Мы переглянулись с еще большим удивлением.

— Теперь понятно, — воскликнул англичанин, — почему этот несчастный заклинатель так перепугался, разглядев его. Он узнал в нем шпиона инквизиции, потому что он закричал и бросился к его ногам.

— Неверно! — воскликнул принц. — Этот человек может стать, кем захочет и как то потребуется в данную минуту. Кто же он на самом деле, этого не знает еще ни один смертный. Разве вы не видели, что сицилианец упал, словно подкошенный, когда тот крикнул ему в упор: «Больше ты не будешь вызывать духов!» За этим кроется многое. И никто не убедит меня, что так можно испугаться обыкновенного человека.

— Лучше всего нам смог бы объяснить это сам заклинатель, — вмещался лорд, — если только этот господин (он обернулся к начальнику стражи) даст нам возможность переговорить со своим пленником.

Начальник стражи обещал исполнить нашу просьбу. Условившись с англичанином завтра же утром посетить арестованного, мы отправились в Венецию.

Ранним утром лорд Сеймур (так звали англичанина) явился к нам, и через некоторое время начальник стражи прислал за нами своего доверенного, которому было поручено проводить нас в тюрьму.

Я забыл рассказать, что уже несколько дней принц не мог доискаться одного из своих егерей, родом бременца, который преданно служил ему много лет и пользовался неограниченным его доверием. Никто не знал, случилось ли с ним несчастье, был ли он похищен, или просто сбежал. Впрочем, не было никаких оснований предполагать последнее, так как егеря этот был человек смиренный и добросовестный и его ни в чем нельзя было упрекнуть. Его товарищи замечали только, что в последнее время он часто впадал в задумчивость и каждую свободную минуту старался проводить в миноритском монастыре на Джудекке, где он свел знакомство с некоторыми братьями. Это навело нас на мысль, что он попал, быть может, в руки монахов и принял католичество. Принц относился в то время к этому вопросу чрез-

вычайно терпимо, даже безразлично, и после бесплодных поисков он решил удовольствоваться этим объяснением. Но ему тяжело было потерять человека, который не покидал его ни на миг в сражениях, всегда служил ему верой и правдой и заменить которого в чужой стране было не так легко. И вот сегодня, когда мы уже совсем собрались выйти, принцу доложили, что пришел его банкир, которому было поручено найти нового слугу. Банкир представил принцу воспитанного, хорошо одетого человека средних лет, который долго прослужил у одного прокуратора в качестве секретаря, говорил по-французски и немного по-немецки и, кроме того, имел множество наилучших рекомендаций. Лицо его понравилось нам всем; и так как он к тому же сказал, что жалованье он просит назначить ему в зависимости от того, насколько будут довольны его услугами, принц принял его без всякого промедления.

Сицилианца мы застали в одиночной камере: его поместили там в угоду принцу, прежде чем перевести под свинцовую кровлю, куда уж никому не будет доступна. Эти свинцовые казематы — самое страшное место заключения в Венеции — расположены под кровлей дворца дожей, и несчастные преступники доходят до сумасшествия под палящими лучами солнца, накаляющими свинец. Сицилианец уже оправился после вчерашних событий и почтительно встал, увидев принца. Одна его рука и нога были скованы, но передвигаться он мог свободно. Когда мы вошли, стража удалась из камеры.

— Я пришел сюда, — начал принц, когда мы сели, — чтобы потребовать объяснения по двум вопросам. На первый вопрос вы мне еще не успели ответить, для вас будет лучше, если вы ответите так же и на второй.

— Моя роль сыграна, — сказал сицилианец, — теперь судьба моя в ваших руках.

— Только ваша откровенность может смягчить вашу участь, — проговорил принц.

— Спрашивайте же, светлейший государь. Я отвечу на все, ибо мне уже нечего терять.

— Вы показали мне в зеркале лицо армянина. Как вам удалось это сделать?

— Я показывал вам не зеркало. Вас ввел в заблуждение простой рисунок пастелью под стеклом, изображавший человека в армянском платье. Обману помогли и ловкость рук, и полутьма, и ваше изумление. Вы найдете этот рисунок среди других вещей, взятых при обыске в гостинице.

— Но как могли вы проникнуть в мои мысли и угадать, что речь шла об армянине?

— О, это было совсем нетрудно, ваша светлость. Вы, без сомнения, нередко говорили за столом, в присутствии ваших слуг, о том, что произошло между вами и этим армянином. Один из моих людей случайно познакомился в Джудекке с вашим егерем и сумел постепенно вытянуть у него все, что мне было нужно знать.

— А где мой егерь? — спросил принц. — Мне его очень недостает, и вы, наверно, знаете, куда он исчез?

— Клянусь вам, все милостивейший государь, что ничего о нем не знаю. Сам я его никогда не видел, и мне ничего от него не требовалось, кроме того, о чем я вам доложил.

— Хорошо, продолжайте! — сказал принц.

— Через вашего егеря я и узнал впервые о вашем пребывании в Венеции и о том, что с вами тут произошло, и тотчас решил воспользоваться этим. Как видите, все милостивейший государь мой, я с вами вполне откровенен. Я знал о вашей предстоящей прогулке по Бренте и заранее рассчитывал на нее; а ключ, который вы случайно уронили, дал мне случай испробовать на вас свое искусство.

— Как! Значит, я ошибся? Фокус с ключом был делом ваших рук, а не армянина? Вы говорите, что я обронил ключ?

— Да, когда вы изволили вынимать кошелек. А я воспользовался минутой, когда никто не смотрел в мою сторону, и быстро наступил на ключ. Продавец лотерейных билетов был со мной в стоворе. Он дал вам тянуть из кружки, где не было пустых билетов, а ключ уже лежал в табакерке, задолго до того, как вы ее выиграли.

— Теперь мне все понятно. А кто был тот босой монах, который заступил мне дорогу и обратился ко мне с такой торжественной речью?

— Тот самый человек, которого, как я слышал, ранили и потом вытащили из камина. Это один из моих товарищей, он оказал мне немало услуг в этом обличье.

— Но с какой целью вы предприняли все это?

— Мне надо было заставить вас углубиться в себя, создать у вас такое душевное состояние, чтобы вы поверили тем чудесам, какие я собирался показать вам.

— Но эта пантомима, этот танец, принявший столь неожиданный оборот, он-то по крайней мере не был вашей выдумкой?

— Девушка, представлявшая королеву, была подучена мною, и вся ее роль — моих рук дело. Я предполагал, что вы, ваша светлость, будете немало изумлены, увидев, что вас тут знают; и простите меня за откровенность, государь, но ваше приключение с армянином подало мне надежду, что вы уже склонны всему искать объяснение не в естественном ходе вещей, а в потусторонних, сверхъестественных явлениях.

— Это правда! — воскликнул принц со смешанным выражением досады и удивления и многозначительно посмотрел на меня. — Разумеется, этого я не ожидал!

После долгого молчания принц снова заговорил:

— А как же вы устроили, что эта фигура появилась на стене, над камином?

— При помощи волшебного фонаря, укрепленного за ставней в окне напротив, — вы, должно быть, потом нашли там отверстие?

— Но почему же никто из нас ничего не заметил раньше? — спросил лорд Сеймур.

— Вспомните, милостивый государь, что при вашем возвращении в зал там плавали густые клубы дыма. Кроме того, я велел из предосторожности прислонить снятые половицы к тому окну, в которое был вставлен волшебный фонарь; тем самым я помешал вам сразу обратить внимание на отверстие в ставне. К тому же фонарь был закрыт, пока вы все не уселись по местам и уже нечего было опасаться, что вы станете обыскивать комнату.

— Мне послышалось, — вмешался тут и я, — будто к стене зала приставляли лестницу; я слышал это, стоя у окна другого павильона.

— Совершенно справедливо! Именно по этой лестнице мой сообщник и взобрался на окно, чтобы управлять волшебным фонарем.

— Но эта фигура и на самом деле имела смутное сходство с моим другом, особенно потому, что у него тоже были совсем светлые волосы. Просто ли это совпадение, или вы располагали какими-нибудь данными?

— Припомните, ваша светлость, что за ужином подле вас лежала эмалевая табакерка с портретом офицера в ***ском мундире. Я спросил вас: есть ли у вас памятка о вашем друге, — на что вы мне ответили «да». Я и заключил, что эта памятка, возможно, и есть табакерка. За ужином я отлично рассмотрел портрет; и так как я искусный рисовальщик и обладаю счастливой способностью схватывать сходство, мне было нетрудно придать моему рисунку сходство с портретом, что вы и отметили, тем более что у покойного маркиза было очень характерное лицо.

— Но ведь этот призрак как будто двигался?

— Это только так казалось: двигалась не фигура, а клубы дыма, на которых отражался свет волшебного фонаря.

— Значит, вместо призрака говорил тот человек, которого вытащили из камина?

— Вот именно.

— Но ведь он не мог слышать вопросы?

— Ему это и не было нужно. Вспомните, ваша светлость, что я самым строгим образом запретил вам задавать вопросы духу. Мы с ним условились заранее, что я буду спрашивать и как ему отвечать, и во избежание ошибок я велел ему соблюдать большие паузы, которые он отсчитывал по часам.

— Вы приказали хозяину тщательно залить огонь во всех очагах. Без сомнения, вы сделали это...

— ...чтобы мой сообщник не подвергся опасности задохнуться в камине, так как во всем доме один общий дымоход; да к тому же я не совсем был уверен в вашей свите.

— Но как же случилось, — спросил лорд Сеймур, — что ваш дух явился точно, когда он вам понадобился?

— Мой дух уже давно сидел в комнате, прежде чем я стал вызывать его. Но, пока горел спирт, бледное отражение фонаря не было заметно. Окончив свои заклинания, я захлопнул крышку сосуда, где пылал огонь, в зале стало темно, и только тут на стене проступило изображение, которое давно отражалось на ней.

— Но ведь именно в ту минуту, как появился призрак, мы все почувствовали электрический разряд. Как вы его вызвали?

— Машину под алтарем вы обнаружили. Вероятно, вы также заметили, что я стоял на шелковом коврике. Я поставил вас полукругом перед собой и велел подать друг другу руки; когда же наступил нужный момент, я сделал одному из вас знак схватить меня за волосы. Распятие служило проводником электричества, и когда я дотронулся до него, вас всех ударило током.

— Вы велели нам двоим — графу О*** и мне — скрестить над вашей головой шпаги и держать их в таком положении, пока будет продолжаться заклинание. Зачем это было нужно?

— Только затем, чтобы занять вас обоих на время представления, так как вам я доверял меньше всего. Помните, я велел вам держать шпаги точно на расстоянии одного дюйма над моей головой. Вам все время приходилось следить за этим, и вы не могли смотреть туда, куда мне не хотелось. Но злейшего своего врага я тогда еще не приметил.

— Должен признаться, — воскликнул лорд Сеймур, — что действовали вы чрезвычайно осторожно. Но зачем же понадобилось нам раздеваться?

— Чтобы придать всей процедуре больше торжественности и еще больше разжечь воображение необычной обстановкой.

— Но второе привидение помешало вашему духу договорить, — сказал принц. — Что же в сущности мы должны были от него услышать?

— Почти то же самое, что вы услышали потом. Не без намерения спросил я вашу светлость: все ли вы мне сказали, что поручил вам умирающий, и не наводили ли вы каких-либо справок у него на родине; я счел это необходимым, чтобы не столкнуться с фактами, которые

противоречили бы словам моего духа. Я нарочно спросил, вел ли покойный безупречную жизнь, чтобы узнать о грехах его молодости, и ваш ответ навел меня на догадку.

— На этот вопрос вы дали мне вполне удовлетворительное разъяснение, — сказал принц после некоторого молчания. — Но осталось еще одно чрезвычайное обстоятельство, в которое я тоже требую внести полную ясность.

— Если только это в моих силах...

— Никаких условий! Правосудие, в чьих руках вы находитесь, не стало бы допрашивать вас так мягко! Кто этот незнакомец, к чьим ногам вы упали при нас? Что вы о нем знаете? Откуда он вам известен? И какая связь между ним и вторым привидением?

— О, всемилостивейший принц...

— Вы только взглянули ему в лицо и тут же с громким воплем бросились к его ногам. Почему? Что это значит?

— Незнакомец этот, ваша светлость... — Сицилианец умолк, явно взволнованный, и в нерешительности обвел всех нас глазами. — Да, ваша светлость, клянусь богом, этот незнакомец — страшное существо.

— Что вы о нем знаете? Чем вы связаны с ним? Не пытайтесь скрыть от нас правду!

— На это я никогда бы не решился: кто может поручиться, что в эту минуту его нет здесь, среди нас?

— Где? Кого нет? — закричали мы все растерянно и, смеясь, но все же с некоторым страхом, оглядели комнату. — Да разве это возможно?

— О, для этого человека, — если только он человек, — возможны вещи и более непостижимые.

— Но кто же он, наконец, такой? Откуда родом? Армянин он или русский? Действительно ли он тот, за кого выдает себя?

— Нет, он не тот, кем он нам кажется. Нет таких званий, лиц и наций, чье обличье он бы ни принимал. Кто он такой, откуда пришел, куда уйдет — об этом никто не знает. Многие говорят, что он долго прожил в Египте и добыл в одной из пирамид тайну всеведения, но я не стану ни утверждать, ни отрицать это. У нас он

известен только под именем Непостижимого. Сколько, например, по вашему мнению, ему лет?

— Судя по внешнему виду, около сорока...

— А сколько же тогда мне?

— Около пятидесяти.

— Совершенно верно. А если вам сказать, что мне не было и семнадцати, когда мой дед рассказывал мне об этом колдуне, с которым он встретился в Фамагусте, когда тому было примерно столько же лет, как сейчас...

— Но это смешно, это невероятно, это преувеличение!

— Ни в малейшей степени! Не будь я в этих цепях, я привел бы вам свидетелей, чей достойный вид не вызвал бы у вас ни малейшего сомнения. Есть много людей, заслуживающих полного доверия, которые помнят, что они одновременно встречали этого человека будучи на разных концах света. Нет клинка, который мог бы пронзить его, нет яда, чтобы отравить его, он не горит в огне, и корабль, на котором он плывет, никогда не утонет. Даже само время над ним не властно: годы не сушат его тело, старость не может тронуть сединой его голову. Никто не видел, как он принимает пищу, никогда не прикасался он к женщине, сон бежит его глаз. И есть только один-единственный час в сутки, над которым он не властен; в этот час его никто не видел, и никаких земных дел он в этот час не совершал.

— Вот как? — сказал принц. — Какой же это час?

— Двенадцать ночи. Как только часы пробьют полночь, он более не принадлежит миру живых. Где бы он ни был — он должен исчезнуть, каким бы делом ни занимался, он должен его прервать. Этот зловещий бой часов вырывает его из объятий дружбы, отрывает даже от алтаря, отозвал бы его даже из смертного боя. Никто не знает, куда он скрывается, что он там делает. Никто не решается спросить его, никто не смеет следовать за ним; когда пробьет этот страшный час, лицо его становится таким мрачным, ужасающим и грозным, что ни у кого не хватает смелости посмотреть ему в глаза или заговорить с ним. Мертвым молчанием сменяется тогда самая оживленная беседа, и все окру-

жающие в почтительном трепете ждут его возвращения, не смея подняться с места или приоткрыть дверь, в которую он вышел.

— Но когда он возвращается, разве в нем не заметна какая-либо необычайная перемена? — спросил один из нас.

— Нет, он только измучен и бледен, как человек, перенесший тяжелую операцию или услышавший страшную весть. Говорят, что видели капли крови на его рубахе, но тут я ничего не берусь утверждать.

— Неужели никто не пытался скрыть от него этот час или так увлечь его, чтобы он пропустил время?

— Рассказывают, что только однажды он пропустил это время. Общество собралось большое, засиделись до поздней ночи, намеренно переставив часы, и пылкая беседа увлекла и его. Но как только наступил роковой час, он вдруг умолк и словно окаменел, все тело его застыло в позе, в какой застала его эта минута, глаза остекленели, пульс остановился, и никакими средствами не удавалось привести его в чувство. Он пребывал в таком состоянии, пока не прошел этот роковой час. Потом он вдруг ожил, открыл глаза и начал разговор с того слова, на котором остановился. Увидев всеобщее потрясение, он понял, что произошло, и с мрачной угрозой в голосе сказал присутствующим, как они должны быть счастливы, что отделались только испугом. Но в тот же вечер он навсегда покинул город, где с ним это случилось. Все убеждены, что в этот час он беседует со своей душой. Некоторые даже склонны думать, что он мертвец, которому разрешено двадцать три часа пребывать среди живых, но в последний час суток душа его вынуждена возвращаться на суд в преисподнюю. Многие считают его знаменитым Аполлоном Тианским, а другие даже апостолом Иоанном, о котором сказано, что он доживет до страшного суда.

— Такой необычайный человек должен непременно вызывать самые невероятные толки, — сказал принц. — Но все, о чем вы сейчас рассказали, основано на слухах и догадках, а вместе с тем его обращение с вами и ваше отношение к нему указывают, как мне кажется, на более близкое знакомство. Может быть, вас связывает с

ним какое-нибудь особое дело, в котором и вы были замешаны? Не скрывайте от нас ничего!

Сицилианец окинул нас недоверчивым взглядом и промолчал.

— Если дело касается отношений, которые вы не хотели бы оглашать,— продолжал принц,— то я могу заверить вас от имени обоих моих спутников, что мы будем хранить нерушимое молчание. Расскажите же все откровенно и не таясь.

— Если смею тешить себя надеждой,— проговорил узник после долгого молчания,— что вы не злоупотребите моей откровенностью, я расскажу удивительный случай с этим армянином, которому я сам был свидетелем, после чего у вас не останется никаких сомнений в чудодейственной силе этого человека. Но я прошу разрешения,— добавил он,— скрыть некоторые имена.

— Нельзя ли обойтись без этого условия?

— Нет, светлейший принц! Тут замешан один знатный род, который у меня есть все основания щадить.

— Рассказывайте же! — попросил принц.

— Около пяти лет тому назад,— начал сицилианец,— в Неаполе, где мое искусство имело довольно большой успех, мне довелось свести знакомство с неким Лоренцо дель М...нте, кавалером ордена святого Стефана, молодым богатым дворянином, принадлежавшим к одной из лучших фамилий королевства. Он осыпал меня знаками внимания и как будто весьма уважительно относился к моему тайному искусству. Дворянин этот открыл мне, что его отец — маркиз дель М...нте — горячий поклонник Каббалы и был бы счастлив приветствовать в своем доме мудреца,— так ему было угодно называть вашего покорного слугу. Старик жил в одном из своих поместий, у моря, милях в шести-семи от Неаполя, где он, почти отрешившись от мира, оплакивал любимого сына, отнятого у него жестокой судьбой. Мой кавалер дал мне понять, что ему и его семье могут понадобиться мои услуги в весьма серьезном деле, чтобы при помощи тайной науки раскрыть то, что они безуспешно пытались узнать всеми обычными способами. И, может быть, он сам когда-нибудь,— многозначительно добавил он,— сможет считать, что я вер-

нул ему покой и дал счастье на земле. Я не посмел спрашивать его подробнее, и в тот раз он больше не дал мне никаких объяснений. На самом же деле обстоятельства сложились следующим образом.

Этот Лоренцо был младшим сыном маркиза, почему его и предназначали для духовной карьеры; родовые богатства должны были достаться старшему сыну. Джеронимо, как звали этого брата, долгие годы провел в путешествиях и примерно лет за семь до событий, о которых я веду рассказ, вернулся на родину, чтобы сочетаться браком с единственной наследницей графского дома Ч...тти, о чем эти семьи согласились еще при рождении обоих детей, дабы объединить богатые владения соседствующих родов.

Несмотря на то, что этот стовор был только плодом родительского расчета и никто не думал о чувствах обрученных, сами они молчаливо пришли к полному согласию. Джеронимо дель М...нте и Антония Ч...тти воспитывались вместе, и непринужденные отношения между детьми, которых уже тогда считали женихом и невестой, с ранних лет перешли в нежную дружбу, скрепленную гармоническим сходством их натур, и незаметно с годами выросли в любовь. Четырехлетняя разлука скорее распалила, чем охладила это чувство, и Джеронимо вернулся в объятия своей невесты столь же верным и пламенным, как будто они никогда не разлучались.

Еще не стихли восторги свидания, еще шли оживленные приготовления к свадьбе, как вдруг жених исчез. Он часто проводил целые вечера в своей вилле на берегу моря, развлекаясь иногда катаньем на лодке. В один из таких вечеров он очень долго не возвращался. За ним послали слуг, лодки, искали его в море, — никто не видел, куда он ушел. Вся челядь была на местах, так что, очевидно, его никто не сопровождал. Спустилась ночь, но он не появлялся. Подошло утро, настал день, потом вечер — Джеронимо не вернулся. Уже высказывались самые страшные предположения, как вдруг приходит весть, что накануне к берегу пристали алжирские корсары, захватили в плен многих жителей и увезли их с собой. Тотчас же в море выходят

две галеры, стоявшие под парусами, и на первой находится сам престарелый маркиз, решивший, пусть даже с опасностью для жизни, освободить сына. На третье утро вдали видят корабль корсаров и, пользуясь благоприятным ветром, вскоре настигают его. Суда подходят так близко друг к другу, что Лоренцо, находившемуся на первой галере, уже кажется, что он видит брата на палубе вражеского корабля, но тут внезапно подымается буря и разъединяет корабли. С трудом борются поврежденные стихией галеры, но добыча ускользает от них, и им приходится пристать к Мальте. Горе семьи не знает границ. Старый маркиз в отчаянии рвет на себе седые волосы, все опасаются за жизнь молодой графини.

Так, в бесплодных поисках, проходит пять лет. По всем африканским берегам ведутся розыски, огромные награды обещаны за освобождение юноши, но нет охотников заработать эти деньги. Наконец, все приходит к весьма вероятному заключению, что в ту бурю, которая разбросала корабли, пиратское судно пошло ко дну и все бывшие на нем погибли в морской пучине.

Но хотя это предположение и казалось вполне правдоподобным, оно все же не было достаточно убедительным и не давало основания окончательно отказаться от надежды на то, что пропавший юноша еще может когда-нибудь вернуться. В случае его смерти с ним угасал знатный род, если только второй брат не откажется от духовного сана и не вступит в права первородства. И хотя этот шаг казался весьма дерзким и несправедливо было лишать неотъемлемых прав старшего брата, который, возможно, был еще жив, всё же полагали, что ради столь смутной надежды нельзя ставить на карту судьбу старинного блистательного рода, который в противном случае обречен на гибель. Горе и преклонный возраст приближали дряхлеющего маркиза к могиле, с каждой новой неудачей таяла надежда найти пропавшего, старик предвидел угасание своей фамилии, чего можно было избежать при некоторой несправедливости: ему только следовало решиться возвысить младшего брата за счет старшего. Чтобы породниться с графским домом Ч...тти, достаточно было лишь изменить одно имя, и цель обоих семейств была бы

достигнута, независимо от того, звалась ли бы графиня Антония супругой Лоренцо или Джеронимо. Смутная надежда на возвращение Джеронимо не могла перевесить явную и грозную опасность полной гибели рода, и старый маркиз, с каждым днем все сильнее чувствуя приближение смерти, нетерпеливо требовал, чтобы его избавили хотя бы от этой тревоги, которая мешает ему умереть спокойно.

Больше всех медлил сделать этот решительный шаг и упрямее всех сопротивлялся именно тот, кто получил бы наибольшую выгоду, — сам Лоренцо. Не поддавшись соблазну бесчисленных богатств, равнодушный даже к обладанию прелестнейшим существом, которое отдавали ему в супруги, он с величайшей честностью и благородством отказывался обездолить брата, который, может быть, еще жив и когда-нибудь потребует то, что принадлежит ему по праву.

— Разве судьба дорогого моего Джеронимо, — возражал он, — из-за пребывания в столь долгом плену и без того не ужасна? Как же я могу сделать ее еще горше, отняв у него то, что ему дороже всего на свете? С какими чувствами буду я молить небо о его возвращении, держа в объятиях его нареченную? Как я выйду ему навстречу, если чудо вернет его нам? Предположим, что он отнят у нас навеки, — можно ли лучше почтить его память, чем если мы оставим незаполненной ту брешь, которую его смерть пробила в нашей семье! Расстанемся же над его могилой со всеми надеждами и сбережем, как святыню, то, что ему принадлежало, от всякого посягательства.

Но все доводы, кои изобретала совесть брата, не могли примирить старого маркиза с мыслью, что угаснет род, процветавший много столетий. Только одного смог Лоренцо добиться у отца: двухлетней отсрочки, прежде чем он поведет к алтарю невесту брата. Все это время продолжались настойчивые розыски. Сам Лоренцо совершил не одно морское путешествие, подвергая свою жизнь многим опасностям. Он не щадил никаких затрат, никаких сил, чтобы найти пропавшего брата. Но и эти два года прошли так же бесплодно, как и все предыдущие.

— А графиня Антония? — спросил принц. — О ее чувствах вы нам ничего не сказали. Неужто она так безропотно покорилась своей судьбе? Я не могу поверить этому.

— В душе Антонии происходила жестокая борьба меж долгом и страстью, неприязнью и восхищением. Ее трогало бескорыстное великодушие братской любви, она чувствовала, что невольно преклоняется перед человеком, которого никогда не сможет полюбить, и сердце ее, истерзанное противоречивыми чувствами, обливалось кровью. Но отвращение к Лоренцо как будто росло у нее в той же мере, в какой возрастало его право на уважение. С глубокой скорбью следил он, как молчаливое горе сдает ее молодость. Равнодушие, с каким он к ней относился, незаметно сменилось нежным состраданием, и это предательское чувство обмануло его и разожгло в нем бешеную страсть, поколебавшую его добродетель, которая до сей поры противилась всяческим искушениям. Но даже вопреки своему сердцу, он внимал голосу благородства: попрежнему он один защищал несчастную жертву от произвола семьи. Однако все его старания оказались тщетными; с каждой победой, которую он одерживал над своей страстью, он возвышался в глазах Антонии, и великодушие, с каким он отказывался от нее, делало ее сопротивление непростительным.

Так обстояли дела, когда Лоренцо уговорил меня посетить их поместье. Благодаря горячим рекомендациям моего покровителя я встретил там прием, превзошедший все мои ожидания. Должен также упомянуть, что чудеса, которые я показывал, прославили меня среди местных масонов, что, вероятно, и помогло мне завоевать доверие старого маркиза и заставило его возложить на меня еще большие надежды. Разрешите мне не рассказывать, какими путями я этого добился и что внушил ему; из моих признаний вы сами можете вывести соответствующее заключение. Так как я воспользовался всеми мистическими книгами, которые имелись в весьма обширной библиотеке маркиза, мне удалось найти с ним общий язык и представить ему потусторонний мир в соответствии с его понятиями.

Вскоре он стал верить во все, что мне было угодно, и был так же глубоко убежден в сношениях философов с саламандрами и сильфидами, как в словах священного писания. Так как он, кроме того, был весьма верующим, и его религиозность еще усугублялась нашими занятиями, он легко шел навстречу всем моим фантазиям, и под конец я так оплел и опутал его всяческой мистической, что он уже совсем не признавал никаких естественных явлений. Словом, я стал обожаемым пророком всей семьи. Обычной темой моих бесед была экзальтация человеческой души и общение с высшими существами, причем в свидетели я призывал непогрешимого графа Габалиса. Молодая графиня после потери возлюбленного и без того жила более в мире духов, чем в мире настоящем, полеты ее мечтательной фантазии неудержимо влекли ее к такого рода предметам, и я замечал, как она с трепетным наслаждением ловила мои туманные намеки; даже слуги старались замешкаться в той комнате, где я вел беседу, пытаясь поймать хоть одно мое слово, чтобы потом по-своему перетолковать эти обрывки фраз.

Я прогостил в поместье маркиза около двух месяцев, когда однажды утром ко мне в комнату пришел кавалер Лоренцо. Глубокая скорбь искажала черты его лица; он бросился в кресло с выражением полного отчаяния.

— Капитан,— сказал он мне,— я погибаю. Я должен уехать. Больше мне тут не выдержать.

— Что случилось, шевадье? Что с вами?

— О, эта мучительная страсть! (Тут он вскочил с кресла и бросился мне на шею.) Я мужественно сопротивлялся ей. Но больше нет сил...

— Но от кого, как не от вас, зависит это, дорогой мой друг? Разве не все в вашей воле? И ваш отец и семья...

— Отец! Семья! Да что мне в них? Разве мне нужен насильственный брак, вместо свободного чувства? Разве нет у меня соперника? Есть, да еще какой! Ведь, может быть, мой соперник — мертвец! Ах, отпустите меня! Отпустите! Я должен найти брата, хотя бы мне пришлось отправиться на край света.

— Как? После стольких неудачных попыток у вас все еще есть надежда?

— Надежда? Нет, в моем сердце она давно угасла. А в другом?.. Не все ли равно — надеюсь ли я? Разве я могу быть счастлив, пока хоть искра надежды тлеет в сердце Антонии? Двумя словами, друг мой, можно было бы положить конец моим мукам. Но тщетно все! Участь моя будет горькой, пока вечность не нарушит своего молчания и могилы не станут свидетельствовать за меня.

— Значит, только полная уверенность может сделать вас счастливым?

— Счастливым? О, я сомневаюсь, возможно ли это! Но нет проклятия страшнее, чем неизвестность! (Он помолчал и, овладев собой, с грустью заговорил снова.) Если бы только он видел мои страдания! Неужели эта верность, ставшая несчастьем брата, может сделать его счастливым? Неужто живой должен томиться жаждой ради мертвого, которому уже ничего не дано вкусить? О, если бы знал он мои муки (тут он горько заплакал, припав лицом к моей груди), может быть... да, может быть, он сам привел бы ее в мои объятия!

— Разве это желание так уж неисполнимо?

— Друг мой! Что вы говорите! — он со страхом поднял на меня глаза.

— И не столь важные причины заставляли усопших вмешиваться в дела живых! — продолжал я. — Неужто все земное счастье человека, брата...

— Все земное счастье! Да, именно так! Как хорошо вы сказали! Все мое блаженство...

— Неужто для спокойствия безутешной семьи нельзя просить о помощи невидимые силы? Конечно, можно! Есть земные дела, ради которых можно с полным правом нарушить покой усопших, прибегнуть к насилью...

— Ради самого бога, друг мой, — перебил он меня, — ни слова больше! Когда-то, надо сознаться, я сам леделял такие мечты и даже как будто говорил вам о них, но я давно отказался от столь безбожных, столь гнусных планов!

— Вы, вероятно, понимаете, — продолжал сицилиа-

нец, — куда нас это привело. Я постарался рассеять опасения Лоренцо, и мне, наконец, это удалось. Было решено вызвать дух умершего, и я только испросил двухнедельную отсрочку, под тем предлогом, что мне надо достойно подготовиться. По прошествии этого срока, как только все мои машины были вполне готовы, я воспользовался ненастным вечером, когда семья, как обычно, собралась вокруг меня, и выманил у них согласие, вернее незаметно подвел их к тому, чтобы они сами обратились ко мне с этой просьбой. Больше всех упорствовала молодая графиня, тогда как ее присутствие было необходимым. Но тут нам пришла на помощь ее страстная мечтательность, а еще больше — слабый проблеск надежды, что тот, кого полагали умершим, жив и не явится на зов. Зато мне не пришлось преодолевать неверие в таинственные явления или сомнение в моем искусстве — с этой стороны никаких препятствий не оказалось.

Как только было получено согласие всей семьи, мы решили назначить сеанс через три дня. Подготовкой к нему служил пост, ночные бдения и мистические беседы, сопровождаемые игрой на никому не известном инструменте, который, по моему опыту, оказывал в подобных случаях большое влияние. Эти приготовления к торжественному действию проходили так удачно, что фанатическая одержимость моих слушателей подхлестывала и мою фантазию и помогала мне создать ту должную иллюзию, к которой я стремился. Наконец, настал желанный час.

— Я догадываюсь, — воскликнул принц, — кого вы сейчас покажете нам! Но продолжайте же, продолжайте!

— Нет, милостивейший принц, заклинание прошло без всяких помех.

— Неужели? А где же армянин?

— Не беспокойтесь, — ответил сицилианец, — в свое время появится и армянин.

... Не стану вдаваться в описание всей этой комедии — это завело бы меня слишком далеко. Достаточно сказать, что все мои ожидания оправдались. На сеансе присутствовали старый маркиз, молодая графиня с

матерью, кавалер Лоренцо и еще несколько родственников. Вы легко поймете, что мое длительное пребывание в доме предоставило мне достаточно возможностей собрать подробнейшие сведения обо всем, что касалось покойного. Множество его портретов, имевшихся в доме, помогли мне придать призраку поразительное сходство, а так как я заставил его объясняться лишь знаками, то и голос его не мог возбудить никаких подозрений. Покойный явился в восточной одежде раба, с глубокой раной на шее. Вы замечаете,— добавил сицилианец,— что в этом я отступил от всеобщего убеждения, что он будто бы погиб в море, потому что я не без основания надеялся, что столь неожиданный оборот еще усугубит достоверность появления призрака, и, напротив, самым опасным мне казалось слишком добросовестное приближение к истине.

— Считаю такое рассуждение вполне правильным,— сказал принц, обращаясь к нам,— ряду сверхъестественных явлений больше всего, по-моему, должно мешать именно правдоподобие. Если такое явление можно будет легко объяснить — это только обесценит способ, каким добыты сведения: зачем тревожить усопших, если от них узнаешь только то, до чего легко додуматься самому, с помощью здравого смысла? Но неожиданная новизна и сложность способа, каким сделано открытие, воспринимаются как подтверждение того, что тут совершилось чудо, ибо кто же поставит под сомнение таинства, с помощью которых достигнуто то, чего нельзя достичь естественным путем? Впрочем, я вас перебил,— добавил принц.— Продолжайте же ваш рассказ.

— Я задал духу вопрос,— продолжал рассказчик,— не считает ли он что-либо на этом свете своим, не оставил ли он здесь то, что ему дорого? Дух трижды покачал головой и поднял руку к небу. Прежде, чем скрыться, он снял с пальца кольцо, которое после его исчезновения мы нашли на полу. И когда графиня присмотрелась, она узнала свое обручальное кольцо.

— Свое кольцо? — воскликнул принц с недоверием.— Свое обручальное кольцо? Да как же оно к вам попало?

— Я... Это было не настоящее кольцо, светлейший принц, я его... оно было поддельное...

— Поддельное? — повторил принц.— Но для подделки вам нужно было иметь настоящее, откуда же вы могли его взять? Ведь покойный, вероятно, никогда не снимал его?

— Все это правда,— в замешательстве подтвердил сицилианец,— но по описанию настоящего кольца, как мне говорили...

— Кто говорил?

— Дело это давнишнее...— сказал сицилианец,— кольцо было гладкое, золотое, кажется с именем молодой графини... но вы совсем сбили меня с толку.

— Что же произошло дальше? — сказал принц с явно недовольным и подозрительным выражением лица.

— Теперь все убедились, что Джеронимо нет больше в живых. В тот же день его родные официально сообщили всем о гибели сына и облачились в традиционный траур. Случай с кольцом уничтожил последние сомнения Антонии и придал Лоренцо больше настойчивости. Но молодая графиня так была потрясена появлением духа, что тяжело заболела и едва навеки не лишила надежды влюбленного Лоренцо. По выздоровлении она непременно хотела уйти в монастырь, и ее с трудом отговорил от этого намерения ее духовник, к которому она питала беспредельное доверие. Наконец, соединенными усилиями духовника и всей семьи у нее удалось вырвать согласие. Последний день траура должен был стать счастливым днем бракосочетания, и старый маркиз хотел сделать его еще торжественней, передав все свое состояние законному наследнику.

День этот наступил, и Лоренцо повел к алтарю трепещущую невесту. Солнце угасало, роскошный пир ждал ликующих гостей в ярко освещенном свадебном зале, громкая музыка вторила бурному веселью. Счастливый старец пожелал, чтобы весь народ разделил его радость, поэтому все входы во дворец были открыты, и каждый, кто поздравлял маркиза, становился желанным гостем. И вот среди этой толпы...

Сицилианец остановился. Затаив дыхание, мы в страхе ждали конца.

— ...среди этой толпы,— продолжал он,— мой сосед указал мне на францисканского монаха, который стоял, будто изваяние,— длинный, худой, с мертвенно-бледным лицом,— и не сводил печального и сурового взора с новобрачных. Радость, озарявшая все лица, словно не коснулась его одного, и он стоял все с тем же застывшим выражением, как статуя среди живых. И оттого, что я неожиданно увидел его среди всеобщего веселья, оттого, что он так резко отличался от всех окружающих, черты его столь неизгладимо врезались в мою душу, что я потом смог узнать лицо этого монаха в облике русского (вы, вероятно, уже поняли, что и он, и ваш армянин, и тот монах — одно лицо), — иначе я никогда бы его не узнал. Не раз пытался я отвести глаза от этого страшного призрака, но взгляд мой невольно возвращался к нему и заставлял его все в том же положении. Я подтолкнул своего соседа, тот — своего, любопытство и недоумение охватили гостей, разговоры смолкли, настала внезапная тишина. И монах не нарушал ее, он стоял недвижимо, не меняясь в лице, и все так же не сводил печального и сурового взора с новобрачных. Всех испугал этот пришелец, и только молодая графиня, казалось, находила отражение своей скорби в лице незнакомца и в молчаливом восторге впиалась в черты единственного гостя, который словно понимал и разделял ее горе. Постепенно толпа редела, пробил полночь, музыка зазвучала тише, печально, тускло мерцали свечи, угасая одна за другой, все тише и тише перешептывались гости, в мутном свете все больше пустел свадебный чертог, а монах стоял неподвижно, не меняясь в лице, и попрежнему не сводил тихого и печального взора с новобрачных. Наконец, все встают из-за стола, гости расходятся, семья остается в тесном кругу, и монах, никем не званный, остается с нами. Не знаю, почему никто не хотел с ним заговорить, но ни один человек с ним не заговаривал. Уже подруги окружают дрожащую невесту, она бросает умоляющий взгляд на почтенного незнакомца, словно прося о помощи, но незнакомец не отвечает ей.

Уже и вокруг жениха собираются друзья его, мужчины. Наступает гнетущее, напряженное молчание.

— Как мы все счастливы,— произносит, наконец, старый маркиз, который один среди нас как будто не замечает незнакомца или не удивляется его присутствию.— Как мы все счастливы,— продолжает он,— и только сына моего Джеронимо нет с нами!

— Разве ты звал его и он не пришел? — спросил монах. Впервые раздался его голос. Мы с ужасом обернулись к нему.

— Увы, он ушел туда, откуда нет возврата! — ответил старец.— Вы неправильно поняли меня, почтеннейший. Сын мой Джеронимо умер.

— А может быть, ему страшно показаться в таком обществе? — продолжает монах.— Кто знает, какой у него сейчас вид, у сына твоего Джеронимо! Дай ему услышать голос, который он слышал в последний раз. Попроси твоего сына Лоренцо позвать его!

— Что значат эти слова? — зашептали вокруг.

Лоренцо изменился в лице. Признаюсь вам, у меня волосы встали дыбом. А монах уже подошел к столу и, взяв полный кубок вина, поднес его к губам.

— В память дорогого нашего Джеронимо! — воскликнул он.— Пусть тот, кто любил покойного, выпьет со мной!

— Кто бы вы ни были, мой почтенный гость,— воскликнул тут маркиз,— вы назвали дорогое нам имя. Я рад вас видеть. Ну, друзья мои (тут он обратился к нам и велел раздать всем кубки), да не устыдит нас этот чужестранец! Памяти сына моего Джеронимо!

Думаю, что никогда еще не пили за упокой с более тяжелым сердцем.

— Но отчего один кубок непочат? Почему сын мой Лоренцо не желает присоединиться к этому обряду дружбы?

Дрожащей рукой Лоренцо взял кубок из рук францисканца, дрожа поднес его к губам.

— За моего возлюбленного брата Джеронимо,— еле выговорил он и, весь затрепетав, поставил кубок на стол.

— Это голос моего убийцы! — внезапно закричал страшный призрак, вдруг появившийся среди нас, в окровавленной одежде, обезображенный ужасающими ранами...

— Не спрашивайте меня о том, что было дальше, — добавил сицилианец с искаженным от страха лицом. — Я лишился сознания, едва увидел страшный призрак; и то же было со всеми. Когда мы пришли в себя, Лоренцо бился в предсмертной агонии, монах и призрак исчезли. Лоренцо в страшных корчах перенесли на кровать, около умирающего остался только его духовник и несчастный старец, который через несколько недель последовал за сыном в могилу. В груди патера, принявшего последнюю исповедь Лоренцо, погребены его признания, и ни один человек ничего не узнал о них.

Вскоре после этого случая пришлось очищать на заднем дворе поместья старый колодец, давно засыпанный и заросший кустами. Прочищая колодец, в нем нашли человеческий скелет. Давно уже нет того дома, где произошли эти события, род дель М...нте угас, а в монастыре, неподалеку от Салерно вам укажут могилу Антонии.

— Теперь вы понимаете, — продолжал сицилианец, видя, что мы молчим, потрясенные его рассказом, и никто не хочет заговорить, — теперь вы понимаете, откуда мне знаком этот русский офицер, он же францисканский монах и армянин. Судите же сами, имели ли я причины дрожать перед человеком, который дважды так страшно становился мне поперек дороги.

— Ответьте мне на один-единственный вопрос, — сказал принц, вставая, — рассказали ли вы откровенно обо всем, что касалось кавалера Лоренцо?

— Больше мне ничего не известно, — ответил сицилианец.

— Значит, вы действительно считали его честным человеком?

— Да! Клянусь богом, да! — воскликнул сицилианец.

— Считали и тогда, когда он передал вам то самое кольцо?

— Что?.. Но он не давал мне никакого кольца... я не говорил, что он дал мне кольцо!

— Хорошо! — сказал принц и позвонил в колокольчик, собираясь уходить. — Скажите, — принц снова вернулся от двери, — значит, дух маркиза де Лануа, которого этот русский вызвал вслед за вашим «привидением», вы считаете настоящим, неподдельным духом умершего?

— Я не могу и помыслить иначе, — ответил сицилианец.

— Пойдемте! — обратился к нам принц.

Вошел тюремщик.

— Мы можем идти, — сказал ему принц. — А вы, почтеннейший, — продолжал он, обращаясь к заключенному, — мы еще с вами встретимся!

— Мне хотелось бы задать вам тот же вопрос, с которым вы на прощанье обратились к этому мошеннику, — сказал я принцу, когда мы, наконец, остались с ним наедине. — Считаете ли вы этого второго духа настоящим и неподдельным?

— Я? О нет, уверяю вас, теперь я этого не считаю.

— Теперь? Значит, раньше вы все же считали его настоящим?

— Не стану отрицать, что была минута, когда я дал себя настолько увлечь, что счел этот обман за нечто другое.

— Хотел бы я посмотреть на человека, — воскликнул я, — который не поддался бы обману при таких обстоятельствах. Но на каком основании вы отказываетесь от этой мысли? После того, что нам сейчас рассказали об этом армянине, ваша вера в его чудодейственную силу могла бы скорее возрасти, но никак не поколебаться.

— После того, что нам рассказал этот негодяй? — сурово перебил меня принц. — Надеюсь, вы не сомневаетесь, что мы имели дело именно с таковым?

— Нет, — сказал я, — но разве из-за этого его свидетельство...

— Свидетельство такого негодяя — даже если бы у меня не было других оснований сомневаться, — сви-

детельство его может быть принято только вопреки правде и здравому смыслу. Неужели человек, который мне солгал не один раз, человек, чье ремесло — обман, заслуживает доверия в таком деле, где даже самый искренний правдолюбец должен был бы очистить себя от всякого подозрения, чтобы заслужить доверие? Можно ли довериться человеку, который, вероятно, никогда не сказал ни одного слова правды ради правды, да еще в таком деле, где он выступает свидетелем против человеческого разума, против вечных законов природы? Это звучит так же нелепо, как если бы я захотел поручить отъявленному злодею выступить обвинителем против незапятнанной и ничем не опороченной невинности.

— Но какие у него были причины так возвеличивать человека, которого он имеет все основания ненавидеть или по крайней мере бояться?

— А если я не вижу этих причин — значит ли это, что их нет? Разве мне известно, кто подкупил его, кто заставил обманывать меня? Признаться, я еще не разобрался во всех этих хитросплетениях, но плут оказал очень плохую услугу тем, кому он служит, разоблачив обманщика, а может быть, и того хуже.

— История с кольцом мне действительно кажется несколько подозрительной.

— Более того, — сказал принц, — она-то и решила все. Это кольцо (допустим, что вся эта история действительно произошла) он получил от убийцы и тотчас должен был понять, что это и есть убийца. Кто, кроме убийцы, мог снять с пальца умершего кольцо, с которым тот никогда не расставался? На протяжении всего рассказа сицилианец пытался убедить нас, будто его обманул кавалер Лоренцо, тогда как он думал, что сам обманывает Лоренцо. К чему эти увертки, если бы он сам не почувствовал, как он проиграет, разоблачив свою связь с убийцей? Весь его рассказ сплошная цепь вымыслов, для того чтобы соединить те крупницы правды, которую он счел нужным нам открыть. Неужели я еще должен сомневаться — что лучше: обвинить ли негодя, солгавшего мне десять раз, и в одиннадцатой лжи, или же усомниться в основных законах

природы, в которых я до сей поры не замечал никакой фальши?

— Тут я ничего не могу возразить вам, — проговорил я, — но призрак, который мы вчера видели, по-прежнему остался для меня непонятным.

— Да и для меня тоже, — заметил принц, — хотя я сразу испытал соблазн найти ключ и к этому явлению.

— Каким образом? — удивился я.

— Вы помните, что второй призрак при своем появлении тотчас подошел к алтарю, схватил рукой распятие и стал на коврик...

— Как будто да.

— А ведь распятие, как объяснил нам сицилианец, служило проводником электричества. Из этого вы можете заключить, что призрак постарался тут же зарядиться. Оттого и удар, который ему попытался нанести лорд Сеймур своей шпагой, не мог причинить вреда, потому что электрический разряд парализовал руку нападающего.

— Может быть, в отношении шпаги вы и правы, но что сказать о пуле, пущенной в него сицилианцем? Мы слышали, как она медленно покатила по алтарю.

— А вы совершенно уверены, что по алтарю покатила именно эта пуля? Уж не говорю о том, что на кукле, или на человеке, представлявшем призрак, мог быть надет крепкий панцырь, защищавший его и от шпаги и от пули. Но вспомните хорошенько, кто заряжал пистолеты?

— Да, вы правы, — сказал я, и внезапно все прояснилось в моем уме. — Их заряжал русский. Но ведь он зарядил их у нас на глазах, как же тут мог произойти обман?

— А почему бы нет? Разве уже тогда вы настолько подозревали этого человека, что сочли нужным наблюдать за ним? Разве вы осмотрели пулю до того, как он ее зарядил? А ведь это мог быть ртутный или просто раскрашенный глиняный шарик. Разве вы заметили, вложил ли он ее действительно в пистолет, или ловко спрятал в руке? Чем вы можете поручиться, что он взял с собой в другой павильон именно заряженные

пистолеты,— если только он их действительно зарядил, а не подменил их другими; это ему было легко именно потому, что никому не пришло на ум наблюдать за ним, да кроме того, мы были заняты тем, чтобы поскорей раздеться. И разве этот призрак в ту минуту, как его скрыли от нас клубы дыма, не мог бросить на алтарь другую, заранее припасенную пулю? Какое из всех этих предположений кажется вам невозможным?

— Да, вы правы. Но разительное сходство призрака с вашим покойным другом? Ведь я часто встречался с ним у вас и сразу узнал его в этом привидении!

— И я тоже. Могу только сказать, что обман поразительно удался. Но если даже этот сицилианец, украдкой взглянув на мою табакерку, смог достичь некоторого сходства в своем изображении, обманувшем и вас и меня, то русский и подавно мог это сделать: в течение всего ужина он беспрепятственно пользовался моей табакеркой, причем за ним совершенно никто не следил; а кроме того, я сам доверчиво рассказал ему, кто изображен на крышке. Добавьте к этому и то, что заметил сам сицилианец: характерные черты лица маркиза можно легко воспроизвести даже самым грубым способом. Что же таинственного остается в этом явлении?

— Но слова призрака? Но раскрытие тайны вашего друга?

— Как? Разве сицилианец не сказал нам, что из тех отрывистых сведений, которые он у меня выпытал, он состряпал довольно правдоподобную историю? Разве это не доказывает, как легко было придумать именно такую версию? Кроме того, пророчества духа звучали так туманно, что ему никак не грозила опасность попасться в каком-либо противоречии. А если представить себе, что этот пройдоха, изображавший духа, обладал сообразительностью и хладнокровием и был к тому же посвящен в некоторые обстоятельства, то неизвестно, куда еще могли завести нас эти фокусы!

— Но подумайте только, принц, какие сложные приготовления для такого обмана должен был предпринять армянин! Сколько на это нужно времени! Сколько времени нужно хотя бы для того, чтобы так верно списать

портрет человека, как вы предполагаете. Сколько времени нужно, чтобы так подробно обучить и наставить мнимого духа, во избежание грубых ошибок. Сколько внимания надо было уделить самым незаметным мелочам — и тем, которые помогали бы обману, и тем, которые надо было предотвратить, чтобы они не помешали. И при этом не забывайте, что русский отсутствовал не более получаса. Разве за эти полчаса он мог подготовить хотя бы самое необходимое? Право, ваша светлость, даже сочинитель драмы, стесненный неумолимым аристотелевым законом трех единств, не заполнил бы перерыва между действиями таким количеством свершенных дел и не рассчитывал бы, что публика ему безоговорочно поверит.

— Как? Вы считаете, что за полчаса решительно нельзя было все это подготовить?

— Вот именно! — воскликнул я. — Никак невозможно!

— Не понимаю, почему вы так говорите. Неужто всем законам времени, пространства и физических явлений противоречит то, что такой ловкий мошенник, как этот армянин, — а он безусловно ловок и умен, — при помощи своих столь же ловких сообщников, под покровом ночи, не привлекая внимания, имея все нужные приспособления, которые у человека его профессии и без того всегда под рукой, — что он смог в столь благоприятных обстоятельствах сделать очень много за самое короткое время? Разве, по-вашему, так уж глупо и нелепо предполагать, что он мог при помощи нескольких слов, знаков или намеков отдавать своим подручным самые сложные приказания, направлять короткими фразами самые сложные и многообразные манипуляции? Неужели вам легче поверить в чудо, чем допустить такую вероятность? Легче опрокинуть все законы природы, чем признать, что эти законы были искусно и своеобразно пущены в ход?

— Если даже тут не оправдываются столь смелые заключения, то все же вы должны согласиться, что эта история переходит границы нашего понимания.

— Пожалуй, я с вами и об этом мог бы поспорить! — с лукавой улыбкой сказал принц. — А, милый граф?

Вдруг выяснилось бы, например, что на этого армянина работали не только в спешке, наскоро, в течение получаса или несколько долее, но и целый вечер, целую ночь. Вспомните хотя бы, что сицилианец потратил почти три часа на свои приготовления.

— Но то был сицилианец, ваша светлость!

— А чем вы мне докажете, что сицилианец не принимал такого же участия в появлении второго духа, как и в появлении первого?

— Что такое, ваша светлость?

— Как вы докажете, что он не самый главный помощник армянина, — словом, что это не одна шайка?

— Ну, это трудно доказать! — воскликнул я с немалым удивлением.

— Совсем не так трудно, как вам кажется, милейший граф! Как? Неужели эти два человека случайно столкнулись в одно и то же время, в одном и том же месте, в столь запутанном и странном деле, касавшемся одного и того же человека? Неужели в их действиях случайно было такое полное соответствие, такое обдуманное взаимное понимание, что они все время играли друг другу на руку? Представьте себе, что он воспользовался более грубыми фокусами, чтобы тем самым лучше оттенить свой тонкий обман. Представьте себе, что он нарочно подстроил сначала первое появление духа, чтобы разведать, в какой степени можно рассчитывать на мою легковерность, пронюхать, какими путями войти ко мне в доверие, дабы первая проба, которая могла сорваться, но не повредить его дальнейшим планам, помогла ему ознакомиться с объектом своих манипуляций, — словом, как бы настроить свой инструмент. Представьте себе, что он нарочно проделал все это, чтобы таким способом заставить меня напрячь все внимание, сосредоточить его на одном предмете и тем самым отвлечь меня от другого предмета, который был ему гораздо важнее. Представьте себе, что ему нужно было собрать некоторые сведения, и, желая сбить нас со следа, он сделал так, чтобы этот шпионаж приписали фокуснику.

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите?

— Предположим, что он подкупил одного из моих

людей, чтобы раздобыть у него некоторые тайные сведения, а может быть, и документы, которые ему были нужны для его целей. У меня пропал егерь. Что же мне мешает предполагать, что этот армянин замешан в его исчезновении? Однако я случайно могу напасть на этот след: вдруг перехватят письмо или проболтается слуга. Весь его престиж рухнет, если только мне станут известны источники его всеведения. Вот тут-то он и вводит этого подставного фокусника, который так или иначе должен на меня воздействовать. Он не преминул намекнуть мне заранее на существование и намерения этого человека. И если я узнаю о каком-либо подвохе, мое подозрение падет только на этого мошенника; и вся разведка, которая пойдет на пользу армянину, будет приписана сицилианцу. Значит, сицилианец этот — просто кукла, которой мне дал поиграть армянин, между тем как сам он, незаметно и не вызывая подозрения, опутывает меня невидимыми сетями.

— Превосходно! Но как понять намерения армянина, когда он сам помогает разоблачению обмана и открывает перед непосвященными все тайны своего искусства? Не должно ли ему опасаться, что, разоблачая всю лживость фокусов сицилианца, доведенных, надо признаться, до высокой степени правдоподобия, он тем самым настолько подорвет вашу веру, что затруднит себе выполнение своих же планов?

— А что за секреты он мне открывает? Разумеется, только не те, какие он намерен испробовать на мне. Значит, от своих разоблачений он ничего не теряет. Зато как много он выигрывает тем, что мнимое его торжество над обманом и мошенничеством пробудит во мне доверие и успокоит меня и что ему удастся отвлечь мою бдительность в совершенно противоположную сторону, направить мои еще неясные и неопределенные подозрения на опасность, которая находится как можно дальше от истинного места нападения. Он мог ожидать, что рано или поздно, по собственной подозрительности или по чьему-нибудь наущению, я стану искать ключ ко всем его чудесам в простом фокусничестве. Вот он и придумал показать свои чудеса наряду с фокусами сицилианца, дать мне возможность сравнить их, а потом,

нарочно разоблачив сицилианца, возвысить в моих глазах значение своих собственных манипуляций и совсем запутать меня. Сколько сомнений и предположений он сразу пресек этим своим искуснейшим ходом, как сумел заранее опровергнуть многие из тех объяснений, на которые я мог бы напасть!

— Но ведь он очень повредил себе тем, что заставил людей, которых хотел обмануть, пристальнее наблюдать за ним и вообще ослабил их веру в чудеса, разоблачив столь искусный обман. Вы же сами, мой принц, лучше всех опровергаете целесообразность его плана, если у него таковой был.

— Да, возможно, что он во мне и ошибся, но это не значит, что он недостаточно дальновиден. Разве мог он предусмотреть, что мне в память западет именно то, что может стать ключом к объяснению всех чудес? Разве в его план входило то, что его же подручный раскроет мне такие тайны? Как знать, не перешагнул ли сицилианец границы своих полномочий? Взять хотя бы историю с кольцом. Ведь главным образом именно это обстоятельство укрепило мое подозрение в отношении сицилианца. И как легко самый утонченный, самый искусный замысел может сорваться из-за грубого выполнения. Армянин никак не мог думать, что этот фокусник будет трезвонить нам о его славе, как дешевый ярмарочный зазывала, и преподнесет нам все эти небылицы, которые не выдерживают ни малейшей критики? Ну, например, откуда у этого лгуна берется наглость утверждать, что его чародей при бое часов в полночь должен немедленно прекратить всякое общение с людьми? Да разве мы сами не видели его среди нас именно об эту пору?

— Верно, верно! — воскликнул я. — Должно быть, он забыл об этом!

— Но люди этого толка вообще имеют склонность не в меру усердствовать в таких поручениях и неизбежно пересаливают там, где сдержанная, умеренная ложь отлично достигла бы цели.

— И все же я никак не могу убедить себя, ваша светлость, что все это дело — заранее подстроенная комедия. Как? А ужас этого сицилианца, а его судороги,

его обморок, — ведь он был в таком жалком состоянии, что даже мы посочувствовали ему! И неужто все это только заученная роль? Предположим, что действительно можно с таким искусством разыграть комедию, но ведь даже самый опытный актер не может так управлять функциями своего организма.

— Ну, что касается до этого, друг мой, то мне довелось видеть Гаррика в «Ричарде III»! А кроме того, разве в те минуты мы все были достаточно спокойны, достаточно хладнокровны, чтобы невозмутимо наблюдать за ним? Разве вы могли проверить по-настоящему — вправду ли этот человек одержимый, когда мы и сами были в таком же состоянии? Да и сам обманщик в этот решительный момент находится в таком напряжении, несмотря на обман, что у него от ожидания могут появиться все те симптомы, какие у обманутых вызовет испуг. Примите также во внимание неожиданное появление стражи.

— Вот именно! Хорошо, что вы напомнили мне об этом, ваша светлость! Неужели он посмел бы выполнить столь опасный план перед лицом правосудия? Неужели решился бы подвергнуть преданность своего сообщника такому сомнительному испытанию? И с какой целью?

— Об этом предоставьте заботу ему самому, он-то должен знать своих людей. Разве нам известно, какие тайные преступления служат ему порукой молчания его сообщника? Вы сами слышали, какой пост занимает этот армянин в Венеции, и если даже сицилианец и это выдумал, то все же армянину будет нетрудно вызволить своего подручного, против которого он сам является единственным обвинителем.

И на самом деле подозрения принца были полностью подтверждены исходом этого дела. Когда мы через несколько дней велели справиться о нашем заключенном, нам ответили, что он бесследно исчез.

— Вы спрашиваете, с какой целью арестовали сицилианца? Как же иначе мог бы армянин заставить сицилианца исповедаться в столь невероятных, столь постыдных делах, что было для него чрезвычайно важно? Кто, кроме человека, доведенного до отчая-

ния, человека, которому нечего терять, решился бы дать о себе самом такие унижительные показания? И при каких еще других обстоятельствах мы бы ему поверили?

— Хорошо, я во всем согласен с вами, принц,— сказал я, наконец,— предположим, что все это так. Пусть оба появления духа — чистое шарлатанство, пускай сицилианец плел нам сказки, которым подучил его хозяин, пусть оба они договорились и работали заодно, и именно этим сговором можно объяснить все те удивительные происшествия, которые так поражали нас. Все же предсказание на площади святого Марка — первое чудо в целой цепи чудес — остается тем не менее необъяснимым. И чем нам поможет ключ ко всему остальному, если мы никак не сумеем объяснить этот единственный случай?

— Лучше скажите наоборот, милый мой граф,— возразил мне принц,— что значат все эти чудеса, если я докажу, что хотя бы одно из них — простое мошенничество? Да, сознаюсь вам, что предсказание, о котором вы упомянули, выше моего разумения. Если бы только это одно, если бы армянин, начав с предсказания, им же и закончил свою роль, то, должен признаться, я не знаю, куда бы это могло меня завести. Но в цепи столь низких обманов и этот случай становится несколько подозрительным.

— Согласен, ваша светлость! И все же он остается непонятным! И я готов бросить вызов всем нашим философам — пусть попытаются объяснить, что это такое.

— Да так ли уж это непонятно? — после некоторого раздумья заговорил принц.— Я далек от того, чтобы претендовать на звание мудреца, и все же меня соблазняет попытка отыскать и для этого чуда естественную разгадку, или, вернее, совсем совлечь с него всякий покров таинственности.

— О, если вам это удастся, принц,— сказал я с недоверчивой усмешкой,— то вы сами станете для меня тем единственным чудом, в которое я поверю.

— А в доказательство того, насколько необоснованно мы прибегаем к объяснению всего сверхъесте-

ственными силами,— продолжал принц,— я покажу вам два разных способа объяснить этот случай без всякого насилия над природой.

— Сразу две разгадки! Право, это становится любопытным!

— Вы вместе со мной читали подробные донесения о болезни моего покойного кузена. Он болел перемежающейся лихорадкой и умер от удара. Необычная эта смерть, признаюсь, заставила меня посоветоваться с несколькими врачами, и то, что я узнал, помогло мне раскрыть это шарлатанство. Болезнь покойного, одна из самых страшных и редких, характерна своеобразными симптомами: заболевший во время озноба погружается в тяжелый непробудный сон, а при наступлении вторичного приступа больного обычно убивает апоплексический удар. Так как эти пароксизмы лихорадки наступают в строгой последовательности, через определенные промежутки, то врач, поставивши диагноз заболевания, уже в состоянии предсказать и час смерти. Третий приступ такой перемежающейся лихорадки падает, как известно, на пятый день болезни,— и именно столько дней идет до Венеции письмо из ***, где скончался мой кузен. Предположим, что наш армянин имел бдительного соглядатая в свите покойного и был весьма заинтересован в получении сведений оттуда. Предположим, что он имеет на меня какие-то виды и хочет добиться своего, возбудив во мне веру в потустороннее и в сверхъестественные чудеса,— вот вам и естественная разгадка того предсказания, которое показалось вам столь непонятным. Вам достаточно ясно, что третье лицо имело возможность сообщить мне о смерти в ту самую минуту, как это случилось за сорок миль отсюда.

— Да, принц, вы и вправду сумели сопоставить события, которые, если взять их по отдельности, кажутся вполне естественными, но все же так связать их воедино может только нечто, весьма схожее с колдовством.

— Как? Значит, вас меньше пугают чудеса, чем неизвестные и необычайные явления? Как только мы признаем, что армянин, который избрал меня целью

или средством для своих замыслов, действовал по обдуманному плану, — то все, ведущее его кратчайшим путем к достижению этого, окажется для нас приемлемым и вполне закономерным. А разве можно так быстро завоевать человека, если не создать себе репутацию чародея? Кто сможет сопротивляться человеку, которому повинуются духи? Но я согласен с вами в том, что мои предположения надуманны. Да я на них и не настаиваю, ибо не стоит труда прибегать к помощи сложных и нарочитых хитросплетений, когда здесь нас выручила простая случайность.

— Как! — воскликнул я. — Значит, все это простая случайность?

— Да, пожалуй и так, — продолжал принц. — Армянин знал, что жизнь моего кузена в опасности. Он встретил нас с вами на площади святого Марка. Это обстоятельство подбило его на предсказание, которое, окажись оно ложным, превратилось бы просто в пустое слово, но зато при удачном совпадении могло бы иметь самые серьезные последствия. Попытка увенчалась успехом, — и только тут он начал обдумывать, как воспользоваться благосклонным подарком случая, чтобы выполнить последовательный план. Время разъяснит нам эту тайну, а быть может, и не разъяснит; однако поверьте мне, друг мой (тут он взял меня за руку и лицо его стало очень серьезным), человек, которому подвластны высшие силы, не нуждается в шарлатанстве, — нет, он презирает обман.

Так окончилась наша беседа, которую я привожу целиком, потому что она доказывает, как трудно было преодолеть недоверие принца, а также и потому, что это свидетельство снимет с его памяти упрек в том, что он слепо и необдуманно бросился в западню, которую ему расставило неслыханное коварство. «Не все, — пишет далее в своих записках граф фон О***, — которые сейчас, когда пишутся эти строки, с насмешкой и презрением взирают на его слабость и с самонадеянной гордостью людей, чей здравый смысл никогда не подвергался испытаниям, считают себя вправе осудить его, не все, повторяю, смогли бы столь мужественно противиться первому этому испытанию. И если в конце кон-

цов, несмотря на столь счастливое начало, мы все же станем свидетелями его падения, если им завладеет та грозная опасность, о смутном приближении которой принца предупреждал его добрый гений, то свет скорее должен дивиться грандиозности гнусных козней, которыми удалось опутать столь высокий разум, а не смеяться над безумством принца. Не житейскими побуждениями вызваны эти мои показания, ибо того, кто мог бы благодарить меня за них, уже давно нет на свете. Исполнилась роковая его судьба, давно очистилась душа его у престола вечной истины, а когда будут читаться эти строки, и моя душа тоже будет обретаться в вечности. Я пишу — и да простится мне невольная слеза при воспоминании о самом дорогом мне друге! — я пишу для восстановления справедливости: принц был благородным человеком и, несомненно, стал бы украшением трона, которого он стремился достичь преступными средствами по злобному наущению».

КНИГА ВТОРАЯ

Вскоре после этих событий, — так продолжает свой рассказ граф фон О***, — я стал замечать в настроении принца значительную перемену. До сих пор принц избегал сколько-нибудь серьезных попыток подвергнуть сомнению свои религиозные убеждения и довольствовался тем, что, не вникая в основы своей веры, стремился очистить грубо-чувственные религиозные понятия, в которых он был воспитан, более высокими идеями, воспринятыми позднее. Вообще предмет религии, как он не раз признавался мне, всегда казался ему заколдованным замком, куда нельзя ступить без трепета, и гораздо благоразумнее в смиренном благоговении проходить мимо, не навлекая на себя опасность заблудиться в этом лабиринте. Однако склонности прямо противоположные всегда неудержимо влекли его к исследованиям, связанным с этими вопросами.

Ханжеское и раболепное воспитание было источником его страха перед религией; в неокрепшем детском мозгу запечатлелись мрачные образы, от которых принц не мог вполне избавиться в течение всей жизни. Религиозная меланхолия была наследственным недугом его семьи. Принц и его братья получили воспитание, благоприятствующее этим наклонностям, и оно было поручено людям, которых отбирали именно с этой точки зрения,— то есть лицемерам или фанатикам. Вернее всего можно было заслужить высочайшее одобрение родителей, если бы удалось под тяжким нравственным гнетом задушить детскую непосредственность в мальчике.

Черной, как ночь, была юность нашего принца; радость изгонялась даже из его игр. Во всех его представлениях о религии было что-то устрашающее, и ее грозный, беспощадный образ сильнее всего владел его пылким воображением и удержался в нем надолго. Его бог был страшилищем, карающей десницей; вера в него — рабским трепетом или слепой покорностью, подавляющей всякую силу и смелость. Всем его детским и юношеским страстям, вспыхивающим с особой силой благодаря мощному телу и цветущему здоровью, религия преграждала путь; со всем, что было дорого его юному сердцу, она вступала во вражду; никогда не ощущал он религию как благодать, всегда она становилась бичом его страстей. И в нем постепенно разгорался против нее затаенный гнев, странно сочетаясь в душе его и в разуме с благоговейной верой и слепым страхом,— это было сопротивление владыке, перед которым он в равной мере испытывал отвращение и трепет.

Не удивительно, что он воспользовался первой же возможностью, чтобы уйти из-под столь сурового ига; но убежал он от него, как бежит крепостной от жестокого властелина, сохраняя и на свободе чувство рабской зависимости. Именно потому, что не по свободному выбору отказался он от верований своей юности, именно потому, что он не дождался, пока его созревший разум поможет ему постепенно освободиться от них, а вместо этого вырвался, как беглец, над которым еще тяготеет

право собственности его господина, — именно поэтому он всегда, даже после самых сильных отвлечений, неминуемо возвращался к прежней вере. Он убежал с цепью на шее и неминуемо должен был стать жертвой любого обманщика, который заметил бы эту цепь и сумел за нее ухватиться. Что такой обманщик нашелся, покажет дальнейшее повествование, если читатель уже об этом не догадался.

Исповедь сицилианца оставила в уме принца более глубокий след, чем она того стоила, а незначительная победа, которую одержал его рассудок над этим неудачным обманом, чрезвычайно укрепила в нем веру в свой разум. Он сам поражался легкости, с которой ему удалось разоблачить этот обман. Рассудок его еще не научился отделять истину от заблуждений, и он часто принимал одно за другое, поэтому удар, разрушивший его веру в чудеса, поколебал и все здание его религиозных убеждений. С ним произошло то, что происходит с неопытным человеком, который обманулся в дружбе или любви, сделав плохой выбор, и поэтому вообще потерял всякую веру в эти чувства, приняв простую случайность за истинный признак и свойство любви и дружбы. Разоблаченный обман заставил принца усомниться в истине. К несчастью, и доказательства истины он строил на столь же шаткой основе.

Эта мнимая победа радовала его тем больше, чем сильнее был гнет, от которого он благодаря ей как будто освобождался. С этой минуты в нем пробудился такой дух сомнения, который не щадил даже самого святого.

Многие обстоятельства способствовали тому, чтобы поддержать это душевное состояние и еще более укрепить его. Одиночество, в котором принц жил до сих пор, уступило место самому рассеянному образу жизни. Сан его стал всем известен. Знаки внимания, на которые ему приходилось отвечать, этикет, который он по своему положению обязан был соблюдать, незаметно вовлекли его в вихрь светской жизни. Его титул и личные качества открыли ему доступ в наиболее просвещенные круги венецианского общества, и вскоре он

стал встречаться с образованнейшими людьми республики, с учеными и государственными деятелями. Это заставило его расширить однообразный и тесный круг понятий, в котором до сей поры был замкнут его ум. Он осознал убожество и ограниченность своих знаний и ощутил потребность в более серьезном образовании. Устаревшие его идеи, при всех своих преимуществах, находились в явном и невыгодном противоречии с современными идеями общества, и незнание самых обычных вещей часто ставило его в смешное положение, — он же пуще всего боялся показаться смешным. Ему казалось, что он должен личным своим примером опровергнуть недоброжелательное предубеждение, создавшееся в отношении его родины. Добавьте еще, что по свойству характера его раздражало всякое внимание, если, как ему мнилось, оно было оказано его сану, а не личным его достоинствам. Особенно чувствовал он себя униженным в присутствии людей, блиставших умом и завоевавших общее признание личными заслугами, вопреки незнатному своему роду. Быть отмеченным в таком обществе только за свое знатное происхождение казалось принцу глубоко унижительным, тем более что он, к несчастью, был уверен, что его имя препятствует ему соревноваться с другими. Все это вместе взятое привело его к убеждению, что нужно заняться своим запущенным образованием, чтобы усвоить все, чем жило за последние пять лет образованное и мыслящее общество, от которого он так сильно отстал.

С этой целью он взялся за чтение самой современной литературы с той серьезностью, с какой относился ко всему, за что бы ни принялся. Но злобредная рука, вмешавшаяся в выбор этих книг, к несчастью всегда наталкивала принца на произведения, не дававшие пищи ни уму, ни сердцу. Постоянная склопность неудержимо тянуться ко всему, что выше нашего понимания, одолевала его и тут; только предметы, связанные с областью таинственного, привлекали его внимание, западали в память. Пустота царила в его уме и сердце, в то время как ложные идеи туманили ему голову. Один автор увлекал его воображение блестящим сти-

лем, другой затемнял его разум изощренными софизмами. И тому и другому было легко подчинить себе мысли человека, готового стать жертвой всякого, кто с известной смелостью сумеет навязать ему свои убеждения.

И это чтение, которому он со страстью предавался больше года, не обогатило его почти никакими полезными знаниями, оно только внесло в его мысли сомнения, которые, как это неизбежно при столь цельном характере, нашли опасный путь и к его сердцу. Скажу короче: он вступил в этот лабиринт мечтателем, полным веры, а вышел из него скептиком и в конце концов стал явным вольнодумцем.

В кругах, куда его сумели завлечь, процветало одно тайное общество, называвшееся «Буцентавр», где под видом благородного и разумного свободомыслия проповедовалась самая необузданная распущенность мыслей и нравов. Так как среди членов общества было много духовных лиц и во главе его стояли даже некоторые кардиналы, принц легко дал себя втянуть в эту компанию. Он считал, что некоторые опасные для ума истины надежнее всего доверить таким лицам, которых самый их сан обязывает к умеренности; к тому же эти люди обладали преимуществом — они уже знали и проверяли мнения своих противников. Принц забывал, что вольность мыслей и нравов у лиц духовного звания именно потому и принимает столь широкий размах, что тут она не знает никакой узды, и ее не отпугивает нимб святости, ослепляющий непосвященных. Так оно было и в «Буцентавре», многие сочлены которого, проповедуя предосудительную философию и соответствующие ей нравы, позорили не только свой сан, но и все человечество.

Общество имело свои тайные степени посвящения, и я хочу верить, что, к чести принца, он никогда не был допущен в святая святых. Каждый вступающий в это общество должен был, по крайней мере на время своей принадлежности к нему, сложить с себя свой сан, откаться от своей национальности и религии — словом, от всех общепринятых отличий — и соблюдать полное равенство во всем. Отбор сочленов этого общества был

чрезвычайно строгим, так как дорогу туда открывало только умственное превосходство. Общество славилось благороднейшим тоном и изысканнейшим вкусом,— вся Венеция признавала это. Такая слава и кажущееся равенство, царившее там, неудержимо влекли принца. Умнейшие беседы, оживляемые тонкой шуткой, поучительный разговор, участие лучших представителей ученых и политических кругов, для которых это общество являлось как бы средоточием,— все это долго заслоняло от принца опасность связи с этим кругом. Но когда истинное лицо общества постепенно стало вырисовываться из-под маски, или, вернее, когда всем сочленам его в конце концов просто надоело остерегаться принца, то отступать уже было поздно, и ложный стыд и забота о собственной безопасности заставляли его скрывать свое глубокое неодобрение.

Хотя непосредственное общение с этим кругом людей и их образом мыслей не заставило принца подражать им, он уже утратил свою былую чистоту, прекрасную душевную непосредственность, всю тонкость своих нравственных чувств. Слишком ничтожны были его знания, чтобы его ум мог искать в них опору и распутать без посторонней помощи утонченную сеть ложных представлений, которой его опутали; незаметно все, на чем зиждились его моральные устои, было подточено этим страшным, разъедающим влиянием. Всё что по его понятиям служило естественной и необходимой основой для вечного блаженства, он сменил на софизмы, которые не смогли поддержать его в решающую минуту и тем самым заставили его ухватиться за первую попавшуюся опору, которую ему подставили.

Может быть, дружеская рука и могла бы во-время отвести принца от пропасти, но, не говоря уж о том, что я узнал о тайнах «Буцентавра» много позже, когда зло уже совершилось, меня еще в самом начале этих событий отозвали из Венеции по срочному делу. Один из ценнейших друзей принца, милорд Сеймур, чей трезвый рассудок никогда не поддавался заблуждениям и кто, несомненно, мог бы стать ему настоящей

опорой, тоже покинул нас и вернулся в свое отечество. Те же, на кого я оставил принца, были люди преданные, но весьма неопытные и к тому же чрезвычайно ограниченные своими религиозными убеждениями. Они не могли понять, какое зло творилось, и не пользовались у него никаким авторитетом. Его запутанным софизмам они противопоставляли только догматы бездоказательной веры, которые то бесили принца, то смешили его; благодаря превосходству ума он с легкостью отметал все их возражения, заставляя замолчать этих худых защитников хорошего дела. А тем, которые сумели вкрасься к нему в доверие, было важно только одно — как можно глубже втянуть его в свою среду. И какие перемены нашел я в нем, когда в следующем году вернулся в Венецию!

Влияние этой новой философии вскоре отразилось на всей жизни принца. Чем больше благоприятствовало ему в Венеции счастье, чем больше новых друзей он приобретал, тем неизбежнее отходили от него друзья старые. День ото дня он нравился мне все меньше и меньше, мы и видеться начали реже, да и вообще он от меня отдалился. Вихрь светской жизни совсем закружил его. Когда он бывал дома, двери его были открыты для всех. Одно развлечение сменялось другим, балы следовали за балами, веселье не прекращалось. Принц походил на красавицу, чьей благосклонности все добивались, он стал королем и кумиром всего общества.

Насколько трудной представлялась ему великосветская жизнь в тиши и замкнутости его прежнего существования, настолько легкой оказалась она теперь, к великому его удивлению. Ему так шли навстречу; все, что он ни говорил, считалось блестящим; стоило ему замолчать, и общество воспринимало это как потерю. И такое счастье, следовавшее за ним по пятам, эта неизменная удача действительно заставляли его становиться выше, чем он был на самом деле, потому что прибавляли ему смелости и уверенности. И оттого, что он и сам стал более высокого мнения о себе, он поверил в непомерное преклонение, почти обожание, с каким от-

носились к его уму, что непременно показалось бы ему подозрительным, если бы у него не возникло это преувеличенное, хотя и некоторым образом обоснованное, самомнение. Теперь же всеобщее признание только подтверждало то, что втайне подсказывала ему самодовольная гордость: он считал, что это преклонение подобает ему по праву. Нет сомнения, что он не попал бы в эту западню, если б ему дали хотя бы перевести дух, спокойно, на свободе, поразмыслить и сравнить свой истинный облик с тем приукрашенным образом, какой ему показывали в этом лстящем ему зеркале. Но вся его жизнь проходила в постоянном угаре, в головокружительном опьянении. Чем выше его возносили, тем больше усилий он тратил, чтобы удержаться на этой высоте, и это непрестанное напряжение медленно подтачивало его силы, и даже сон не приносил ему отдыха. Кто-то проник во все его слабости и отлично рассчитал, чем можно разжечь в нем такие страсти.

Вскоре преданной его свите пришлось расплачиваться за то, что господин их так возвеличился. Глубокие чувства и возвышенные истины, на которые он прежде столь горячо, всем сердцем откликался, теперь стали мишенью для его насмешек. За то, что ложные представления когда-то лежали на нем тяжким гнетом, он теперь мстил даже истинной вере, — но неподкупный голос сердца все же пытался побороть заблуждения ума, и в его насмешках слышалась скорее горечь, чем веселая шутка. Характер его тоже изменился, он стал привередлив, скромность — лучшее его украшение — совсем исчезла, лезть отравила благородное его сердце. Предупредительность и деликатность в обращении с придворными, заставлявшие забывать, что принц — их господин, теперь часто сменялись повелительным и властным тоном, который был для них болезненно чувствителен, потому что свидетельствовал не о внешних различиях в положении, на которые легко не обращать внимания, — тем более что и принц пикогда не придавал им значения, — а об обидном подчеркивании его личного превосходства. И так как дома он нередко высказывал мысли, которые не занимали его в вихре

светских развлечений, то приближенные часто видели своего принца угрюмым, недовольным и несчастным, в то время как среди чужих он блистал наигранной веселостью. С грустным сочувствием смотрели мы, как он идет по этому опасному пути, но слабый голос дружеских увещаний тонул в той суете, в которой он жил, да к тому же он был еще слишком счастлив, чтобы внять этому голосу.

Еще в самом начале событий важные дела отозвали меня ко двору моего государя, и я не смел пренебречь ими даже ради самой пылкой дружбы. Невидимый враг, которого я обнаружил значительно позже, нашел способ запутать мои дела и распространить обо мне такие слухи, которые я мог опровергнуть, только немедленно возвратившись домой. Мне трудно было расставаться с принцем, зато он легко расстался со мною, — уже давно ослабели дружеские узы, связывавшие нас. Но судьба его возбуждала во мне самое живое участие; поэтому я взял с барона фон Ф*** обещание держать со мной письменную связь, что он и выполнил самым добросовестным образом. Итак, теперь я на долгое время перестаю быть свидетелем происходящего и прошу позволения предоставить слово барону фон Ф***, дабы восполнить этот пробел выдержками из его писем. Несмотря на то, что мы с моим другом фон Ф*** различно смотрим на многое, я не хотел ничего менять в этих строках, из которых читатель без труда почерпнет истинную правду.

*Барон фон Ф*** — графу фон О****

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

5 мая 17**

Благодарю Вас, дорогой мой друг, за то, что Вы позволили мне в разлуке сохранить то дружеское общение с Вами, которое во время Вашего пребывания здесь было для меня такой большой радостью. Вы ведь знаете, что тут нет ни одного человека, с которым я решился бы откровенно побеседовать об известных Вам делах; что

бы Вы там ни говорили, но все эти люди мне глубоко ненавистны. С тех пор как принц примкнул к ним, а мы лишились Вашего общества, я чувствую себя в этом людном городе совершенно одиноким. Ц *** принимает все не так близко к сердцу: венецианские прелестницы помогают ему забывать о тех обидах, которые приходится нам обоим терпеть дома. Да и что ему особенно печалиться? Для него принц — только господин, какого он сможет сыскать где угодно, и больше он в нем ничего не ищет; а я... Вы сами знаете, сколь близко принимаю я к сердцу все радости и горести нашего принца и как много тому есть причин. Вот уже шестнадцать лет живу я при нем и только для него. Девятилетним мальчиком я был взят в его свиту и с той поры никогда с ним не расставался. На его глазах я вырос. Длительное общение с ним заставило меня смотреть на многое его глазами; я участвовал во всех его приключениях — серьезных и пустячных; я живу только его радостями. До этого злополучного года я видел в нем лишь друга, старшего брата; словно ясное солнце согревал меня его взгляд; ни малейшее облачко не омрачало моего счастья. И подумать только, что сейчас, в этой проклятой Венеции, всему суждено пойти прахом!

С той поры, как Вы уехали, у нас тут многое переменилось. На прошлой неделе явился сюда принц фон ** д ** с большой и пышной свитой, и наше общество зажило новой, шумной и беспокойной жизнью. Так как он доводится нашему принцу близким родственником и отношения у них сейчас довольно хорошие, то во все время его пребывания здесь, которое, как я слышал, продлится до вознесения, они почти не будут разлучаться. Начало во всяком случае положено: вот уж десять дней наш принц не знает ни минуты отдыха. Принц фон ** д ** сразу же стал жить очень широко; но для него это не так уж страшно, потому что он все равно скоро уедет. Беда в том, что он заразил и нашего принца, которому неудобно было отставать, да и в силу особых отношений между двумя дворами, — принц боялся уронить честь своего дома, поставленную под сомнение. К тому же через несколько недель мы и сами

должны покинуть Венецию, так что в дальнейшем он будет избавлен от необходимости вести столь пышный образ жизни.

Принц фон ** д **, как говорят, прибыл сюда по делам ***ского ордена, причем он вообразил, что играет в нем весьма важную роль. Как Вы сами легко поймете, он тотчас же поспешил воспользоваться всеми связями нашего принца. В «Буцентавр» его ввели с особой пышностью, ибо с некоторых пор ему нравится разыгрывать остроумца и мыслителя, а в своей обширной переписке, которую он ведет со всем миром, он заставляет величать себя не иначе, как prince-philosophe. Не знаю, имели ли Вы когда-нибудь счастье видеть его. У него многообещающая внешность, рассеянный взгляд, тон знатока искусств, умение щегольнуть своей начитанностью, напускная естественность (если можно так выразиться) и царственное снисхождение к людским слабостям; прибавьте ко всему этому непоколебимую самоуверенность и способность заговорить кого угодно. Разве может кто-нибудь устоять перед столь блестящими свойствами его высочества? Только будущее покажет, как проявятся спокойные, сдержанные, но подлинные достоинства нашего принца рядом с этим крикливым совершенством.

Наш образ жизни сильно переменялся с его приходом. Мы сняли новый великолепный дом, что напротив новой прокурации, так как принцу стало слишком тесно в «Мавритании». Свита наша увеличилась на двенадцать слуг — тут и пажи, и арабы, и гайдуки, и прочие. Мы живем очень пышно. Когда Вы были здесь, то сетовали на чрезмерные расходы. Посмотрели бы Вы, что делается теперь!

Отношения между нами пока не изменились — разве только принц, которого без Вас некому сдерживать, стал с нами, пожалуй, еще холоднее и неразговорчивее, и теперь мы видим его только при утреннем и вечернем туалете. Под тем предлогом, что по-французски мы говорим плохо, а итальянского не знаем вовсе, он сумел почти совсем закрыть нам доступ в свой круг; мне лично это не причиняет особого огорчения, но я полагаю, что понял истинную причину: он нас стыдится,—

и это мне больно; такого отношения мы не заслужили.

Из всей нашей челяди (Вы ведь хотели знать все до мелочей) при нем почти все время один только Бьонделло, которого, как Вы знаете, он взял к себе в услужение после того, как исчез наш егерь; и при новом образе жизни принц совершенно не может обойтись без него. Этот малый знает в Венеции решительно все и к тому же из всего умеет извлечь пользу. Так и кажется, что у него тысяча глаз и что на него работает тысяча рук. По его словам, ему помогают здешние гондолеры. Для принца он незаменим, потому что заранее сообщает ему все подробности о новых лицах, с которыми тот встречается в обществе, причем принц всегда убеждается, что эти тайные сведения вполне достоверны. К тому же Бьонделло прекрасно изъясняется и пишет по-итальянски и по-французски, благодаря чему ему даже удалось стать секретарем принца. Я должен все же рассказать Вам об одном проявлении бескорыстной верности, которую поистине редко встретишь у людей его звания. Недавно один почтенный купец из Римини попросил у принца аудиенцию. Он явился с довольно странной жалобой на Бьонделло. Прокуратор, бывший его господин, который, повидимому, был чудаком и святошей, питал к своим родным непримиримую вражду и хотел, чтобы вражда эта, если возможно, пережила его самого. Бьонделло пользовался его полным, исключительным доверием; обычно тот поверял ему все свои тайны; у его смертного одра Бьонделло должен был поклясться, что будет свято хранить эти тайны и никогда не использует их в интересах родни; в награду за молчание ему была завещана значительная сумма. Когда же было вскрыто завещание и просмотрены бумаги, то в них обнаружили такие пробелы и неясности, устранить которые можно было лишь с помощью Бьонделло. Тот упорно твердил, что ему ничего не известно, отдал наследникам все свое весьма существенное состояние и сохранил все тайны прокуратора. Родные сулили ему щедрое вознаграждение, но напрасно; наконец, для того чтобы избавиться от их домогательств, — а они грозили передать

дело в суд,— Бьонделло поступил в услужение к принцу. К нему-то и обратился главный наследник — этот самый купец — и предложил еще более выгодные условия, с тем чтобы Бьонделло изменил свое решение. Но не помогло и посредничество принца. Правда, Бьонделло признался принцу, что ему были поверены многие тайны; он не отрицал также, что покойный в своей ненависти к родне зашел, пожалуй, слишком далеко. «Но все же,— добавил Бьонделло,— он был мне добрым господином и благодетелем и умер с твердой верой в мою честность. Я был единственным другом, которого он оставил на земле. Как же могу я обмануть его единственную надежду?» При этом он дал понять, что его разоблачения могли бы бросить тень на честь его покойного господина. Не правда ли, как тонко и благородно? Вы сами понимаете, что принц не приложил особых стараний, чтобы поколебать столь похвальные устои. Необычайная верность умершему господину помогла Бьонделло приобрести неограниченное доверие живого.

Желаю Вам счастья, дорогой друг. Как хотелось бы мне, чтобы вновь вернулась та тихая жизнь, которую мы вели при Вас и которую Вы так скрашивали своим присутствием. Боюсь, что светлые дни в Венеции для меня миновали; дай бог, чтобы это не относилось и к принцу. Я уверен, что, ведя такую жизнь, как сейчас, он не сможет долго чувствовать себя счастливым,— или же опыт всех шестнадцати лет меня обманывает. Прощайте.

*Барон фон Ф*** — графу фон О****

ПИСЬМО ВТОРОЕ

18 мая

Никогда я не думал, что наше пребывание в Венеции сможет принести какую-либо пользу, однако оно спасло жизнь человеку, и я примирился с тем, что мы еще тут. Как-то поздней ночью принц велел отнести себя в носилках домой из «Буцентавра». Бьонделло и

другой слуга сопровождали его. Не знаю, как случилось, что носилки, нанятые в спешке, сломались, и принц оказался вынужденным пройти пешком оставшуюся часть пути. Бьонделло шел впереди, дорога вела через отдаленные темные улицы, и, так как уже близился рассвет, фонари горели тускло, а многие и совсем погасли. Не прошло и четверти часа, как Бьонделло обнаружил, что он сбился с дороги. Он спутал схожие меж собой мосты, и вместо квартала св. Марка они очутились в квартале Каstellо. На глухой улочке не было ни живой души. Пришлось повернуть, чтобы выйти на одну из главных улиц. Не прошли они и двух шагов, как вдруг неподалеку в переулке раздался отчаянный крик. Принц был безоружен, но вырвал палку из рук слуги и со свойственной ему смелостью, которая Вам хорошо известна, бросился на крик. Трое страшных бандитов пытались заколоть какого-то человека; он и его спутники уже едва отбивались. Принц появился как раз в нужную минуту, чтобы предотвратить смертельный удар. Его окрик и возгласы слуг перепугали бандитов, не ожидавших, что их настигнут в столь глухом квартале, и они, на ходу нанося удары кинжалом своей жертве, обратились в бегство. Почти без сознания, измученный борьбой, раненый падает на руки принца, и его провожатый объясняет, что спасенный — маркиз Чивителла, племянник кардинала А ***. Так как маркиз потерял много крови, Бьонделло наспех сделал ему перевязку, и принц позаботился, чтобы раненого доставили во дворец его дяди, находившийся не очень далеко, и сам проводил его туда. Потом он незаметно исчез, никому не сказав своего имени.

Но один из слуг, узнавших Бьонделло, открыл имя принца. На следующее же утро к принцу явился сам кардинал, старый его знакомец по обществу «Буцентавр». Визит продолжался целый час. Кардинал вышел от принца взволнованным, слезы блестели у него на глазах, и принц был тоже явно растроган. В тот же вечер он посетил пострадавшего, о здоровье которого врач дал самые успокоительные сведения. Плащ юноши задержал удары кинжала и ослабил их силу. После

этого происшествия не проходило и дня, чтобы принц не посещал дворец кардинала или не принимал новых знакомых у себя, — между ним и этой семьей завязывается теснейшая дружба.

Кардинал, величественного вида почтенный старец лет шестидесяти, отличается веселым нравом и цветущим здоровьем. Его считают одним из самых богатых прелатов во всей республике. Говорят, что он с юношеским пылом пользуется своим несметным богатством и, при разумной бережливости, не чужд никаких житейских радостей. Племянник является единственным его наследником, однако отношения с дядей у него не всегда хорошие. Хотя старик ни в коей мере не враг удовольствий, но даже самая широкая терпимость не может примирить его с поведением племянника, которое переходит всякие границы дозволенного. Пренебрежение ко всем устоям и разнузданный образ жизни делают Чивителлу угрозой отцов и проклятием мужей, ибо он, к несчастью, обладает всеми качествами, от которых порок становится привлекательным, а соблазн — неудержимым. Утверждают, что и последнее нападение он навлек на себя интригой с женой *** ского посланника, не говоря уже о разных других, весьма скверных историях, из которых он с трудом выпутывался благодаря имени и деньгам кардинала. Если бы не племянник, кардиналу могла бы позавидовать вся Италия, так как он обладает всем, что украшает жизнь. Но семейное горе омрачает дары судьбы, и радость, доставляемая огромными богатствами, отравлена постоянным страхом, что наследовать их будет некому.

Все эти сведения сообщил мне Бьонделло. Этот человек — драгоценная находка для принца. С каждым днем он становится все необходимее, с каждым днем мы открываем в нем новые таланты. Недавно принц, разволновавшись перед сном, никак не мог уснуть. Ночник погас, а дозвониться к камердинеру было невозможно, так как тот ушел на какое-то любовное свидание. Принц решил сам встать и дозваться хоть кого-нибудь из своей свиты. Только он вышел из спальни, как вдали послышалась чудесная музыка. Словно зачаро-

ванный, идет принц на эти звуки и застаёт Бьонделло в его комнате, где тот играет своим товарищам на флейте. Принц не верит своим глазам, не верит ушам своим, он просит Бьонделло продолжать. С удивительной легкостью повторяет итальянец то же самое певучее адажио, с прелестнейшими вариациями и всеми тонкостями, как настоящий виртуоз. Принц, как вы знаете, большой знаток музыки, и он утверждает, что Бьонделло мог бы свободно выступать в любом оркестре.

— Придется мне отпустить этого человека,— сказал мне принц на следующее утро.— Я не в состоянии расплатиться с ним по заслугам.

Бьонделло, услышавший эти слова, подошел к принцу.

— Ваша светлость,— сказал он,— если вы это сделаете, вы лишите меня самой драгоценной награды.

— Но тебе предназначена лучшая участь, чем быть слугой,— сказал наш принц.— Я не могу лишать тебя счастья.

— Не заставляйте меня искать иной доли. Нет для меня большего счастья, чем то, какое я избрал сам!

— Разве можно зарывать такой талант в землю! Нет! Этого я не допущу!

— Тогда разрешите мне, светлейший принц, проявлять его иногда в вашем присутствии.

Тотчас же были приняты все меры, Бьонделло дали комнату рядом со спальней его господина,— и теперь принц засыпает под его музыку и пробуждается с нею поутру. Принц хотел удвоить ему жалованье, но Бьонделло отказался, с просьбой приберечь эту милость и взять ее на сохранение, как капитал, потому что через некоторое время ему, быть может, придется ею воспользоваться. Теперь принц ждет, что Бьонделло вскоре обратится к нему с какой-нибудь просьбой, и чего бы он ни попросил, принц заранее готов все ему дать.

Прощайте, дорогой друг! С нетерпением жду от Вас известий.

Маркиз Чивителла уже вполне оправился от ран и на прошлой неделе попросил своего дядю-кардинала ввести его в дом принца, и с тех пор он, словно тень, всюду следует за ним. Все-таки Бьонделло сказал мне неправду об этом маркизе или по меньшей мере все преувеличил. Это милейший в обращении человек, и перед его очарованием невозможно устоять. На него нельзя сердиться, и с первого же взгляда он совершенно покори́л меня. Представьте себе юношу, прекрасно сложенного, полного достоинства и обаяния, с умным и добрым лицом, с открытой, доверчивой улыбкой, с голосом, проникающим в сердце, и прекрасным даром слова; представьте себе цветущую юность в сочетании со всем изяществом утонченного воспитания. В нем нет ни тени пренебрежительной надменности, чопорной напыщенности, которые столь невыносимы у других представителей здешней знати. Все в нем дышит юношеской жизнерадостностью, чистосердечием, искренним чувством. Разговоры о его распущенности, наверно, сильно преувеличены: редко можно встретить воплощение такого безупречного и полного здоровья. Если же он на самом деле так порочен, как говорил мне Бьонделло, значит он поистине сирена, которой никто не может противостоять.

Со мной он сразу заговорил откровенно. С подкупающей искренностью признался, что дядюшка-кардинал не слишком его жалует и что он, возможно, это заслужил. Но теперь он самым серьезным образом решил исправиться, и эта заслуга будет целиком принадлежать принцу. Вместе с тем он надеется, что принц помирит его с дядей, так как имеет неограниченное влияние на кардинала. Самому маркизу до сих пор недоставало только друга и руководителя, и он надеется в лице принца приобрести и того и другого.

Принц уже пользуется всеми правами руководителя по отношению к юноше, и в его обращении чувствуются строгость и бдительность настоящего ментора. Но

именно эти взаимоотношения дают и юному маркизу известные права на принца, которыми он пользуется весьма умело. Маркиз не отходит от принца ни на шаг, он принимает участие во всех его увеселениях. Только для «Буцентавра» он слишком еще молод, — и это его счастье! Везде, где он бывает вместе с принцем, он уводит его от общества, обладая особым даром привлечь и занять его внимание. Все говорят, что никто еще не сумел обуздать и укротить этого юношу, и если принцу удастся этот великий подвиг, он будет сопричислен к лику святых. Однако я весьма опасаясь, как бы роли не переменились и наставник не стал бы учиться у своего ученика, — а, кажется, к тому уже идет дело.

К великому удовольствию всех нас, не исключая и нашего господина, принц ** д **, наконец, уехал. Все, что я предсказал, милейший О ***, безошибочно сбылось. При столь разных характерах, столь неизбежных столкновениях хорошие отношения не могли сохраниться надолго. Не успел принц ** д ** пробыть в Венеции некоторое время, как в просвещенных кругах возник серьезный раскол, грозивший нашему принцу опасностью потерять половину своих почитателей. Где бы он ни появился, он встречал на своем пути этого соперника, в котором было достаточно мелкой хитрости и самовлюбленного чванства, чтобы подчеркивать малейшее свое превосходство над принцем. А так как в его распоряжении имелись всяческие мелочные ухищрения, на которые наш принц никогда бы не пошел из чувства благородного достоинства, он сумел перетянуть на свою сторону многих глупцов и стать во главе целой партии, достойной своего вожака ¹. Самым благоразумным было бы, конечно, не вступать в соперничество с таким противником, и, будь то на несколько месяцев раньше, принц, наверное, избрал бы именно эту политику. Те-

¹ Жестокое осуждение, которое позволяет себе барон фон Ф *** и тут и в своем первом письме по отношению к весьма просвещенной владетельной особе, покажется не только мне, но и всем, кто имел счастье ближе знать этого принца, сильно преувеличенным, и объяснить это можно только предвзятым отношением нашего юного обвинителя. (*Примечание графа фон О***.*)

перь же течение отнесло его слишком далеко от берегов, и трудно было приплыть обратно. Обстоятельства сложились так, что все эти мелочи приобрели для него известное значение, да и если бы он их по-настоящему презирал, он все равно не мог бы из гордости отказаться от соревнования в такой момент, когда его уступка рассматривалась бы не как добровольное решение, но как признание своего поражения. К этому присоединились еще скверные сплетни, в которых передавались резкие слова друг о друге, и дух соперничества охватил не только приверженцев нашего принца, но и его самого. И вот для того чтобы закрепить свои победы и удержаться на скользком пьедестале, на который он был поднят светом, принц решил, что надо как можно чаще блистать в обществе, объединять его вокруг себя, — а этого возможно было достигнуть только королевской пышностью обихода: отсюда и постоянные увеселения, пиршества, дорогие концерты, подарки, крупная игра. Это нелепое безумство охватило свиту и слуг обоих принцев, — а челядь, как вы знаете, еще ревнивее стоит на страже чести своих господ, чем сами господа, — и принцу пришлось пойти навстречу доброй воле своих приближенных и проявить особую щедрость. Вот какая длинная цепь неприятностей неизбежно потянулась вслед за единственной, вполне простительной, слабостью, которой наш принц поддался в роковую минуту!

Правда, от соперника мы сейчас избавились, но вред, который он нам причинил, не так легко исправить. Шкатулка принца опустела; ушло все, что он так благоразумно копил годами. Нам надо поскорее уезжать из Венеции, не то принцу придется делать долги, чего он до сих пор остерегался самым решительным образом. Отъезд наш твердо решен, и мы только ждем, пока придут новые векселя.

Пускай бы даже производились все эти траты, лишь бы они доставляли моему принцу хоть какое-либо удовольствие! Но никогда он не был менее счастлив, чем сейчас. Он чувствует, что он уже не тот, что прежде, он потерял себя, он собой недоволен и очертя голову бросается в новые развлечения, чтобы забыть последствия

прежних. Одно знакомство следует за другим, он весь захвачен этой жизнью. Не понимаю, чем все это кончится. Мы должны уехать — другого выхода нет, — мы должны немедленно уехать из Венеции.

А от Вас, дорогой друг, до сих пор нет ни строчки! Как мне объяснить это упорное молчание?

*Барон фон Ф*** — графу фон С****

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

12 июня

Благодарствуйте, дорогой друг, за Ваше внимание и за вести, которые мне передал молодой Б***ль. Но Вы пишете, что я будто бы должен был получить от Вас письмо. Ни одного письма, ни единой строчки я от Вас не имел. Каким кружным путем, должно быть, пошли они! В будущем, милейший мой О***, если пожелаете почтить меня своим письмом, шлите его через Триент, на адрес моего повелителя.

В конце концов, дорогой друг, нам пришлось сделать тот шаг, которого мы до сей поры счастливо избегали. Векселей мы не получили. Именно сейчас, в самый нужный момент, они впервые не пришли, и мы были вынуждены прибегнуть к услугам ростовщика, так как принц готов заплатить втридорога, лишь бы не выдать свою тайну. Но самое печальное в этой неприятной истории то, что из-за нее задерживается наш отъезд.

По этому поводу у меня с принцем произошло крупное объяснение. Все устраивал Бьонделло, и еврей-ростовщик явился без всякого моего ведома. Сердце у меня защемило, когда я увидал, до какой крайности дошел принц, все воспоминания прошлого, все страхи за будущее ожили во мне; и когда ростовщик ушел, вид у меня; вероятно, был очень огорченный и грустный. Принц, уже и без того раздраженный этим визитом, насупившись, расхаживал по комнате; свертки золотых еще лежали на столе, а я занимался тем, что считал из окна стекла в прокурации напротив. Стояла долгая тишина. Наконец, принц вспыхнул:

— Ф ***! — начал он. — Я не терплю подле себя мрачных лиц!

Я промолчал.

— Почему вы не отвечаете? Разве я не вижу, что вам станет легче дышать, если вы мне выскажете все свое недовольство? Ну, говорите же! Иначе вы начнете воображать, что скрываете от меня бог весть какие мудрые мысли!

— Ежели я и мрачен, ваша светлость, то лишь потому, что и вам невесело.

— Знаю, — сказал он, — вы уже давно недовольны мною, очень давно, каждый мой шаг вы осуждаете... знаю... А что пишет граф фон О ***?

— Граф фон О *** ничего мне не писал.

— Как так? Зачем вы таитесь от меня? Ведь вы изливаете душу друг другу — вы и ваш граф! Мне это отлично известно! Лучше сознавайтесь! Ведь я не собираюсь вмешиваться в ваши секреты.

— Граф фон О *** не ответил мне даже на первое из трех писем, которые я ему написал, — возразил я.

— Я поступил нехорошо, — сказал принц, — не правда ли? (И он взял сверток с деньгами.) Я не должен был этого делать.

— Я отлично понимаю, что это было необходимо.

— Не надо было мне доходить до такой необходимости.

Я промолчал.

— Значит, по-вашему, я должен был всегда жить *такой* жизнью, состариться таким же, каким я возмужал! И только за то, что я захотел выйти из унылого круга своего прежнего существования, оглянуться — не откроется ли для меня хоть где-нибудь в мире источник наслаждений, за то, что я...

— Будь это лишь попыткой, ваша светлость, мне возражать нечего. За такой опыт стоило заплатить и втридорога. Но сознаюсь, что мне было больно смотреть, как вопрос о вашем счастье, который должно было бы решать только ваше собственное сердце, решало за вас мнение общества.

— Вам хорошо, вы можете пренебречь мнением света! Но ведь я — его создание, я должен быть его

рабом. Что такое мы сами, как не создание общественного мнения? Для нас, владетельных князей, общественное мнение — все! Оно — наша нянька и воспитательница в детстве, оно — наша законодательница и возлюбленная в зрелые годы, наша опора в старости. Поймите, что значит для нас общественное мнение, и вы увидите, что самому ничтожному человеку из низших классов легче живется, чем нам, потому что его судьба помогла ему создать философию, утешающую его в этой судьбе. А князь, который смеется над общественным мнением, уничтожает сам себя, как священник, отрицающий бога.

— И все же, ваша светлость...

— Знаю, что вы хотите сказать. Я могу перешагнуть круг, в который меня замкнуло мое происхождение. Но разве я могу вырвать из своей памяти все безумные заблуждения, взращенные во мне воспитанием и ранними привычками, которые сотни, тысячи глупцов из вашей среды укореняли во мне все прочней и прочней? Каждому хочется быть именно тем, что он есть, а наше положение принуждает нас притворяться счастливыми. Но если мы не можем быть счастливы на ваш лад, неужели мы должны совсем отказаться от счастья? Если нам не дано черпать радость прямо из чистейшего ее источника, неужели нам нельзя обмануть себя хотя бы искусственными наслаждениями, получить из той же руки, что обездолила нас, хотя бы слабую награду взамен?

— Раньше вы находили эту награду в своем сердце.

— А если мне ее там больше не найти?.. Ах, зачем мы заговорили об этом! Зачем вы пробудили во мне эти воспоминания! А что, если я искал прибежища в этом смятении чувств, дабы заглушить внутренний голос, составляющий несчастье моей жизни, успокоить чрезмерно пытливый ум, который хозяйничает в моем мозгу, как острый серп, срезая каждым новым открытием еще одну ветку с моего счастья?

— Дорогой мой принц!..

Он встал и в необычайном волнении заходил по комнате.

— Когда все, что было и что будет, погружено для меня во мрак, прошлое, как окаменелое царство, в печальном однообразии тянется позади меня, а будущее не сулит ничего хорошего, когда я вижу, что все мое бытие замкнуто в тесном кругу настоящего,— кто может упрекнуть меня, что я ловлю этот скудный подарок судьбы — сегодняшний миг и жадно, ненасытно, как друга пред вечной разлукой, заключаю в свои объятия?

— Светлейший принц, раньше вы верили в вечное добро...

— О, сделайте так, чтобы я мог осязать этот призрак, и я с охотой заключу его в жаркие объятия! Но что за радость дарить счастье призракам, которые исчезнут завтра вместе со мной? Ведь вокруг меня все мчится, все летит. Везде толчея, каждый хочет оттеснить соседа и, торопливо выпив хоть каплю из источника бытия, тут же отойти, так и не утолив жажды. Сейчас, в тот миг, когда я радуюсь своей силе, чья-то грядущая жизнь уже ожидает моего тления. Покажите мне что-нибудь вечное, нетленное, и я стану на путь добродетели.

— Что же вытеснило у вас благородные чувства, которые когда-то были радостью вашей жизни, ее путеводной звездой? Сеять ростки для будущего, служить высокому и вечному идеалу...

— Будущее! Вечные идеалы! Если отнять то, что человек нашел у себя в душе и приписал воображаемому божеству как цель, а природе как закон,— что у нас останется? То, что было до меня и что будет после меня, представляется мне как две непроницаемые черные завесы, опущенные у граней человеческого существования, за которые не дано проникнуть ни одному смертному. Сотни тысяч поколений стоят с факелами перед этими завесами и гадают, гадают — что же может скрываться за ними? Для многих на завесе будущего движется их собственная тень, огромные тени их страстей, и человек в ужасе отшатывается от собственного отображения. Поэты, философы, основатели государств расписали эту завесу своими мечтами, то веселыми, то мрачными, смотря по тому — улыбалось

или хмурилось над ними небо,— и эти мечты издалека казались явью. Многие обманщики пользовались всеобщим любопытством и, принимая всяческие личины, поражали и без того воспаленное воображение. Глубокая тишина царит позади этой завесы, никто из ушедших за нее не отвечает, и оттуда в ответ на вопрос можно услышать лишь гулкий отзвук собственного голоса, словно ты крикнул в пропасть. Все должны исчезнуть за этой завесой, и каждый с дрожью хватается за нее, не зная, что его там ждет, кто встретит его там: *quid sit id, quod tantum perituri vident?*¹ Правда, бывали и неверующие, утверждавшие, что завеса эта — лишь обман для людей и за ней ничего нельзя видеть, потому что там ничего и нет. Но для того чтобы переубедить, их немедленно отправляли туда.

— Их вывод все же был слишком поспешным, ведь у них было одно доказательство — то, что они ничего не видали.

— Вот видите, милый друг, я охотно соглашаюсь никогда не заглядывать за эту завесу, и самое мудрое, должно быть, вообще отучить себя от всякого любопытства. Но, очертив вокруг себя этот непереступаемый круг, заключив все свое существование в границы сегодняшнего дня, я еще больше ценю то земное, которым я чуть было не пренебрег ради тщеславной мечты о завоевании мира потустороннего. То, что вы назвали «целью моей жизни», теперь меня больше не касается. Я не могу уйти от нее, но я не могу и приблизить ее, я только знаю одно: я твердо верю что этой цели я должен достичь, и достигну. Я похож на гонца, несущего запечатанное письмо по назначению. Что в этом письме — ему, может быть, и безразлично, — он должен только получить плату за доставку, и все!

— О, каким нищим кажусь я себе после разговора с вами!

— Куда же нас завело? — воскликнул вдруг принц, глядя с улыбкой на стол, где лежали свертки монет.— Впрочем, мы все же не сбились с пути! — добавил он.—

¹ Что же это, что видят лишь обреченные на смерть? — Цитата из «Германии» Тацита (лат.).

Теперь, быть может, вы и в новом моем образе жизни найдете мое прежнее «я». Ведь я тоже не сразу смог отвыкнуть от воображаемого богатства, не сразу сумел освободить свою душу, основы своей морали, из-под власти чарующей мечты, с которой так тесно было сплетено все, что жило во мне до сих пор. Я жаждал стать легкомысленным, ибо ничто так не скрашивало жизнь большинства людей вокруг меня. Все, что уводило меня от меня же самого, было желанно. Сознаться ли вам? Я хотел *пасть*, чтобы уничтожить все силы, питавшие источник моих страданий.

Но тут нас прервали гости. В дальнейшем я расскажу Вам одну новость, которой Вы, конечно, не ждете, после такого разговора, как сегодня. Всего наилучшего!

*Барон фон Ф*** — графу фон О****

ПИСЬМО ПЯТОЕ

1 июля

Так как наш отъезд из Венеции приближается, мы решили за эту неделю наверстать все, что обычно упускают во время долгого пребывания, и осмотреть самые примечательные картины и здания города. С особым восхищением рассказывали нам о полотне Паоло Веронезе «Брак в Кане Галилейской», которое можно обозревать на острове святого Георгия, в тамошнем бенедиктинском монастыре. Не ждите от меня описания этого замечательного произведения искусства; хотя оно и весьма поразило меня, но особого наслаждения мне не доставило. Мы должны были бы потратить не минуты, а часы, для того чтобы постичь композицию, заключающую сто двадцать фигур, размещенных на полотне в тридцать футов шириной. Какой человеческий глаз сможет сразу охватить эту картину и с одного взгляда вобрать всю красоту, так щедро вложенную в нее художником? Жаль, что картина такого высокого достоинства, которая должна блистать в доступном месте для наслаждения всех, сейчас не нашла лучшего назначения, как тешить взоры нескольких

монахов в их трапезной. Церковь этого монастыря заслуживает не меньших похвал. Это одна из красивейших церквей города.

К вечеру мы велели переправить себя в Джудекку, и там, в прелестных ее садах, провели прекрасный вечер. Наша маленькая компания вскоре рассеялась, и Чивителла, весь день искавший случая поговорить со мной, отвел меня вглубь парка.

— Вы друг принца, — начал он, — и у него, как мне известно из весьма достоверных источников, нет от вас никаких тайн. Сегодня, когда я входил в его дом; оттуда вышел человек, чье ремесло мне хорошо известно, а войдя к принцу, я застал его хмурым и недовольным.

Я хотел прервать своего собеседника.

— Нет, нет, — продолжал он, — вы не можете отрицать, я узнал этого человека, я очень хорошо разглядел его. Ну как же это могло случиться? В Венеции у принца есть друзья, обязанные ему своей кровью, своей жизнью, а он дошел до того, что в случае необходимости пользуется услугами этих низкопробных мошенников! Будьте откровенны, барон! Принц в затруднительном положении, не правда ли? Нет, вы напрасно пытаетесь скрыть это от меня. То, чего я не узнаю от вас, мне сообщит мой человек, которому доступны любые тайны.

— Господин маркиз...

— Простите меня! Я должен быть нескромным, чтобы не стать неблагодарным! Принцу я обязан жизнью и тем, что мне дороже самой жизни, — разумным к ней отношением. Неужто я должен смотреть, как принц делает шаги, которые дорого ему стоят, унижают его достоинство? И если в моей власти удержать его, неужели я должен терпеливо смотреть со стороны?

— Положение принца не так уж затруднительно, — сказал я. — Просто векселя, которых мы ждем через Триент, неожиданно задержались. Без сомнения, это случайность; а может быть, там не знали, когда он уезжает, и ждали его распоряжений. Из-за этого принц временно...

Чивителла покачал головой.

— Поймите меня правильно, — сказал он. — Ведь речь идет не о том, чтобы как-то оплатить мой неоплатный долг принцу, — для этого не хватило бы даже всех сокровищ моего дяди! Речь идет о том, чтобы избавить принца от любой, самой малейшей неприятности. Мой дядя обладает огромным состоянием, которым я могу располагать, как своим собственным. Счастливый случай дает мне эту единственную в своем роде возможность — быть хоть в чем-нибудь полезным принцу, насколько это в моей власти. Знаю, — продолжал он, — к чему принца обязывает деликатность, но ведь она является обоюдной; и со стороны принца было бы очень великодушно оказать мне это ничтожное одолжение, хотя бы только для виду, для того чтобы меня не так давила тяжесть сознания, что я перед ним в неоплатном долгу.

Он не отставал от меня, пока я не дал обещания помочь ему по мере сил, хотя, зная принца, я понимал, как мало надежды уговорить его. Маркиз был согласен на любые условия принца, хотя и сознался, что будет очень обидно, если тот отнесется к нему, как к чужому.

В пылу разговора мы ушли далеко от всего общества и уже возвращались обратно, когда нас встретил Ц***.

— Я ищу принца. Разве он не с вами?

— Нет, мы идем к нему. Мы думали, что он со всеми гостями.

— Гости уже собрались, но принца нигде не найти. Просто не понимаю, куда он скрылся от нас.

Тут Чивителла вспомнил, что принцу, вероятно, захотелось посетить соседнюю церковь, на которую сам маркиз обратил его внимание. Мы тотчас же поспешили на поиски. Уже издали мы увидели Бьонделло, ждавшего у входа в храм. Мы подошли поближе, как вдруг из бокового придела торопливо вышел принц. Лицо его пылало, он искал Бьонделло взглядом и тут же подозвал его к себе. Отдавая ему какое-то настойчивое приказание, принц ни на миг не сводил глаз с дверей церкви, которые так и остались открытыми. Бьонделло торопливо скрылся в церкви, а принц, не замечая нас, прошел мимо, смешавшись с толпой, и мы

догнали его, когда он уже оказался в обществе наших спутников.

Было решено отужинать в открытом павильоне, в саду, где маркиз, без нашего ведома, затеял небольшой концерт весьма изысканного тона. Особенно хороша была молодая певица, восхитившая нас прелестным голосом и грациозной фигурой. Только на принца она не произвела никакого впечатления. Он разговаривал мало, рассеянно отвечал на вопросы, и взгляд его был устремлен в том направлении, откуда должен был появиться Бьонделло. Казалось, его душой овладевает все более сильное волнение. Чивителла спросил, как ему понравилась церковь; принц ничего не сумел сказать. Все заговорили о превосходной живописи, которой славился этот храм; принц даже не заметил ее. Поняв, что наши вопросы ему тягостны, мы замолчали. Прошел час, другой, а Бьонделло не появлялся. Нетерпение принца дошло до крайности; он раньше времени встал из-за стола и широкими шагами начал ходить один по отдаленной аллее. Я не посмел спросить его о столь странной перемене настроения: давно уже между нами нет прежней простоты в обращении. Поэтому я с еще большим нетерпением ожидал, пока Бьонделло вернется и разрешит мне эту загадку.

Было уже больше десяти часов, когда Бьонделло вернулся. Известия, которые он принес, не нарушили молчаливого настроения принца. Он, мрачный, подошел к гостям, велел заказать гондолу, и мы вскоре отправились домой.

Весь вечер я не мог найти случая поговорить с Бьонделло, и мне пришлось лечь спать, так и не удовлетворив свое любопытство. Принц отпустил нас довольно рано, но тысячи мыслей, толпившихся в моем мозгу, не давали мне уснуть. Долго я слышал, как принц рассказывает взад и вперед у меня над головой; наконец, сон сморил меня. Поздно за полночь меня разбудил голос, чья-то ладонь провела по моему лицу; я открыл глаза — принц стоял у моей постели со свечой в руке. Он сказал, что ему не спится, и попросил меня помочь ему скоротать ночь. Я хотел одеться, но он велел мне не вставать и присел на мою постель.

— Сегодня со мной произошел такой случай,— начал он,— что впечатление от него никогда не сотрется в моей памяти. Как вы знаете, я ушел от вас в ***скую церковь, которой я заинтересовался со слов маркиза; да и сам я еще издали обратил на нее внимание. Так как ни вас, ни его поблизости не было, я прошел эти несколько шагов один, сказав Бьонделло, чтобы он ждал меня у входа. Церковь была совсем пуста. После жаркого ослепительного солнечного света меня охватила прохладная и жуткая полутьма. Под высокими сводами, где царило торжественное нерушимое молчание, не было никого, кроме меня. Я стал посреди храма и весь отдался впечатлению; постепенно глазам моим стали открываться мощные пропорции этого величественного здания, и я погрузился в сосредоточенное и восхищенное созерцание. Раздался вечерний благовест и мягко отозвался под сводами и в моей душе. Мое внимание издали привлекла роспись алтаря, я подошел поближе, чтобы рассмотреть ее, и незаметно для себя прошел по этому приделу через всю церковь до противоположного конца. Отсюда несколько ступеней за колонной вели в тесную капеллу, где стояли небольшие алтари, а за ними — статуи святых в неглубоких нишах. Когда я вошел в капеллу направо, я услышал вблизи нежный шепот, как будто кто-то тихонько разговаривал. Я обернулся на этот звук и... увидел в двух шагах от себя женскую фигуру. Нет, я не могу описать ее! Первым моим ощущением был страх, сразу уступивший место сладчайшему восторгу.

— И вы уверены, дорогой мой принц, что это действительно было живое существо, настоящая женщина, не порождение вашей фантазии?

— Слушайте дальше! Это была молодая дама. Нет, до этого мгновения я никогда не видел истинного воплощения женственности! Вокруг стояла полутьма, и сквозь единственное окно заходящие лучи солнца падали в капеллу, освещая только эту фигуру. С невыразимой грацией — не то полулежа, не то преклонив колена — она распростерлась перед алтарем; никогда природа не создавала более смелых, более очарователь-

ных и совершенных линий в столь единственном, неповторимом сочетании. Черная одежда тесно охватывала прелестнейший стан, божественные руки и плечи и широкими складками, подобно испанскому плащу, ложилась вокруг нее; ее длинные белокурые волосы, заплетенные в две косы, распустились под собственной тяжестью и, выбившись из-под вуали, рассыпались в прелестном беспорядке по спине. Одна рука лежала на распяты; мягко склонившись, незнакомка опиралась на другую. Но где мне найти слова, чтобы описать вам небесную прелесть ее лица, озаренного, как престол ангельской души, неизъяснимым очарованием? Вечернее солнце играло на ее головке, и прозрачное золото заката, словно ореол, окружало ее. Помните ли вы «Мадонну» нашего флорентинца? Здесь она вся была предо мной, со всеми неповторимыми особенностями, которые так неудержимо привлекали меня в картине художника.

С «Мадонной», о которой говорил принц, произошел вот какой случай. Вскоре после вашего отъезда принц познакомился с одним флорентинским художником, которого пригласили в Венецию для росписи алтаря, — уж не помню, какой именно церкви. Он привез с собой три картины, предназначенные для галереи в палаццо Корнаро; на них были изображены Мадонна, Элоиза и полуодетая Венера. Все три картины — исключительной красоты и столь равноценные по мастерству, что трудно было отдать предпочтение которой-нибудь из них. И только принц ни минуты не колебался: не успели их поставить перед ним, как он сразу обратил все свое внимание на изображение Мадонны. В других он хвалил искусство художника, а тут он забыл и о художнике и об его искусстве и погрузился целиком в созерцание его произведения. Оно необыкновенно растрогало принца, он еле оторвался от картины. Видно было, что художник разделяет в душе выбор принца: он упрямо не желал продавать эти картины по отдельности и потребовал за все три полторы тысячи цехинов. Принц предложил ему половину суммы за одну «Мадонну», но художник настаивал на своем условии, — и кто знает, что произошло бы, если бы не нашелся бо-

лее решительный покупатель. Через два часа все три картины были проданы, больше мы их не видели. Вот об этой-то «Мадонне» и вспомнил сейчас принц.

— Я стоял,— продолжал он,— стоял как потерянный, не сводя с нее глаз. Она не заметила меня; ей не помешал мой приход, настолько она была погружена в свою молитву. Она молилась своему богу, а я молился ей. Да, я молился на нее! Ни изображения святых, ни алтари, ни свечи не напомнили мне о молитве, а тут я внезапно ощутил такое благоговение, словно попал в святая святых. Сознаться ли вам? В эту минуту я непоколебимо верил в того, чье изображение сжимала ее прекрасная рука. Я читал его слово в этих глазах. Как я благодарен ей за проникновенную молитву. Она показала мне истинного бога, я вместе с ней поднялся к нему на небеса.

Потом она встала, и только тут я снова пришел в себя. Смущенный, оробевший, я отступил в сторону, и шум моих шагов заставил ее оглянуться на меня. Неожиданная близость чужого человека, должно быть, удивила ее, моя дерзость могла показаться обидной, но ничего этого я не увидел во взгляде, который она бросила на меня. Спокойствие, невыразимое спокойствие было в ее глазах, ласковая улыбка сияла на ее лице. Она спускалась со своего неба, и я был первым счастливым существом, на которое пал ее благосклонный взор. Но она еще парила на последней ступени молитвы, она еще не коснулась земли.

В другом углу капеллы кто-то зашевелился. С церковной скамьи, за моей спиной, встала пожилая дама. До тех пор я ее не замечал. Она сидела в нескольких шагах от меня и, вероятно, видела меня все время. Это смутило меня, я опустил глаза; и обе дамы прошествовали мимо.

Я смотрел, как они шли по длинному проходу церкви. Теперь видна была вся ее прекрасная осанка. Какое обаятельное величие! Какое благородство в походке! Она кажется совсем другой,— в ней новая грация, вся она уже не та. Медленно проходят они по церкви. Я иду за ними, издали, робко, не зная — посметь мне догнать их или не посметь? Неужели она не

подарит мне еще один взгляд? А может быть, она взглянула на меня мимоходом, когда я был не в силах поднять на нее глаза? О, как мучительно было это сомнение!

Они останавливаются, а я... я не могу сдвинуться с места. Пожилая дама, мать или, может быть, родственница, заметила распутившиеся в беспорядке прелестные волосы и остановилась, чтобы их поправить, дав своей спутнице подержать зонтик. О, как я желал, чтобы волосы пришли в еще больший беспорядок, чтобы руки никак не могли бы справиться с ними!

Туалет закончен, они приближаются к дверям. Я ускоряю шаги. Незнакомка почти скрылась, потом совсем исчезла, мелькает только тень ее платья; она ушла — нет, вернулась! — она уронила цветок, наклонилась, подымает его, оглядывается. Не на меня ли? Кого же еще искать ей глазами в этих нежилых стенах? Значит, я для нее уже не чужой, значит и меня она оставила тут, как свой цветок. Милый мой Ф***, мне стыдно вам признаться, как по-детски объяснил я этот взгляд, который, быть может, предназначался совсем не мне.

Я попытался рассеять сомнения принца.

— И вот что удивительно,— продолжал принц после долгого молчания.— Можно ли не знать о чем-то, никогда не тосковать об этом, а через миг жить только этим одним? Может ли единый миг разять человека на два совершенно разные существа? С той минуты, как я увидел ее, с тех пор как этот образ живет во мне, живет это живое, могучее чувство,— мне было бы так же невыносимо вернуться к радостям и желаниям вчерашнего дня, как к забавам моего детства; нельзя никого любить, кроме нее, в этом мире для меня никто более не существует.

— Но вспомните, дорогой мой принц, в каком возбужденном состоянии вы были, когда вас поразила эта встреча, какое стечение обстоятельств помогло вашему воображению. Из яркого, ослепительного света, из уличного шума вы вдруг попали в полумрак, в молчание и целиком предалися чувствам, которые, как вы

сами признались, были вызваны в вашей душе величавой тишиной храма и созерцанием прекрасных произведений искусства, которые всегда заставляют человека глубже постигать красоту, особенно в одиночестве, как вам казалось. И там, где не думали никого встретить, вы неожиданно увидели девушку необычайной красоты, — в этом я вам охотно верю, — которая от выгодного освещения, от удачной позы и выражения молитвенного экстаза казалась еще прекраснее. Разве удивительно, что ваша воспаленная фантазия сотворила из всего этого нечто идеальное, какое-то неземное совершенство?

— Разве фантазия может сотворить то, чего она никогда не знала? А в моем воображении нет ничего, что я мог бы сравнить с этой картиной. Нерушимо, неизгладимо, как в миг созерцания, живет она в моей памяти. У меня нет ничего, кроме этого образа, но я не променяю его на весь мир!

— Дорогой мой принц, ведь это любовь!

— Неужели необходимо искать имя моему счастью? Любовь! Не унижайте мои чувства словом, которым злоупотребляют тысячи мелких душонок! Но кто испытывал то, что испытываю я? Такого существа еще не создавал мир, а разве слово может существовать раньше чувства? Это новое, неповторимое чувство возникло заново, вместе с этим новым, неповторимым существом, оно мыслимо только по отношению к этому существу! Любовь! Нет, от любви я застрахован!

— Вы послали Бьонделло, вероятно, для того, чтобы пойти следом за вашей незнакомкой, собрать о ней нужные сведения? Какие же вести принес он вам?

— Бьонделло ничего не узнал, вернее — почти ничего. Он шел за ней от самых церковных дверей. Пожилой, приличного вида мужчина, похожий скорее на местного горожанина, чем на слугу, подошел, чтобы проводить ее к гондоле. Множество нищих выстроилось на ее пути, и каждый отходил от нее с довольным лицом. При этом, говорит Бьонделло, он мог рассмотреть ручку, на которой блистали драгоценные кольца.

Со своей спутницей она перекинулась словами, которых Бьонделло не понял. Он утверждает, что разговор шел по-гречески. Так как им нужно было пройти до канала довольно далеко, на улице стал собираться народ: прохожие останавливались перед этим изумительным видением. Никто не знал ее, но красота — прирожденная королева. Все почтительно уступали ей дорогу. Она опустила на лицо черную вуаль, ниспадавшую до пояса, и торопливо пошла к гондоле. Бьонделло не спускал глаз с гондолы, куда она плыла вдоль всего канала Джудекки, но дальше следить он не смог из-за собравшейся толпы.

— Но заметил ли он по крайней мере гондольера? Сможет ли он потом узнать его?

— Да, он надеется найти гондольера, хотя он с ним и незнаком. Нищие, которых он расспрашивал, ничего не могли сообщить ему, кроме того, что синьора уже несколько недель, по субботам, появляется тут и всегда раздает им золотые. Он выменял и принес мне монету, — это был голландский дукат.

— Значит, она гречанка и, как видно, знатна или по крайней мере богата, да к тому же и благотворительница. На первый раз этого достаточно, ваша светлость, — даже, пожалуй, слишком достаточно! Но как гречанка оказалась в католическом храме?

— А почему бы и нет? Может быть, она переменила веру. Но, конечно, тут во всем кроется тайна. Почему она приходит раз в неделю? Почему именно по субботам и именно в эту церковь, которая, по словам Бьонделло, совсем заброшена? Но не позже ближайшей субботы все должно разрешиться! А до тех пор, милый мой друг, помогите мне перелететь через эту пропасть, вырытую временем! Нет, напрасны старания! Дни и часы тащатся медленным шагом, а у моей тоски растут крылья!

— Но что будет, когда наступит этот день, ваша светлость, что должно произойти?

— Как что? Я увижу ее! Я попытаю, где она живет, кто она такая. *Кто она?* Не все ли мне равно? То, что я видел, сделало меня счастливым, значит я уже знаю, что может меня осчастливить.

— А наш отъезд из Венеции? Ведь он назначен в начале будущего месяца.

— Разве я знал заранее, что в Венеции скрыто для меня такое сокровище? Вы спрашиваете о моей прошлой жизни. Я говорю вам, что я начал жить только сегодня и буду жить только сегодняшним днем.

Мне показалось, что сейчас самое время сдержать слово, данное маркизу. Я объяснил принцу, что его дальнейшее пребывание в Венеции никак не соответствует плачевному состоянию его финансов и что, в случае если он останется после срока, назначенного для отъезда, он не сможет рассчитывать на поддержку своего двора. Тут я узнал одно обстоятельство, бывшее для меня до сих пор скрытым: а именно, что сестра принца, владетельная герцогиня***, предпочитая его другим братьям, тайно посылала принцу значительные суммы, которые она с готовностью удвоит, если собственный двор принца оставит его без помощи. Эта сестра, как вам известно, религиозна и мечтательна и считает, что значительные сбережения, которые она делает при скромном своем образе жизни, нигде не найдут лучшего употребления, чем у брата, чью мудрую благотворительность она хорошо знает,— к брату она вообще относится с восторженной любовью и уважением. Я давно знал, что между ними существуют очень близкие отношения и постоянный обмен письмами; но так как до сих пор все расходы принца вполне покрывались его обычными доходами, я ни разу не попал на этот тайный источник помощи. Значит, ясно, что у принца были и другие расходы, которые явились для меня тайной и до сих пор остались ею. Но если судить по его характеру, все его траты, конечно, таковы, что могут только сделать ему честь. И я еще посмел вообразить, что проник в его душу! После такого открытия мне казалось еще менее приемлемым передать ему предложение маркиза; но, к моему немалому удивлению, оно было принято без всяких затруднений. Принц уполномочил меня договориться с маркизом, как я сочту нужным, и тотчас же покончить с ростовщиком. Сестре он решил написать немедленно.

Мы расстались уже под утро. Хотя мне это происшествие неприятно по многим причинам — да так оно и должно быть, — но самое досадное в этом деле, что оно угрожает продлить наше пребывание в Венеции. Эта зарождающаяся страсть, по моим ожиданиям, скорее пойдет на пользу, чем во вред принцу. Может быть, она и есть сильнейшее средство, чтобы низвести его от метафизических мечтаний к простой человеческой жизни; надеюсь, что и для этого чувства наступит обычный кризис, и, как искусственно привитая болезнь, оно унесет с собой и старое заболевание.

Прощайте, дорогой друг! Все это я описал Вам под свежим впечатлением. Почта сейчас уходит. Вы получите это письмо вместе с предыдущим.

*Барон фон Ф*** — графу фон О****

П И С Ь М О Ш Е С Т О Е

20 июля

Этот Чивителла — самый услужливый человек на свете. Не успел принц уйти от меня вчера, как я получил записку от маркиза, где он настойчиво напоминал мне об известном деле. Я тотчас послал ему от имени принца расписку на шесть тысяч цехинов. Не прошло и получаса, как мне ее вернули вместе с двойной суммой денег в векселях и в звонкой монете. Принц в конце концов согласился взять двойную сумму, но расписку с обязательством вернуть долг через шесть недель мы тут же отослали маркизу.

Вся эта неделя прошла в поисках таинственной гречанки. Бьонделло пустил в ход свои связи, но пока что понапрасну. Правда, он нашел гондольера, но тот не сказал ничего путного, кроме того, что он отвез обеих дам на остров Мурано, где их ждали двое носилок. Он счел их англичанками, так как они говорили на чужом языке и расплатились с ним золотом. Спутника их он тоже не знал; ему показалось, что он похож на одного владельца зеркальной мастерской в Мурано. Теперь

мы по крайней мере знали, что нам нечего искать ее в Джудекке и что она, по всей вероятности, жительница острова Мурано. Беда была в том, что по описаниям принца ни один человек, к сожалению, не мог ее себе представить. Именно та страстная сосредоточенность, с какой он вбирал ее образ, помешала ему *разглядеть* ее как следует, он был слеп ко всему, на что другие прежде всего обратили бы внимание. По его описаниям можно было скорее попытаться найти ее на страницах Тассо или Ариосто, нежели на венецианском острове. Кроме того, расспросы приходилось вести с величайшей осторожностью, дабы не возбудить лишних подозрений. Так как Бьонделло был единственным человеком, кроме принца, который видел незнакомку хотя бы под вуалью и, следовательно, мог ее узнать, он старался быть одновременно во всех местах, где можно было ожидать встречи с ней; и жизнь этого бедняги в течение всей недели превратилась в сплошную беготню по улицам Венеции. В греческой церкви поиски были особо настойчивыми, но и там ничего не добились, и принц, чье нетерпение возрастало с каждым обманутым ожиданием, должен был утешиться надеждой на будущую субботу.

Он был в страшном беспокойстве. Ничто не отвлекало его, ни на чем он не останавливал внимания, все его существо было охвачено лихорадочным волнением. Для общества он погиб, а в одиночестве его недуг разрастался. И словно назло, никогда его так не осаждали гости, как именно в эту неделю,— прослышав о его скором отъезде, все толпой устремились к нему. Приходилось занимать гостей, чтобы отвести от принца их назойливую подозрительность; приходилось занимать и самого хозяина, чтобы отвлечь его мысли. Это затруднительное положение и навело Чивителлу на мысль о карточной игре; и для того чтобы избавиться от лишних гостей, он предложил играть крупно. Маркиз, кроме того, надеялся хотя бы временно пробудить в принце интерес к игре, который приглушил бы его романтическую страсть; и он считал, что мы всегда потом сумеем избавить принца от увлечения картами.

— Карты,— говорил Чивителла,— не раз уберегли меня от всяческих безумств, которые я готов был совершить, и часто исправляли то, что уже было сделано. Игра в «фараон» нередко возвращала мне, бывало, спокойствие и трезвость, которые я терял от взгляда прекрасных глаз; и напротив — женщины никогда не имели надо мной такой власти, как в те дни, когда у меня не было денег на игру.

Не буду вдаваться в рассуждения, был ли Чивителла прав, но средство, на которое мы с ним напали, оказалось гораздо опаснее, чем зло, которому оно должно было помочь. Игра, сначала привлекавшая принца только благодаря большому риску, вскоре совсем захватила его. Он был окончательно выбит из колеи,— во все, за что он ни брался, он вкладывал безудержную страстность, все делал с горячностью и нетерпением, охватывавшими его. Вы знаете его равнодушие к деньгам; сейчас оно перешло в полнейшее безразличие. Червонцы текли у него меж пальцев, как вода. Он почти непрерывно проигрывал, потому что играл без всякого внимания.

Он проигрывал огромные деньги, потому что отчаянно рисковал. Милый мой О***, сердце мое трепещет, когда я пишу эти строки: за четыре дня он проиграл двенадцать тысяч цехинов и еще много сверх того.

Не упрекайте меня ни в чем. Я и без того горько виню себя. Но разве я мог этому воспрепятствовать? Разве принц послушался бы меня? Что я мог еще сделать, как только пытаться его удержать? Я и делал все, что было в моих силах. Тут я вины за собой не чувствую.

Чивителла проиграл довольно много. Я выиграл около шестисот цехинов. Беспремерная неудача принца вызвала пересуды; из-за этого ему тем более нельзя выйти из игры. Чивителла, которому доставляет явную радость видеть, что принц обязан ему, тотчас ссудил его необходимой суммой. Брешь заткнута, но принц должен маркизу двадцать четыре тысячи! О, как мне хочется скорее получить сбережения богобоязненной сестры принца! Неужели все князя таковы, милый

мой друг? Принц держится так, будто оказывает маркизу большую честь, а тот — тот неплохо играет свою роль.

Чивителла старается успокоить меня тем, что именно этот колоссальный проигрыш, эта громадная неудача послужит сильнейшим средством образумить принца. О деньгах беспокоиться нечего. Для него самого эта брешь совершенно нечувствительна, и он готов в любую минуту ссудить принца втройне. Да и кардинал подтвердил мне, что его племянник говорит совершенно искренне и что он, кардинал, сам с готовностью за него поручится.

Но самое грустное то, что все эти невероятные жертвы отнюдь не достигли цели. Можно было предположить, что принц хотя бы заинтересовался игрой. Ничуть не бывало! Его мысли витали где-то далеко, и страсть, которую мы надеялись подавить, еще больше разгоралась от невезения в игре. Когда предстоял решающий ход и все в ожидании теснились вокруг карточного стола, он искал глазами Бьонделло, чтобы угадать по выражению его лица, не принес ли тот какие-либо новости. Бьонделло ничего не приносил, а карта всегда проигрывала.

Впрочем, деньги попали в руки людей, весьма нуждающихся. Несколько сиятельных лиц, которые, как говорят злые языки, сами носили с рынка в своих сенаторских шапках провизию для весьма скромного обеда, переступили наш порог нищими, а ушли состоятельными людьми. Чивителла, указывая мне на них, говорил:

— Смотрите, сколько бедняков выиграло на том, что одна умная голова закружилась! И мне это нравится! Это так благородно, так истинно по-королевски! Великий человек даже своими заблуждениями должен делать других счастливыми и, как поток, вышедший из берегов, оплодотворять соседние нивы.

Да, Чивителла мыслит благородно и смело, но наш принц задолжал ему двадцать четыре тысячи цехинов!

Наконец, настала долгожданная суббота, и мой господин не стал медлить и сразу после обеда поехал в ***скую церковь. Он занял место в той же капелле, где впервые увидел свою незнакомку, но так, чтобы не

сразу попасться ей на глаза. Бьонделло получил приказание стать на страже у церковных дверей и там завязать знакомство с провожатыми дамы. Я взял на себя обязанность сесть, в качестве случайного спутника, в ту же гондолу, что и незнакомка, и проследить, куда она поедет, если раньше о ней ничего не удастся узнать. В том месте, где она, по словам гондольера, высадилась в первый раз, мы наняли две пары носилок. Кроме того, принц велел камер-юнкеру фон З*** следовать за незнакомкой в особой гондоле. Сам принц хотел без помехи отдаться созерцанию своей красавицы и, если возможно, попытаться счастья там же, в церкви. Чивителлу решили не вмешивать, так как он пользуется очень дурной репутацией у женщин Венеции и его присутствие могло вызвать подозрение у незнакомки. Вы сами видите, любезный граф, что мы сделали все, чтобы не упустить нашу прекрасную даму.

Никогда, должно быть, ни в одной церкви не возносились столь жаркие моления, — и никогда они не были обмануты столь жестоко. До самого захода солнца принц ждал ее, вздрагивая от ожидания при каждом шуме близ капеллы, при каждом скрипе церковных дверей, ждал целых семь часов — гречанки не было! Не стану говорить Вам о его настроении. Вы знаете, что такое несбывшаяся надежда, к тому же надежда, которой человек только и жил семь дней и семь ночей.

*Барон фон Ф*** — графу фон О****

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Июль

Таинственная незнакомка принца вызвала в памяти маркиза Чивителлы романтическое происшествие, свидетелем которого не так давно был он сам, и, чтобы рассеять принца, он с готовностью принялся нам рассказывать. Я излагаю этот рассказ его же собственными словами. Но в изложении моем пропадает та живость, которая делает столь занимательным все, о чем бы он ни говорил.

— Прошлой весной,— начал Чивителла,— имел я несчастье восстановить против себя испанского посла, который на семидесятом году жизни был столь безумен, что женился на восемнадцатилетней римлянке и надеялся, что будет обладать ею один. Его месть преследовала меня, и друзья посоветовали мне скрыться на время, чтобы избежать последствий и выждать, покуда рука природы или любовная сделка не избавят меня от этого опасного врага. Но я был не в силах навсегда расстаться с Венецией и поэтому поселился в отдаленном месте на Мурано, где под чужим именем снял уединенный дом; днем я прятался, а ночи посвящал друзьям и удовольствиям.

Окна мои выходили в сад, который с западной стороны граничил с монастырской оградой, а с востока, словно полуостров, вдавался в лагуну. Сад был чудесный, но посещали его редко. На рассвете, когда друзья меня покидали, я обыкновенно ненадолго задерживался у окна, чтобы посмотреть, как над заливом восходит солнце, пожелать ему доброй ночи, а затем уж отправлялся спать. Если вам еще не довелось испытать такое наслаждение, дорогой принц, я советую вам полюбоваться этим великолепным зрелищем, и именно там: лучшего места, пожалуй, не сыскать во всей Венеции. Багрянец ночи простирается над водами, и золотая дымка, предвестница восхода, окаймляет дальний край лагуны. Небо и море замирают в ожидании, миг — и солнце появляется во всем своем блеске, волны пламенеют — что за дивное зрелище!

Однажды на заре, наслаждаясь, по обыкновению, этой чарующей картиной, я вдруг замечаю, что любуюсь ею не один. Мне чудятся в саду человеческие голоса; и, взглянув в том направлении, откуда они доносятся, я вижу, что к берегу пристает гондола. Несколько мгновений спустя в саду появляются люди и медленным шагом, словно прогуливаясь, бредут вверх по аллее. Я уже могу различить их — это мужчина и женщина, и с ними — негритенок. Женщина в белом платье, на пальце у нее сверкает бриллиант. Больше в полумраке ничего разглядеть нельзя.

Любопытство мое разгорелось. Бесспорно, это сви-

дание двух влюбленных. Но почему же в таком месте и в столь неурочное время? Было не более трех часов утра, и все вокруг еще окутывал сумрак. Случай этот мне показался необычным, к тому же он походил на завязку романа. Мне захотелось дожидаться развязки. Внезапно густая чаща скрыла эту пару из виду, и мне пришлось долго ждать, пока они показались вновь. Между тем в саду послышалось мелодичное пение. Это пел гондольер, чтобы скоротать время, где-то невдалеке ему вторил один из его товарищей. То были стансы из Тассо; время и место гармонировали с песней, и мелодия чудесно звенела в глубокой тишине.

Тем временем рассвело, и предметы обозначились явственнее. Я поискал глазами своих незнакомцев. Вижу, они бредут рука об руку по широкой аллее, то и дело останавливаясь. Но вот они повернулись ко мне спиной и удаляются от моего дома. По осанке дамы я заключаю, что она принадлежит к высшему сословию, а по благородному изяществу и ангельской красоте ее стана — что она необыкновенно хороша собой. Они, по видимому, мало говорили, но все же дама говорила больше, чем ее спутник. Казалось, они совсем не обращают внимания на великолепное зрелище восходящего солнца.

Пока я ходил за подозрительной трубой и наводил ее, чтобы лучше разглядеть этих странных посетителей, они вдруг снова исчезли в боковой аллее, и прошло немало времени, прежде чем я увидел их опять. Солнце совсем уже взошло; вот они подходят близко к моему окну, и я вижу их лица... Что за небесное видение предстало глазам моим! Было то игрой моего воображения или же освещение создало такую волшебную картину? Мне показалось, что передо мной неземное существо, и я зажмурился, не в силах вынести этого ослепительного сияния. Что за грация, и при этом столько величия! Что за одухотворенность, что за благородство при такой цветущей юности! Тщетны были бы все мои попытки описать ее. До той минуты я и не знал, что такое красота.

Увлечшись разговором, она остановилась неподалеку от меня, и я имел полную возможность любоваться ее

чудной красотой, позабыв обо всем на свете. Но когда взор мой упал на ее спутника, то тут даже ее красота перестала приковывать мое внимание. То был, как мне показалось, мужчина в расцвете лет, несколько худощавый, высокого роста, величественной осанки. Я никогда еще не видел лица, озаренного таким умом, таким благородством, такой божественной мыслью. Хотя я и знал, что заметить меня невозможно, но все же не мог выдержать его пронизывающего взгляда, молнией сверкавшего из-под темных бровей. Вокруг его глаз лежала смутная тень грусти, а выражение доброты в очертаниях губ смягчало печальную суровость, омрачавшую его лицо. Весь его облик производил необычайное впечатление, еще усиленное тем, что характер лица у него был не европейский, а его одежда, подобранная смело и с неподражаемым вкусом, представляла как бы смесь из одеяний разных народов. По рассеянному взору можно было предположить в нем мечтателя, но манеры и осанка обличали человека опытного и светского.

Тут Ц***, который, как вам известно, непременно должен высказать все, что думает, не выдержал.

— Это наш армянин! — воскликнул он. — Это мог быть только наш армянин и никто другой!

— Что за армянин, осмелюсь спросить? — полюбопытствовал Чивителла.

— Да разве вы еще не слыхали об этой нелепой истории? — сказал принц. — Но не будем отвлекаться. Ваш незнакомец начинает интересоваться меня. Продолжайте же свой рассказ!

— В поведении его было нечто непостижимое. Когда незнакомка смотрела в сторону, он бросал на неё взор, полный муки и страсти, но стоило ей взглянуть на него, как он опускал глаза. «Может быть, этот человек не в своем уме?» — подумал я. Право же, я готов был простоять целую вечность, наблюдая за ними.

Кустарник снова скрыл их от моего взора. Долго, долго ждал я их появления, но — напрасно. Наконец, мне удалось вновь увидеть их, из другого окна.

Они стояли у фонтана, на некотором расстоянии друг от друга, погружившись в глубокое молчание. Вероятно,

они стояли так уже довольно долго. Ее открытый вдумчивый взор был пытливо устремлен на него: казалось, она читает каждую мысль на его челе. Он же, словно не находя в себе мужества прямо смотреть на нее, украдкой ловил ее образ на зеркальной поверхности воды или пристально глядел на дельфина, бросавшего в бассейн фонтана водяную струю. Кто знает, сколько продлилась бы эта безмолвная игра, если бы дама могла ее выдержать. С трогательной нежностью красавица подошла к нему, обняла его и поднесла его руку к своим губам. Он принял эту ласку с холодным равнодушием и оставил без ответа.

Но что-то в этой сцене меня тронуло. Мне стало жаль его, а не ее. Казалось, в груди этого человека происходит страшная борьба: непреодолимая сила влекла его к ней, а чья-то невидимая рука удерживала. Безмолвна, но мучительна была эта борьба, а соблазн так близок, так прекрасен. «Нет,— подумал я,— ему это не под силу; он не устоит, не может устоять».

Вот он незаметно кивнул, и негритенок исчез. Я ожидал чувствительной сцены, коленопреклонения, просьб о прощении, примирения, скрепленного тысячу поцелуев. Ничуть не бывало. Этот непонятный человек вынимает из бумажника запечатанный пакет и подает его даме. При виде пакета она опечалилась, слезы набежали ей на глаза.

После краткого молчания они отходят от фонтана. Из боковой аллеи к ним приближается пожилая дама, которая все время держалась поодаль; я только сейчас ее заметил. Они пошли медленно, обе женщины занялись разговором, и, воспользовавшись этим, он незаметно отстал от них. В нерешимости смотрит он на нее, останавливается, бросается вперед, снова замирает — и вдруг скрывается в кустарнике. Дама, наконец, оглянулась. Увидев, что его нет, она забеспокоилась. Вот она останавливается, видимо поджидая его. Но он не идет. Она испуганно глядит по сторонам, ускоряет шаг. И я тоже взглядом обыскиваю весь сад. Он не появляется. Его нет нигде.

Вдруг с канала доносится всплеск, и я вижу, как отчаливает гондола. Это он. Я насилу удержался, чтобы

не вскрикнуть. Теперь мне все ясно — то была сцена прощания.

Она, повидимому, догадывается о том, что мне уже ясно. Стремительно бежит она к берегу, так что пожилая дама не может поспеть за нею. Но поздно — гондола летит стрелою, и лишь белый платок развеивается вдалеке. Вскоре и обе женщины переправились на другой берег.

Я уснул, а потом, очнувшись после недолгого сна, невольно посмеялся над своими грезами. Фантазия моя продолжила это происшествие во сне, и явь словно смешалась со сном. Прелестная, как гурия, девушка, которая на утренней заре бродит с любовником в заброшенном саду под моими окнами; любовник, не умеющий воспользоваться такой минутой, — все это показалось мне фантазией, возможной разве что во сне и прощательной только спящему. Но сон был так пленителен, что мне захотелось, чтобы он повторялся вновь и вновь, да и сад стал мне как-то милее, после того как фантазия моя населила его существами столь прекрасными. Несколько хмурых дней, последовавших за этим утром, заставили меня покинуть окно; но в первый же ясный вечер я снова невольно выглянул в сад. Судите сами о моем изумлении, когда я сразу увидел, как мелькнуло белое платье моей незнакомки. Это была она. В самом деле — она. Значит, то был не сон.

С нею была та же пожилая дама, на этот раз она вела за руку маленького мальчика. Сама незнакомка шла поодаль, погруженная в свои мысли. Она обошла все места, которые стали ей дороги с того раза, как она посетила их вместе со своим спутником. Особенно долго стояла она у бассейна; устремив неподвижный взгляд на воду, она, казалось, напрасно искала там милый образ.

В первый раз необычайная ее красота сразу захватила меня, а сейчас она овладевала мной мягко и настойчиво, но с прежней силой. Теперь я мог без помехи созерцать это небесное видение. Изумление, которое я испытал, увидав ее впервые, незаметно сменилось светлой радостью. Окружавший ее ореол рассеялся, и я увидел в ней лишь прекраснейшую из женщин, воспламе-

нившую мои чувства. В эту минуту я твердо решил: она должна стать моею.

Пока я раздумывал, сойти ли мне вниз и приблизиться к незнакомке или, прежде чем осмелиться на это, разузнать, кто она, — в монастырской ограде вдруг отворилась маленькая калитка, и из нее вышел монах-кармелит. Заслышав шорох, дама обернулась и быстрым шагом направилась ему навстречу. Он вынул из-за пазухи какую-то бумагу, дама порывисто схватила ее, и лицо ее озарилось горячей радостью.

В этот самый миг появляются мои обычные вечерние гости, и я вынужден отойти от окна. Я всячески стараюсь даже не подходить к окну, ибо не хочу, чтобы ее увидел кто-нибудь другой. Целый час я вынужден ждать, снедаемый мучительным нетерпением, наконец мне удается выпроводить докучливых гостей. Я подбегаю к окну, но никого уже нет!

Схожу вниз — в саду ни души. На канале — ни одной гондолы. Нигде ни следа людей. Я не знаю, откуда она явилась, куда исчезла. Брожу по саду, озираясь по сторонам, и вдруг вижу, что-то белеет на песке. Я подхожу и поднимаю листок, сложенный в виде письма. Не иначе как письмо, переданное ей кармелитом. «Счастливая находка! — вырвалось у меня. — Это письмо откроет мне тайну, оно сделает меня властителем ее судьбы».

На письме печать в виде сфинкса; на нем нет адреса, оно написано шифром; но это меня не испугало: я умею разбирать шифры. Я торопливо списываю письмо, — ведь можно ожидать, что она тотчас же хватится и возвратится его искать. Не найдя письма, она, пожалуй, решит, что в саду побывало много людей, а это открытие может навсегда отпугнуть ее. Тогда прощайте все мои надежды!

Как я предполагал, так и вышло. Едва успел я списать письмо, как она вновь появилась со своей прежней спутницей, и начались лихорадочные поиски. Я прикрепляю письмо к куску черепицы, сорванной мной с крыши, и бросаю его в такое место, где она непременно должна пройти. Она находит письмо, и ее пленительная радость служит наградой моему великоду-

пию. Внимательно и тревожно разглядывает она письмо со всех сторон, словно пытаясь угадать, не коснулась ли его нечестивая рука, но удовлетворенное выражение, с которым она прятала письмо, показало мне, что у нее не мелькнуло и тени подозрения. Она пошла назад и, обернувшись, казалось послала на прощанье благодарный взгляд богам — хранителям сада, которые так верно сберегли тайну ее сердца.

Тотчас бросился я расшифровывать письмо. Я перепробовал шифры нескольких языков: наконец, мне удалось разобрать его с помощью английского. Содержание письма так поразило меня, что я запомнил его слово в слово...

Мне помешали. Докончу в другой раз.

*Барон фон Ф*** — графу фон О****

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Август

Нет, дорогой друг. Вы несправедливы к доброму Бьонделло. Право же, Ваши подозрения ложны. Вы вольны думать обо всех итальянцах что угодно, но этот честен.

Вам кажется странным, чтобы человек, отличающийся столь редкими талантами и столь примерным поведением, мог поступить в услужение, не преследуя при этом тайных целей; отсюда Вы заключаете, что цели его подозрительны. Но почему? Разве есть что-нибудь необычное в том, что человек умный и достойный стремится снискать расположение сиятельного лица, во власти которого составить его счастье? Разве есть в этом что-нибудь зазорное? И разве Бьонделло не показывает достаточно ясно, что его преданность принцу не бескорыстна? Он ведь признался принцу, что хочет обратиться к нему с одной заветной просьбой. Эта просьба, без сомнения, и раскроет нам его тайну. Конечно, может, у Бьонделло и есть тайные цели, но отчего же им не быть невинными?

Вас удивляет, что в первые месяцы, когда мы еще имели удовольствие пользоваться Вашим обществом,

этот Бьонделло скрывал все те таланты, которыми блещет теперь, и ничем не привлекал к себе внимания. Это правда; но разве был у него тогда случай показать себя? Ведь в то время принц еще не так нуждался в его услугах, а прочие таланты Бьонделло открылись нам случайно.

Но совсем недавно он дал нам новое доказательство своей преданности и честности, и оно должно развеять все ваши сомнения. За принцем следят, собирают тайные сведения о его образе жизни, знакомствах и состоянии. Не знаю, кому это любопытно. Однако послушайте дальше.

Есть здесь, на острове св. Георгия, одна таверна, куда Бьонделло частенько наведывается; может, что-нибудь и влечет его туда, не знаю. Как-то на днях заходит он в эту таверну и застает там целое общество адвокатов и чиновников — всё весельчаки и старые его знакомые. Все удивлены, обрадованы встречей с ним, бывшее знакомство возобновляется, каждый рассказывает, как текла его жизнь. Бьонделло тоже просят поведать о себе. История его немногословна. Ему желают удачи на новом поприще, говорят, что уже наслышаны о роскошном образе жизни принца фон ***, о его особой щедрости к тем, кто умеет хранить тайны; всем известна его дружба с кардиналом А ***, пристрастие к игре и прочее. Бьонделло изумлен. Его шутливо журят за то, что он напускает на себя таинственность, — ведь все знают, что он поверенный принца; два адвоката усаживают его между собой, бутылка живо пустеет; его понуждают пить, он отнекивается, говорит, что не переносит вина, но все же пьет, чтобы притвориться пьяным.

— Да, — изрекает, наконец, один адвокат, — ты, Бьонделло, свое дело знаешь, но только не совсем, а лишь наполовину.

— Чего же мне еще недостает? — спрашивает Бьонделло.

— Хранить тайны ты умеешь, — вставляет другой адвокат, — а вот выгодно сбывать их не научился.

— А разве найдется покупатель? — спрашивает Бьонделло.

Тут прочие посетители вышли из комнаты, он остался с двумя адвокатами с глазу на глаз, и они заговорили с ним без обиняков. Короче говоря, они просили его поставлять сведения об отношениях принца с кардиналом и его племянником, раскрыть им источник, откуда принц черпает средства, и передавать в их руки письма, адресованные графу фон О***. Бьонделло обещал дать ответ в другой раз, но так и не смог выведать, кем они подосланы. Судя по щедрому вознаграждению, которое они ему посулили, все это интересуется какого-то очень богатого человека.

Вчера вечером он рассказал моему господину об этом происшествии. Тот сперва хотел было тут же схватить этих посредников, но Бьонделло стал возражать. Ведь их все равно пришлось бы отпустить на свободу, и тогда он лишился бы у этих людей всякого доверия и самая жизнь его могла бы оказаться в опасности. Весь этот народ заодно, все стоят друг за друга, он предпочел бы восстановить против себя весь Высокий Совет Венеции, нежели прослыть между ними предателем; да и принцу он более не сможет быть полезен, потеряв доверие этой публики.

Мы думали и гадали, от кого бы все это могло исходить. Кому же в Венеции так интересно знать, что мой господин получает и что тратит, каковы его отношения с кардиналом А*** и о чем я пишу Вам? Быть может, это все еще происки принца фон ** д**?. Или тут снова действует армянин?

*Барон фон Ф*** — графу фон О****

П И С Ъ М О Д Е В Я Т О Е

Август

Принц утопает в блаженстве и любви. Он нашел свою гречанку! Слушайте же, как это произошло.

Некий приезжий, прибывший из Кьоцца, так описывал красоты этого города у залива, что принц захотел побывать там. Вчера он исполнил свое желание, и для того чтобы не возбудить всеобщего внимания и не вызвать лишнего шума, было решено, что господин мой

поедет инкогнито, и сопровождать его будем только мы с З*** и Бьонделло. Мы нашли корабль, направлявшийся туда, и купили для себя места. Общество там было весьма смешанное, но ничем не примечательное, и путешествие прошло без всяких приключений.

Кьоща стоит на сваях, как и Венеция, в ней насчитывается около сорока тысяч жителей. Знатных горожан там не много, но на каждом шагу встречаешь рыбаков или матросов. Всякий, на ком парик или плащ, считается богатеем; шапка и куртка — приметы бедняков. Город действительно красив, но только для тех, кто не видал Венеции.

Мы задержались там не надолго. Хозяин нашего суденышка набрал еще пассажиров, ему нужно было во-время попасть в Венецию, да и принца ничто не удерживало в Кьоще. Все уже сидели по местам, когда мы поднялись на корабль. Так как в первом рейсе нам докучало общество других пассажиров, мы взяли для себя отдельную каюту. Принц спросил, кто еще прибыл. Доминиканец, ответили ему, и несколько дам, возвращающихся в Венецию. Наш принц не проявил к ним никакого любопытства и тотчас удалился в свою каюту.

Как и по пути туда, предметом нашего разговора и при возвращении была гречанка. Принц с жаром вспоминал, как она явилась ему в церкви, мы то строили планы, то отвергали их, — и время пролетело, как одна минута: не успели мы оглянуться, как корабль причалил к Венеции. Несколько пассажиров, среди них и доминиканец, сошли на берег. Хозяин корабля прошел к дамам, которые, как мы только сейчас обнаружили, были от нас отделены тоненькой переборкой, и спросил, куда они прикажут доставить их.

— На остров Мурано, — ответили ему и назвали адрес.

— Остров Мурано! — воскликнул принц, и дрожь предчувствия словно пронзила его душу.

Не успел я ему ответить, как в каюту влетел Бьонделло:

— Знаете ли вы, в чьем обществе мы путешествуем? (Принц вскочил с места.) Она тут! Она сама! Я только что говорил с ее спутником!

Принц бросился на палубу. Каюта стала ему тесной, весь мир был ему тесен в этот миг. Тысячи чувств бушевали в нем, колени подкашивались, он то бледнел, то краснел. Я тоже дрожал вместе с ним от ожидания. Не могу вам описать наше состояние.

В Мурано корабль подошел к пристани. Принц выскочил на берег. Она вышла. Я прочел по лицу принца, что это она. С одного взгляда на нее исчезали всякие сомнения: никогда я не видал существа более прекрасного, все описание принца бледнело перед действительностью. Увидев принца, она залилась густым румянцем. Вероятно, она слышала весь наш разговор и не сомневалась, что была предметом нашей беседы. Она выразительно взглянула на свою спутницу, словно хотела сказать: «Это он!» — и в смущении опустила глаза. С корабля на берег перекинули узкий трап, по которому ей предстояло пройти. Со страхом ступила она на доски, но, как мне показалось, не оттого, что боялась поскользнуться, а потому, что не могла пройти без посторонней помощи. И принц уже протянул руку, чтобы ее поддержать. Выхода не было, и, победив нерешительность, она приняла его руку и сошла на берег. От жестокого волнения принц пренебрег долгом вежливости: он совсем забыл о второй даме, ожидавшей такой же услуги, — да и о чем он мог помнить в эту минуту? Оказать эту услугу пришлось мне, и я пропустил начало разговора, который произошел между моим принцем и незнакомкой.

Он все еще держал ее руку в своей, — видно, по забывчивости, сам того не сознавая, подумал я.

— Не впервые, синьора... я... мы... — Он не находил слов.

— Кажется, вспоминаю, — пролепетала она.

— В *** ской церкви.

— Да, да, в *** ской церкви, — проговорила она.

— Мог ли я подозревать, что сегодня... так близко...

Тут она тихонько отняла у него руку. Он явно растерялся. Бьонделло, который успел переговорить с ее слугой, поспешил на помощь принцу.

— Синьор, — начал он, — дамы заказали носилки,

но мы прибыли гораздо раньше, чем думали. Здесь поблизости есть сад, где можно переждать вдаль от толпы.

Предложение было принято. И вы можете легко вообразить, с какой радостью откликнулся на это принц. До самого вечера мы пробыли в саду. Мне и Ц*** удалось занять пожилую даму, и принц мог без помехи беседовать с девушкой. Вы, конечно, поняли, что он не терял времени понапрасну, так как получил разрешение посетить свою даму. Сейчас, когда я Вам пишу, он находится у нее. Когда он вернется, я узнаю, что там было.

Вчера, по прибытии домой, мы, наконец, нашли долгожданное векселя от нашего двора, но при них было письмо, страшно разгневавшее моего господина. Его отзывают ко двору, но в таком тоне, к которому он совершенно не привык. Он тотчас ответил в таком же духе и решил остаться. Полученных денег как раз хватит заплатить проценты с суммы, которую он задолжал. Мы с горячим нетерпением ждем ответа от его сестры.

*Барон фон Ф*** — графу фон О****

П И С Ъ М О Д Е С Я Т О Е

Сентябрь

Принц рассорился со своим двором, всякая денежная помощь оттуда прекращена.

Шесть недель, по истечении которых мой господин должен был расплатиться с маркизом, уже прошли, но до сих пор нет никаких векселей ни от кузена, у которого принц снова настойчиво просил помощи, ни от сестры. Вы, конечно, понимаете, что Чивителла ни о чем не напоминает, но тем упорнее помнит о долге сам принц. Наконец, вчера вечером пришел ответ от его двора.

Незадолго до того мы перезаключили контракт с владельцем особняка, который мы нанимали, и

принц объявил всем, что остается. Не говоря ни слова, мой господин протянул мне только что полученное письмо.

Можете ли Вы себе представить, любезнейший О ***: при ***ском дворе отлично осведомлены обо всех обстоятельствах здешней жизни принца, и клевета сплела вокруг него отвратительный клубок лжи. «С неудовольствием услышали мы,— говорилось, между прочим, в письме,— что принц с недавних пор, наперекор своей репутации, стал вести жизнь, совершенно противоположную его прежнему, достойному всяческой похвалы образу мыслей. Известно, что он безудержно предался женщинам и азартной игре, пустился в долги, допускает к себе, всяких духовидцев и шарлатанов, состоит в подозрительной связи с католическими прелатами и содержит свиту, которая ему и не по рангу и не по средствам. Говорят даже, что он собирается завершить это в высшей степени предосудительное поведение ренегатством и перейти в католическую церковь. Ежели он хочет снять с себя это последнее обвинение, он должен незамедлительно вернуться к своему двору... Одному из венецианских банкиров, которого принц должен поставить в известность о размере своих долгов, даны указания немедленно удовлетворить всех должников, но только *после* его отъезда, ибо при создавшихся обстоятельствах давать ему деньги в руки считается неразумным».

Какие обвинения и в каком тоне! Я взял письмо, перечитал его, желая найти хоть какие-нибудь смягчающие слова, но ничего не нашел и остался в полном недоумении.

Тут Ц *** напомнил мне о том, как у Бьонделло еще недавно выпытывали всякие сведения о принце. Время, содержание разговора, обстоятельства — все совпадало. Мы неправильно приписывали эти расспросы армянину. Теперь стало ясно, от кого они исходили. Ренегатство! Но в чьих же интересах так отвратительно и так низко оклеветали моего господина? Боюсь, что это фокусы принца ***ского, который во что бы то ни стало хочет убрать нашего принца из Венеции.

Принц молчал, устремив неподвижный взгляд перед

собой. Его молчание напугало меня. Я бросился к его ногам.

— Ради бога, ваша светлость,— крикнул я,— только не решайтесь на отчаянные поступки! Вы должны получить полное удовлетворение, и вы получите его. Предоставьте это дело мне. Пошлите меня туда. Отвечать на такие обвинения ниже вашего достоинства, но мне вы разрешите ответить за вас. Клеветник должен быть разоблачен, я открою глаза его ***ству.

В этом положении нас застал Чивителла, который с удивлением осведомился о причинах нашего огорчения. Ц*** и я промолчали. Но принц уже давно не делал никакой разницы между нами и им и к тому же был слишком сильно возбужден, чтобы в эту минуту внять голосу разума,— и приказал нам сообщить содержание письма маркизу. Я помедлил было, но принц вырвал письмо у меня из рук и сам отдал его Чивителле.

— Я ваш должник, господин маркиз,— проговорил принц, после того как Чивителла с удивлением прочел письмо,— но пусть вас это не беспокоит. Дайте мне еще двадцать дней срока, и вы будете удовлетворены.

— Светлейший принц,— воскликнул Чивителла,— неужто я заслужил это?

— Вы не напоминали мне о долге. Я ценю вашу деликатность и благодарю вас за нее. Через двадцать дней, как сказано, вы будете полностью удовлетворены.

— Что такое? — спросил меня Чивителла растерянно.— При чем тут долг? Я ничего не понимаю!

Мы, как могли, объяснили ему, в чем дело. Он совершенно вышел из себя. Принц должен требовать удовлетворения, сказал он, это неслыханное оскорбление. А пока что он закликает принца неограниченно пользоваться его состоянием и его кредитом.

Маркиз покинул нас, а принц все еще не сказал нам ни слова. Широкими шагами мерил он комнату из угла в угол; что-то необычное происходило в его душе. Наконец, он остановился и пробормотал сквозь зубы:

— «Пожелайте же себе удачи. В девять часов он скончался».

В испуге смотрели мы на него.

— «Пожелайте себе удачи»,— повторил он.— Я, я должен пожелать себе удачи,— ведь так он сказал, не правда ли? Что же он хотел этим сказать?

— Почему вы сейчас вспомнили об этом? — воскликнул я.— При чем тут эти слова?

— Тогда я не понимал, чего хотел этот человек. Теперь я его понял! О, как невыносимо тяжело, когда над тобой существует господин...

— Дорогой мой принц!

— ...который к тому же дает это чувствовать! О, как сладко должно быть...

Он снова умолк. Лицо его испугало меня. Никогда я не видал его таким.

— Самый презренный из подданных,— начал он опять,— или наследный принц — это одно и то же. Есть только одно различие меж людьми: повелевать — или повиноваться.

Он снова взглянул на письмо.

— Вы знаете человека,— продолжал он,— который осмеливается так писать ко мне. Разве вы поклонились бы ему на улице, если б судьба не сделала его вашим господином? Клянусь богом, великое дело носить корону!

В таком духе он говорил и дальше, и речь его была такова, что я не решусь доверить ее ни одному письму. При этом случае принц открыл мне одно обстоятельство, которое и поразило и перепугало меня, так как оно может иметь опаснейшие последствия. Да, мы глубоко заблуждались касательно семейных отношений при *** ском дворе.

Принц тут же ответил на письмо, и этот ответ был составлен в таком духе, что трудно было надеяться на хорошую развязку.

Вам, милейший мой О ***, должно быть интересно узнать, наконец, что-либо определенное о гречанке, но именно об этом я не могу Вам дать сколько-нибудь удовлетворительное объяснение. От принца ничего нельзя добиться, так как он посвящен в тайну и, вероятно, обязался тайну эту не раскрывать. Выяснилось только, что она не гречанка, как мы предполагали.

Она немка, и притом самого знатного происхождения. По слухам, дошедшим и до меня, ее мать — особа чрезвычайно знатная. А ее самое считают плодом несчастной любви, о которой шумела вся Европа. Тайные козни могучей руки заставили ее, согласно этой легенде, искать убежища в Венеции, и эта же причина принуждает ее жить в уединении, что помешало принцу сразу узнать ее местопребывание. Все эти предположения подтверждаются глубоким уважением, с которым принц говорит о ней, и всеми предосторожностями, которые он соблюдает.

Его привязывает к ней неистовая страсть, растущая с каждым днем. В первое время она еще скупилась на свидания, но уже со второй недели часы разлуки становились все короче, и теперь не проходит дня, чтобы принц не ездил туда. По целым вечерам мы его не видим, и даже в те часы, когда он не бывает в ее обществе, мысли его заняты только ею. Он совершенно изменился. Он бродит как во сне, и трудно заставить его обратить хотя бы малейшее внимание на то, что раньше его интересовало. До чего же это дойдет, дорогой друг? Я дрожу за его будущее. Разрыв с двором поставил моего господина в унижительную зависимость от одного человека — маркиза Чивителлы. Он сейчас держит в руках все наши тайны, всю нашу судьбу. Будет ли он всегда мыслить столь же благородно, как теперь? Сохранятся ли и далее эти добрые отношения, и хорошо ли давать одному человеку, хотя бы и самому превосходному, такую власть над собой, отводить ему столь важное место?

Сестре принца послано еще одно письмо. Надеюсь, что смогу в следующем своем письме сообщить Вам о результатах.

*Граф фон О*** продолжает рассказ*

Но за этим письма не последовало. Целых три месяца прошло, пока я получил известие из Венеции; и причины этого перерыва стали мне слишком хорошо известны только впоследствии. Все письма моего друга ко мне задерживались и не пересылались. Можете пред-

ставить, как я был потрясен, когда, наконец, в декабре этого года, я получил следующую записку, которая попала в мои руки только благодаря счастливой случайности (Бьонделло, ведавший обычно отправлением писем, внезапно заболел):

«Вы не пишете мне. Вы не отвечаете на письма. Летите же, летите сюда на крыльях дружбы! Наши надежды погибли! Прочтите вложенное письмо. Все наши надежды погибли!

Рана маркиза, говорят, смертельна. Кардинал жаждет мести, и его наемные убийцы ищут принца. Господин мой, несчастный мой господин! Неужто этим кончится? Недостойная, ужасная судьба! Словно преступники, мы должны прятаться от наемных убийц и заимодавцев.

Пишу вам из ***ского монастыря, где принц нашел убежище. Сейчас он лежит на жестком ложе и спит — спит сном смертельной усталости, который если и подкрепит его, то лишь для того, чтобы он сильнее почувствовал свои несчастья. Те десять дней, что она проболела, он не сомкнул глаз. Я присутствовал на вскрытии. Найдены следы отравления. Сегодня ее хоронят.

Ах, любезный мой О***, сердце мое разрывается. Я пережил минуты, которые никогда не исчезнут из моей памяти. Я стоял у ее смертного одра. Она угасла, как святая, и в своих предсмертных словах она просила своего возлюбленного встать на путь, который и ее вел на небеса. Наша стойкость была сломлена, один принц был непоколебим, и хотя он тройне страдал, теряя ее, в нем все же сохранилось достаточно силы воли, чтобы отказать этой верующей душе в ее последней просьбе».

В письмо была вложена следующая записка:

*Принцу фон*** от его сестры*

Единая католическая церковь, сделавшая в лице принца ***ского столь блестящее приобретение, вероятно не оставит его без средств, для того чтобы он

мог продолжать тот образ жизни, которому эта церковь и обязана своей победой. Я могу найти слезы и молитвы для заблудшего, но не благоденствия для недостойного.

*Генриетта ***ская*

Я тотчас сел в почтовую карету, ехал днем и ночью и на третьей неделе прибыл в Венецию. Но никакой пользы моя поспешность не принесла. Я приехал, чтобы принести утешение и помощь несчастному, а нашел счастливец, не нуждающегося в слабой моей поддержке. Когда я прибыл, Ф *** лежал больной и к нему никого не допускали. Мне только передали его собственноручную записку: «Уезжайте, любезнейший О **, туда, откуда Вы приехали. Принц больше не нуждается ни в Вас, ни во мне. Долги уплачены, кардинал с ним помирился, маркиза уже поставили на ноги. Помните ли вы армянина, который так смущал нас в прошлом году? Так вот, в его руках вы найдете принца, который пять дней назад... прослушал первую католическую мессу!»

Я все же попытался проникнуть к принцу, но меня не приняли. У постели моего друга Ф *** услышал я, наконец, эту невероятную историю.

Конец первой части

КОММЕНТАРИИ

ДРАМЫ

ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА

Шиллер приступает к работе над своей романтической трагедией 1 июля 1800 года, непосредственно вслед за окончанием «Марии Стюарт». Только два ближайших друга Шиллера — Кернер и Гете — знают о новом замысле поэта. В письме к Кернеру от 28 июля Шиллер сообщает, что план драмы уже почти готов и он начнет писать ее через четырнадцать дней. Но подготовительная работа затянулась. Шиллер знакомится со всеми книгами по интересующей его эпохе, которыми располагает Веймарская библиотека, — с «целой литературой», как он 2 августа пишет Гете.

Только осенью Шиллер смог начать писать свою трагедию, и 16 апреля 1801 года «Орлеанская дева» была закончена.

Во время работы Шиллер неоднократно говорил о горячей симпатии к своей героине, простой французской девушке, вдохновленной стремлением избавить свою страну от неприятеля. «Сам сюжет не дает мне остыть. Он близок моему сердцу, и в работу я вкладываю душу не так, как это было, когда я писал предыдущие пьесы, где рассудок и сюжет были между собой не в ладах» (письмо к Кернеру от 5 января 1801 года).

Первую, чрезвычайно высокую оценку «Орлеанской девы» дал Гете, возвращая Шиллеру рукопись его нового произведения: «Оно так прекрасно, что я и не знаю, с чем его сравнить».

В письме к Кернеру Шиллер пишет, что Гете считает «Орлеанскую деву» его лучшим созданием.

Несравненно менее восторженный прием встретила драма у «мecenата» герцога Карла-Августа. Герцог не торопится с раз-

решением на постановку «Орлеанской деви» на сцене Веймарского театра. И причина здесь, конечно, не только и не столько в высказанных Карлом-Августом опасениях, как бы шиллеровская «реабилитация» Орлеанской деви не была иронически встречена веймарской придворной публикой, наизусть цитирующей «Девственницу» Вольтера. Причина глубже. Тот же Карл-Август, который еще во время работы Шиллера над его предшествующей драмой, «Марией Стюарт», был встревожен пронизывающей эту трагедию антиабсолютистской тенденцией, не мог быть в восторге ни от обращения Шиллера к образу народной героини, ни от прославления родины «свободно дышащих французов» и намеков на события французской буржуазной революции 1789 года, как справедливого возмездия народа его преступным владыкам, содержащихся в новой драме поэта.

Первое представление «Орлеанской деви» состоялось 11 сентября 1801 года в Лейпциге. В Веймаре романтическая трагедия Шиллера увидела свет рампы только в 1803 году.

Исторические события, к которым обращается Шиллер в своей пьесе, относятся к эпохе так называемой Столетней войны между Англией и Францией, продолжавшейся, с небольшими перерывами, с 1337 по 1453 год.

К 1429 году, с которого начинается Шиллер действие драмы, положение Франции было угрожающим. Разоренная длительными войнами, подрывающими экономическую жизнь страны, ее торговлю и ремесла, разграбленная отрядами наемников и шайками разбойников феодалов, как иноземных, так и отечественных, ослабленная сепаратистскими тенденциями и прямым предательством феодальной верхушки, страна переживала тяжелейшие дни своей истории. После битвы при Азенкуре в 1415 году в руках англичан находится весь север Франции вместе с Парижем, на сторону неприятеля открыто переходят многие крупные феодалы во главе с герцогом Бургундским, дофин Карл (будущий французский король Карл VII (1403—1461) вынужден бежать в Бурж. В октябре 1428 года англичане осаждают Орлеан — ключ к югу Франции. Стране грозит катастрофа, полная потеря самостоятельности. Но те же события, которые явились свидетельством глубочайшего кризиса феодального строя, полной неспособности королевской власти и дворянства прекратить бедствия Франции; дали миру образцы героического патриотизма французского народа, вступившего в эти решающие дни на путь ожесточенной повстанческой войны с инозем-

цами. Настроения народных масс, разоренных войной и борьбой феодальных кланов и воодушевленных стремлением спасти родину, наиболее полно выражены в деятельности Жанны д'Арк (1412—1431), образ которой окружен многочисленными народными преданиями,— французской патриотки, возглавившей освободительную борьбу против английских захватчиков. У семнадцатилетней крестьянки из лотарингской деревни Дом-Реми, разделяющей религиозные представления и суеверия своего времени, патриотические побуждения принимают религиозную форму,— она считает себя призванной свыше избавить «милую Францию» от врага.

С большим трудом достигнув в феврале 1429 года королевского двора, Жанна д'Арк убеждает дофина начать решительные военные действия, обещая снять осаду с Орлеана, провести дофина для коронации в Реймс и изгнать англичан.

За исключением внешних контуров биографии Орлеанской девы, многое в ее истории — легенда или полублегда, созданию которой способствовало не только наивное осмысление ее подвигов общественным мнением средневековой Франции, но и сознательная фальсификация этого образа в многочисленных позднейших «исследованиях», носящих явно прокатолический характер. С небольшим войском, которое доверил ей Карл, Жанна снимает 8 мая 1429 года осаду с Орлеана, призвав себе на помощь городское народное ополчение. Вдохновленные мужеством девушки, французские войска, во главе с Жанной д'Арк, одерживают одну блестящую победу за другой, города открывают ей свои ворота, крестьянские отряды присоединяются к ее армии. В июне 1429 года Жанна д'Арк ведет дофина для коронации в Реймс. Но «для королевской и аристократической партии» крестьянская девушка была... бельмом на глазу¹. Французские феодалы напуганы размахом народного движения и ростом популярности Жанны д'Арк. 23 мая 1430 года, во время сражения при Компьене, перед Жанной, отбивавшейся от врагов, предательски закрыли ворота, и она попадает в плен к бургундцам, которые затем продали ее англичанам. По приказу неприятеля, католическая церковь начинает позорный процесс против национальной героини Франции, обвиняя ее в ереси и колдовстве, стремясь таким образом очернить ее в глазах народа. 30 мая 1431 года Жанна д'Арк была публично сожжена

¹ Архив Маркса и Энгельса, 1939, т. VI, стр. 328.

в Руане. «Впоследствии Карл VII и его каналы вынуждены были ради народа сделать кое-что для «восстановления чести» Жанны»¹. Начинается процесс «реабилитации» Орлеанской девы. Католическая церковь, истязавшая Жанну д'Арк и предавшая ее мучительной смерти, причисляет ее в XX веке к лику своих «святых». Но, несмотря на все старания феодальных, а позднее буржуазных идеологов, всячески фальсифицировавших образ Орлеанской девы, Жанна д'Арк вошла в историю как символ героического народного патриотизма.

Отклонения от истории, допущенные Шиллером, относятся главным образом к заключительным эпизодам судьбы Иоанны — ее гибели, и неразрывно связаны со всей системой этических и эстетических взглядов писателя, спецификой немецкого классицизма XVIII столетия. Считая основой трагического не объективно-исторические, не социальные конфликты, а прежде всего конфликт моральный, Шиллер почти полностью посвящает последние два акта драмы внутренней борьбе, колебаниям между «разумными» и «эгоистическими», «чувственными» (употребляя шиллеровскую терминологию) устремлениями, которыми он наделяет свою героиню. Иоанна — идеал Шиллера его классической эпохи не потому, что променяла «на меч воинственный» свой пастушеский посох, а потому, что она являет собой пример абсолютно «нравственного», «разумного» существа, победившего свою зависимость от «чувственного» мира. Только такое существо и обладает единственно подлинной, по мнению Шиллера, внутренней «идеальной свободой». «Лишь в качестве созданий чувственного мира мы зависимы, как существа разумные — мы свободны», — утверждает поэт в своих эстетических сочинениях².

Чудесную силу этой «идеальной свободы» и должен, по замыслу Шиллера, символизировать торжественный апофеоз финала драмы — освобождение Иоанны из плена и ее просветленная гибель. Однако, как и во всех своих лучших созданиях, Шиллер в «Орлеанской деве» шире собственных теоретических концепций. Голос Шиллера-поэта заглушает умозрительную идеалистическую схему. Главным, основным в драме оказались не моралистические построения, а пафос национально-освободительной борьбы. Несмотря на известную искусственность об-

¹ Архив Маркса и Энгельса, 1939, т. VI, стр. 329.

² «О возвышенном», том VI настоящего издания.

раза «святой воительницы» Иоанны, Шиллер выражает здесь чрезвычайно конкретную, впервые с такой отчетливостью прозвучавшую в его творчестве идею: утверждение силы патриотизма, святости борьбы за свободу народа. Именно так и была воспринята «Орлеанская дева» современниками поэта. Исключительный успех «романтической трагедии» Шиллера в Германии падает на годы национально-освободительной борьбы против наполеоновских армий.

Непревзойденной исполнительницей Иоанны в шиллеровской «Орлеанской дева» была великая русская актриса М. Н. Ермолова.

«Орлеанская дева» воспроизводится в переводе В. Жуковского, по 5-му изданию Собрания сочинений, Спб. 1824. Места, отсутствующие в переводе В. Жуковского, восстановлены редакцией по немецкому изданию: *Schillers Werke, herausgegeben von Ludwig Bellermann, Band V.*

Подзаголовок «романтическая трагедия» в переводе Жуковского отсутствует; заменено «Драматической поэмой».

«Романтическое» в конце XVIII — начале XIX века — это средневековое, в отличие от классической античности, а также все необычное, исключительное, странное. Такой смысл вкладывает Шиллер в подзаголовок своей драмы, единственной в творчестве поэта, где существует фантастический элемент — чудесное.

В списке действующих лиц Жуковский изменяет некоторые имена крестьян, заменяя их более «пасторальными»: Алина вместо Марго, Арман вместо Клод Мари.

ПРОЛОГ

Явление первое

В переводе Жуковского пролог не разделен на явления.

Стр. 9. *И древняя корона Дагоберта // Досталась в добычу иноземцу.* — Дагоберт — франкский король с 629 по 639 год, последний представитель династии Меровингов, обладавший реальной властью. При Дагоберте почти вся территория современной Франции была подчинена франкскому королю. Иноземец — английский король Генрих VI Ланкастерский (1421—1471). Разбив французов при Азенкуре (1415), отец Генриха VI — Генрих V

(1387—1422) — в 1420 году, по договору в Труа, был объявлен регентом Франции и наследником французского короля Карла VI. После смерти своего отца и Карла VI Генрих VI долгие годы оспаривал французскую корону и даже был коронован в Париже (в декабре 1431 года, уже после смерти Жанны д'Арк). Во Франции оказались два короля.

Знатнейший пэр, ближайший из родных, // Против него с врагами в заговоре — Филипп Добрый, герцог Бургундский, сражавшийся на стороне англичан и порвавший с ними только в 30-е годы, уже после смерти Жанны д'Арк. В 1435 году он заключил с Карлом VII сепаратный мир, по которому Бургундия становится независимым от Франции государством. Филипп Добрый и сын его Карл Смелый присоединили к Бургундскому герцогству ряд важнейших промышленных и торговых областей Западной Европы — часть Голландии, Брабант, Люксембург и другие земли, перечисляемые ниже в тексте драмы (стр. 16).

Явление второе

Ремарка: *Тибо, Раймонд, Иоанна* — в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 12. *Друиды* — жрецы у древних кельтов Галлии, Британии и Ирландии; совершали жертвоприношения под священными дубами, которые позднее, уже в христианских суевериях, считались обиталищем злых духов.

Явление третье

Стр. 14. *Вокулёр* — лотарингский городок на реке Маас, неподалеку от деревни Дом-Реми.

Стр. 16. *Мы в двух больших сражениях разбиты...* — вероятно, битвы при Креване (1423) и Вернейле (1424).

Стр. 17. *...Изабелла, // Мать короля, князей баварских племя...* — мать Карла VII была дочерью герцога Стефана Баварского.

...погибнешь ты, // Как некогда Иезавель погибла. — По библейской легенде, Иезавель, преступная жена израильского царя Ахава, насаждавшая в народе идолопоклонничество, была выброшена из окна, растоптана всадниками и растерзана собаками.

...Рушитель стен, ужасный Салисбури; // С ним Лионель, боец с душой звериной; // И вождь Тальбот... — Томас, граф Сольсбери — известный английский полководец, руководивший осадой Орлеана, во время которой и был убит (1428). Тальбот

Джон, граф Шрусбери с 1417 года принимал длительное и почти непрерывное участие в Столетней войне и много раз был главнокомандующим английскими войсками во Франции. В битве под Орлеаном был ранен и взят в плен, но французский король вскоре освободил его без выкупа. Лионель — лицо не историческое.

Стр. 18. *Но где Сантраль? Что сделалось с Ла Гиром? // Где Дюнуа, отечества надежда?* — Потон де Сентраль — французский полководец, принимавший участие в Столетней войне. Этьен де Виноль Ла Гир считался известным полководцем и приверженцем Карла VII, принимал участие в освобождении Орлеана; в 1430 году пытался спасти Жанну д'Арк из английского плена, но был схвачен, бежал и снова участвовал в войне с англичанами. Жан Дюнуа — побочный сын герцога Луи Орлеанского, один из лучших французских полководцев того времени.

Стр. 19. *Бодрикур Робер* — комендант Вокулёра. Он принял Жанну д'Арк и направил ее к дофину.

Стр. 20. *Сторукого громителя небес...* — Намек на одного из титанов, сражавшихся с богами-олимпийцами (греч. миф.).

Здесь рухнула неверных сила... — В 451 году в Каталаунской равнине был разбит Атила; в 732 году, у Пуатье, — арабы.

Здесь прах лежит святого Людовика... — Людовик IX, французский король (1215—1270), скончался в Тунисе во время крестового похода и причислен католической церковью к лику святых.

Стр. 21. Репарка (*удивленно*) в переводе Жуковского отсутствует.

Для нас король наш должен умереть, // Неумирающий... — Неумирающий, так как в момент смерти короля его наследник уже становится королем («Le roi est mort, vive le roi!»¹).

Стр. 23. *Орифламма* (auriflamma: золотое пламя) (лат.) — военное знамя французских королей, из пурпурного шелка на золоченом древке.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Стр. 23. Репарка: *Ставка короля Карла в Шиноне* в переводе Жуковского отсутствует.

¹ Король умер, — да здравствует король! (франц.)

Явление второе

Стр. 24. *Коннетабль* — главный конюший; позднее — звание главнокомандующего французской армией.

Стр. 25. *Король Рене* — Рене Анжуйский (1408—1480), король Неаполя и Сицилии, граф Прованский. После неудачной борьбы за Неаполитанское королевство передал права на него своему сыну и жил преимущественно в Провансе, где наслаждался поэзией трубадуров, устраивал «суды любви», на которых решались популярные в феодально-рыцарских кругах проблемы любовной казуистики, писал галантные баллады, поэмы и уставы для турниров. Наиболее известное произведение Рене — пасторальная поэма «Любовь пастушка и пастушки». В примечании к первому изданию Шиллер писал: «Рене Добрый, граф Прованский, из Анжуйской династии; его отец и брат были королями неаполитанскими, и сам он, после смерти своего брата, претендовал на неаполитанскую корону, но безуспешно. Он стремился возродить старинную провансальскую поэзию и *cougs d'amour* (суды любви) и даже назначил *Prince d'amour* (принца любви), как высшего судью в делах галантности и любви. В том же романтическом духе превратил он себя и свою жену в пастухов». Об этом и говорит ниже Дюнуа: «С тех пор как он пасет своих овец...»

Стр. 27. *...герои // За круглый стол садились...* — Намек на героев цикла средневековых романов о короле Артуре и его рыцарях, собиравшихся за сказочным круглым столом.

Явление третье

Стр. 28. *Рощеньер* — личность не историческая

Стр. 29. *Сантраль погиб!* — Потон де Сентраль в действительности умер значительно позднее описываемых событий.

Дуглас. — Речь идет о шотландском графе Арчибальде III Дугласе, противнике англичан, который во главе пятитысячного войска направился на помощь к Карлу VII французскому и получил за это герцогство Турень; командуя французской армией в битве при Вернейле, пал в 1424 году, то есть за несколько лет до описываемых в драме событий.

Явление четвертое

Стр. 31. Ремарка (*велит ему уйти*) в переводе Жуковского отсутствует.

Явление пятое

Стр. 33. Ремарка (*идет ему навстречу*) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 34. *...он мыслит и поныне, // Что Дю Шатель убил его отца.* — Отец Филиппа Доброго, герцога Бургундского, Иоанн Бесстрашный, был убит приверженцами дофина в 1419 году на мосту у Монтеро. Непосредственным исполнителем заговора, по свидетельству Рапэна, автора «Истории Англии», которой пользовался Шиллер, был известный французский полководец Дю Шатель.

Ужель в парламенте моем // Совсем умолк священный голос правды? — Парламенты в средневековой Франции — высшие суды, формально пользовавшиеся значительными политическими правами. Отрешение парламентом дофина Карла от престола, упоминаемое Шиллером, произошло еще в 1420 году, то есть за несколько лет до событий, к которым приурочено начало действия драмы.

Стр. 35. Ремарка (*после краткого раздумия*) в переводе Жуковского отсутствует.

Ланкастер — английский король Генрих VI.

Стр. 36. Ремарка, начинающаяся словами: *Король закрывает лицо руками...* в переводе Жуковского отсутствует.

Ремарка (*после паузы, обращаясь к чиновникам*) в переводе Жуковского отсутствует.

Ремарка (*падая на колена*) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 40. Ремарка: (*удерживает его*) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 41. Ремарка (*в отчаянии ломает руки*) в переводе Жуковского отсутствует.

Ремарка: (*Ла Гир уходит*) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 42. Ремарка, заключающая шестое явление, в переводе Жуковского отсутствует.

Явление седьмое

Стр. 42. Ремарка (*берет ее руку*) в переводе Жуковского отсутствует.

Часть реплики короля от слов: *В благословенный край с тобой мы едем...* до слов: *жизнь и любовь* в переводе Жуковского отсутствует.

Явление восьмое

Стр. 43. Слова Агнесы: *Победа! О божественное слово!* — в переводе Жуковского отсутствуют.

Явление девятое

Стр. 44. Реплика (подводит Дюнуа к королю и соединяет их руки) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 46. Реплика, заключающая девятое явление, в переводе Жуковского отсутствует.

Явление десятое

Стр. 47. *Ты бога испытуешь; // Не на своем ты месте, Дюнуа...* — аналогичный ответ Жанны во втором явлении первого действия «Генриха VI» Шекспира. Шиллер заимствует этот эпизод — испытание, которому подвергает король «ясновидение» Иоанны.

Стр. 50. Слова Дюнуа: *Нет, не словам — ее глазам я верю // И чистоте девической ее* — в переводе Жуковского отсутствуют.

Стр. 50—51. Диалог короля и Иоанны от слов: *Итак, с врагом могу еще бороться?* до слов: *...тебя в него введу* — пример использования Шиллером так называемой стихомифии, распространенной в поэтике античной драмы, когда два участника словесного состязания «борются», обмениваясь каждый одним стихом, целиком передающим сжатую, законченную мысль.

Стр. 51. Реплика (*рыцари бряцают оружием и выступают вперед*) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 52. Реплика: *Иоанна подымается с колен* в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 53. Реплика, заключающая десятое явление, в переводе Жуковского отсутствует.

Явление одиннадцатое

Стр. 53. *Найду ли здесь я Карла Валуа?* — В подлиннике обращение герольда звучит несравненно более грубо: *«Кто здесь Карл Валуа, граф де Понтье?»* (таков был титул Карла до того, как он стал дофином, и так продолжают звать его англичане), что делает понятной гневную отповедь, которую дает герольду Дюнуа.

Стр. 54. Реплика (*выступает вперед*) в переводе Жуковского отсутствует.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Между первым и вторым действиями Иоанна разбила армию неприятеля и сняла осаду с Орлеана.

Стр. 56. *При Пуатье, Креки и Азинкуре* были одержаны крупнейшие победы англичан в Столетней войне: битва при Креси (у Жуковского: Креки) произошла 26 августа 1346 года, большое войско французов было разбито; в битве при Пуатье 19 сентября 1356 года французы потерпели второе жесточайшее поражение, во время которого французский король Иоанн был взят в плен; 25 октября 1415 года при Азенкуре, уже во втором периоде войны, французская армия была полностью разбита в низовьях Соммы и вся Нормандия покорена.

Стр. 58. *Регент* — герцог Джон Бедфорд (1389—1435), брат английского короля Генриха V. После смерти Генриха V он провозгласил королем Англии и Франции малолетнего Генриха VI и, будучи регентом Франции, успешно сражался с французским королем Карлом VII, чему особенно способствовал союз с Бургундией.

Явление второе

Стр. 60. Слова королевы: *И хорошо; скорей запечатлейте // Союз ваш крепким братским поцелуем — // И на ветер все гневные слова*, и ремарка: *Герцог и Тальбот обнимаются* в переводе Жуковского отсутствуют.

Стр. 61. Слова Тальбота: *Мадам, уйдите! Мы не побоимся // И черта, если только вас не будет* в переводе Жуковского отсутствуют.

Стр. 63. Часть сцены от слов герцога: *То правда* и до конца второго явления в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 64. *Мелун* (Мелен) — городок к югу от Парижа, где был замок королевы Изабо.

Явление четвертое

Стр. 66. Ремарка: *Слышен барабанный бой и звук трубы* в переводе Жуковского отсутствует.

Явление шестое

Стр. 69—70. В этом, как и в следующем, седьмом, явлении Шиллер сменяет пятистопный ямб на шестистопный, соответствующий античному ямбическому триметру. Многие критики

усматривали здесь влияние знаменитого эпизода бракосочетания Фауста и Елены из второй части «Фауста», над которым первоначально Гете работал в 1800—1801 годах. Как известно, в этой сцене Гете широко пользуется античными метрами.

Явление восьмое

Стр. 74—75. В подлиннике оно девятое, так как восьмое явление составляет монолог Иоанны после убийства Монтгомери, со слов: *Твой рок привел тебя ко мне...*

Явление девятое

Стр. 75. Слова Дюнуа: *Мы защищать пророчицу клялися; // Пам прежде грудь пронзить твой должен меч* — в подлиннике принадлежат Ла Гиру.

Ремарка (*нападает на Дюнуа*) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 76. Ремарка (*становится между ними и разъединяет их; обращаясь к Дюнуа*) в переводе Жуковского отсутствует.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление второе

Стр. 80. *...он готов // Меня признать и дать обет подданства?* — В действительности мирный договор между Карлом VII и герцогом Бургундским был подписан только в сентябре 1435 года, то есть через четыре года после гибели Жанны д'Арк.

Стр. 82. Часть сцены от слов короля: *Не будь мне счастья...* до слов: *Ш а т и л ь о н (посмотрев на Дю Шателя)* в переводе Жуковского отсутствует.

Явление третье

Стр. 86. Ремарка (*взяв его руку*) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 87. *В союзе вы — и Франция, как Феникс, // Подыметя из пепла своего...* — Феникс — мифическая священная птица, которая, согласно легенде, прилетает каждые пятьсот лет из Индии в Египет, в храм бога солнца Ра. Здесь Феникс умирает, его сжигают в благовониях, но он возрождается из пепла и на сороковой день улетает обратно в Индию. Монолог

архиепископа, начинающийся такими словами, чрезвычайно характерен для взглядов самого автора: поэт-гуманист Шиллер считает войну величайшим бедствием для народа (точка зрения, неоднократно высказываемая Шиллером как в его веймарских драмах, так и во многих созданиях его философской лирики конца XVIII — начала XIX века).

Явление четвертое

Стр. 89. Реплика (*Она открывает дверь и вводит Дю Шателя, который становится поодаль*) в переводе Жуковского отсутствует.

Реплика: (*Дю Шатель приближается*) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 90. *И род твой будет цвести, доколь любовь // Он сохранит к себе в душе народа... // И в низкой хижине, откуда ныне // Спаситель вышел твой, таится грозно // Для правнуков виновных истребленья.*— Намек Шиллера на французскую буржуазную революцию 1789 года и казнь Людовика XVI. Как ни противоречиво было отношение немецкого поэта к событиям по ту сторону Рейна, Шиллер приходит к восприятию революции как справедливого исторического возмездия народа его преступным владыкам. Эта мысль, впервые так отчетливо прозвучавшая в «Орлеанской девице», находит свое художественное выражение и в «Вильгельме Телле».

Стр. 91. *Но не страшись, не рухнет твой дом; // Он девою для славы сохранится.*— Потомки герцога Бургундского (внуки его внучки Марии) стали императорами Священной Римской империи Карлом V и Фердинандом I.

Владыки мира, // Страхитесь раздора...— Уже сыновья Карла VII и Филиппа Доброго — Людовик XI и Карл Смелый — были врагами.

Явление шестое

Стр. 99. Реплика (*подает ему руку*) в переводе Жуковского отсутствует.

Явление седьмое

Стр. 101. Реплика (*преклоняет меч перед королем*) в подлиннике отсутствует.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление пятое

Стр. 121. Реплика *Музыка доносится все громче* в переводе Жуковского отсутствует.

Явление одиннадцатое

Стр. 133. Скажи, что ты невинна, что врага // Нет в сердце у тебя...— Иоанна не опровергает обвинений отца, так как в сердце ее действительно «враг» — Лионель, в то время как Тибо под «врагом» подразумевает «нечистого». Шиллер намеренно допускает здесь двойной смысл, усиливая драматическое воздействие этой сцены.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление четвертое

Стр. 139. Реплика (*берет ее руку*) в переводе Жуковского отсутствует.

Явление пятое

Стр. 144. Реплика (*в изумлении*) в переводе Жуковского отсутствует.

Явление восьмое

Стр. 149. *Палладиум* — изображение божества, охраняющего город. В древней Трое им была статуя Афины Паллады, — отсюда и происхождение слова.

Явление девятое

Стр. 151. Слова королевы: *С безумною речей не стоит тратить!* — в переводе Жуковского отсутствуют.

Явление десятое

Стр. 151. Реплика (*с воодушевлением*) в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 152. Реплика (*настойчиво*) в переводе Жуковского отсутствует.

Явление одиннадцатое

Стр. 154. ...*вслед за ним жандармы.*— В средневековой Франции жандармы (*gens d'armes* — буквально: люди оружия) — телохранители французских королей.

Стр. 155. Часть сцены от слов солдата: *О горе!* и до слов королевы: *Есть ангелы-хранители!* — в переводе Жуковского отсутствует.

Стр. 157. *Господь, господь! В беде моей жестокой...* и далее.— Сохранились сведения, что историческая Жанна д'Арк, будучи уже в плену, всеми силами стремилась помочь осажденному неприятелем Компьеню, молилась за победу французов и два раза пыталась бежать из тюрьмы, чтобы непосредственно самой принять участие в сражении.

МЕССИНСКАЯ НЕВЕСТА

2 октября 1797 года Шиллер писал Гете, что он ищет сюжет для трагедии, который был бы вроде «Царя Эдипа» и представлял бы те же преимущества для поэта. К этому времени и относится замысел «Мессинской невесты». Но только пятилетием позднее, уже после завершения «Орлеанской девы», Шиллер приступает к осуществлению своего давнего намерения. Поэт говорит о том, что его увлек сюжет новой драмы — не исторической, а полностью им вымышленной, в которой должно быть только двадцать сцен и пять действующих лиц, если не считать хора (письмо к Кернеру от 13 мая 1801 года). И, наконец, 9 сентября 1802 года Шиллер окончательно сообщает тому же Кернеру, что он работает над новой драмой. «Это братья — враги, или, как я хочу окрестить свою трагедию, — «Мессинская невеста». Работа была закончена к началу февраля 1803 года, и 4 февраля Шиллер «читал ее перед чрезвычайно пестрой аудиторией — князьями, артистами, великосветскими дамами и профессорами» (письмо к Кернеру от 6 февраля 1803 года).

19 марта 1803 года состоялось первое представление «Мессинской невесты» в Веймарском театре, прошедшее с большим успехом, хотя, как заметил и сам автор, хоровые сцены вызвали двойственную оценку зрителей. Шиллер пишет, что впервые на этом спектакле он «испытал воздействие истинной трагедии» (письмо к Кернеру от 28 марта 1803 года). Современники поэта — прогрессивная критика прежде всего — настороженно

отнесли к «Мессинской невесте», опасаясь, что новое увлечение Шиллера античностью может означать отказ поэта от решения задач своего времени, дальнейший отход от проблематики действительности. Но драма «Вильгельм Телль», последовавшая непосредственно за «Мессинской невестой», с очевидностью доказывает, что эти опасения не подтвердились.

В творческой эволюции Шиллера «Мессинская невеста» занимает место своеобразного эстетического эксперимента — попытки создания трагедии «в античном стиле», по непосредственному образцу драматических творений древнегреческих трагиков. «...Подлинная юность — это пора классической древности», — пишет Шиллер Кернеру в период работы над «Мессинской невестой». Он снова перечитывает в это время античных драматургов и, посылая другу четыре трагедии Эсхила в немецком переводе, прибавляет, что уже много лет не испытывал такого чувства благоговения, как при чтении этих высокопоэтических созданий. Было бы, однако, ошибочным полагать, что Шиллер не чувствовал искусственности своих «реставраторских» попыток, в частности перенесения в новую драму хора. В предисловии к «Мессинской невесте» — статье «О применении хора в трагедии» — Шиллер утверждает, что хор еще нужнее трагическому поэту нового времени, чем древнему, так как, если там он был «естественным органом», «вытекал из поэтического облика действительной жизни», то здесь он «становится органом художественным...» — «превращает современную повседневность в мир старинной поэтичности...» «Царские дворцы теперь закрыты, суд, заседавший за городскими воротами, укрылся в дома, живое слово вытеснено письмом... Поэт должен вновь открыть дворцы, перенести судилища под открытое небо, должен восстановить богов, должен воскресить всю непосредственность, вытравленную искусственностью действительной жизни, и, отбросив, как отбрасывает скульптор современные одежды, всякую искусственную стряпню в человеке и вокруг него, сохранить из его внешнего окружения лишь то, что обнаруживает наивысшую из форм — человеческую» (т. VI настоящего издания).

Эта программа, которую прокламирует поэт в предисловии к новой трагедии, — свидетельство того, как чуждо холодного академизма, как непрерывно переплетается с руссоистскими настроениями увлечение Шиллера античностью.

Шиллер неоднократно возвращается в этой статье к одному из основных положений своей эстетики — мысли о том, что под-

линное искусство призвано «освобождать от оков действительности», от «гнетущей узости», от «пошленькой узости действительности». Нечего и говорить, что эта формула идеалистична. Но даже в ней дает себя знать глубокое отвращение немецкого поэта-гуманиста к современной ему действительности — провинциальной, раздробленной феодально-княжеской Германии, критиком которой Шиллер остается до последних дней своей жизни. Для характеристики настроений Шиллера периода создания «Мессинской невесты» может служить хотя бы письмо к Вильгельму Гумбольдту от 17 февраля 1803 года, где поэт сообщает о завершении работы над своей новой драмой: «...Один я ничего сделать не могу. Часто меня тянет поискать в мире другое местожительство и другой круг деятельности; если бы где-нибудь было сносно, я бы уехал...»

Действие трагедии о враждующих братьях происходит в Сицилии XI—XII века, захваченной норманнскими завоевателями. Однако исторический колорит «Мессинской невесты» носит в значительной степени условный характер. Шиллер намеренно допускает здесь чрезвычайное обилие анахронизмов: греческая и римская мифология сочетается с средневековыми суевериями, что, впрочем, поэт считает характерным для Мессины эпохи Возрождения (письмо к Кернеру от 10 марта 1803 г.); прорицания араба-кудесника совпадают с предсказаниями христианского отшельника; погребальный обряд мессинского князя списан с похорон герцога Карла-Евгения Вюртембергского, которые видел поэт в 1793 году близ Штуттгарта, и т. п. Шиллер стремится здесь к максимальному удалению «идеального мира искусства» от реального мира. «Мессинская невеста» действительно наименее реалистическая из драм Шиллера и представляла, да и сейчас представляет интерес прежде всего как образец блестящего стилистического мастерства поэта. Пластичность образов, строгая симметрия композиции, трагический лиризм стиха, которого достигает здесь Шиллер, делают «Мессинскую невесту» одним из наиболее значительных памятников немецкого классицизма конца XVIII — начала XIX века.

История трагически-неотвратимой гибели княжеского рода правителей Мессины, несущих кару за совершенные ими и их предками преступления, составляет основу сюжета произведения. Вся трагедия подчинена идее рока, которая, как и хор, должна, по замыслу Шиллера, сближать «Мессинскую невесту» с образцами античной драматургии. Однако при всей ее «анти-

кизированнойности» трагедия Шиллера далека и от наивного реализма и от идеи величественного фатума древних греков. Судьба здесь как бы подстерегает героев из-за угла, опутывает их паутиной случайностей, уничтожает в них все человеческое. В многочисленных «трагедиях судьбы» (Schicksalstragödien), появившихся вслед за «Мессинской невестой» и составивших целое направление немецкой и австрийской драматургии начала XIX столетия (наибольшей известностью пользовались «Праматерь» Грильпарцера и «24 февраля» Захарии Вернера), трагический герой окончательно утрачивает свою самостоятельность, служит иллюстрацией реакционной идеи: человек — игрушка в руках судьбы. Необходимо, однако, отметить, что совсем иная идея лежит в основе шиллеровской драмы. И в своем эстетическом эксперименте Шиллер остается самим собой — не перестает быть писателем-гуманистом. Как ни глухо звучат в «Мессинской невесте» отголоски тех проблем, которые составляют основное содержание веймарской драматургии Шиллера, — проблем народа, свободы и национально-освободительной борьбы, — следы их можно найти и здесь. Война, насилие, угнетение глубоко враждебны «нравственному миропорядку» — вот идея, которую утверждает Шиллер в своей «Мессинской невесте». Какие бы стечения обстоятельств, какие бы «случайности» ни определяли поворот судьбы враждующих братьев, глубоко оправдана и закономерна гибель преступного рода мессинских властителей, основывающих свое господство на подавлении чужой свободы, силой и обманом захвативших страну, несущих с собой усобицу и смуту. В утверждении этой необходимости, раскрываемой в данном случае, согласно замыслу писателя, как «роковая», «фатальная» неизбежность, — пафос «Мессинской невесты». В следующей драме, «Вильгельм Телль», Шиллер откажется и от стесняющей его свободу чрезмерно «антикизированной» формы и от вмешательства фатума и реалистически поставит проблему возмездия — как проблему борьбы.

Стр. 169. ...этого дома // Величавые сени // Клятва хранит, дочь Эринний. — Клятва, хранительница мира и законности, изображена как дитя Эринний, богинь мести, карающих всякое преступление, в том числе вероломство. Очевидно, братья поклялись не вносить открытой вражды во дворец.

Стр. 171. Из-за моря они приплыли, // От земель, где солнца закат. — Имеется в виду Нормандия, где за несколько веков пе-

ред тем обосновались скандинавские пираты — норманны, слившиеся затем с местным романским населением. В XI веке герцогство Нормандское — могучее феодальное государство, ведущее упорную агрессивную политику. Мессина была завоевана Робертом Гвискаром и Рожером I в 1061 году.

Стр. 172. *Нет, не здесь, где Церера смеется нам // И задумчивый Пан, лужаек хранитель, // Где железо дремлет в ущельях — там // Созревает земля покоритель.* — Этими словами хора Шиллер еще раз подчеркивает, что Мессиной правят иноземные завоеватели; не среди ласковой природы Италии, а на суровом севере родились они. Пан (греч. миф.) — бог лесов, покровитель пастухов и стад.

Стр. 179. *Грудь на грудь, как фиванская чета, // Сойдитесь...—* Сыновья Эдипа, царя Фив, Этеокл и Полиник поразили друг друга насмерть в поединке. Когда их тела сжигали, пламя костра раздвоилось.

Стр. 195. *Дочь закипающих пеной валов — Афродита.*

Стр. 199. *Бог видит все — и скрытое глубоко, // Он проникает и в чертог Персея.* — Зевс проник в виде золотого дождя к Данае, запертой в башне. Сын Зевса и Данаи — Персей освободил с помощью крылатого коня Пегаса Андромеду, прикованную к скале, омываемой морем, и женился на ней. Беатриче ссылается на оба эти мифа, как бы стремясь оправдаться за свой союз с доном Мануэлем, проникшим к ней в монастырь.

Стр. 204. *Встретит княгиню цветущая Геба // С золотой Викторией, // Окрыленной богиней, // Гордо парящей на Зевсовой длани...* — Геба — богиня юношеской свежести и красоты. Виктория (Ника) — богиня победы, была изображена Фидием парящей на руке Зевса, как деталь его статуи. Юность и красота Беатриче (Геба) дадут ей победу (Викторию) над всеми сердцами, — утверждает хор.

Стр. 211. *Благословен стократно этот день!* — Изабелла благословляет, называет счастливейшим днем своей жизни тот, который принесет ей величайшее несчастье — гибель обоих сыновей. Подобных примеров «трагической иронии» в «Мессинской невесте» чрезвычайно много.

Стр. 237. *Дщери Фемиды, что всех карают...—* Эриннии, мстящие за оскорбление права и справедливости, названы здесь дочерьми богини правосудия Фемиды (римск. миф.).

Вспомни: Ореста Эриннии сами // Змеями знали — живыми бичами,— // Сыну — убить его мать повелев. — Согласно грече-

скому мифу, не Эриннии, а веление дельфийского оракула, то есть сам Аполлон заставил Ореста отомстить за отца. Эриннии преследуют Ореста уже после совершенного им матерееубийства.

Стр. 252. *Направо ль птицы полетят, налево ль...*— При гадании по птицам (орнитомавтия), встречающемся у первобытных народов и чрезвычайно развитом в классическом мире, полет их направо считался хорошим предзнаменованием, налево — дурным.

Стр. 253. *Откройтесь, раны!* — По древнему поверию, раны убитого начинали сочиться кровью в присутствии убийцы.

Стр. 264. *Лоретский монастырь* — монастырь в Италии, близ Анконы; был местом многочисленных паломничеств.

Стр. 266. *И как созвездье ярких Диоскуров // Путь указывает кораблям...*— Созвездье Близнецов — Кастора и Поллукса, считавшихся у древних греков покровителями моряков.

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

Искусный стрелок Телль, пронзающий стрелой яблоко, положенное на голову его маленького сына, а затем столь же меткой стрелой поражающий тирана,— образ, созданный народным творчеством. В основе рассказа о Телле лежат сказания о метком стрелке, распространенные в фольклоре многих народов мира. С «Теллем» перекликается древнескандинавское сказание об Эгиле (особенно близкие к «Теллю» версии его можно найти в саге о Тидреке из Берна и у датского писателя Саксона Грамматика), болгарское сказание о Дигенисе, сербская песня о женьтибе Душана, венгерская сказка о Чало-Пиште и многие другие. С именем Телля швейцарский народ связал свое освобождение от австрийского гнета и образование Швейцарского Союза. Как самостоятельное государство в форме конфедерации Швейцарский Союз зародился в конце XIII и окончательно сложился к началу XVI века, в ходе двухвековой освободительной борьбы швейцарского народа против немецких князей. Ядром его было созданное в 1291 году объединение трех «лесных кантонов» — Швица, Ури и Унтервальдена, заключивших между собой «вечный союз» для борьбы с владычеством Габсбургов.

В Германии XVIII века имя Телля произносилось наряду с именами Брута и Германа — как символ патриотизма, муже-

ства и свободолюбия. О нем слагаются многочисленные песни, стихотворения и драмы, наиболее известные из которых принадлежат Бодмеру (1775), Циммерману (1777), Лессинг называет своего любимого героя Телльхейм («Минна фон Барнхельм», 1765). А один из «бурных» геттингенских бардов, Иоганн-Генрих Фосс, в своей «Застольной песне свободы» (1774) восклицает: «Нам принадлежит Герман и Телль, герой швейцарцев, и каждый свободолюбивый немец!»

В то время, когда Шиллер создавал свою драму, материалы исторической науки не давали оснований для сомнения в реальном существовании Телля, подвиг которого приурочивался к 1307 году. Но характерно, что фольклорное происхождение, народность образа Телля предугадывалась обоими веймарскими корифеями. В своей переписке с Гете по этому поводу Шиллер употребляет выражение: «сказка о Телле» либо «басня о Телле»; «предание о Телле» или «сказание о Телле», — говорит и Гете.

Замысел произведения о Вильгельме Телле возник первоначально у Гете во время его путешествия по Швейцарии осенью 1797 года. Гете предполагал создать эпос о Телле, но вскоре отказался от своего плана, и на несколько лет имя Телля исчезает из переписки обоих поэтов. Однако тема «носилась в воздухе». В 1801 году распространился слух, что Шиллер работает над драмой о Вильгельме Телле. Два театра — Берлинский и Гамбургский — обратились к поэту с просьбой предоставить им пьесу. Шиллер, незадолго до этого закончивший «Орлеанскую деву», еще не решил тогда окончательно, над чем он будет работать дальше. Он обдумывал план «Варбека» и «Мессинской невесты», переводил «Турандот», но, должно быть, не остался безучастным и к разговорам о «Вильгельме Телле». В марте 1802 года Шиллер просит своего издателя Котту прислать ему подробную карту швейцарских кантонов и прибавляет, что уже столько слышал о том, что он якобы работает над «Вильгельмом Теллем», что и действительно думает взяться за эту тему.

Работая над «Мессинской невестой», Шиллер не оставляет мысли о «Вильгельме Телле». В сентябре 1802 года он пишет Кернеру, что познакомился с «Швейцарской хроникой» Эгидия Чуди (XVI в.). «...Этот писатель так правдив, так близок по духу Геродоту или даже Гомеру, что безусловно настраивает на поэтический лад». «Это чертовски трудная задача, — пишет Шиллер далее, делаясь с другом своими планами относительно новой

драмы.— Если даже отвлечься от всех упований, которые связывает публика в наше время с таким сюжетом, мне придется удовлетворить очень высокому поэтическому требованию: надо показать на сцене целый народ с его местными особенностями, целую отдаленную эпоху и — что важнее всего — совершенно местное, почти индивидуальное явление облечь в форму высшей необходимости и правды. Все же колонны уже возведены, и я надеюсь построить крепкое здание...» (письмо к Кернеру от 9 сентября 1802 года).

Кроме хроники Чуди — основного источника, откуда Шиллер заимствовал сюжет своей драмы, он знакомится с работами по швейцарской истории известного историка Иоганна Мюллера, Фюслина и др., с хрониками Штумпфа и Этерлина и множеством книг по географии, природоведению, этнографии и государственному устройству страны. Он изучает карты Швейцарии, которыми увешал стены своей комнаты, проспекты, путеводители, делает многочисленные выписки, собирает все, что может помочь ему представить себе конкретные черты природы и быта швейцарцев. Неоценимую роль сыграли для Шиллера швейцарские впечатления Гете, которыми тот делился с другом еще тогда, когда сам предполагал писать поэму о Вильгельме Телле. «Я был весь полон этим прекрасным замыслом, и во мне жужжали уже мои гексаметры,— вспоминает впоследствии об этом времени Гете,— я видел перед собой озеро в спокойном свете луны и освещенный ею туман в ущельях гор. Я видел его в блеске веселого утреннего солнца, ликование и жизнь в лесах и на лугах; потом я представлял себе бурю, грозу, которая из ущелий вырывается на озеро. Не забыл я также о тайных сходках на мостах и тропинках в ночной тишине. Все это я рассказал Шиллеру, в душе которого мои картины природы и мои действующие лица сложились в драму. И так как у меня было много другого дела и осуществление моего замысла отодвигалось все дальше и дальше, то я уступил мою тему в полное владение Шиллеру, который и воплотил ее в своих изумительных стихах»¹.

25 августа 1803 года в рабочем календаре Шиллера — запись: «Сегодня вечером приступил к Теллю». «Если боги будут ко мне милостивы и мне удастся осуществить, что я задумал, это должна быть величественная вещь, которая потрясет не-

¹ Э к к е р м а н, Разговоры с Гете, стр. 717—718.

гцекие сцены,— пишет он Кернеру в сентябре 1803 года.— Мой «Вильгельм Телль» будет привлекать сердца и умы как пародная драма».

Несмотря на частые приступы болезни, Шиллер чрезвычайно напряженно и с огромным энтузиазмом работает над драмой. 12 января 1804 года он посылает Гете первое действие и получает ответ, что «... это не действие, а уже целая пьеса, к тому же превосходная». Шесть недель спустя работа над драмой была завершена; 18 февраля 1804 года Шиллер заносит в свой рабочий календарь: «Окончил Телля»

Уже 17 марта 1804 года состоялось первое представление новой драмы в Веймарском театре. Шиллер пишет Кернеру, что успех «Вильгельма Телля» превзошел успех всех предшествующих постановок его пьес. «...Я чувствую, что, кажется, начинаю постепенно овладевать секретами театральности...» 4 июля того же года состоялась премьера «Вильгельма Телля» в Берлинском национальном театре, имевшая такой успех, что спектакль был повторен трижды в течение одной недели. Интересно отметить, что некоторые сцены драмы вызвали беспокойство руководителя Берлинского театра Ифлянда, как только он получил от Шиллера экземпляр пьесы. Не решаясь высказать свои «политические опасения» письменно, он направляет к Шиллеру секретаря театра, поручив ему уговорить поэта произвести изменения и купюры в тексте.

Возвращая Ифлянду несколько переработанную рукопись, Шиллер говорит, что не может больше вносить каких-либо изменений, не противореча духу всего произведения... «При таком сюжете, как Вильгельм Телль, непременно приходится затрагивать струны, звучащие хорошо не для всех ушей. Если эти места в их теперешней редакции не могут быть произнесены со сцены, то в данном театре нельзя вообще играть «Телля»...» (письмо к Ифлянду от 14 апреля 1804 года).

В «Вильгельме Телле» демократические и национально-освободительные идеи Шиллера нашли наиболее полное художественное воплощение. Последняя законченная драма поэта-гуманиста — вершина его творчества как в идейном, так и в художественном отношении. «Вильгельм Телль» — свидетельство разочарования Шиллера в эстетическом пути переустройства действительности. Не моралистическая, а непосредственно политическая проблема составляет основу этой драмы. Своим «Теллем» Шиллер стремился откликнуться на самые актуальные

задачи времени, ответить на вопрос, с особой остротой стоявший тогда перед его современниками: вопрос об объединении страны. Шиллер писал «Вильгельма Телля», когда под ударами наполеоновской армии рушилось прогнившее здание Священной Римской империи и Наполеон «очищал огромные авгиевы конюшни Германии» (Энгельс). Но реформы, которые нес с собой Наполеон — предпринятое им уменьшение числа немецких княжеств за счет подчинения их более крупным, — не могли удовлетворить свободолюбивые устремления лучших представителей немецкого народа. В «Вильгельме Телле» Шиллер утверждает иное, подлинное объединение страны, которое было так необходимо Германии начала XIX века, — объединение демократическое, осуществляемое самим народом. «*Один народ, и воля в нас едина*» — слова торжественной клятвы, которые произносят в сцене народной сходки на Рютли жители швейцарских кантонов, герои шиллеровской драмы, имели непосредственный актуальный смысл для современников поэта. Как и все передовые люди своего времени, Шиллер не отделяет вопроса объединения страны от проблемы социальной активности народа, права народа изменить ненавистный ему общественный порядок. Неразрывно связаны обе эти проблемы и в «Вильгельме Телле». Под влиянием идей и опыта французской буржуазной революции 1789 года, величайшего общественного события эпохи, Шиллер приходит к признанию принципа народного суверенитета, к мысли о том, что народ — сам хозяин своей судьбы. «Справедливости не ждите от Альбрехта! Надейтесь на себя!» — эта реплика одного из героев драмы свидетельство глубокого демократизма Шиллера, автора «Вильгельма Телля». Следует, однако, оговориться, что влияние революции, которое все более отчетливо проявлялось в творчестве поэта, сопровождалось у Шиллера, как и у Гете, неприятием революционной практики Франции, субъективной полемикой против революционных методов. Следы этой полемики видны и в «Вильгельме Телле». Шиллер неоднократно подчеркивает «оборонительный» характер швейцарского восстания, направленного на защиту старых «исконных» вольностей и прав, его «мудрое спокойствие», его «мирный» характер. Можно найти в «Вильгельме Телле» и отголоски увлечения поэта мещанскими идеалами межсословного единства (сцены барона Аттинггаузена, Руденца и Берты наиболее слабые не только в идейном, но и в художественном отношении; именно здесь ощутимо подчас нарушение логики образа, та «шиллериза-

ция» — превращение героя «в простые рупоры духа времени», от которой вообще свободен «Вильгельм Телль»). Но филистерские оговорки не могут, разумеется, заглушить свободолюбивый пафос шиллеровской драмы. Не они остаются в эмоциональном восприятии читателей и зрителей. Не они были основными и для поэта.

«...Сейчас потому так много говорят о швейцарской свободе, — пишет Шиллер В. Вольцогену во время работы над «Теллем», — что она совсем исчезла из мира действительности».

В сокровищницу немецкой и мировой культуры «Вильгельм Телль» вошел как прославление борьбы и свободы, утверждение величия и красоты сражающегося за свои права народа. Символом этого народа является и центральный герой драмы. Это наивно героический характер, максимально чуждый всего показного, внешнего, тех эффектных поз, от которых не свободны были герои штюмерских драм. Телль — естественно нравственная натура, «прекрасная душа», утвердить которую пытается Шиллер в предшествующих произведениях. Драма о народном восстании дала того гармонического героя, сочетающего в себе полноту индивидуального развития, личные устремления с гражданственностью, которого искало Просвещение. С великолепным мастерством сочетает Шиллер конкретно-исторические, вернее — конкретно-былинные черты, которые утвердило за Теллем народное воображение, с символическим содержанием, вкладываемым поэтом в этот образ. Телль — это сам народ, чуждый фраз и жестов, это его спокойная сила, сперва дремлющая, но решающая все. Путь Телля — от смирения перед Геслером к убийству тирана — путь народа, который в 1-м действии драмы еще строит крепость Иго Ури — «эту Бастилию», как знаменательно называет ее сам Шиллер в письме к Ифлянду, — а в последнем ее разрушает.

«Вильгельм Телль» свидетельствует о росте реалистических элементов творчества писателя. Шиллер достигает здесь огромной художественной убедительности образов, полнокровных характеров, далеких от того, чтобы быть «простыми рупорами идей» самого автора.

Фольклорный сюжет определил и стилевое оформление драмы. Шиллер широко использует в «Телле» народные лирические песни и народный эпос, к которому особенно близки все великолепные картины природы, встречающиеся в драме.

«Вильгельм Телль» знаменует собой новый этап идейно-

художественного развития Шиллера. Не случайно эта свободолюбивая драма не пользовалась расположением благонамеренных театральных деятелей. Еще в 1809 году Ифлянд высказывал опасения, что «пьеса может вдохновить толпу на бурную манифестацию».

Полуторавековая сценическая история «Вильгельма Телля» дает многочисленные примеры того, как пытались реакционеры исказить наиболее яркие сцены шиллеровской драмы.

Примечательно, что особый успех «Вильгельма Телля» совпадает во многих странах с периодами революционного подъема.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Стр. 274. *Озеро Четырех Лесных Кантонов* — Фирвальдштетское озеро (оно же Люцернское); считается самым красивым из горных озер Швейцарии.

Гакен — горная цепь к северо-востоку от города Швица.

На озеро манит купанья услада... — Песня мальчика-рыбака, один из вариантов распространенного в народном творчестве мотива о притягательной силе воды, мифа о русалках, привлекающих в воду (ср. балладу Гете «Рыбак»). Со швейцарскими вариантами этого предания Шиллер познакомился в книге Шейхцера «Естественная история Швейцарии» (1746).

Стр. 276. *А рыба так и плещет, и лысуха // Нет-нет нырнет. О, это перед бурей!* — Лысуха — болотная птица. В записях Шиллера сохранилась выписка из Шейхцера о швейцарских народных приметах надвигающейся бури.

Стр. 277. *Из Альцельна он; это Баумгартен.* — Альцельн — деревня в Унтервальдене, неподалеку от Фирвальдштетского озера. Баумгартена, как и большинство других действующих лиц драмы (из них историческими лицами являются только Аттинггаузен и Паррицида), Шиллер заимствовал из хроники Чуди.

Стр. 282. *...в день Симона-Иуды...* — 28 октября; по народному поверью, в этот день озеро ждет человеческой жертвы.

Сцена вторая

Стр. 285. *Не присягайте Австрии. Держитесь // Свободного имперского союза.* — С 1032 года Швейцария входила в состав Священной Римской империи, но в альпийских предгорьях

удержались значительные самоуправляющиеся общины свободных скотоводов, земледельцев и охотников. Отдельные города пользовались известной самостоятельностью в качестве «имперских». С начала XIII века горные проходы через Альпы, в частности Сен-Готардский, приобретают выдающееся экономическое значение. Возрастает роль кантонов, расположенных у этого прохода вокруг Фирвальдштетского озера, к обладанию которыми стремились и Габсбурги, начавшие с XIII века борьбу с имперской властью. С 1298 года германским императором становится австрийский герцог Альбрехт I, требовавший от швейцарцев присяги австрийскому дому, что означало бы потерю швейцарскими кантонами всякой самостоятельности и насильственное присоединение их к габсбургской Австрии.

Сцена третья

Стр. 291. *Альторф* — главный город кантона Ури.

Сцена четвертая

Стр. 301. *Сарнен* — деревня в кантоне Унтервальден, где стоял замок имперского фохта Ландербергера (убит при Моргартене в 1315 г.).

Стр. 304. *Шрекгорн* и *Юнгфрау* — высочайшие вершины швейцарских Альп.

Стр. 305. *Охотника свергает в бездну серна...* — По распространенному швейцарскому поверью, серна, загнанная в теснину, может обернуться к охотнику и сбросить его в пропасть. Шиллер читал об этом в книге Эбеля «Описание горных народов Швейцарии» (1798), которой он широко пользовался.

Стр. 306. *Что нам дворяне? Справимся без них!..* — В этих и последующих словах Мельхтала сформулирован глубоко прогрессивный вывод, к которому приходит Шиллер в период своей работы над «Вильгельмом Теллем» (ср. также 2-ю сцену IV действия — монолог Аттингаузена).

Стр. 308. *Как ехать в Бруннен, против Митенштейна, // Есть в чаще леса светлая поляна, // Что издавна в горах зовется Рютли.* — Скала Митенштейн в Фирвальдштетском озере с 1860 года превращена в своеобразный памятник Шиллеру. На скале надпись: «Певцу Телля, Фридриху Шиллеру, от швейцарских кантонов». Рютли (то есть расчищенное от леса место) — поляна в кантоне Ури, на западном берегу озера, легендарная колыбель швейцарской свободы. Здесь, согласно преданию,

в ночь с 7 на 8 ноября 1307 года Вальтер Фюрст из Ури, Штауфахер из Швица и Мельхталь из Унтервальдена с тридцатью товарищами заключили союз трех кантонов.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

Стр. 310. *...горд пером павлиньим, // Австрийский плащ пурпурный на плече.*— Шлем или шляпа с павлиньими перьями — головной убор австрийских рыцарей; пурпурный плащ Руденца — также знак приверженности австрийцам, так как в гербе австрийских герцогов было алое поле с серебряными полосами.

Стр. 313. *Мое угаснет имя, и в могилу // Положите вы мне мой щит и шлем.*— При погребении последнего представителя дворянского рода ломали его щит с гербом, а меч и шлем опускали в могилу.

Неужели... мы цепь земель сумеем разорвать, // Которой он, могучий, окружил нас? — Лесные кантоны были окружены австрийскими владениями. В бумагах Шиллера сохранился рисунок этой «цепи владений».

Он города стал отдавать в залог.— Германские императоры, злоупотребляя доверием городов, отдававшихся под их защиту, часто, нуждаясь в деньгах, закладывали их.

Стр. 314. *Ты в Люцерн съезди, там спроси народ, // Как этот край австрийцы угнетают!* — Люцерн — главный город кантона того же названия, с 1291 года принадлежал Австрии (куплен ею у бенедиктинского монастыря).

Я вместе с ними дрался под Фазнцой.— Имеется в виду битва 1241 года между войсками Фридриха II и папы, где на стороне германского императора участвовали и швейцарцы, получившие за услуги, оказанные империи, грамоту, подтверждающую их старинные вольности.

Стр. 315. *Всем сердцем к родине своей прильни, // В любви к ней будь и тверд и постоянен.*— Эти слова, отчетливо формулирующие патриотическую идею шиллеровской драмы, уже в начале XIX столетия вошли в народную поговорку. Следует, однако, указать, что их часто цитировали в демагогических целях, извращая их подлинный смысл, и авторы всевозможных «легенд о Шиллере», германские шовинисты всех мастей, стремив-

шиеся заgrimировать под «певца империи» поэта-патриота и демократа, для которого народ и любовь к своей родине никогда не отождествлялись с Германской империей.

В наброске к стихотворению «Немецкое величие», написанном в 1801 году, после поражения Германии, то есть примерно в то же время, когда у Шиллера оформляется замысел его «Вильгельма Телля», поэт прямо противопоставляет немецкий народ его правителям. «Немецкое государство и немецкая нация — это разные понятия... Достоинство немцев никогда не покоилось на головах их князей... И если даже империя погибнет, немецкое достоинство сохранится». Эти прекрасные слова, как и весь «Вильгельм Телль», — свидетельство глубокой веры писателя в демократическое будущее своего народа.

Сцена вторая

Стр. 321. *Один из Винкельридов победил // Дракона в Вайлерском болоте...* — Предок Струта Винкельрида, действующего в драме, — легендарный победитель дракона, якобы свирепствовавшего неподалеку от Ротери; один из его потомков, представитель того же рода Винкельридов — герой битвы при Земпахе (1386), подвиг которого «предсказывает» умирающий Аттинггаузен: «крестьянин бросился на копий лес и брешь пробил...» (действие IV, сцена 2).

Стр. 322. *Вы слышите рог Ури?* — Военный сигнал кантона Ури подавался рогом исполинского зубра, от которого, по народной этимологии, произошло и само название кантона (Ur — зубр).

Стр. 324. *Составим круг и посреди него, // Как власти знак, мечи мы водрузим!* — символ власти старшины на сходке древнегерманской общины, законам которой следуют собравшиеся на Рютли.

Нет, предоставим Швицу эту честь. // Мы все горды, что род ведем отсюда. — Швиц считался первичным ядром Швейцарии.

Стр. 326. *И мы пришельцы из одной отчизны.* — По одному из народных преданий, швейцарцы выводят свое происхождение от шведов.

Живет другой народ, с чужою речью — швейцарцы, говорящие не на немецком, а на французском языке.

Стр. 327. *В том грамоту сам император дал.* — В 1240 году Фридрих II (Гогенштауфен) даровал Швицу особую хартию

польности, которую не хотели признавать Габсбурги, предпринявшие завоевание Швица в 1245—1252 годах. На помощь Швицу пришли Ури и подвластный тогда Габсбургам Унтервальден.

Стр. 328. *Мы раз не подчинились государю, когда он принял сторону попов.*— То есть Генриху V. Когда его преемник Конрад III, пригрозив наказанием, подтвердил решение Генриха отдать пастбище Эйнзидельнскому монастырю, лесные кантоны вышли из состава империи и вошли туда снова уже при преемнике Конрада — Фридрихе Барбароссе.

Стр. 329. *И от слуги чужого то сносить, // К чему не мож принудить император!* — То есть от фюхтов, наместников австрийских герцогов.

Стр. 336. *Скрепим мы клятвой новый наш союз.*— Первый союз лесных кантонов был заключен и в 1291 году возобновлен «на вечные времена».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

Стр. 340. *Я не был там...*— По хронике Чуди, Телль присутствовал на сходке на Рютли; Шиллер отступает здесь от своего источника. «С мудрым тактом,— пишет критик Франц Меринг,— Шиллер не допускает своего Телля на совещание на Рютли», так как, «превосходно обосновав психологически убийство как акт самообороны со стороны человека, смертельно оскорбленного в своих человеческих интересах, Шиллер изображает его исторически только как действие, порожденное бесчеловечным деспотизмом, действие, которое может дать сигнал к делу завоевания свободы, но которое само по себе не может быть таким делом».

Сцена третья

Стр. 351. *Неправда, это заповедный лес...*— Комментаторы связывают серьезное объяснение, которое дает здесь Телль своему сыну, с господствовавшим во время Шиллера рациональным направлением в педагогике (Руссо, Песталоцци).

Стр. 352. *Прекрасен тот благословенный край! // Но те, кто там возделывает землю, // Не пользуются жатвой...*— Шиллер безусловно имеет здесь в виду Германию, хотя, «теченью следуя

потоков бурных», из Швейцарии можно прийти, кроме Германии, и во Францию и в Италию.

Река и море, соль — все короля.— В средневековой Германии соляной промысел был монопольным личным правом королей.

Стр. 357. *Будь я другой, меня б не звали Телль.*— По народной этимологии, имя «Tell» происходит от «talen» — говорить или поступать по-детски, неразумно, или от «toll» — шальной, безрассудный.

Стр. 368. *На это есть запрет. Сам император // Не вправе против грамот поступать!* — Согласно императорской грамоте, кантоны должны были иметь своих судей; никого нельзя было — даже для суда — увозить из его земли.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена первая

Стр. 371. *Бушуйте, ветры! Молнии, сверкайте!* — Несомненный параллелизм этих строк с знаменитым монологом короля Лира. «Вильгельм Телль», как и «Лагерь Валленштейна», — наиболее «шекспировские» из драм Шиллера. Во время работы над «Теллем» Шиллер, кроме античных авторов, чрезвычайно увлекался творчеством английского драматурга. «Трудно переоценить значение этого произведения для моего «Телля», — пишет он Гете о «Юлии Цезаре» Шекспира 2 октября 1802 года, — для моего кораблика это как бы попутный ветер...»

Стр. 376. *Одним прыжком я выбросился вон — // На голую скалистую площадку...* — Туристам и сейчас показывают на озере «площадку Телля», куда, по преданию, он выскочил из лодки Геслера.

Сцена вторая

Стр. 384. *Вот едут рыцари из старых замков...* — Как и Иоанна в «Орлеанской девице», Аттинггаузен предсказывает здесь будущее родины — победы швейцарцев над австрийцами при Моргартене (1315), Земпахе (1386) и Нефельсе (1388).

Стр. 385. *Сломить отважных сыновей свободы...* — Этот стих точно воспроизводит текст рукописи Шиллера, предназначенной Гамбургскому театру («Der Freiheit muth'ge Kinder zu bekriegen»), впервые введенный переводчиком для издания: «Фридрих Шил-

лер, Избранные произведения», Гослитиздат, 1954. В традиционных буржуазных изданиях печатался другой вариант, более «нейтральный»: «Идут войной на мирных пастухов» (Ein harmlos Volk der Hirten zu bekriegen).

Сцена третья

Стр. 393. *Поехал знатный рыцарь к королю.*— «Чудесный случай», о котором рассказывает Теллю полевой сторож Штюсси, заимствован из хроники Чуди. В одном из писем Шиллер говорит об этом персонаже, что он «представляет собой в драме нечто вроде шекспировского пуга».

Сцена четвертая

Стр. 396. *Сын закончит, // Что славно было начато отцом.*— Альбрехт, сын Рудольфа, первого германского императора из рода Габсбургов (1218—1291), основателя габсбургского могущества.

Стр. 402. *Братья милосердия.*— Религиозная конгрегация братьев милосердия была основана в XVI веке, то есть значительно позднее событий драмы.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена первая

Стр. 409. *Правдолюбивый Иоганнес Мюллер.*— Упоминание в тексте драмы этого имени — знак признательности Шиллера историку Иоганну Мюллеру (1752—1809), работа которого, «История швейцарского союза», послужила одним из основных источников для «Вильгельма Телля».

Швабский герцог Иоганн.— Император Альбрехт I был убит в 1308 году своим племянником Иоганном Швабским, прозванным Паррицида (отцеубийца), которого он незаконно лишил наследственных земель.

Стр. 410. *Варт, Пальм, Эшенбах и Тезгерфельд* — сообщники Паррициды при убийстве императора.

...где огромный древний город // Был, говорят, в языческое время...— Виндонисса, знаменитая римская крепость, воздвигнутая против германцев и разрушенная.

Стр. 411. ...*королева // Венгерская* — суровая Агнеса — дочь Альбрехта, вдова венгерского короля Андрея III.

Стр. 426. *Свобода! Свобода! Свобода!* — Этими возгласами народного ликования заканчивается рукопись «Вильгельма Телля». Однако подобный апофеоз не устраивал буржуазных издателей Шиллера, завершавших драму предшествующей репликой Руденца.

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Через несколько дней после завершения «Вильгельма Телля», до постановки драмы на сцене Веймарского театра, 10 марта 1804 года, Шиллер заносит в свой рабочий календарь: «...решил писать «Деметриуса». Еще раньше привлекал поэта замысел написать драму о самозванце, раскрыть трагедию незаурядной личности, вынужденной для достижения цели опираться, против своего желанья, на обман. Как известно, героем такой трагедии должен был быть Варбек, выдававший себя за принца Йоркского, одного из сыновей Эдуарда IV, умерщвленных Ричардом III,— человек блестяще одаренный, понимающий государственные интересы, гуманный, страдающий от необходимости притворяться и лгать, но не имеющий достаточно мужества, чтобы сбросить с себя маску. Однако замысел «Варбека», уже разработанный поэтом (сохранился подробный план и несколько написанных сцен), был оттеснен другими, драма из истории войны Алой и Белой Розы осталась ненаписанной. В 1804 году Шиллер останавливает свой выбор на сюжете из русской истории; судьба Дмитрия, о личности которого и правах на престол в исторических сочинениях эпохи Шиллера высказывались самые противоречивые точки зрения, представлялась поэту подходящим материалом для осуществления давнего плана. Внешним поводом, вызвавшим интерес Шиллера к русской истории, была женитьба наследного принца Веймарского Карла-Фридриха на сестре Александра I Марии Павловне. Герцог и весь веймарский придворный кружок были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы этой драмой поэт польстил императорскому двору, и толкали на это Шиллера. «Да, у меня самый подходящий случай сказать много хорошего императорской семье — ведь молодой Романов играет в «Деметриусе» благородную роль,— писал Шиллер,— но нет, я этого не сделаю. Произведение должно остаться совершенно чистым».

Нечего и говорить, что причины несравненно более глубокого порядка, чем приезд в Веймар русской княгини, определили интерес Шиллера к истории Смутного времени на Руси... В переломных, критических периодах истории находит художник, по мнению Шиллера, могучие человеческие характеры, глубокие конфликты — превосходное зрелище «нравственной жизни», способствующее эстетическому воспитанию человека... «Смутным» эпохам в истории различных народов посвящены по существу все веймарские драмы Шиллера, начиная с «Валленштейна». Фигура русского самозванца, привлекавшая и до Шиллера многих западных романистов и драматургов, в том числе Лопе де Вега, заинтересовала немецкого поэта еще во время работы над «Фиеско», когда он знакомится по французским источникам с историей заговора Шуйского. В 1802 году Шиллер говорит о своем желании написать трагедию «Кровавая свадьба в Москве», но к осуществлению своего намерения драматизировать судьбу Лжедмитрия приступает уже после завершения «Вильгельма Телля». В письмах к В. Вольцогену, находившемуся в то время в Петербурге, Шиллер просит сообщать ему все возможные сведения о городах, костюмах и даже монетах эпохи Дмитрия Самозванца. В июне 1804 года сделаны первые наброски драмы.

«Деметриус» — последнее произведение, над которым работал Шиллер. Частые приступы болезни прерывали труд поэта, отличающийся той поразительной глубиной освоения всего доступного исторического и этнографического материала, которая так характерна для творческой лаборатории Шиллера-классика. Шиллер успел написать, но не окончательно отделать, два действия. На письменном столе поэта в день его смерти, 9 мая 1805 года, был найден монолог Марфы из 2-го акта. О том, как должно было развиваться действие дальше, дает известное представление план, составленный Кернером по наброскам, сохранившимся в черновых рукописях Шиллера.

То обстоятельство, что драма осталась незавершенной, открыло широкие возможности для всяких домыслов и вымыслов со стороны фальсификаторов творчества Шиллера. Объявив «Деметриуса» некоей квинтэссенцией «трагического начала» шиллеровской драматургии, произведением, якобы утверждающим «извечную трагическую раздвоенность» человека, реакционеры от литературы всячески стремятся загризировать пи-

сателя-просветителя под мистика и декадента. Нечего и говорить, что последняя драма Шиллера, как и все его творчество, не дает ни малейшего основания для подобных интерпретаций.

В «Дмитрии Самозванце» с очевидностью сказываются идейные и художественные выводы, к которым приходит Шиллер в «Вильгельме Телле». Трагические переживания героя, узнавшего о своем «самозванстве», психологический конфликт, первоначально заинтересовавший Шиллера, сливаются здесь с другой проблемой, несравненно более значительной для передовых людей начала XIX столетия,— проблемой национальной независимости народа, непрочности любой власти, навязанной извне. Характерно, что, приступая к «Деметриусу», Шиллер записывает в рабочую тетрадь, что видит свою цель прежде всего в воссоздании «особой атмосферы эпохи», то есть подчеркивает, что не внутренняя борьба в душе героя, а объективно исторический конфликт должен составлять основу его нового произведения.

Чужим оружием трона не добудешь.
Насильственно правителя народу
Не навязать, коль он его не хочет...—

эти слова чрезвычайно отчетливо раскрывают идейный замысел драмы. Трагическая вина Дмитрия и состоит, по Шиллеру, в том, что он приходит в Россию во главе чужого, иноземного войска. Каковы бы ни были субъективные «права», намерения и личные качества Дмитрия, он оказывается всего лишь игрушкой в руках врагов своего народа, ставленником польской интервенции, которая, как и всякая интервенция, обречена на провал. В раскрытии этой темы Шиллер предстает подлинным художником-реалистом. В соответствии с исторической истиной рисует Шиллер отношение польских магнатов к Дмитрию: он повод к войне с Россией, поэтому и встречает поддержку шляхетского сейма. Сцена заседания сейма принадлежит к лучшим страницам шиллеровского творчества. Поэт как бы концентрирует здесь всю силу своей ненависти к практике «частного интереса», властолюбию, агрессии, политической беспринципности. Интересно, что в рабочей тетради Шиллера сохранилась запись, говорящая о том, что он понимал и роль Ватикана в истории Лжедмитрия. «Католики, особенно иезуиты, должны

быть причастны к делу. Возможно, что главная интрига исходит от них...»

Как во всех своих лучших созданиях, Шиллер и в «Дмитрии Самозванце» выступает критиком феодально-абсолютистских порядков. Борис Годунов, основавший свою власть на убийстве, Сигизмунд, произносящий благородные речи, а по существу стремящийся к войне с Россией, чтобы отвлечь от себя недовольство шляхты, отклонить «всю силу к чужеземной стороне», как проницательно замечает Марина, и, наконец, сам Дмитрий становящийся таким же тираном, как и его предшественник, — вот образы феодальных правителей, намеченные в шиллеровском фрагменте.

Поэтом-свободолюбцем, поэтом-гуманистом, утверждавшим, что только «грудь народа» может быть истинной опорой правления и что история не простит тому, кто «в мирный храм» вторгается «с оружием враждебным», Шиллер остается и в своем последнем произведении.

После смерти Шиллера Гете, хорошо знакомый с планом драмы, предполагал закончить «Деметриуса». Однако творческие методы обоих художников были слишком различны, чтобы этот замысел мог быть осуществлен. Впоследствии многие немецкие писатели, в том числе и Генрих Лаубе, брались за эту задачу, но никому из них не удалось достичь той великолепной пластики образов, того подлинного драматизма, которым дышит незавершенная трагедия Шиллера.

«Дмитрий Самозванец» воспроизводится в переводе Л. Мея (СПб. 1887). Места, отсутствующие в переводе Л. Мея, восстановлены редакцией по немецкому изданию: Schillers Werke, herausgegeben von Ludwig Bellermann, Band V. У Шиллера эти фрагменты носят название «Деметриус».

П Е Р В Ы Й А К Т

Стр. 429. Р е м а р к а: *Палатины* — воеводы, наместники отдельных областей государства и военачальники отрядов, выставляемых этими областями. *Кастелланы* — здесь: их непосредственные помощники и подчиненные. *Примас королевства* — первый по сану и правам епископ католической церкви.

Стр. 432. Слова Дмитрия: *король державный* в переводе Мея отсутствуют.

Стр. 435. *Себя не знал я. В доме палатина // Я прожил юность...*— Рассказ Дмитрия о его юности составляет содержание целого особого действия — сцен в Самборе, которые были в основном уже написаны Шиллером, но впоследствии исключены им из текста драмы.

Стр. 438. *Пясты* — династия польских князей и королей. Первый исторически достоверный представитель династии — Мешко (ок. 960—992). Как королевская династия прекратилась в 1370 году, со смертью Казимира III.

Стр. 441. *...ты и сам родился // В темнице...*— Сигизмунд — по отцу внук шведского короля Густава Вазы — родился в темнице, где его дядя, Эрик XIV, долго держал в заключении своего брата (впоследствии короля Иоанна III) и его жену.

Стр. 442. Реплика: *Большое оживление в зале и за его стенами* в переводе Мея отсутствует.

Стр. 445. *Я сейм по праву, распускаю. Veto* (лат.) — буквально: запрещаю. В польском сейме XVII—XVIII вв. практиковалось так называемое *liberum veto* (свободное вето), то есть право наложения единоличным протестом запрета на решения законодательного собрания.

Стр. 448. Часть реплики короля от слов: *Чужим орудием трона не добудешь* до *...не хочет* в переводе Мея отсутствует.

Я в Швеции, наследником природным, вступил когда-то на престол законно, // Но потерял отцовское наследье...— Сигизмунд III был королем польским (1587—1632) и шведским (1592—1604), но не смог удержать за собой короны и католической и протестантской страны и был свергнут с престола Швеции, где большинство народа держалось протестантства.

Стр. 450. Конец реплики короля от слова: *Покорствовать* в переводе Мея отсутствует.

Конец реплики Дмитрия от слова: *хочу* в переводе Мея отсутствует.

Стр. 453. Реплика Одоевского от слов: *Тебе! Мы за твое воюем дело!* в переводе Мея отсутствует.

Стр. 454. Текст драмы от слов Марины: *Благодеянье станет тяжким злом, // Когда должны его мы оплатить...* до: *Ш л я х т и ч и: Все! Все* — в переводе Мея отсутствует.

Реплика Марины от слов: *Вам сборным местом Киев* до:

...в подмогу следует у Мея ниже, после слов: *Войну не слабым женщинам вести!*

Стр. 455. Слова шляхтичей от: *Дай денег* до: ...в поход в переводе Мея отсутствуют; конец той же реплики от слов: *Сейм истощил вконец нас* у Мея принадлежат Опалинскому, как и следующая реплика: *Нам очень нужно денег, патронесса!*

Стр. 455—457. Текст драмы от слов: *В с е . Ты будешь царицей — или мы сложим головы!* до *Ш л я х т и ч и . Заботливость какая! Ты все видишь...* в переводе Мея отсутствует.

Стр. 457. *Броней покройся и — вторая Ванда — // Сама веди бесстрашные дружины.*— Ванда — легендарная польская красавица королева, которая во главе своего войска вышла навстречу войску чужеземца, снарядившего против нее поход.

Стр. 458. Незаконченная реплика Марины: *Почто...* в переводе Мея отсутствует.

Стр. 460. Часть реплики Марины от слов: *Скорей узнаю каждое событие...* до: *Текущие туда из-под Смоленска...* в переводе Мея отсутствует.

ВТОРОЙ АКТ

1-й выход

Стр. 461. Часть ремарки: *Пустынный зимний пейзаж* в переводе Мея отсутствует.

Стр. 464. Часть реплики рыбака: *Мертвец восстал, Почивший в бозе ожил!* в переводе Мея отсутствует.

Стр. 468. *Теперь свою державную печаль // Царь восхотел мне возложить на рамо.*— Рамо, рамена (с т а р о р у с с.) — плечо.

2-й выход

Стр. 476. *Вот это — кремль в Чернигове белеет... // А дальше — вои сверкают купола // Сам Новгород то Северский.*— Ошибка Шиллера: от Чернигова до Новгорода-Северского свыше ста пятидесяти километров, так что увидеть их одновременно невозможно.

3-й выход

Стр. 478. Реплика Олега: *Бегите, спасайтесь...*— в переводе Мея отсутствует.

Стр. 479—481. Текст драмы от слов Петрушки: *Вон идет посадник* до конца сцены в переводе Мея отсутствует и заменен ремаркой: «Входит посадник и начинает читать манифест Дмитрия. Между поселянами заметно колебание, и они делятся на две стороны. Поселянки первые склоняются в пользу Дмитрия и дают перевес его партии».

Стр. 481—489. *План дальнейших действий* составлен Кернером по материалам рукописей Шиллера. Впервые опубликован, как и весь фрагмент «Деметриус», в 1815 году.

ПРОЗА

Прозаическое наследие Шиллера, за исключением специальных работ по вопросам эстетики и истории, чрезвычайно невелико.

Первые юношеские опыты Шиллера в области прозы относятся к началу 80-х годов — «Прогулка под липами», «Великодушнейший поступок из новейшей истории» и некоторые другие.

Несравненно больший интерес представляют публикуемые в этом томе прозаические сочинения зрелого Шиллера. Динамика повествования и блестящее мастерство психологических характеристик, сочетающиеся в этих подлинно просветительских произведениях с пропагандой передовых идей времени, делают прозу Шиллера значительным явлением немецкой литературы конца XVIII столетия.

ПРЕСТУПНИК ИЗ-ЗА ПОТЕРЯННОЙ ЧЕСТИ

Новелла написана в 1786 году и впервые напечатана под заглавием «Преступник из-за позора». Настоящее название поэт дал ей в 1792 году, подготавливая для печати сборник своих прозаических произведений разных лет. В основе повести лежат действительные события — история жизни и гибели предводителя одной из разбойничьих банд, орудовавших в Вюртембергском герцогстве в середине XVIII столетия, — Иоанна-Фридриха Шванна, казненного тридцати одного года от роду. Известный под именем «хозяин «Солнца», Шванн принадлежал к наибо-

лее прославленным разбойничьим атаманами своего времени, к одному из тех, кто был окружен в народном представлении своеобразным романтическим ореолом мстителей за унижения и несправие простых людей. Судьей Шванна был отец преподавателя Карлсшале — Якоба-Фридриха Абеля, от которого, должно быть, впервые слышал Шиллер рассказ об этом происшествии. Перу профессора Абеля принадлежит письменная биография Шванна — «История одного разбойника», вошедшая в издаваемое им с 1784 года трехтомное сочинение «Собрание и объяснение замечательных явлений человеческой жизни». Эта «История» и является основным источником повести Шиллера; она появилась в печати в 1787 году, годом позднее опубликования «Преступника из-за позора», в журнале «Талия», но Шиллер, несомненно, был знаком с ней раньше. Сравнение обоих произведений говорит об их чрезвычайной фактической близости, доходящей иногда до текстуальных совпадений, и в то же время о своеобразии и значительности шиллеровской идеи. Если у Абеля рассказ о Фридрихе Шванне — всего лишь психологический этюд, из которого автор делает выводы о «предопределенности» человеческой судьбы, то под пером Шиллера он приобретает совершенно иную окраску — превращается в изображение феодально-абсолютистских порядков, общественного строя, уродующего человека, доводящего до преступления людей часто невинных, безжалостного в наказании «малых мира сего».

«...За то, что ты подстрелил нескольких кабанов, которым князь дает жиреть на наших пашнях и лугах, они затаскали тебя по тюрьмам и крепостям, отняли дом и трактир, сделали тебя нищим. Неужели дошло уже до того, брат, что человек стоит не больше зайца? Неужели мы не лучше скотины в поле?..» — вот мысль, пронизывающая шиллеровскую повесть. В «Преступнике из-за потерянной чести» отчетливо слышен страстный и протестующий голос автора «Разбойников» и «Коварства и любви».

По цензурным соображениям Шиллер не указывает места действия своей повести, но в области, которую «можно было отнести в ту пору еще меньше, чем теперь, к просвещенной Германии», читатель без труда узнает все тот же феодальный Вюртемберг, где сам поэт чуть не сделался жертвой княжеского произвола и судей, спешащих по приказу своих феодальных властителей заглянуть «в книгу законов, но... не в душу обвиняемого».

Стр. 495. *Линней* Карл (1707—1778) — знаменитый шведский естествоиспытатель, творец известной классификации животного и растительного мира.

Борджиа Цезарь (1476—1507) — сын папы Александра VI, знаменитый своими преступлениями и жестокостью.

Стр. 497. *Цикуга* — ядовитое болотное растение.

Стр. 503. *...меня словно подмывало глумиться над княжеским указом...* — Имеется в виду закон, по которому охота считается исключительно княжеской привилегией; крестьянскому населению было запрещено охотиться даже на своих землях и ограждать свои участки заборами от потрав диких зверей. Уличенные в недозволенной охоте крестьяне подвергались жестоким наказаниям, вплоть до смертной казни. Громадный ущерб, причинявшийся крестьянам потравами охотничьих команд, доходивших иногда до нескольких тысяч человек, тяжкие повинности (корм для собак и лошадей и пр.), жестокие наказания за самовольную охоту — все это сделало охоту ненавистнейшей в глазах народа привилегией господ.

Стр. 505. *Немецкая миля* — немецкая географическая миля, $\frac{1}{15}^\circ$ экватора; в феодальной Германии в разных государствах существовали различные, произвольные мили, отличавшиеся от географической.

Стр. 512. *Семилетняя война* (1756—1763) — война Пруссии и Англии против Австрии с ее имперскими союзниками и Франции, закончившаяся победой Фридриха над Саксонией, ростом могущества Пруссии.

И Г Р А С У Д Ь Б Ы

Рассказ написан и впервые напечатан в 1789 году в журнале «Немецкий Меркурий». Все действующие лица этого «отрывка из хроники» имеют свои исторические прототипы, которых без труда узнавали современники поэта. Государь, при дворе которого происходят описываемые события, — герцог Карл-Евгений; Иосиф Мартиненго — граф Самуил-Фридрих де Монмартен, всемогущий министр герцога Вюртембергского; Алоизий фон Г*** — тайный военный советник, генерал Ригер, бывший одним из наиболее влиятельных фаворитов герцога до того дня 1762 года, когда по доносу Монмартена он был лишен всех своих

привилегий и брошен в тюрьму. Заглавие рассказа — своего рода эзопов язык, к которому прибегает здесь поэт, чтобы его произведение могло увидеть свет. Рассказ написан Шиллером отнюдь не для иллюстрации мысли о непрочности человеческого счастья и «капризах» «легкомысленной фортуны». Перипетии судьбы Ригера, тупого реакционера, безжалостного истязателя солдат, верной креатуры герцога Карла-Евгения, сами по себе вряд ли могли особенно заинтересовать поэта. И все же Шиллер четырежды в своих произведениях так или иначе упоминает о деле Ригера — в «Разбойниках» («Этот рубин снят с пальца одного министра... Падение предшественника послужило ему ступенью к высоким почестям...»), в стихотворении, написанном в 1782 году, «На смерть его превосходительства, безвременно скончавшегося генерала фон Ригера», в «Коварстве и любви», где президент фон Вальтер безусловно имеет своим прообразом Монмартена («Президент. ...Ради кого я расторг союз со своей совестью и небом? Послушай, Фердинанд... Кому я освободил место, убрав моего предшественника?..»), и, наконец, в «Игре судьбы». В чем же причина такого упорного возвращения Шиллера к этой проблеме? Оно становится понятным, если вспомнить, что в той самой крепости Гогенасперг, где провел четыре года Ригер и куда он позднее, получив герцогское прощение, был назначен комендантом, томился в течение десяти лет (1777—1787) революционный поэт Христиан-Даниель Шубарт, которого юный автор «Разбойников» посетил в 1771 году. Ригер был жестоким тюремщиком, настоящим мучителем Шубарта, и именно это прежде всего имеет в виду Шиллер, говоря в финале своего рассказа: «Можно было предположить, что он проявит в обращении с заключенными человечность, ценить которую он должен был научиться на собственном опыте. Но его обращение с арестованными было суровым и неровным». Упоминание о Ригере было для Шиллера способом привлечь внимание к трагической участи Шубарта, жертвы княжеского произвола, — участи, которая явилась страшным предостережением и самому молодому драматургу. И хотя в то время, когда Шиллер писал свой рассказ, Шубарт, искалеченный физически и духовно, уже покинул казематы крепости, Шиллер снова напоминает о его судьбе, воскрешая одну из самых позорных страниц немецкой истории — нравы и методы вюртембергского двора, знакомство с которыми навсегда сделало поэта непримиримым противником феодального строя.

Стр. 523. ...он совершил ту же ошибку, что и Ришелье, предоставивший Людовику XIII для забавы юного Ле Гран.— Очевидно, имеется в виду Сен-Мар, которого Ришелье хотел сделать своим орудием для влияния на короля, но который, сделавшись фаворитом Людовика, начал пользоваться самостоятельным политическим влиянием и решил употребить его на то, чтобы низвергнуть кардинала. Однако заговор был открыт Ришелье, сумевшим восстановить короля против Сен-Мара. Последний был казнен как государственный преступник 18 марта 1642 года.

ДУХОВИДЕЦ

Наиболее крупное из прозаических произведений Шиллера, роман «Духовидец», печатался небольшими отрывками в журнале «Талия» за 1787—1789 годы. Шиллер не закончил этого романа и, несмотря на его огромный успех, называл его не иначе как «маранием» и «фарсом». Быть может, объяснение этой отрицательной оценки самого автора следует искать в том, что «Духовидец» написан в период напряженных поисков писателем новой тематики и новых форм, которые Шиллер находит только почти десятилетием позднее, снова обратившись к своему исконному жанру — драматургии. «Духовидец» и стихотворения «Боги Греции» и «Художники» — последнее, что пишет Шиллер, перед тем как надолго отказаться от художественного творчества. В основе этого увлекательного, превосходно написанного и, в этом смысле, слишком сурово оцененного Шиллером романа лежит чисто просветительская идея — разоблачение громадного заговора обскурантизма против передовых идей XVIII столетия, который свил себе гнездо в аристократических салонах Европы в годы, предшествовавшие французской буржуазной революции 1789 года. Расцвет всевозможных тайных братств религиозно-мистического толка, падающий, как ни парадоксально может это показаться на первый взгляд, именно на «просвещенный» XVIII век, повальное увлечение поисками «философского камня», «жизненного эликсира» и прочих «универсальных средств», проникновение в великосветские салоны изобретенных незадолго до этого электростатических машин и проекционных фонарей, нередко служивших орудием в руках шарлатанов,

спекулировавших на достижениях науки,— вот вполне реальные «приметы времени», которые воспроизводит Шиллер в своем романе.

Внешним толчком к написанию романа послужил, очевидно, напумевший процесс о краже ожерелья французской королевы Марии-Антуанетты, в которой был замешан знаменитый Калиостро, пользовавшийся огромной популярностью среди аристократических кругов Германии и во время начала печатания шиллеровского «Духовидца» еще находившийся на свободе. Этот процесс должен был быть предметом непосредственного интереса в кружке Шиллера — Кернера, так как история с ожерельем разорила одного из соседей и приятелей Кернера, ювелира Бассанжа. Черты Калиостро несомненно присутствуют в двух персонажах романа: в обманщике-сицилианце и в его «шефе» — таинственном армянине, оказывающемся, как можно заключить по наброску финала, одним из важнейших деятелей ордена иезуитов. Сюжетный стержень романа образует история немецкого принца, приехавшего в Венецию и ставшего здесь жертвой невидимой, но могущественной организации иезуитов, цель которой — обратить принца в католичество и посадить его на престол, где он был бы их послушным орудием. Принц, действующий в «Духовидце», скорее всего не имеет конкретного прототипа. Но весь тот мир, который выводит в своем романе Шиллер, — все эти «духовидцы»-мистификаторы, интриганствующие кардиналы, маркизы-аферисты, мошенники-монахи и «разочарованные» принцы, приход которых к власти неотделим от преступления (автор не успевает подробно разработать этот мотив, хоть и несколько раз подчеркивает его), — вся эта камарилья, оказывающаяся к тому же игрушкой в руках мракобесов-иезуитов, не могла не восприниматься читателем как откровенная ирония по адресу феодально-абсолютистского строя, которого никакие темные силы, Калиостро и Сен-Жермены, не могли уже спасти от суда разума. Шиллер заканчивает печатание своего так и не законченного «Духовидца» в год начала французской буржуазной революции 1789 года. И когда герой романа говорит о своем «государе»: «Разве вы поклонились бы ему на улице, если б судьба не сделала его вашим господином? Клянусь богом, великое дело — носить корону!» — в этом ироническом выводе безусловно слышен голос самого автора, который, как и другие лучшие писатели-просветители, причислял к опаснейшим предрассудкам своего времени не только веру в духов

или «животный магнетизм», но и веру в правомерность современного ему общественного порядка.

Стр. 535. *Возвращаясь в 17** году в Курляндию...*— Действие романа происходит между 1774 (год смерти папы Ганганелли, о котором говорится в тексте) и 1787 годом — началом опубликования «Духовидца» в «Талии».

*С принцем мы встретились на военной службе в*** армии и сейчас возобновили знакомство, прерванное заключением мира.*— Имеется в виду Семилетняя война и Губертсбургский мир 1763 года.

Стр. 539. *Принца встретили три нобиля Республики.*— Нобили — лица высших сословий Венеции, представители наследственного дворянства.

Стр. 544. *...авантюрист из Палермо, в военной форме, выдававший себя за капитана.*— Описание, напоминающее портрет Калиостро.

Стр. 548—549. *Вызовите-ка папу Ганганелли! Может быть, он сообщил бы нам, от какой болезни он умер.*— Римский папа Клементий XIV, издавший буллу о запрещении ордена иезуитов. Причины его смерти остались невыясненными. Предполагалось, что он был отравлен.

Стр. 549. *В бою при Гастинбеке он получил смертельную рану.*— Гастинбек — деревня неподалеку от Ганновера, где в 1757 году французские войска одержали победу над англичанами. Судя по тому, что принц в Семилетней войне принимал участие на стороне французов, он принадлежит к одному из южногерманских княжеских родов.

Стр. 557. *В миноритском монастыре на Джудекке...*— монастырь католического ордена францисканцев. Джудекка — один из многочисленных островков, на которых расположена Венеция.

Стр. 558. *...который долго прослужил у одного прокуратора...*— Прокураторы — девять высших сановников Венеции, из которых выбирались дожи.

Стр. 564. *Фамагуста* — город на восточном берегу Кипра.

Стр. 565. *Многие считают его знаменитым Аполлонием Тианским.*— Философ новопифагорейской школы, странствующий «пророк» и «чудотворец», родом из малоазийского города Тианы, живший в I в. н. э. В его явно фантастической биографии, составленной в III веке софистом Филостратом, ему приписывалась способность предсказания будущего,

изгнания бесов, воскрешение мертвых, чудесных исчезновений и т. п.

Стр. 566. *Каббала* — религиозно-мистическое иудейское учение, распространившееся в Южной Европе в XIII веке. Презрение к земному миру и стремление к миру «потустороннему», составлявшее основу каббалы, характерно для многих магических и мистических «школ» средневековья.

Стр. 571. ...он... был глубоко убежден в сношениях философов с саламандрами и сильфидами.— В средневековых повериях, в магии и у алхимиков саламандры — духи, якобы живущие в огне и олицетворяющие стихию огня; сильфиды — духи, олицетворяющие стихию воздуха.

...в свидетели я призывал непогрешимого графа Габалиса.— Герой романа Н. де Монфокона (аббата Вильяра) «Граф Габалис, или Рассуждения о тайной науке», впервые изданного в Париже в 1670 году.

Стр. 587. *Гаррик* Давид (1716—1779) — выдающийся английский актер.

Стр. 595. ...процветало одно тайное общество, называвшееся «Буцентавр». — Так называлась великолепная галера, на которой с 1311 года совершался обряд «венчания» венецианских дождей с морем. По имени этой галеры и названо, очевидно, общество, в которое вовлечен принц.

Стр. 613. *Будущее! Вечные идеалы!* и далее... — В январе 1789 года Шиллер писал сестрам Ленгфельд: «Эти дни я наслаждался работой над «Духовидцем»; но он почти поколебал мое христианство, которое, как известно, не могли поколебать все силы ада. Случайно мне пришлось ввести сюда философский разговор, который необходим мне для того, чтобы охарактеризовать свободомыслящую эпоху, которую переживает мой принц. При этом у меня зародились некоторые идеи, которые вы там легко найдете...»

Стр. 615. *«Брак в Кане Галилейской»* — прославленная картина знаменитого итальянского художника Веронезе (П. Кальяри; 1528—1588), представителя поздней венецианской школы.

Стр. 620. *Элоиза* — ученица и возлюбленная известного средневекового философа Абеляра, еще в юности насильно с ним разлученная, но сохранившая ему верность и любовь всю свою жизнь.

Стр. 626. *Ему показалось, что он похож на одного владельца*

зеркальной мастерской в Мурано...— Производство знаменитых венецианских зеркал, изготовлявшихся на о. Мурано, близ Венеции, длительное время окружалось строжайшей тайной, охраняемой цеховыми запретами. Сходство провожатого прекрасной гречанки с владельцем зеркальной мастерской в Мурано подчеркивает черты таинственности и скрытности в облике незнакомца.

Стр. 639. *Высокий Совет Венеции* — Совет нобилей, выбиравший венецианский сенат, состоявший при доже.

Стр. 639. *Кьоджа* (Кьоцца) — город к югу от Венеции.

Л. ЛОЗИНСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМЫ

Орлеанская дева. Романтическая трагедия. <i>Перевел В. Жуковский</i>	7
Мессинская невеста, или Враждующие братья. Трагедия с хорами. <i>Перевел Н. Вильмонт</i>	163
Вильгельм Телль. Драма. <i>Перевел Н. Славягинский</i> . . .	271
Дмитрий Самозванец. Неоконченная трагедия. <i>Перевел Л. Мей</i>	427

ПРОЗА

Преступник из-за потерянной чести. Истинное происшествие. <i>Перевела И. Каринцева</i>	493
Игра судьбы. Отрывок из хроники. <i>Перевела Т. Кондакова</i>	519
Духовидец. Из воспоминаний графа фон О***. <i>Перевела Р. Райт</i>	533
Комментарии. <i>Л. Лозинская</i>	649

Фридрих Шиллер
Собрание сочинений, том 3.

Редактор *Б. Арон*

Художник *Г. Фишер*

Художеств. редактор *А. Ермаков*

Техн. редактор *Д. Ермоленко*

Корректор *А. Иванова*

Сдано в набор 19/1 1956 г. Подпи-
сано к печати 22/V 1956 г. А06760.
Бум. 84×108³/₃₂—43³/₄ печ. л.= 35,46
усл.-печ. л. 29,87 уч.-изд. л. Тираж
75 000 экз. Заказ № 1189. Цена 12 р.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

3-я типография «Красный проле-
тарий» Главполиграфпрома Мини-
стерства культуры СССР.

Москва, Краснопролетарская, 16.

